ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОЛОГО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН "АЛТАЙ"

ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ

известия лаборатории археологии №4

г.Горно-Алтайск 1999

Сборник научных статей

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ББК 63.4 **(2 Рос=Алт)**

Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №4. Межвузовский сборник научных трудов. - Горно-Алтайск: Изд.ГАГУ, 1999 г. - 206 с.

Редакционная коллегия: В.И. СОЁНОВ (ответственный редактор)
А.В. Эбель

В.И. СОЁНОВ, составление, 1999 г ©

Горно-Алтайский государственный университет, 1999 г. ©

Эколого - экономический регион

"Алтай" -

вершина налогового планирования!

Наше стремление к лидирующему положению в бизнесе приятно удивит Вас квалифицированностью, обусловленной 8-летним опытом работы, надежностью и полным спектром консалтинговых услуг, предоставляемых для наших клиентов.

Дирекция ЭЭР "Алтай, а также региональные представительства, секретарские компании, уполномоченные банки, окажут помощь своим клиентам на протяжении всего процесса регистрации и ведении Вашего бизнеса.

Дирекция ЭЭР "Алтай"
659700: Российская Федерация, Республика Алтай,
г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 6
тел: 3-27-71, 3-23-17,факс: 3-17-70.
Адрес ЭЭР "Алтай" в системе электронной почты
ROOT (й) **EER. GORNY. RU.**

Контактные телефоны представительств эколого-экономического региона "Алтай"

Москва	**(095) 208-92-30**	**Барнаул**	**(3852) 24-26-66**
	(095) 209-63-22		**(3852) 26-34-85**
	(095) 262-98-37	**Новосибирск**	**(3832) 17-33-81**
	(095) 176-76-32		**(3832) 23-56-54**
	(095) 208-52-58		**(3832) 66-62-21**
	(095) 236-34-85		**(3832) 22-05-09**
	(095) 267-60-18	**Кемерово**	**(3842) 36-11-58**
	(095) 959-16-60		**(3842) 36-76-37**
Санкт-Петербург	**(812) 542-90-57**	**Красноярск**	**(3912) 49-44-38**
	(812) 234-07-86		**(3912) 23-75-86**
	(812) 246-92-73	**Иркутск**	**(3952) 27-61-59**
Тольятти	**(8469) 40-65-13**	**Томск**	**(3822) 22-57-48**
Ниж.Новгород	**(8312) 34-23-70**		**(3822) 22-58-92**
Астрахань	**(8510) 22-57-15**	**Новокузнецк**	**(3843) 45-09-22**
Киев	**(044) 269-30-35**	**Омск**	**(3812) 25-05-57**
Харьков	**(0572) 40-93-19**		**(3812) 23-05-23**
Ижевск	**(3412) 78-58-64**		**(3812) 25-15-23**
	(3412) 23-62-22		**(3812) 41-37-80**
Пермь	**(3422) 48-03-31**		**(3812) 33-70-16**
Екатеринбург	**(3432) 29-71-57**	**Владивосток**	**(4232) 46-70-97**
Киров	**(8332) 23-49-11**	**Хабаровск**	**(4212) 23-60-01**
Воронеж	**(0732) 71-20-30**	**Нижневартовск**	**(3466) 22-17-89**
Челябинск	**(3512) 33-08-76**	**Казань**	**(8432) 22-66-13**
Бийск	**(3854) 22-53-87**		

АДРЕСА СЕКРЕТАРСКИХ КОМПАНИЙ И УПОЛНОМОЧЕННЫХ БАНКОВ

СК "Веритас"
659700, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 13, тел. (38822) 3-15-29

СК "Алтайэнергобанк"
659700, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Северная, 6, тел. (38822)
2-29-25

СК "Канцлер"
659700, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Г.И.Чорос-Гуркина,29, тел. (38822)3-11-65

СК "РВФ"
659700, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 4, т. (38822) 2-29-25

УБ "Эл-Банк"
659700, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 3. тел. (38822)
2-21-09

УБ "Ами Банк"

101000, г.Москва, Уланский пер., д. 13, стр. 1, тел. (095) 208-52-58 У Б "Атлант Банк"

109180, г. Москва, ул. Б.Полянка, 3/9, тел. (095) 959-16-60 УБ "Алтайэнер-

гобанк"
659700, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Северная, 6,
тел. (38822)2-61-04

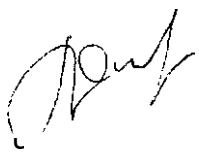
АКБ "Ноосфера"
659700. Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул. Социалистическая. 9, тел.(38822)3-26-52

ОТ РЕДАКТОРА

Наше общество десятилетиями жило не в соответствии с законами общественного развития, а по воле компартии и, в конечном счёте, пришло в глубочайший системный кризис. Казалось, теперь то мы должны учесть печальный опыт и с особым рвением обязаны изучать историю человечества и законы, движущие общественный прогресс. Но, как ни парадоксально, до сих пор накопление знаний и развитие гуманитарных наук многим нашим согражданам кажется абсурдной избыточностью. Это крайне раздражённые люди. Они говорят: "Какая наука, если нам есть нечего?" Это было бы просто печально, если бы это было не так страшно. Но есть, слава Богу, и другая категория людей, которая видит закономерности развития человечества и осознаёт наши конкретные цели. Эта категория людей понимает ответственность наших современников в развитии социальной реальности (т.е. истории, языка, культуры) перед будущими поколениями.

Сегодня хотелось бы отметить, что мы, начав с 1995 года издание ежегодника "Известия лаборатории археологии", вынуждены были искать поддержку финансового характера. Честно говоря, мы не слишком то и рассчитывали на содействие со стороны, но обратившись в Дирекцию Эколого-экономического региона "Алтай", получили финансовую поддержку. Причём не только очередного номера ежегодника, а так же двух последующих номеров.

В результате знакомства с ЭЭР "Алтай" и в процессе общения с сотрудниками Дирекции, мы сделали для себя важный вывод: там работают не узкопрофильные специалисты, а люди способные оценивать общественную перспективу на философском уровне. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Дирекции Эколого-экономического региона "Алтай" от имени всех авторов и читателей ежегодника "Древности Алтая. Известия лаборатории археологии."



СОДЕРЖАНИЕ

Деревянно А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А. Археологические материалы плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры 8

Кунгуров А.Л., Шульга П.И. Находки каменного века в-устье р.Каралька (Средняя Катунь)....16

Г***рушин СП.*** Результаты исследования памятников археологии в Угловском районе Алтайского края в 1997-1998 гг 22

Шмидт А.В Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита....32

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Мажелик I в Онгудайском районе....37

Уманский А П. Некоторые материалы из раскопок Бийского музея близ села Степной Чумыш в 1963 году 48

Кунгурова Н.Ю., Ситников СМ. Материальная культура жителей поселения Советский Путь -1....53

Вареное А.В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая....60

Дёмин М*.А* ***, Ситников СМ.*** Могильник Чекановский Лог**-10** - новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая....66

Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Горного Алтая 72

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев....79

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы)....88

Киреев СМ. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века....100

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катыи 108

Мамадаков Ю.Т., Марсадолов Л.С, Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А. Исследования в урочищеЧичке на юго-востоке Алтая....120

Соловьев А.И Исследования могильника Усть-Чоба -**1** на Средней Катуни 132

Соёнов В.И Раскопки на могильнике Сары-Бел....143

Худяков Ю.С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана....162

Кан Ин Ук, Богданов Е.С, Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея....170

Худяков Ю.С, Алкин СВ., Юй Су-Хуа Сяньби и Южная Сибирь....174

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт — хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) 180

Худяков Ю.С, Цэвээндорж Д. Средневековое впускное коллективное захоронение из могильника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гобийском Алтае 184

Соёнов В.И., Исов А.В Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая....194

Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая....198

Маточкин Е.П., Ильин СБ., Дьяченко АМ. Сцены плодородия на скалах Аргута....211

Тадина Н.А., Ябыштаев СИ. Почитание природных хранителей сеока - рода....214

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А. (г. Новосибирск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПРЕДВХОДОВОЙ ПЛОЩАДКИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Культурно-хронологическая колонка плейстоценовых отложений Денисовой пещеры является в настоящее время одним из наиболее представительных источников археологической и палеогеографической информации по древнейшей истории Алтая. Пещера находится на северо-западе региона, в низкогорной долине р. Ануй. В процессе многолетних комплексных исследований в глубине центрального зала пещеры и на её предвходовой площадке вскрыты мощные толщи рыхлых отложений, принадлежащих к различным геологическим подразделениям плейстоцена (Деревянко и др., 1985, 1993,1997). Основной объём археологических данных и биостратиграфических данных получен из толщи отложений центрального зала. Практически на всех стратиграфических уровнях этого разреза обнаружены следы обитания первобытного человека, отражающие развитие древних культурных традиций от ранних этапов эпохи мустье до заключительной стадии палеолитического времени. Не менее представительные наборы каменного и костяного инвентаря зафиксированы в плейстоценовых отложениях предвходовой площадки. Эти материалы образуют важную составную часть общей коллекции артефактов и позволяют более аргументировано судить о характере палеолита Денисовой пещеры.

Первые сведения о литологическом строении отложений предвходовой площадки и облике связанных с ним палеолитических индустрии получены в результате работ 1989 г. (Деревянко и др., 1990). У входа в пещеру была вскрыта толща плейстоценовых отложений, заполняющая узкую колодцеобразную полость между субвертикальными боковыми стенами, образованными выходами коренных пород. Разрез общей мощностью до 8,5 м состоял из 15 стратиграфических подразделений, отвечающих двум циклам осадкона-копления - субаквальному (слои 15-11) и склоновому (слои 10-1). По ряду особенностей залегания и отличиям в структуре осадка плейстоценовая толщина подразделялась на три пачки отложений.

Нижняя пачка (слои 15-11 общей мощностью до 3,5 м) образована чередованием прослоев песков (мелко- и тонкозернистых, желтовато-серых и охристо-желтых оттенков), супесей (отмытых, светлых желто-коричневых) и глин (флюидально-слоистых, от серых, почти белых, до шоколадно-коричневых тонов). В разрезе чётко выделялась мелкая волнистость слоистых осадков, приобретенная в процессе постседиментационных деформаций. Образование этой пачки отложений связано с длительным существованием у входа в пещеру локального слабопроточного водоёма, питавшегося родниковыми водами.

Средняя пачка (слои 10-5 общей мощностью до 3,5 м) состоит из переслаивания суглинистых и щебнисто-дресвянистых осадков. Прослои суглинков средних и тяжелых, коричнево-серых и коричнево-желтых тонов, с отдельными гумуси-рованными пятнами, с редко рассредоточенными мелкими угольками и включениями сажи. Суглинки неравномерно насыщены обломочным материалом (проективная площадь обломков - от 10 до 40 %). Щебнисто-дресвянистые горизонты цементированы лёгким и средним суглинком серых и буровато-коричневых тонов. В отложениях всех стратиграфических подразделений этого интервала разреза зафиксирован археологический материал эпохи палеолита.

Верхняя пачка (слои 4-1 общей мощностью до 3 м) - грубообломочные глыбово-щебнистые отложения преимущественно гравитационного происхождения с суглинисто-дресвянистым заполнителем тёмно-бурых и пепельно-серых оттенков.

Для хронологического членения толщи плейстоценовых отложений были использованы лито-логические, палеофаунистические и палинологические показатели, подкрепленные данными физических и радиологических методов датирования (Деревянко и др., 1998).

Палеомагнитная характеристика разреза, выполненная З.Н.Гнибиденко, отметила для большей части отложений прямую полярность, свойственную эпохе положительной намагниченности Брюнес. Вместе с тем в интервале, включающем кровлю слоя 11 и слой 10, зафиксирован горизонт обратной полярности. Он сопоставлен с эпизодом обратной намагниченности Блейк, в пределах 104-120 тыс. лет. Палеомагнитный эпизод Блейк определяет геологический возраст нижнего культуросодержащего слоя 10 казанцев-ским (куэхтанарским) временем. Данные споро-пыльцевого анализа и остатки мелких млекопитающих из этих отложений позволяют предполагать, что его накопление происходило, а условиях тёплого и умеренного влажного климата межлед-никовья.

Осадок слоя 9 формировался после длительного седиментационного перерыва. Количественное соотношение различных таксонов и экологических групп в составе растительности и животного мира свидетельствуют о распростра-

нении в то время лесных ассоциаций. По своему стратиграфическому положению слой 9 может соответствовать ермаковскому (чибитскому) времени. Этому предположению в целом не противоречит и РТЛ-дата слоя 9 - 50 ± 12 тыс. лет (РТЛ-608).

Пыльцевые спектры отложений слоя 8 указывают на сокращение площади лесов, а состав мелких млекопитающих - на расширении нивальных биотопов. Эти данные свидетельствуют об ухудшении климатической обстановки, произошедшей, очевидно, на заключительном этапе ермаковского времени.

В эпоху формирования слоя 7 произошло относительное восстановление лесных массивов и заметное расширение площади разнотравных лугов в условиях прохладного и влажного клима- та. В целом слой 7 по ряду признаков наиболее близок палеогеографическим характеристикам слоя 11 центрального зала пещеры. Это обстоятельство позволяет предполагать для отложений слоя 7 каргинский (бельтирский) возраст.

Природная обстановка в период накопления слоя 6 отличалась наибольшим сокращением лесных и луговых биотопов, увеличением и ниви-альных сообществ при относительно холодном и сухом климате, что, очевидно, соответствует условиям сартанского (аккемского) времени.

Завершилось формирование разреза на рубеже плейстоцен-голоцена. Для кровли плейстоценовых отложений получено три радиоуглеродных измерения, выполненных по углю их стратиграфического слоя 1-10800 ±40 лет (СОАН -2865), 10690 + 65 лет (СО АН-2866) и 9890 ± 40 лет (СО АН-2864).

В процессе раскопок 1989 г. в средней части плейстоценовых отложений предвходовой площадки было выявлено шесть уровней залегания археологического материала: слои 5 и 6 содержали верхнепалеолитический инвентарь, слой 7 -артефакты начальной поры верхнего палеолита, слой 8 - материал переходного этапа от мустье к верхнему палеолиту, слои 9 и 10 включали каменные индустрии мустьерского облика.

Исходным сырьём для каменных индустрии служил галечный материал неоднородного петрографического состава из руслового аллювия р. Ануй. Палеолитические обитатели пещеры не ограничивались одним универсальным видом сырья, а использовали различные породы, среди которых основными являлись эффузивы, песчаники, алевролиты и роговики. Показатели распространения пород в отложениях русла р. Ануй и частоты их использования для изготовления орудий свидетельствуют о преднамеренном отборе сырья первобытным человеком. Так, по данным НА. Кулик, в русловом галечнике и среди орудий на долю эффузивов приходится соответственно 11,5% и 45,4%, песчаников - 43,7% и 34,4%, алевролитов - 10,4% и 13,1%, роговиков -3% и 6,7%. Сырьё не местного происхождения использовались крайне редко. В его состав входят горный хрусталь, предположительно, из месторождения у Белокурихинского гранитоидного массива и сургучные яшмоиды из долины р. Песчаная.

Установлены определенные различия в составе пород, которые использовались в мустьерское и верхнепалеолитическое время. Так, в эпоху мустье чаще применялись песчаники и эффузивы. Верхнепалеолитические орудия, напротив, в большинстве случаев изготовлены из алевролитов и роговиков. Увеличение в верхнем палеолите числа орудий из редко встречающихся пород свидетельствует о более тщательном отборе каменного сырья в это время. Образцы импортного сырья также принадлежат, главным образом, к верхнепалеолитическому комплексу артефактов.

Наиболее древний этап заселения предвходовой площадки представлен мустьерской индустрией слоя 10, которая насчитывает 569 артефактов: 4 нуклеуса и 2 сработанные нуклевидные формы (1,1%), 10 пластин и 289 отщепов (52,5%), 201 обломок и чешуйка (35,3%), 63 орудия (11,1%).

К нуклеусам относятся 2 экземпляра для параллельного скалывания заготовок (однопло-щадочный монофронтальный и двуплощадочный бифронтальный), треугольное ядрище леваллуа и монофронтальная форма, выполненная, в технике радиального расщепления.

Большинство сколов имеют параметры 2-6 см, параллельную огранку дорсала и гладкую ударную площадку. К заготовкам леваллуа относятся 6 отщепов, 3 пластины и 9 треугольных сколов, из них 5 изделий имеют площадки типа chapeau de gendarme. Технические показатели приёмов расщепления представлены в следующих значениях: IFlarge - 8,5; IFstrict - 5,3; ILam -10,3; IL - 5,1. В качестве заготовок для производства орудий использовались отщепы (61,9%), пластины (6,3%), расщепленные гальки (4,8%) и сколы леваллуа.

Типологический перечень индустрии включает: 14 изделий леваллуа (5 отщепов, 2 пластины, ретушированный и 4 простых остроконечника, 2 атипичных ретушированных остроконечника), 3 мустьерских остроконечника, 11 скрёбел (6 продольных, 2 диагональных, 2 поперечных и угловатое), угловой резец, 3 ножа (2 с реберчатым обушком и с естественным обушком), 10 выемчатых форм (8 с ретушированными и 2 с клектонскими анкошами), зубчатое орудие, 5 клювовидных и 4 шиловидных острия, 6 отщепов с ретушью, 3 пластины с ретушью, чоппинг и овальный бифас.

Каменный инвентарь слоя 9 содержит 833 артефакта: 4 нуклеуса и 8 нуклевидных обломков (1,4%), 10 галек со следами расщепления (1,2%), 24 пластины и 360 отщепов (46,1%), 307 обломков и чешуек (36,8%), 120 орудий (14,4%).

Среди нуклеусов с чёткой морфологией 2 одноплощадочных монофронтальных экземпля-

ра предназначены для параллельного скалывания заготовок и 2 монофронтальных изделия имеют радиальную ориентацию снятий.

Основное количество сколов составляют отщепы величиной 2-6 см с параллельно ограненным дорсалом и гладкой ударной площадкой. Продукты левалуазского расщепления насчитывают 10 отщепов, 17 пластин и 10 треугольных сколов; ударные площадки 9 изделий имеют форму chapeau de gendarme. Технические нидексы индустрии выражены в значениях: IFLarge -12,6%; IFstrict - 6,5%; ILam - 21,3%; IL - 7,4%. Орудия оформлены на отщепах (50,8%), пластинах (18,3%) и сколах леваллуа.

В орудийном наборе коллекции присутствуют: 27 изделий леваллуа (8 отщепов, 13 пластин, 6 остроконечников, из них 5 ретушированных), 14 скрёбел (8 продольных, поперечное, двойное продольное, 2 конвергентных, 2 уговатых), 2 боковых скребка, 9 резцов (5 угловых, 2 боковых, срединный и плоский), 4 проколки, 8 ножей (2 с естественным обушком, 2 с реберчатым обушком, 4 с обушком-гранью), 2 тронктированных скола, 9 выемчатых изделий с ретушированными анкошами, 5 зубчатых форм, 9 клювовидных и 6 шиловидных острий, 14 отщепов с ретушью, 5 пластин с ретушью, 2 комбинированных формы и 4 фрагмента орудий.

Сравнительный анализ мустьерских инустрии 10 и 9 слоев демонстрирует в целом их принципиальное сходство. Вместе с тем, по некоторым показателям (индексы пластин, состав верхнепалеолитической группы орудий) наблюдаются существенные различия, которые могут быть связаны как с хронологической последовательностью слоев, так и с неравнозначным общим количеством орудий в двух коллекциях (63 экз. в слое 10 и 120 экз. в слое 9).

Расщепление камня в этих индустриях велось с применением параллельной леваллуазской и радиальной техники, причём преобладало параллельное скалывание. Судя по относительно низким значениям индексов леваллуа технических, приёмы леваллуазского расщепления не имели широкого распространения в процессе первичной обработки камня. Индексы оформления ударных площадок относят индустрии к нефасетированным. Доля пластинчатых сколов среди заготовок слоя 10 не превышает среднего значения, а в индустрии слоя 9 индекс пластин имеет относительно высокий, не характерный для мустьерских слоев пещеры, показатель.

Главные особенности индустрии отражены в показателях количественного распределения орудий по основным группам: леваллуазская группа (ILty) - слой 10 - 22,2; слой 9 - 22,5; мустьерская группа - слой 10 - 32,5 ; слой 9 - 17,7;

Здесь и далее по тексту типологические индексы даны в «основном» (essentiels) исчеслении.

верхнепалеолитическая группа - слой 10 - 2,3; слой 9 - 21,5; группа зубчатых изделий - слой 10 - 2,3, слой 9 - 6,3, а с учётом выемчатых и клювовидных форм соответственно - 37,2 и 29,1.

Одним из основных компонентов инвентаря этих индустрии выступают леваллуазские формы изделий (рис. 1, 3). Группа мустьерских орудий является ведущей в типологическом списке слоя 10 и второй по значению в индустрии слоя 9. Среди собственно мустьерских форм преобладают скребла (рис. 1, ***1, 4-6, 8),*** индекс скрёбел (IR) для слоя 10 - 25,6; для слоя 9 - 17,7; остроконечники представлены тремя образцами в коллекции слоя 10. Зубчатые орудия малочисленны: включают единичный экземпляр из слоя 10 и небольшую серию изделий из слоя 9 (рис. 1,9), однако значение этой группы резко возрастёт, если её объединить с близкими по морфологии выемчатыми (рис. 1, 7) и клювовидными (рис. 1, 2) формами. Существенные различия наблюдаются в составе верхнепалеолитической группы. Если в слое отмечена всего одна форма (угловой резец), то в коллекции слоя 9 присутствуют разнообразные типы резцов, боковые скребки, проколки и тронкированные сколы.

Перечисленные особенности позволяют рассматривать эти индустрии как варианты наиболее близкие традиции мустье типичного, на характер которых заметное влияние оказали изделия леваллуазских и зубчато-выемчатых форм, а коллекцию орудий слоя 9 дополняет хорошо выраженный верхнепалеолитический компонент.

Коллекция слоя 8 состоит из 1310 артефактов: 11 нуклеусов и 9 нуклевидных форм (1,5 %). 9 галек с негативами сколов (0,7%), 38 пластин и 649 отщепов (52,4%), 470 обломков и чешуек (35,8%), 124 орудий (9,5%).

Большинство нуклеусов оформлено в системе параллельного монофронтального скалывания в одноплощадочном (5) и двуплощадочном (1) вариантах. В технике леваллуа выполнено 3 нуклеуса четырёхугольной формы (рис. 2,3). Радиальный принцип расщепления характеризуют 2 монофронтальных изделия.

Основная часть сколов имеет размеры в пределах 2-6 см, параллельно огранённую плоскость дорсала и гладкую поверхность ударной площадки. Количество подправленных ударных площадок (IFLarge) составляет 9,3%, а фасетированных (IFstrict) - 2,7%. В число леваллуазских заготовок входят 4 пластины и 2 треугольных скола (IL - 0,7). Процент пластинчатых сколов (ILam) в этой индустрии равен - 14,9. Орудия оформлены преимущественно на отщепах (68,5%), а также на пластинах (25,8%) и сколах леваллуа.

Типологический список инвентаря составляют: 5 изделий леваллуа (4 пластины и ретушированный остроконечник), 4 остроконечника (2 мустьерских и 2 атипичных), 19 скрёбел (8 продольных, 2 диагональных, поперечное, 2 двойных продольных, продольно-поперечное, 3 конвергентных, угловатое и тройное), 12 скребков (6 концевых, 5 боковых и конвергентный) 2 резца

(угловой и поперечный), 4 проколки, 10 ножей (5 с естественным обушком, 2 с реберчатым обушком, 2 с обушком-гранью и с ретушированным обушком), 3 тронкированных скола, 7 выемчатых (с клектонским и 6 с ретушированными анкошами) и 8 зубчатых орудий, 5 клювовидных и 4 шиповидных острия, 23 отщепа с ретушью, 15 пластин с ретушью, 2 комбинированных орудия и атипичный бифас.

Типологические особенности индустрии выражены в количественных показателях основных групп орудий: леваллуазская группа (ILty) - 4; мустьерская группа (рис. 2, 2, 5, ***7-9, 11)*** - 25,6 (IR -23,2); верхнепалеолитическая группа - 26,8; группа зубчатых изделий - 9, 7 (с учётом выемчатых и клювовидных форм - 24,4).

По сравнению с индустриями нижлежащих слоев в составе инвентаря слоя 8 резко уменьшилась доля леваллуазских изделий. Мустьерская и верхнепалеолитическая группы представлены в равных значениях, причём в составе последней отмечены образцы с ярко выраженной верхнепалеолитической морфологией. В целом, оставаясь в рамках традиции мустье типичного, эта индустрия в значительной мере насыщена характерными верхнепалеолитическими элементами. В культурно-хронологическом отношении коллекция слоя 8, скорее всего, отражает этап постепенного перехода от эпохи мустье к начальной стадии верхнего палеолита.

Каменная индустрия слоя 7 насчитывает 537 артефактов: 6 нуклеусов и 2 остаточные нукле-видные формы (1,5%), расщепленную гальку (0,2%), 61 пластину и 299 отщепов (67%), 82 обломка и чешуйки (15,3%), 86 орудий (16%).

Все нуклеусы этого слоя выполнены в технике параллельного расщепления. Среди них имеются образцы с одной (4) и двумя (2) ударными площадками. Особо следует отметить небольшой нуклеус из сургучной яшмы с негативами серийных снятий микропластин на фронтальной плоскости (рис. 2, 6).

Основная часть сколов по своей морфологии и параметрам аналогична сколам нижележащих слоев. Группа леваллуазских заготовок немногочисленна, состоит из 3 пластин и 2 треугольных сколов. Характерные приёмы расщепления отражены в следующих индексах: IFLarge - 7,6%; IF-stryct - 1,8; ILam - 24,4; IL - 1,1. Ведущей формой заготовки для орудий являлся отщеп (69,8%), остальные инструменты изготовлены на пластинах (24,4%), расщепленных гальках (1,2%) и сколах леваллуа.

Набор орудий включает 4 изделия леваллуа (2 пластины и 2 остроконечника), 9 скрёбел (5 продольных, диагональное, поперечное, двойное продольное и угловатое), 12 скребков (6 концевых, 5 боковых и двойной боковой), 3 резца (угловой, срединный и поперечный), проколку, 2 ножа с обушком-гранью, 9 выемчатых (с клкетонским и 8 с ретушированными анкошами) и 9 зубчатых орудий, 3 клювовидных и 3 шиловидных острия, 16 отщепов с ретушью, 12 пластин с ретушью, чоппер, комбинированное орудие и овальный бифас.

Наиболее показательной в коллекции этого слоя является группа верхнепалеолитических орудий - 29,6%, среди которых преобладают скребки (рис. 2, ***1).*** Эти орудия имеют устойчивые признаки верхнепалеолитической морфологии и хорошо согласуются о характером первичного расщепления, выраженном в достаточно развитой технике пластинчатого скола (рис. 2, 4), включающей элементы микропластинчатого скалывания. Леваллуа-мустьерский компонент индустрии представлен типологически разнообразной серией скрёбел (рис. 2, ***10)*** - IR -16,7 и неболь шой группой левалуазских пластин и остроконечников - ILty - 4,6. Традиционно высокий процент среди орудий приходится на зубчато-выемчатые и клювовидные изделия (38,8%), при этом собственно зубчатые орудия обладают средним показателем в составе ретушированных форм (16,7%). Перечисленные особенности позволяют определить археологический возраст инлустрии слоя 7 ранней порой верхнего палеолита.

Последующие этапы развития верхнепалеолитической культуры представлены материалами слоев 6 и 5. В отложениях слоя 6 обнаружено 679 каменных артефактов, 4 костяных изделия и 3 украшения из скорлупы. Каменная индустрия состоит из 2 нуклеусов и сработанной нуклевидной формы (0,4%), 55 пластин, 7 микропластин и 282 отщепов (50,7%), 257 обломков и чешуек (37,8%), 75 орудий (11%).

Судя по морфологии продуктов расщепления, в этой индустрии достаточно широкое распространение получили приёмы пластинчатого скалывания. Рабочие поверхности нуклеусов несут негативы удлиненных сколов, причём один из них является одноплощадочным торцовым ядрищем, а другой представлен выразительным образцом клиновидной формы для снятия микропластин (рис. 3, ***19).*** На развитую пластинчатую технику указывает относительно высокий показатель индекса пластин (ILam) - 30,9 и присутствие в их составе микроэкземпляров (10,8%). Вместе с тем индексы подправки ударных площадок сколов имеют крайне низкие значения -IFLarge -6,3; IFstrict - 1,6. На пластинах изготовлено 28% орудий, в остальных случаях использовались от-щепы.

В числе ретушированных форм индустрии состоят: 2 остроконечника, 7 скрёбел (5 продольных, диагональное и конвергентное), 15 скребков (7 концевых, 6 боковых, конвергентный и высокой формы), поперечный резец, 5 проколок, 3 ножа (2 ножа с обушком-гранью и с естественным обушком), 2 тронкированных скола, 6 выемчатых (3 с ретушированными и 3 с клектонскими анкошами) и 3 зубчатых орудия, 5 клювовидных и 2 шипо-видных острия, 14 отщепов с ретушью, 7 пластин с ретушью, 2 пластинки с притуплённым краем и овальный бифас.

Типологические индекса каменной индустрии имеют следующие показатели: верхнепалео-

литическая группа (рис. 3, 7, ***10, 12, 14, 20, 22)*** -46,3; группа зубчатых орудий - 5,5 (вместе с выемчатыми и клювовидными формами - 25,9); индекс скрёбел (рис. 3, ***21)*** - 12,9.

Помимо каменного инвентаря в состав коллекции входят: проксимальный фрагмент иглы с ушком, изготовленной из стенки трубчатой кости млекопитающего (рис. 3, ***4),*** 3 бусины-пронизки цилиндрической формы их трубчатых костей птиц и 3 украшения в виде плоских бусин-колечек (рис. **2, *1-3)*** и 3 уникального для палеолита Алтая материала - скорлупы яиц страуса (определение **К**.Е.Михайлова, Палеонтологический институт РАН).

Верхнепалеолитическую коллекцию слоя 5 составляют 391 предмет из камня и 6 костяных изделий. Среди каменных артефактов 4 нукле-видных фрагмента (1%), 2 расколотые гальки (0,5%), 54 пластины. 22 микропластины и 131 отщеп (52,9%), 2 технических скола (0,5%), 128 обломков и чешуек (32,7%), 48 орудий (21,3%).

Для этой индустрии характерно дальнейшее развитие технических приёмов пластинчатого расщепления. Процент пластин имеет здесь наибольшее для палеолитических индустрии пещеры значение - 47,6, а доля микропластин среди удлиненных заготовок равна 26,7%. При этом индексы подправки ударных площадок сколов сохраняют стабильно низкие показатели: IFLarge -**7,8%;** IFstrict - 1,7. Пластины служили основой для 29,2% орудий, на отщепах изготовлено **68**,7%, одно крупное рубящее орудие - чоппер -оформлено на массивной гальке.

Типологически выраженная часть инвентаря включает: поперечное скребло с естественным обушком, 8 скребков (6 концевых и 2 боковых), поперечный (трансверсальный) резец, 2 проколки, 2 ножа (с естественным обушком и с обушком-гранью), 5 выемчатых (2 с ретушированными и 3 с клекетонскими анкошами) и 7 зубчатых форм, шиловидное и 2 клювовидных острия, 8 отщепов с ретушью, 8 пластин с ретушью, 2 пластинки с притуплённым краем и чоппер.

Наиболее отчетливо в типологическом списке выглядит верхнепалеолитическая группа орудий (рис. 3, ***8, 9, 13, 15,16,18)*** -42,4%. Количественный показатель зубчатых изделий также достаточно высок - 21,2%, а в целом зубчато-выемчатая группа близка по значению к верхнепалеолитической.

Костяной инвентарь слоя 5 включает: 2 медиальных фрагмента игл, изготовленных из стенок трубчатых костей млекопитающих (рис. 3, ***5,*** б), острие-проколку из лучевой кости копытного животного, основу вкладышевого орудия с прорезанным пазом по всей длине продольного края (рис. 3, 1) и крупное колющее орудие из трубчатой кости млеокпитающего (рис.3,17).

Археологическая коллекция плейстоценовых отложений предвходовой площадки существенно дополняет эмпирическую базу палеолита Денисовой пещеры. Эти материалы позволяют более подробно проследить развитие древних технологий на основных культурно-хронологических этапах заселения пещеры палеолитическим человеком. В целом многослойная толща археологического разреза Денисовой пещеры занимает приоритетное положение в выяснении основных закономерностей культурного взаимодействия древнейших человеческих сообществ на территории Горного Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

1.Деревянко А.П., Васильевский Р.С, Молодин В.И., Маркин СВ. Исследования Денисовой пещеры. Описание плейстоценовых осадков. Слои 9 -22. - Новосибирск, 1985. -249 с.

2.Деревянко А.П., Гричан Ю.В., Дергачёва МИ. и др. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. - Новосибирск, 1990. - 159 с.

3.Деревянко А.П., Шуньков М.В., Нэш Д., Ли Х - Д. Исследования палеолита Денисовой пещеры// Altaica. - Новосибирск, 1993. - №2. -С.6-10.

4.Деревянко А.П., Шуньков М.В., Малаева Е.М.. Ульянов В.А., Анойкин А.А. К вопросу о стратиграфическом расчленении плейстоценовой толщи археологического разреза Денисовой пещеры// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1997. - Т.III. - С.80-84.

5.Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. - Новосибирск, 1998. - 174 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ДЕРЕВЯНКО А.П., ШУНЬКОВА М.В., АНОЙКИНА А.А.

Рис.1. Денисова пещера. Предвходовая площадка Каменный инвентарь.
(1, 3, 5, 7-9 - слой 9; 2, ***4,***6 - слой 10)
1, 4-6, 8 - скребла; 2 - клювовидное орудие; 3 - остроконечник леваллуа; 7 - выемчатое орудие; 9 - зубчатое орудие.

Рис*.2.* Денисова пещера. Предвходовая площадка
Каменный инвентарь. *(1,* ***4,*** 6, 10-слой 7; 2, 3, **5, 7-9,** *11* - слой **8)** *1* - скребок; 2 - мустьерский остроконечник; **3, 6** - нуклеусы; ***4*** - ретушированная пластина: **5, 8,** *9-11* - скребла; 7- шиловидное острие

Рис.3. Денисова пещера. Предвходовая площадка Каменный (7-10, 12-16, 18-22) и костяной **(4-6,** 11, ***17)*** инвентарь, изделия из скорлупы М-3). **(5** 6, 8. 9, 11, 13, 15-18-слой **5;** *1-4. 7, 10. 12. 14.* ***19-22***-слой 6)
1-3-бусины; 4-6-иглы; 7 - остроконечник; **8-10,** *12-14. 16,* 20-скребки; 11 -вкладышевое орудие; *1 5* - резец; 17 - колющее орудие; **1 8** - пластина с притуплённым краем; 19 - клиновидный нуклеус; 21 - скребло; 22 - ретушированная пластина

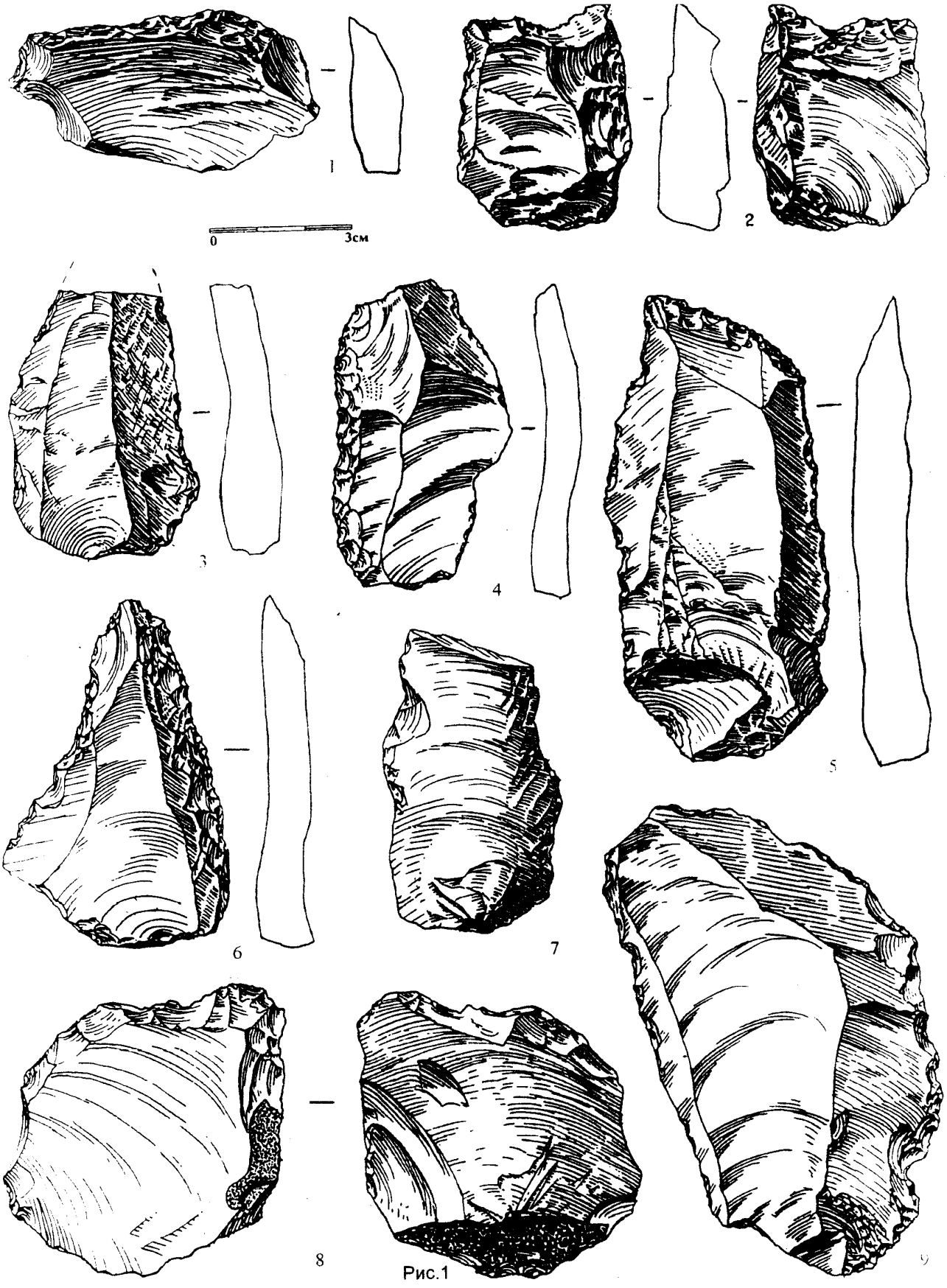


Рис.1

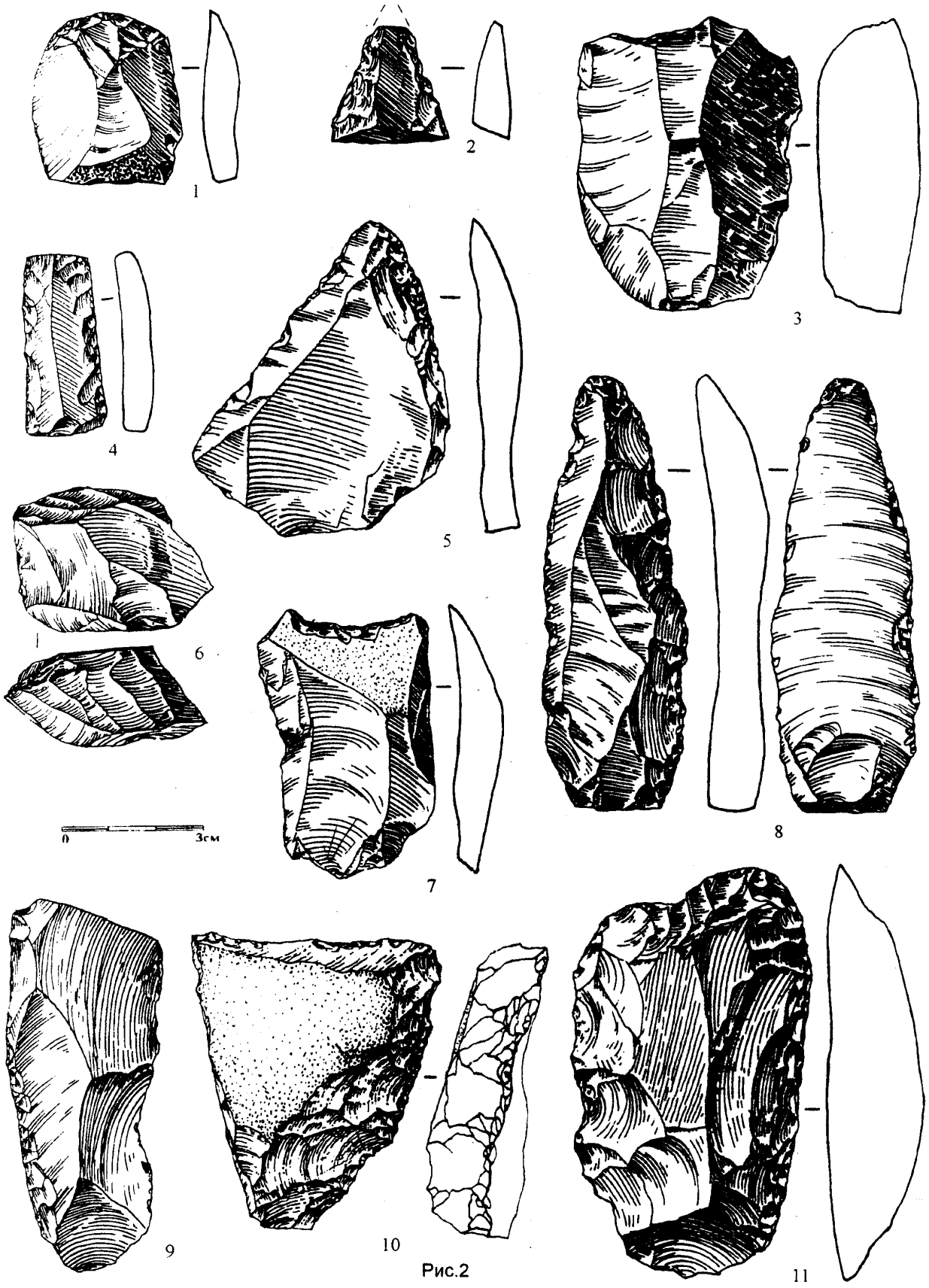


Рис.2

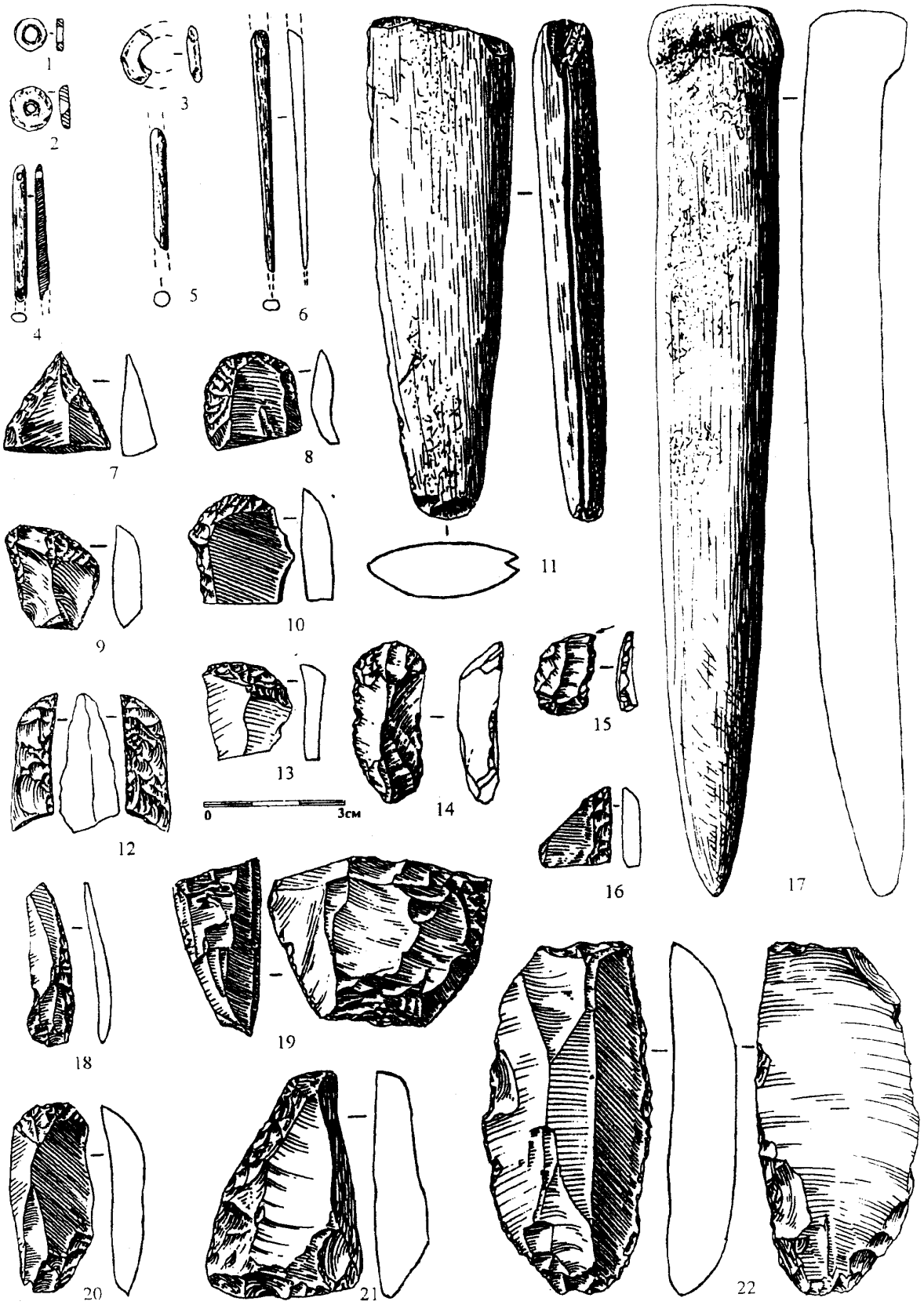


Рис.3

Кунгуров А.Л., Шульга П.И.
(г. Барнаул)

НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В УСТЬЕ РЕКИ КАРАЛЬКА (Средняя Катунь)

В ходе проводившихся в 1985 г. работ по выявлению древних поселений на правом берегу р. Катунь (рис. 1–1; Шульга, 1996, рис. 1а) у села Чепош Шебалинского района Горно-Алтайской а.о. (ныне Чемальский район Республики Алтай) было обнаружено две стоянки каменного века — Усть-Каралька[1] и Каралька (Шульга, 1997).

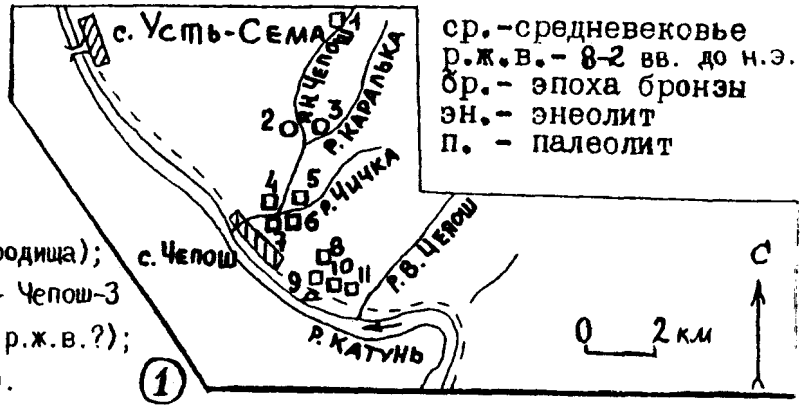
Стоянка Усть-Каралька (рис. 1–3) расположена в 6 км выше с. Чепош, на правобережной 20–30 метровой наклонной правобережной террасе реки Нижний Чепош, напротив места впадения в нее реки Каралька. Изделия из камня собраны на размываемой, заброшенной дороге, ведущей в верховье р. Нижний Чепош. Стоянка Каралька (рис. 1–2) расположена на правом берегу р. Каралька в 0,5 км выше места ее впадения в р. Нижний Чепош. У брода, по краям ведущей в верховье реки дороги, найдены девять каменных предметов.

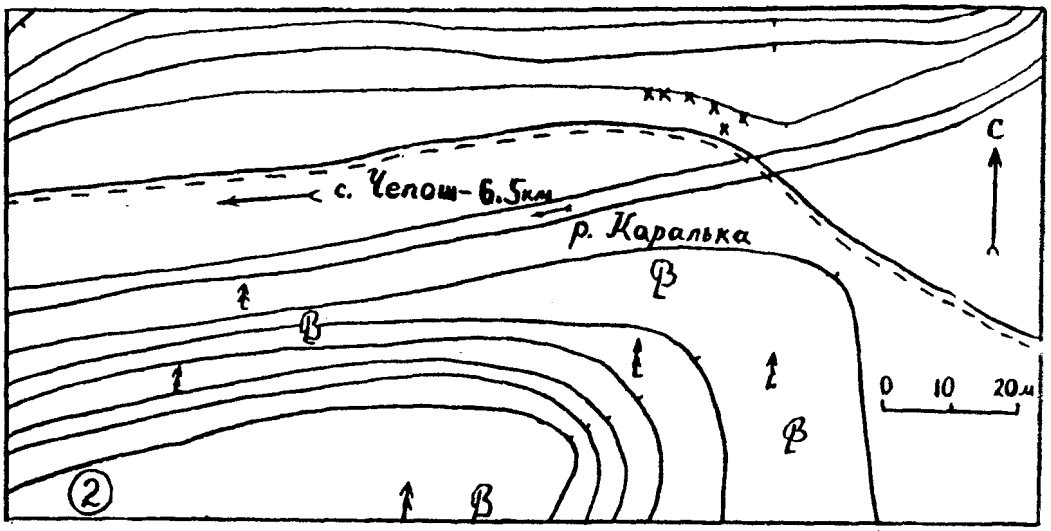
Усть-Каралька. Общее количество каменных артефактов — 33. Обращает на себя внимание значительное количество орудий и предметов с вторичной обработкой, что указывает не на производственный, а на жилой характер комплекса. Наиболее выразительной частью коллекции являются шесть двустороннеобработанных изделий: симметричный и асимметричный бифасы, ножи и полифункциональный инструмент. Симметричный листовидный бифас (рис. 2–1) расколот в верхней трети, при этом поперечный облом несет следы подправки. Судя по остаткам вентрала заготовкой орудия послужил широкий массивный скол радиального (?) нуклеуса. Крупный ударный бугорок удален серией веерообразно направленных уплощающих сколов. Сечение бифаса линзовидное, при этом вентральная сторона более плоская. Дорсал полностью покрыт фасетками встречных уплощающих сколов, края обработаны крупной прерывистой разнофасеточной ретушью. Вентрал (за исключением проксимальной части с ударным бугорком) подвергся краевой обработке мелкими сколами и ретуширован. Вторичной обработкой краям изделия придан «пилообразный» режущий фас. По-видимому, бифас представляет собой наконечник копья. Асимметричный бифас (рис. 2–3) немного больше по размерам и значительно массивней. Оба фаса достаточно грубо оббиты встречными сколами и частично ретушированы. Ретушь прерывистая, крутая, разнофасеточная. Более ровный край имеет в центральной части подобие обушка, хотя очевидно его более позднее оформление. Дело в том, что бифас еще в древности был расколот (при оформлении?) аппликируется из двух кусков. Более мелкий (нижний) кусок в дальнейшем не использовался и был выброшен. Верхний же был подправлен и превращен в нож-бифас. Тогда-то мастер и оформил обушок для упора орудия в ладонь, а также подправил режущую кромку и поперечный облом. Первоначальное назначение артефакта, видимо, было аналогично первому, Полифункциональное орудие-бифас также оформлено на обломке более крупного изделия, возможно, аналогичному описанным (рис. 2–4). Фиксируется продольный, волнистый рабочий край скребла, тщательно оббитый уплощающими сколами и обработанный регулярной мелкой разнофасеточной крупной ретушью. Этот рабочий край наследует поверхность бифаса, которая была оббита до поломки заготовки. Второй рабочий край можно рассматривать как скребковый. Хотя он смежный со скреблом, но оформлен на противоположном фасе орудия. Остальные бифасы являются обушковыми ножами. Наиболее мелкий имеет «полусегментовидную» форму, характерную для ножей нижнекатунской позднесартанской культуры (Урожайная, пещера Иульчак, Сростки) (Кунгуров, 1992). Заготовка двусторонне уплощена сколами, рабочий край ретуширован. При этом фасетки расположены попеременно с двух фасов, таким образом достигнута зубчатость фаса, необходимая для функционирования ножа. Обушок ближе к острию оформлен крутыми мелкими сколами, у противоположной широкой части оббивка более пологая и край двусторонне ретуширован (рис. 2–2). Оригинальными изделиями являются оставшиеся ножи-бифасы, рабочие кромки и тела которых оформлены аналогично предыдущим. Один из предметов кроме обушка имеет оформленную сколами типа резцовых и оббивкой рукоять прямоугольного сечения (рис. 3–1). Кроме овального рабочего края имеется рабочая вогнутая кромка, примыкающая к нему под прямым углом. Характер обработки этой кромки (подтеска) напоминает технику оформления долотовидного орудия. Последний нож, наиболее крупный из серии, оформлен на уплощенном оббивкой изработанном нуклеусе, признаки которого фиксируются на обушке и прилегающих к нему фасах (рис. 3–2).

В коллекции имеется шесть пластинчатых заготовок крупных и средних размеров. При этом техника первичного расщепления, которой пластины были реализованы, достаточно архаична (рис. 4–1–7). Края пластин неровны, дорсал несет фасетки нескольких предыдущих, также неровных снятий. На проксимале в пяти случаях

[1] В сообщении по итогам работ 1985 года (Шульга, 1987) стоянка Усть-Каралька ошибочно названа Усть-Каралька-2.

1 – Н.Чепош-1 (р.ж.в.?);
2 – Усть-Каралька (п.);
3 – Каралька (п.); 4 – Н.Чепош-2 (бр.,р.ж.в.);
5 – Чичка (эн.,р.ж.в.?);
6,7 – Н.Чепош-3,4 (ср.городища);
8 – Чепош-2 (р.ж.в.); 9 – Чепош-3 (эн.); 10 – Чепош-1 (эн.,р.ж.в.?);
11 – Чепош-4 (эн.,р.ж.в.).





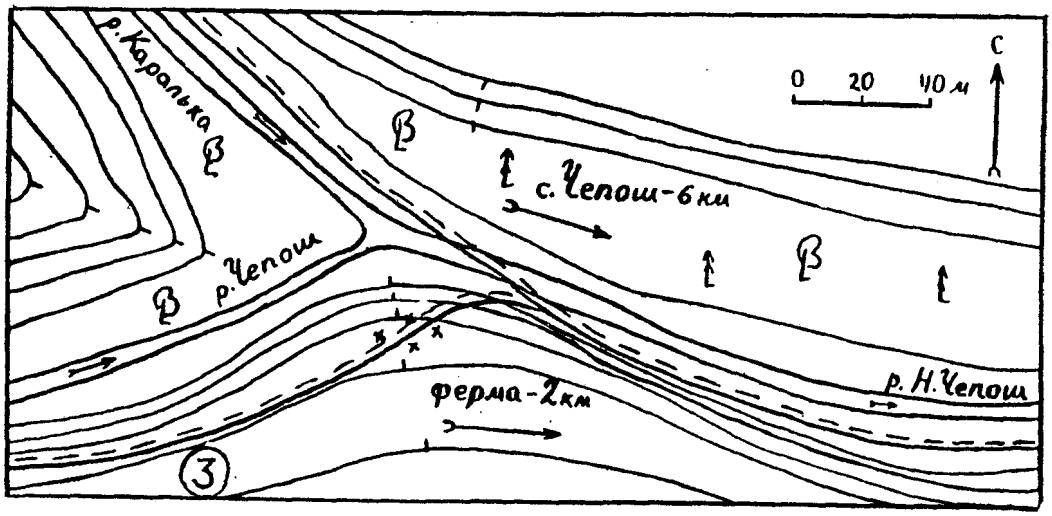


Рис.1

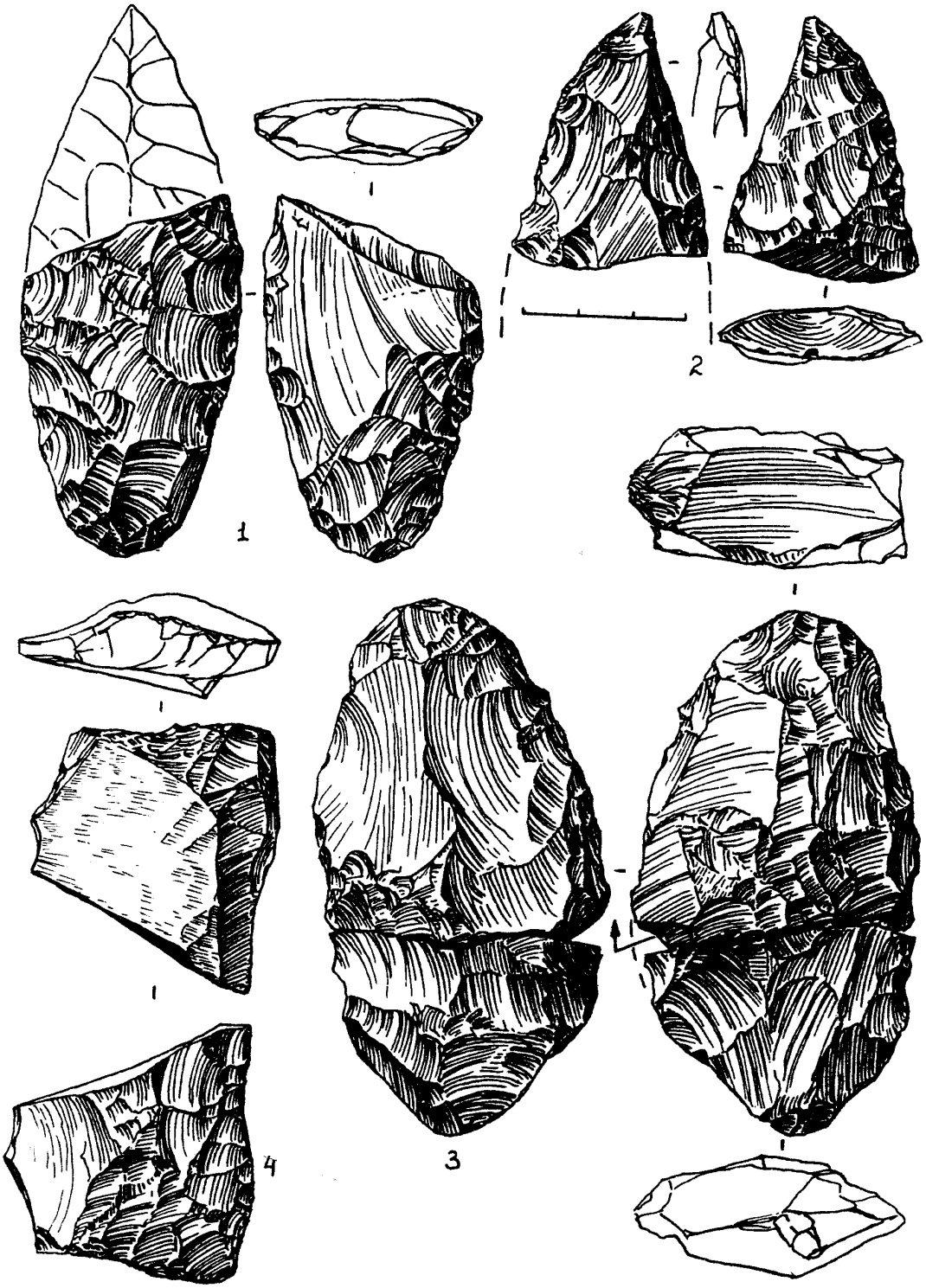


Рис.2

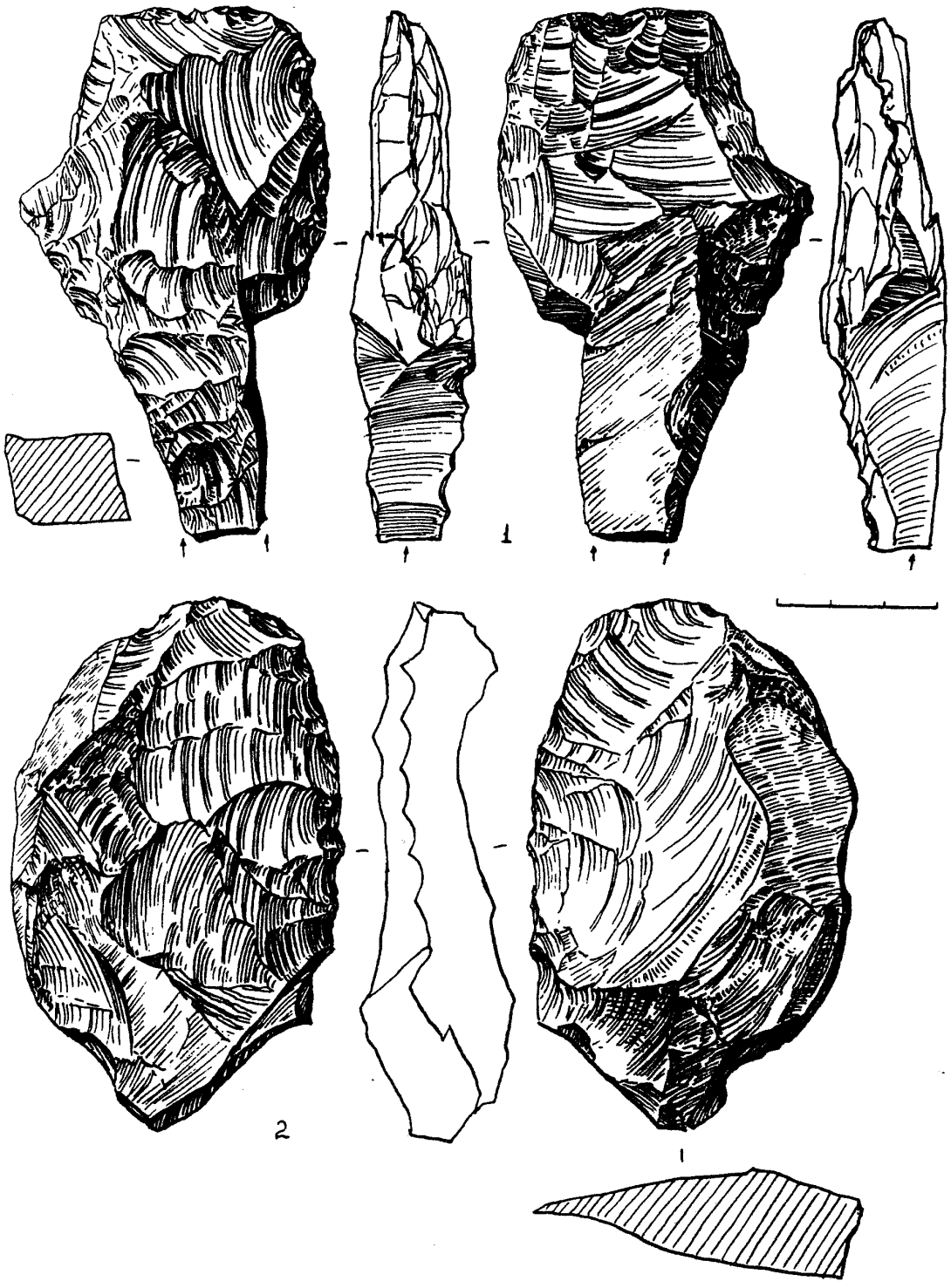


Рис.3

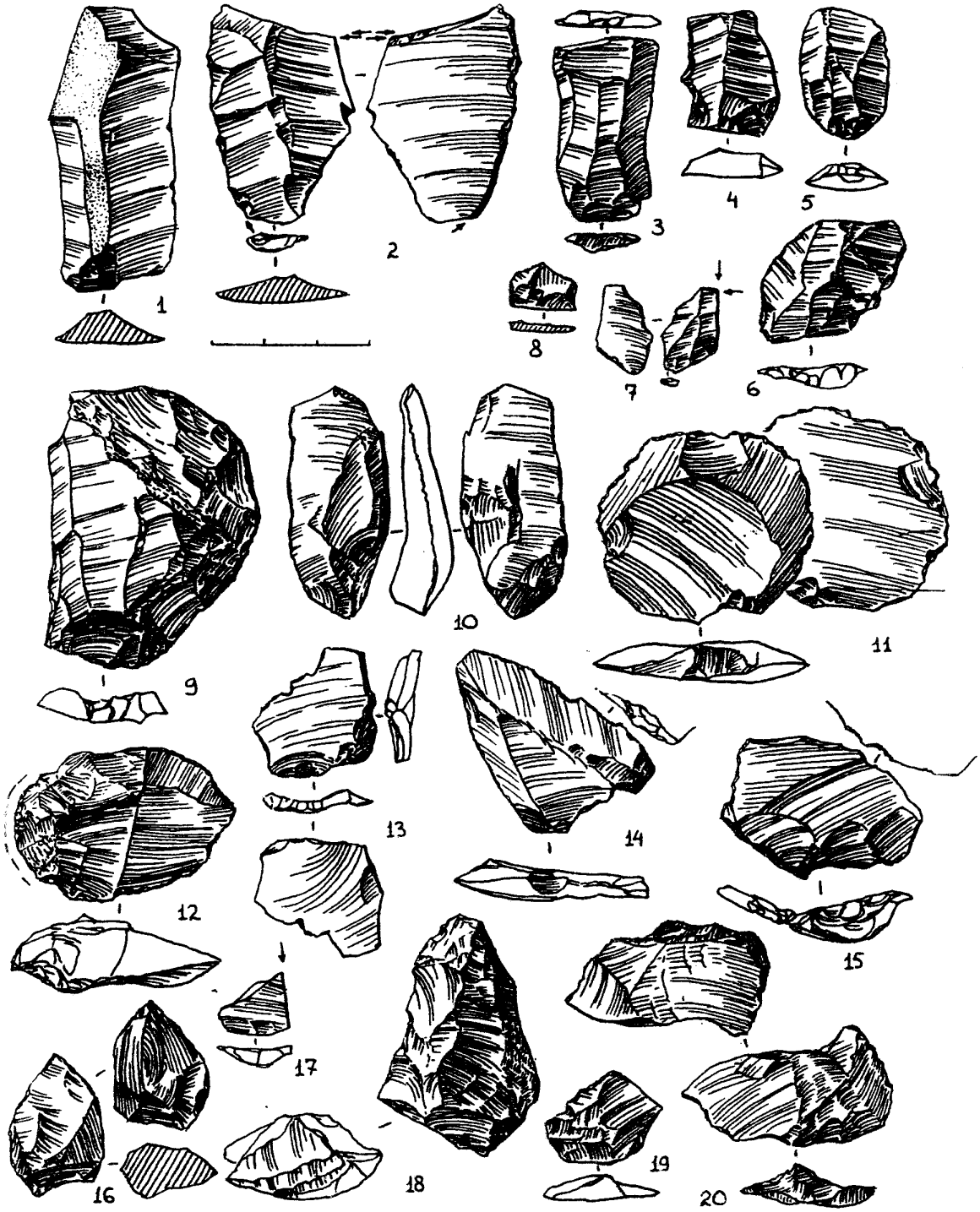


Рис.4

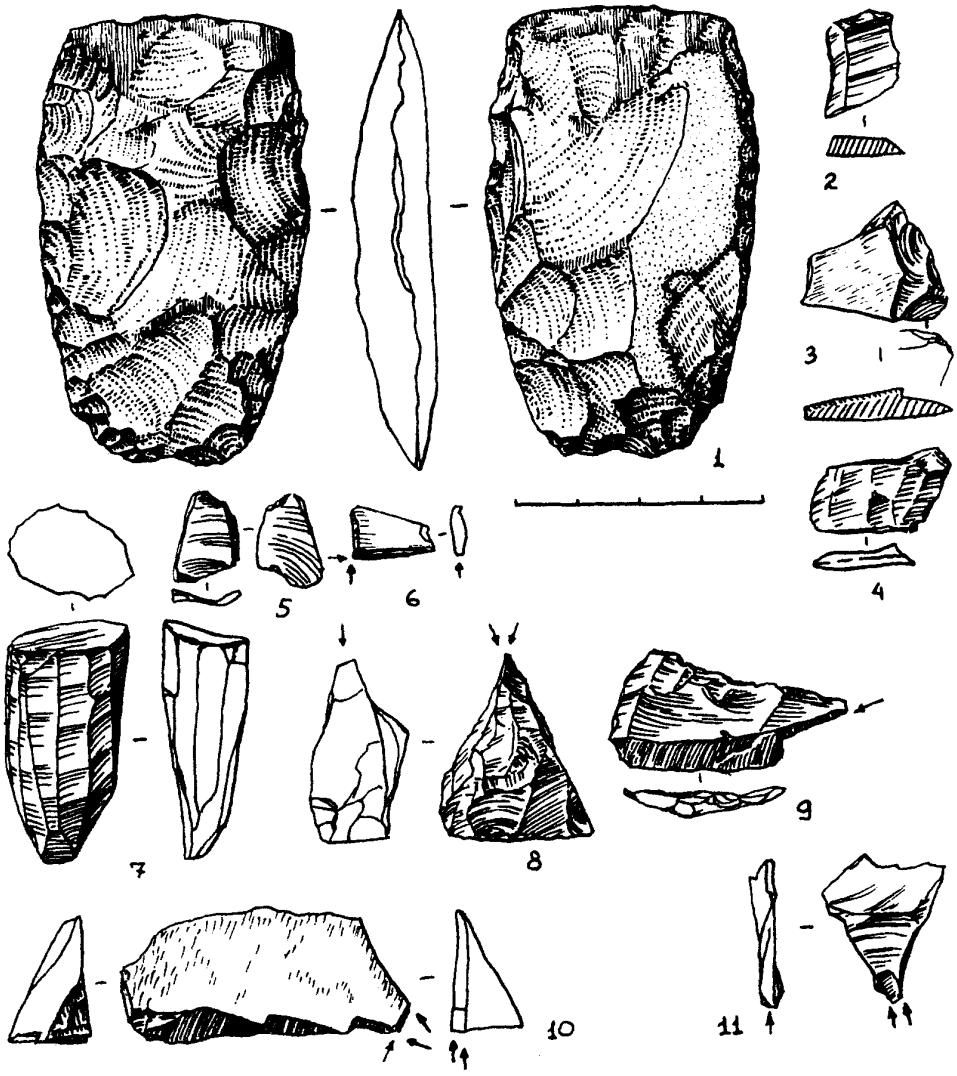


Рис.5

зафиксированы остатки фасетированных ударных площадок. Прослежена тщательная обработка левого вентрального края, совмещенная с угловым и боковым резцами (рис. 4–2), расположенными на противоположных концах изделия (правый дистальный угловой, левый проксимальный боковой). На левом крае усеченной с дистала пластины крутой ретушью оформлена зубчато-выемчатая кромка. Еще один угловой резец зафиксирован на правом дистальном углу мелкой пластины (рис. 4–7).

Практически все отщепы коллекции имеют вторичную обработку (рис. 4–10,11,13–15,18–20). На многих имеется остаток фасетированной ударной площадки. Орудий на отщепах немного — два крупных боковых скребка (рис. 4–9,12), пять различных резцов (рис. 4–17; 5–8–11) и острие (рис. 4–16). Все эти предметы имеют случайную форму.

К более позднему времени относится найденное на Усть-Каральке двустороннеобработанное тесло с подшлифовкой (рис. 5–1). Характер оббивки сближает этот предмет прежде всего с неолитическими теслами, найденными на памятниках Усть-Сема (Кунгуров, 1997), Усть-Куюм (Кунгурова, 1992) и Малый Дуган (Кунгурова, Степанова, 1998). Для большемысских комплексов середины IV тыс. до н.э. характерна «граненая» шлифовка тесел (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995). Однако, кроме тесла, других неолитических находок на памятнике нет.

Семь предметов происходят с Каральки. Основная их часть представлена невыразительными и недатирующимися изделиями: пластинчатыми отщепами (рис. 5–2,4), отщепами с оббивкой края (рис. 5–3) и ретушью (рис. 5–5), а также угловым резцом (рис. 5–6). Следует отметить факт ретушной обработки или оббивки всех артефактов. Возможно, единый комплекс с ними составляет призматический нуклеус неолитического облика (рис. 5–7). В целом коллекция Каральки менее представительна, чем комплекс первого памятника. Несмотря на незначительное количество находок Усть-Каралька представляет значительный интерес, прежде всего из-за наличия выразительного комплекса бифасов. Для позднесартанской куюмской культуры средней Катуни изделия такого типа совершенно нехарактерны (Кунгуров, 1993). При этом характер камнеобработки несомненно указывает на верхнепалеолитический облик индустрии. Материалы начальной поры верхнего палеолита Горного Алтая (Кара-Бом, Тюмечин, Кара-Тенеш, Усть-Каракол, Ануй и т.д.), хотя содержат бифасы, но отличаются по многим параметрам. Прежде всего там это рубящие инструменты, а на Усть-Караль-ке это наконечники копий и ножи. Не исключен тот факт, что описанный памятник относится к развитому верхнему палеолиту — наименее изученной эпохе Алтая (Кунгуров, 1996). Если дальнейшее исследование подтвердит предложенную нами датировку, то Усть-Каралька может стать ключевым памятником для изучения верхнего палеолита бассейна р. Катунь.

Осмотр стоянки Усть-Каралька в 1996 г. не дал новых материалов, поскольку размыв дороги прекратился. Тогда же на трехкилометровом участке ниже по течению в четырех местах на обнажениях найдены отщепы. Тщательное обследование реки Нижний Чепош и ее притоков, по-видимому, позволит выявить новые памятники эпохи камня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА, № 1. 1998. С. 17–34.
2. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижне-тыткескеньской пещеры 1. Барнаул, 1995. 151 с.
3. Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катуни // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1992. С. 50–64.
4. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993. 89 с.
5. Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлёп 6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 45–50.
6. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 37–59.
7. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье р. Куюм // Материалы к изучению Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.
8. Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 26–33.
9. Шульга П.И. Работы в Шебалинском и Онгудайском районах Алтая // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 295.
10. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.

Грушин С.П.
(г. Барнаул)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В УГЛОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1997-1998 ГГ.

Угловский район Алтайского края является одним из слабоизученных районов края. Малоизученность района определяется тем, что здесь вообще не проводились стационарные раскопки, исследования же ограничивались разведочными работами и сборами подъемного материала.

Комплекс памятников у сел Павловка и Алексеевка был обнаружен в 1979г. учителем Павловской средней школы Н.П. Нудных. В том же году памятники были обследованы А.Б. Шамшиным, который выявил еще одно поселение. В 1980 и 1982 гг. в ходе разведки в районе этих сел Ю.Ф. Кирюшиным, было обнаружено еще 19 местонахождений (Кирюшин, Масленникова, Шамшин, 1981; Кирюшин, Казаков, 1996). В 1980 году А.Б. Шамшиным в 3,5 км к ССВ от с. Симоново был зафиксирован курганный могильник, а в районе с. Угловское два поселения (Кирюшин, Казаков, 1996). Тогда же у с. Вал-Кордон М.Т. Абдулганеевым открыто три разновременных поселения (Кирюшин, Клюкин, 1985). Летом 1981 года в окрестности с. Первые Коростели Г.А. Клюкиным была выявлена группа памятников, располагающихся на дюнах юго-восточного берега оз. Соленое (Клюкин, 1991). На острове озера, располагающегося около с. Озерно-Кузнецово учительницей средней школы Е.В. Строниной было обнаружено безинвентарное погребение человека ориентированное по линии С-Ю (Кирюшин, Казаков, 1996). Уникальная находка каменного сосуда с изображением сцены охоты, выполненным резной и процарапанной техникой была обнаружена на берегу оз. Лаптеевское (Кирюшин, Симонов, 1997). В течении полевых сезонов 1997 и 1998гг. автором статьи совместно с П.К. Дашковским проводилась археологическая разведка в данном районе края в ходе которой было открыто и исследовано большое количество новых памятников, получен интересный археологический материал (Грушин, Дашковский, 1998; Дашковский, Грушин, Симонов, 1998).

Водопой I, поселение расположено на возвышенности в 3,5 км от р. ц. Угловское на СВ, в 0,5 км к ССВ от оз. Водопой, в 0,8 км к ЮВ от пересечения трасс Рубцовск - Угловское и Угловское - Симоново. Культурный слой поселения мощностью 15 см разрушается грунтовой дорогой, которая идет параллельно кромки ленточного соснового бора. Зона разрушения - 100 м. На дороге собранна небольшая коллекция неорнаментированной керамики и обломки костей животных.

Водопой II, поселение обнаружено в 100 м к СВ от памятника Водопой I. Культурный слой поселения мощностью 10 см разрушается грунтовой дорогой. Собрано несколько фрагментов неорнаментированной керамики. Датировка поселений Водопой I и II затруднена по причине не выразительности материала.

Водопой III, могильник расположен на широком длинном мысу западного берега высохшего озера, в 1 км к ССВ от пересечение трасс Угловское - Рубцовск и Угловское - Симоново. Весь мыс изрыт современными карьерами глубиной 1-4 м из которых берется песок. В северо-западной стенке самого южного песчаного карьера была зафиксирована деревянная обкладка со следами огня. При зачистке стенки была выявлена ключица человека. Аварийный раскоп площадью 3 кв. м на глубине 0,6 м выявил погребение человека. Костяк плохой сохранности. Кости ног, фаланги пальцев, череп за исключением нижней челюсти отсутствовали. Судя по сохранившемся костям погребенный был положен на спину головой на восток. Датировка затруднена по причине полного отсутствия инвентаря. На этом же мысу в трех разных карьерах были зафиксированы скопления керамики.

Ивановское I, поселение, расположенное на западном берегу оз. Ивановское. Открыто старшим научным сотрудником Угловского районного краеведческого музея Е.В. Симоновым. Керамика, кость, каменные орудия (рис. 4, 2, 3, 6, 10) собраны в юго-западном углу полевого водоема, состоящего из двух бассейнов, границы которых представляют собой вал высотой до 2,5 м, образованный путем срезания верхнего слоя почвы.

Ивановское II, поселение находится в северо-восточном углу бассейна, открыто учеником угловской средней школы К. Тругумбаевым. Часть поселения разрушена при строительстве полевого водоема. Собрана большая коллекция орнаментированной керамики, луновидными вдавлениями, шагающей гребенкой, гладкой качалкой (рис. 4, 1, 4, 5, 7-9, 11, 12). На территории поселения были найдены: зернотерка, фрагмент тигля, обломок каменного ножа, костяной орнаментир, оселок и скребки (рис. 2, 9).

Возможно, что памятники Ивановское I и II являются частью одного древнего поселения, поскольку керамический материал близок друг к другу. Судя по нему поселение датируется эпохой бронзы.

Ивановское III, поселение. Находится в 0,3 км к В от р. ц. Угловское, в 1 км к Ю от памятника Ивановское II, и в 120 м к Ю от одноименного озера. На выдуве собраны несколько фрагментов керамики, а также кости животных. Предварительно памятник датируется эпохой средневековья.

Углы IV, могильник расположен на северо-западной окраине р. ц. Угловское, на ул. 40 лет Победы в 0,4 км к СВ от ее пересечение с ул. Урицкого. При повороте грунтовой дороги на пашню были обнаружены человеческие кости ног. Зачистка выявила погребение человека, уложенного вытянуто на спине головой на запад, у которого отсутствовали несколько ребер, череп, за исключением небольшого фрагмента нижней челюсти и др. В районе правого плеча были зафиксированы несколько костей животных. Полное отсутствие погребального инвентаря не позволяет отнести данное захоронение к определенному хронологическому периоду. Учитывая тот факт, что погребение было выявлено на уровне современной дневной поверхности, в результате его разрушения дорогой, необходимы скорейшие охранные мероприятия на памятнике.

Ляпуново I, поселение находится в 5 км к Ю от р. ц. Угловское, в 4 км к СВ от с. Ляпуново. Многочисленные фрагменты керамики и кости животных были собраны на поле засеянном картофелем. Поселение в древности, по всей видимости располагалось на берегу озера, которое в настоящее время представлено болотом, протянувшимся вдоль соснового бора. В коллекцию керамики входят фрагменты, украшенные оттисками палочки в отступающе-накольчатой технике, ямочными вдавлениями. Данная керамика находит ближайшие аналогии с раннебронзовыми материалами Северного Казахстана - Вишневка I (Татаринцева, 1984) и лесостепного Алтая - Березовая Лука (Кирюшин, Тишкин, 1995; 1996). Перспективность исследования данного памятника определяется большим количеством и хорошей сохранностью подъемного материала.

Лаптев Лог II, поселение находится в 1,5 км к Ю от с. Лаптев Лог между дорогой ведущей в с. Беленькое и сосновым бором. Несколько фрагментов неорнаментированной керамики, костей животных обнаружено на выдуве диаметром около 0,1 км. Датировка затруднена по причине невыразительности материала.

Беленькое I, поселение расположенное на северо-западной окраине одноименного села на берегу оз. Беленькое. На большом раздуве в разных местах собрана коллекция артефактов, представленная каменной индустрией, куда входят обработанные и не обработанные пластины (рис. 3, 54-69; 5, 1-33), нуклеусы (рис. 3, 2, 52, 53; 5, 34), большое количество разнообразных скребков (рис. 2, 2-7; 3, 48, 71; 5, 38-44). Коллекция представлена также небольшой серией каменных наконечников стрел (рис. 6, 1-8), дротика (рис. 2, 1). На территории памятника обнаружены обломок каменного орнаментированного «утежка» (рис.5, 45) и украшения (рис. 5, 47). Основная масса находок датируется эпохой неолита. Собрано небольшое количество керамики, бронзовый кинжал (рис. 6, 13), которые можно датировать эпохой бронзы и железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы эпохи средневековья (рис. 4, 15). Кроме того, в сельском школьном музее имелось несколько бронзовых наконечников стрел, происходивших также с территории памятника. Двухлопастной с конусовидной втулкой наконечник (Грушин, Дашковский, 1998, рис. 1, 1) можно датировать эпохой поздней бронзы, другие (трехлопастной черешковой и двухлопастной втульчатый) характерны для РЖВ (Дашковский, Грушин, Симонов, 1998, рис.1, 1, 2)

Кашлоу I, поселение расположенное в 3 км к северу от с. Беленькое. При выезде из бора на выдуве собрана небольшая коллекция неорнаментированной керамики. Найдена бронзовая голова верблюда (Дашковский, Грушин, Симонов, 1998, рис. 1, 3), которая датируется РЖВ.

Кашлоу II, поселение обнаруженное в 100 м к северу от памятника Кашлоу I. На двух песчаных выдува собранна большая коллекция каменных орудий и отходов их производства. Каменная индустрия представлена нуклеусами, скребками, пластинами часть из которых ретуширована и большим количеством отщепов (рис. 3, 1-49). Памятник датируется эпохой неолита.

Кащлоу III-IX, поселения расположенные на берегу высохшего русла реки недалеко от кромки бора. Сборы подъемного материала производились на песчаных выдувах. Памятники интенсивно разрушаются ветровой эрозией.

Кашлоу IV, поселение обнаружено в 2 км от памятника Кашлоу II на СВ, в 100 м от стойбища. На выдуве собранна большая коллекция керамики, железный двухлопасной черешковый наконечник стрелы (рис. 6, 14), зафиксирован развал сосуда. Судя по имеющемся материалам памятник датируется РЖВ и средневековьем.

Кашлоу V, поселение находиться в 150 м к северу от пункта Кашлоу IV. Почти все фрагменты керамики, собранные на этом поселении орнаментированы. Техника орнаментации представлена насечками, шагающей гребенкой, гребенчатой качалкой. Найдены каменные орудия. Поселение датируется эпохой ранней бронзы (1пол. II тыс. до н. э.).

Кашлоу VIII, поселение. На большом выдуве в 0,3 км к северу от памятника Кашлоу V собранна коллекция керамики орнаментированной гребенчатым штампом, протаскиванием палочки, насечками. Поселение предварительно датируется эпохой ранней бронзы.

Кашлоу IX, поселение. На самом северном выдуве мыса собраны материалы относящиеся к разным хронологическим периодам: пластина, фрагменты керамики, обломок каменного наконечника стрелы, обломок железного черешкового ножа (рис. 2, 9; 3, 50, 51). Материал датируется эпохами неолита и средневековьем.

В ходе работ выяснилась закономерность в расположении древних поселений: приуроченность памятников к определенным местам в обследованной природно-экологической зоны (Грушин, 1998).

Ландшафт района представляет собой чередование степных участков и полос ленточного соснового бора. К настоящему времени здесь уже известно более 50 памятников, представленных поселениями разных эпох (от мезолита до средневековья). В результате их картографирования выяснилось, что абсолютно все известные древние поселения независимо от вреени существования располагались на границе ленточного соснового бора и степной полосы на берегу старичных озер, которые являются остатками древних русел притоков р. Оби, образовавшихся в четвертичный период (Малолетко, 1972, с.30).

Практическим результатом выявленной закономерности расположения археологических

памятников является уточнение методики поиска археологических объектов (прежде всего поселений) в данном районе.

Проведенные разведочные работы в Угловском районе Алтайского края показали большую перспективность изучения памятников археологии, и необходимость выявления их взаимосвязи с материалами сопредельных территорий. В заключении, автор выражает благодарность А.Л. Кунгурову за помощь оказанную в подготовке публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1 Грушин С.П. Эколого-географическая среда и месторасположения поселений в Угловском районе Алтайского края // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической конференции. - СПб., 1998.-С. 41-44.

2 Грушин С.П., Дашковский П.К. Новые материалы к археологической карте Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. - . Барнаул, 1998.-Вып. IX.-С. 133-137.

3 Дашковский П.К., Грушин С.П., Симонов Е.В. Новые могильники Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции - Барнаул, 1998.-Вып. IX.-С. 137-141.

4 Малолетко А.М. Палеогеография Предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. - Томск, 1972.

5 Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б. Работа Алейской экспедиции // АО 1980г. - М., 1981.-С. 181-182.

6 Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1984.-С. 25-40.

7 Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул, 1995.-С. 73-117.

8 Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Новые находки с поселения Березовая Лука // Актуальные проблемы Сибирской археологии. Тезисы докладов к конференции. - Барнаул, 1996.-С. 46-49.

9 Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Поселение Березовая Лука в Алейском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1995.-Вып. 5. Часть 2.-С. 47-51.

10 Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии Угловского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. - Барнаул, 1996.-С. 215-224.

11 Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучения культурного наследия Алтая. Материалы конференции. - Барнаул, 1997.-С. 167-171.

12 Клюкин Г.А. К археологической карте Угловского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тез. докладов к конференции. - Барнаул, 1991.-С. 23-26.

13 Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урал-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.-С. 104-113

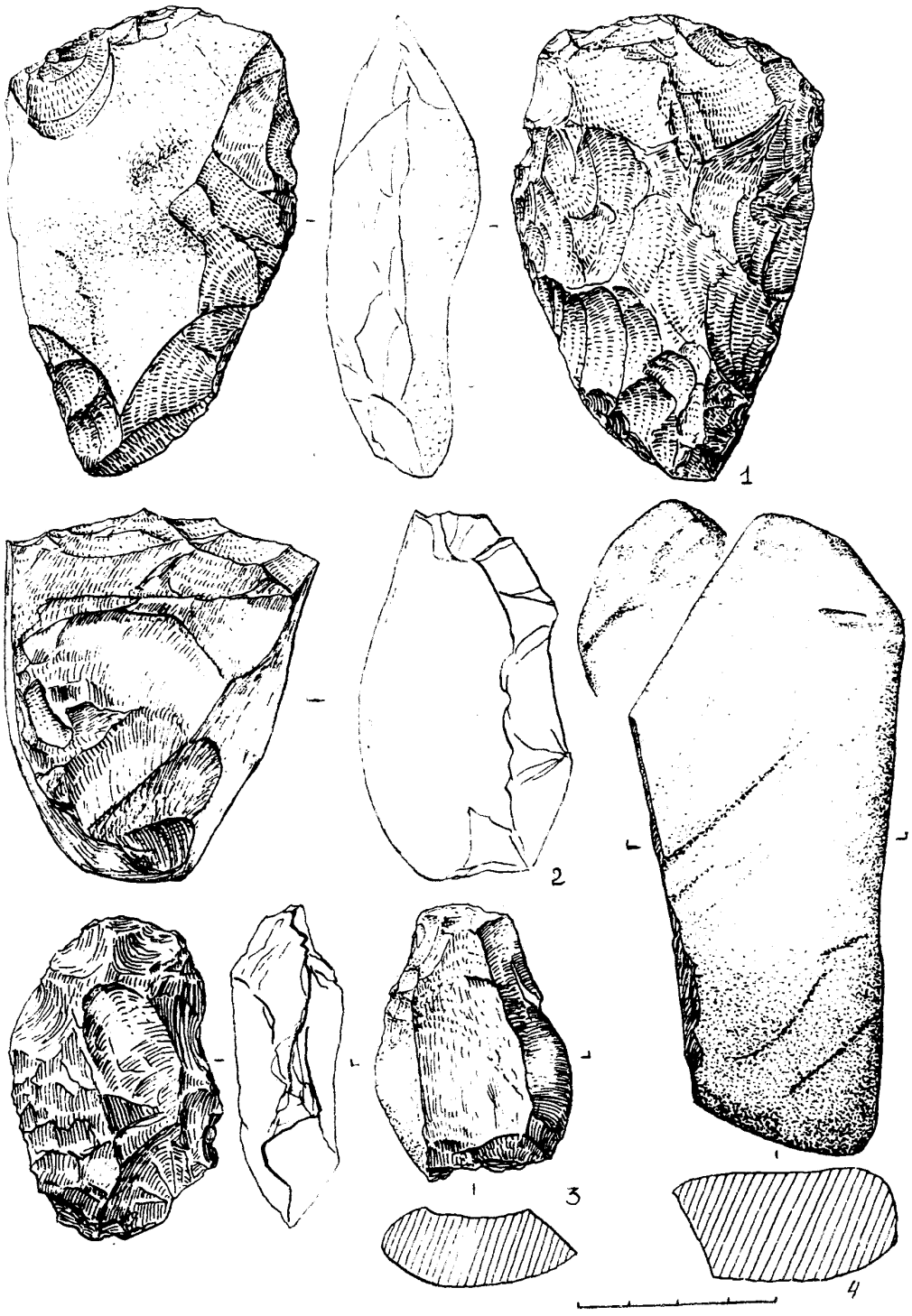


Рис.1 Каменные изделия с памятника Беленькое I

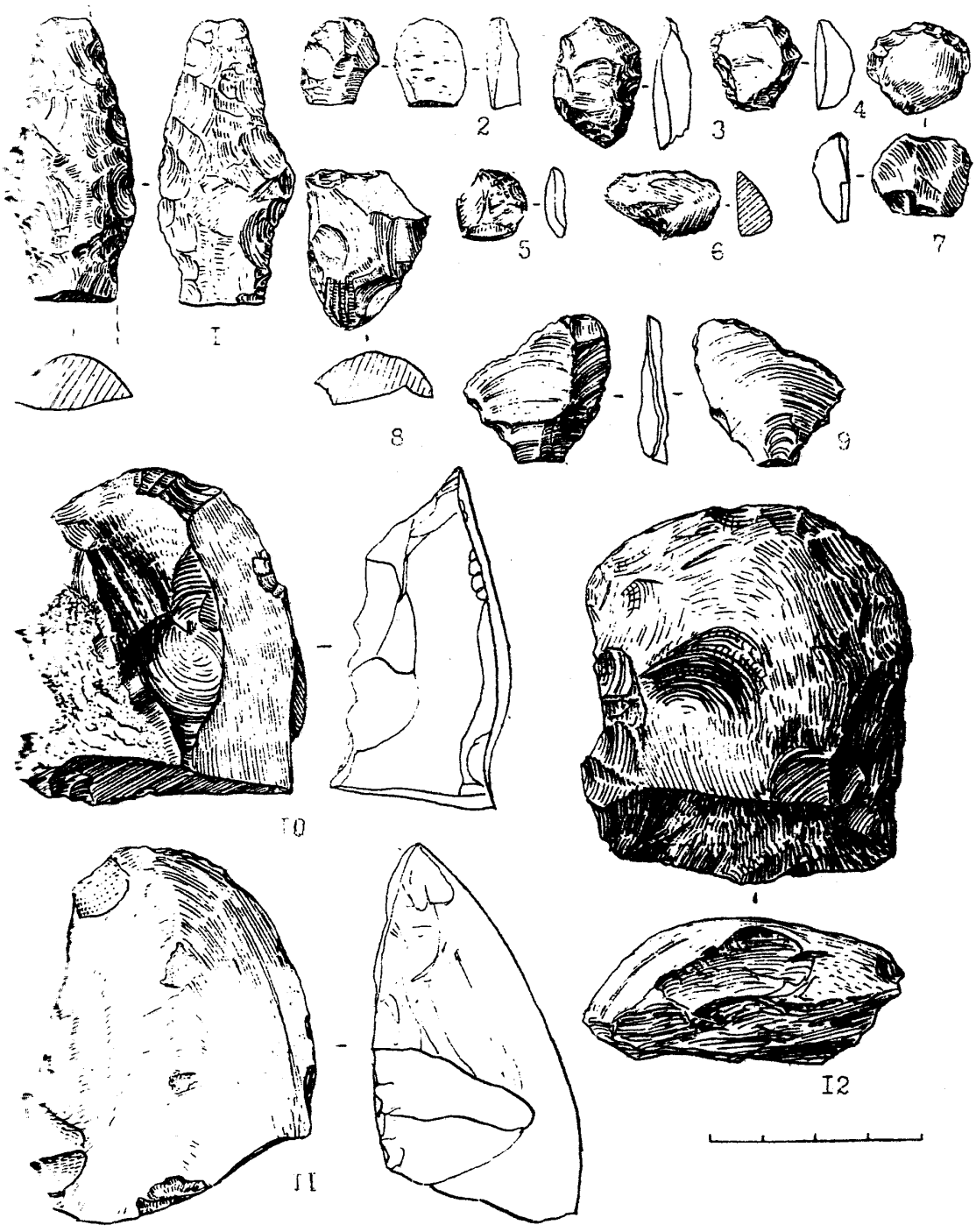


Рис.2 Каменные изделия с памятников Беленькое I (1-8, 10-12), Ивановское II (9)

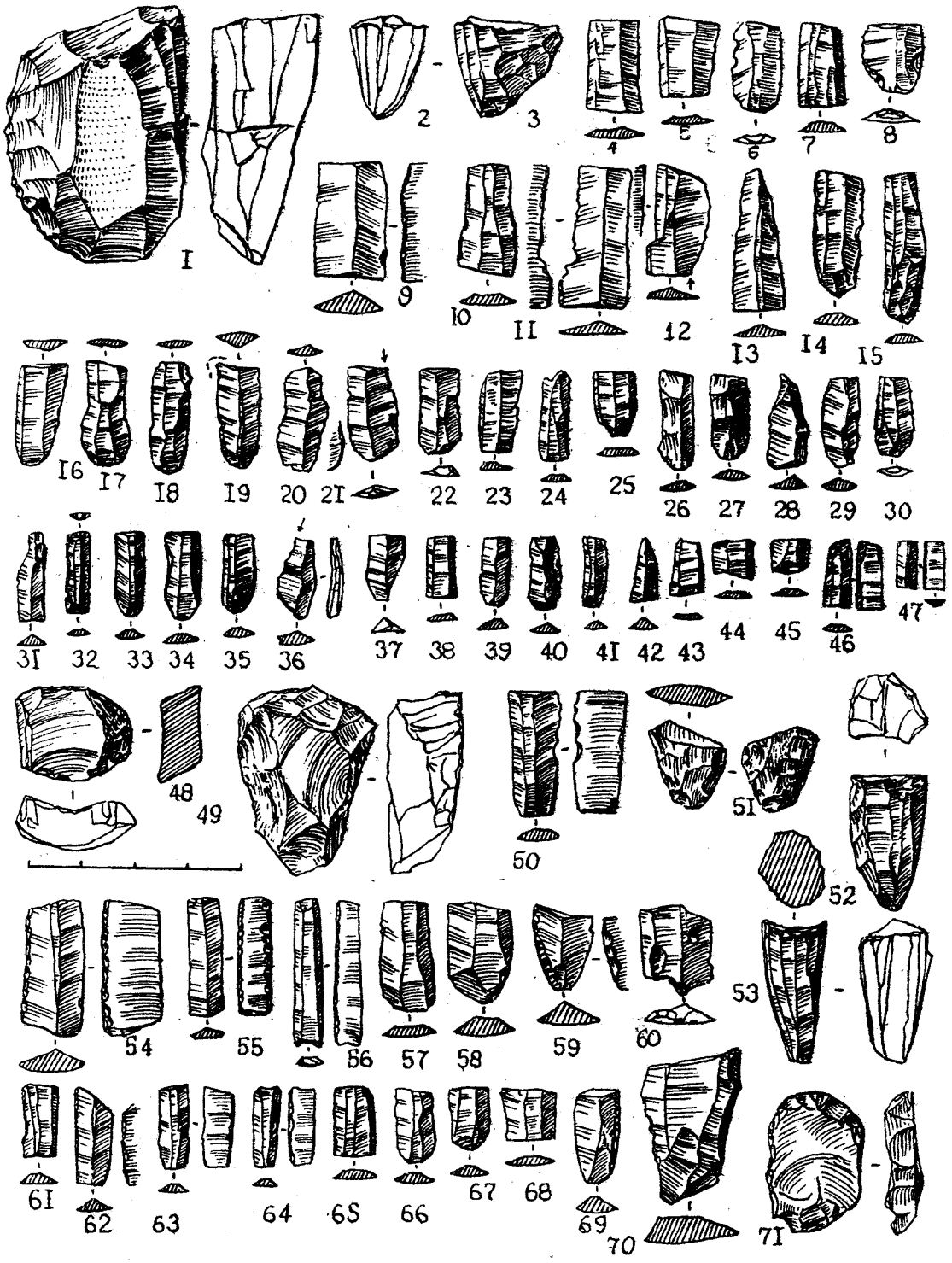


Рис. 3 Каменные изделия с памятников Кашлоу II (1-49), Кашлоу IX (50,51), Беленькое I (52-71).

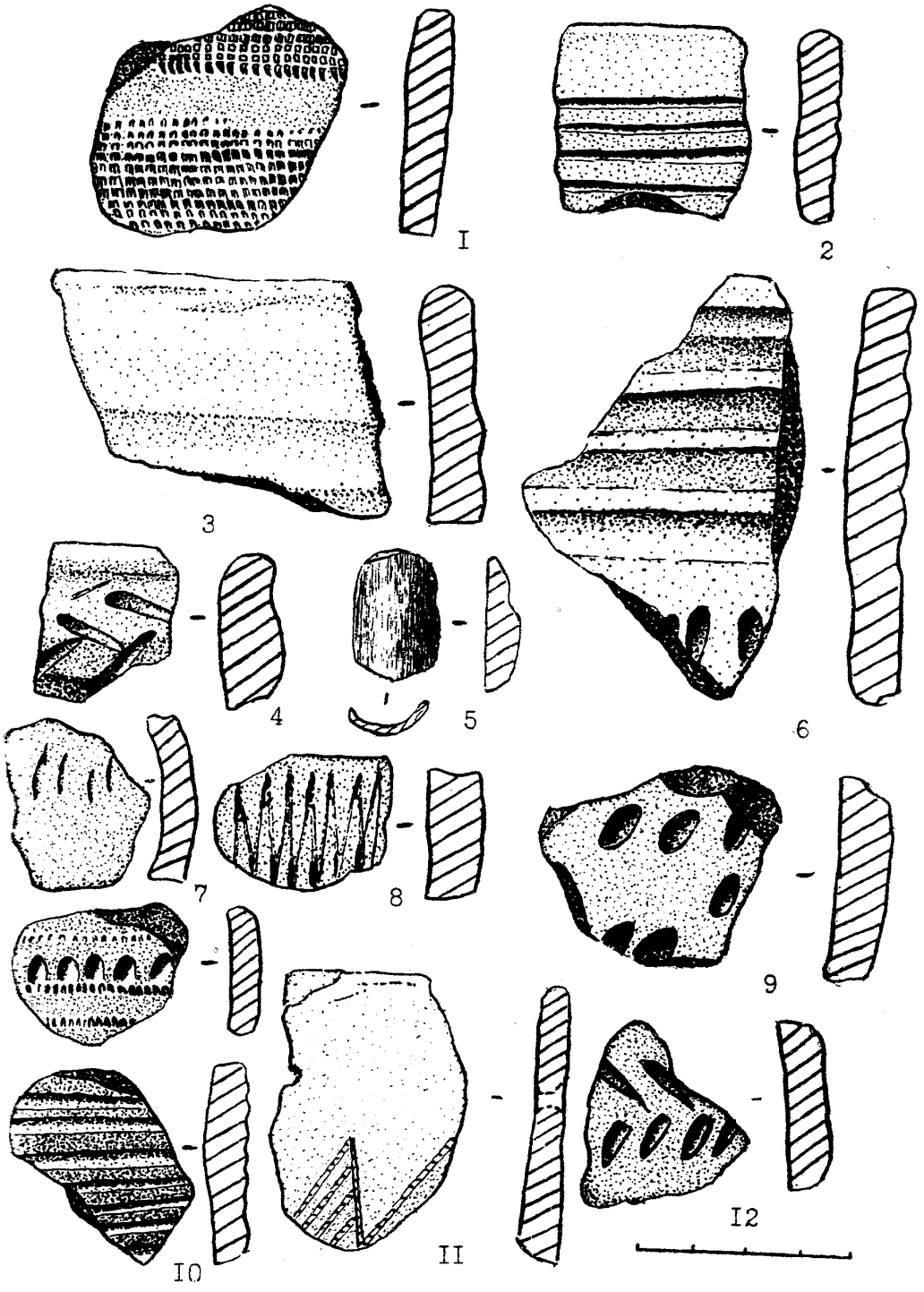


Рис.4. Находки с памятников Ивановское I (2,3,6,10) и Ивановское II (1,4,5,7-9,11,12).

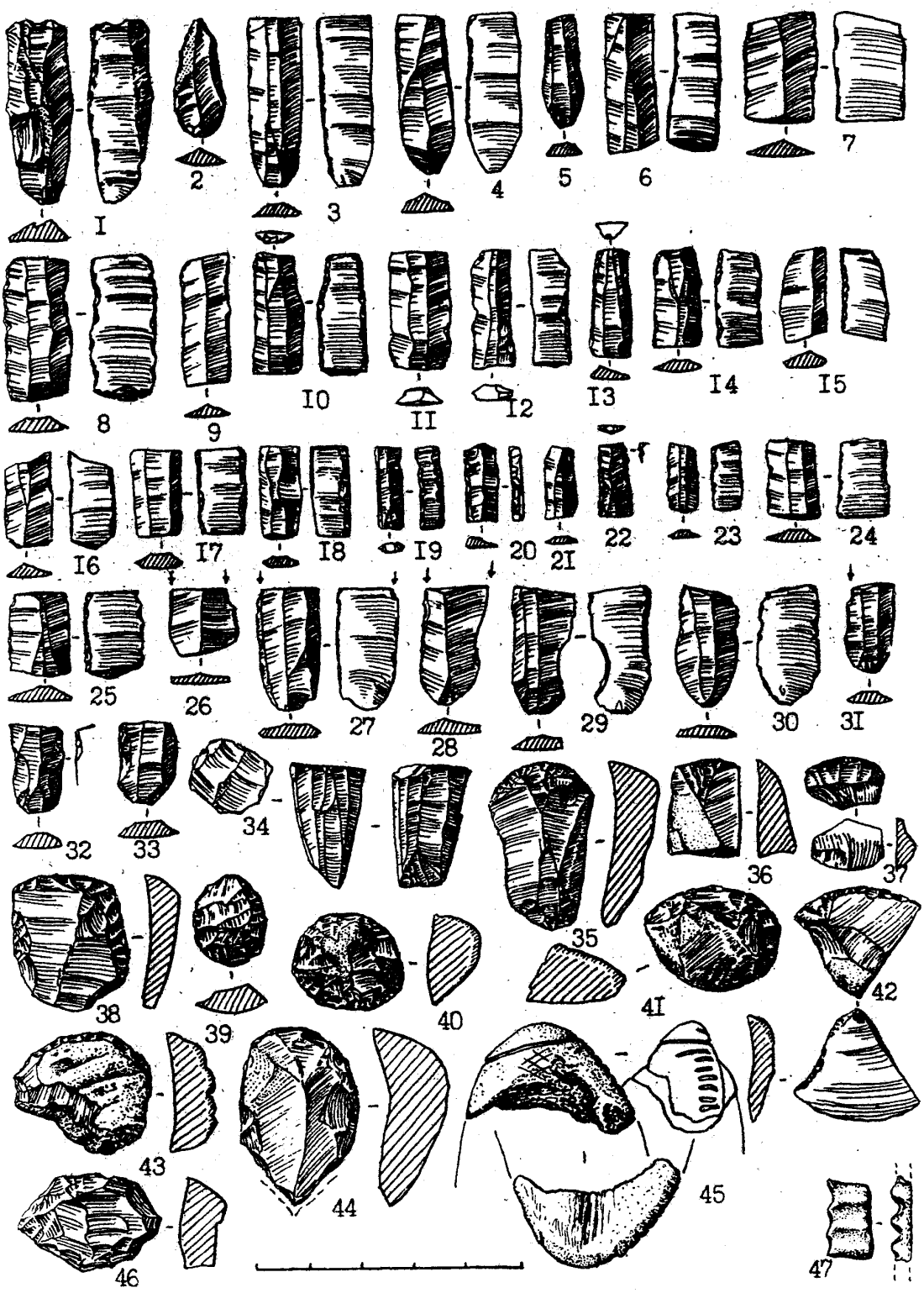


Рис.5 Каменные изделия с памятников Беленькое I

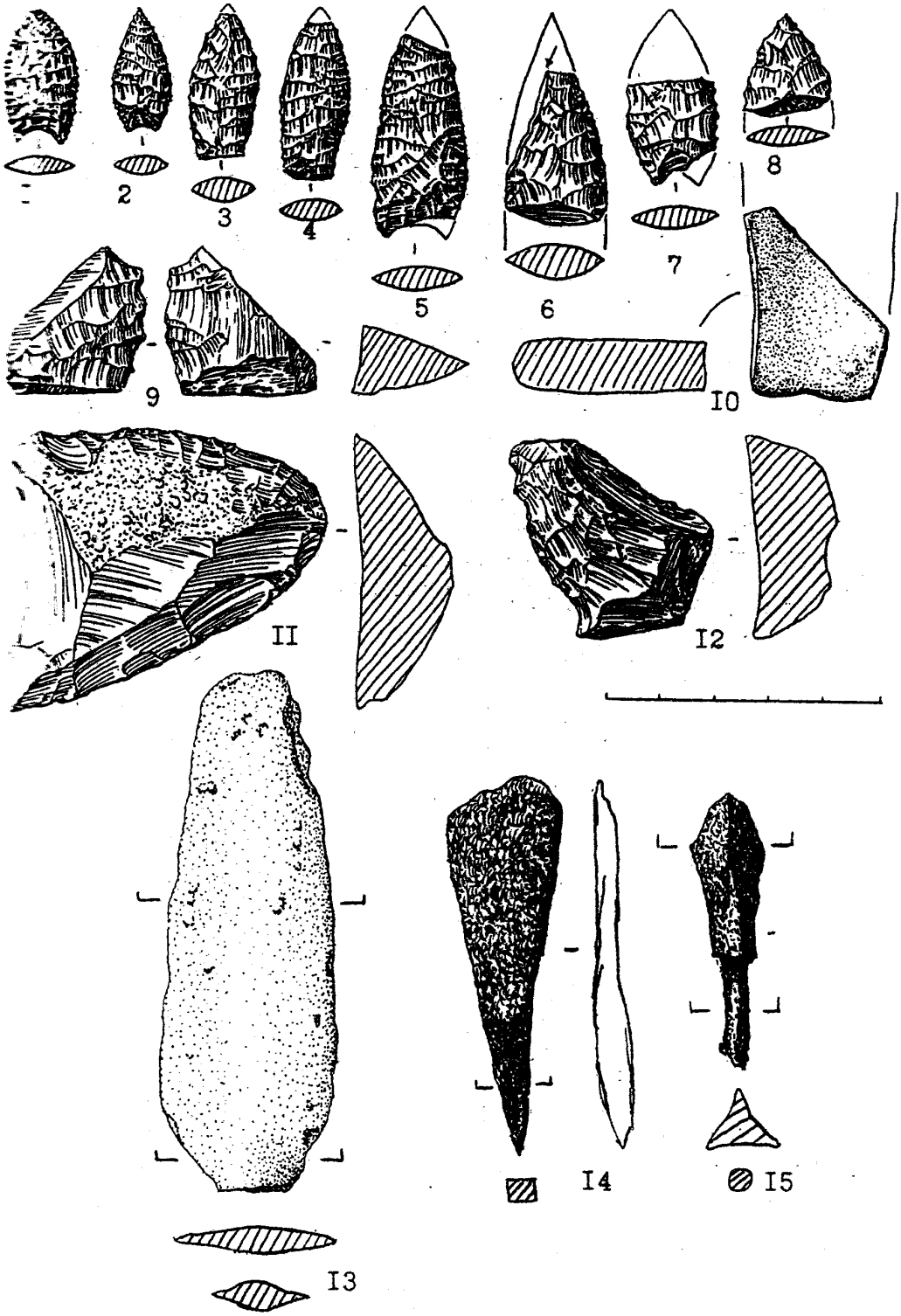


Рис.6. Каменные изделия с памятников Беленькое I (1-13,15) и Кашлоу IV (14).

Шмидт А.В.
(г. Барнаул)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА АЛТАЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

На сегодняшний день эпохе неолита Алтая посвящено большое количество работ, но говорить об ее всесторонней изученности пока рано. В данной публикации предпринята попытка отобразить сложность и неоднозначность процессов становления, развития и взаимовлияния культур на территории края в это время.

Алтайский край представляет собой сложный географический регион, включающий в свои рамки горы, предгорья, лесостепь и степь. Различные природные условия этих районов, безусловно, по разному влияли на развитие древних обществ, и к начальным этапам позднего каменного века здесь складывается несколько неолитических культур, имеющих между собой ряд сходств и различий.

Одним из наиболее сложных и малоизученных районов является Юго-Западный Алтай. Большая часть археологического материала здесь происходит из развеянных памятников, которые расположены на озерах руслового происхождения, оставленных древними притоками Оби. Памятники объединяет общая культурно-техническая традиция, выражающаяся в микролитической пластинчатой индустрии, сходной по технике обработки, общему облику изделий, используемому сырью, но, тем ни менее, хронологически их можно разделить. Так, на эпоху финального мезолита-раннего неолита (Павловка I) приходится расцвет микролитической вкладышевой индустрии. Большая часть пластин (52,7%) ретуширована. Орудийный набор отличается разнообразием, он представлен большим количеством скребков, вкладышами мясных ножей (46% всех орудий) и охотничьего оружия (17%), резцами (14%), наконечниками стрел (только на отщепах) и т.п. Сырьевым материалом для изготовления инвентаря служили яшма, холцедон, кварцитовидные сливные песчаники (КСП) и др. (Кирюшин, Кунгурова, 1984.С.25-40.).

В последующие этапы неолита (IV-2 половина III тыс. до н. э.) процентное соотношение пластин относительно отщепов вырастает, но доля обработанных, при этом, уменьшается (Кривое I - 44%; Гульбище - 32,8%). Несколько снижается процент резцов (12,7%), нет разнообразия типов изделий. Единичные находки атипичных кельтименарских наконечников стрел с боковой выемкой (рис. 2-19) говорят, скорее, о взаимовлиянии азиатских и местных племен, нежели о миграционных процессах. Так же, отметим, что на ряде памятников в большей или меньшей степени фиксируются казахстанские, пришлые черты каменной индустрии, к которым следует отнести геометрические микролиты, пластины со скошенным концом, вариации вкладышей с притупленной спинкой и т. п. Исходя из данных трасологического анализа индустрии, хозяйство в эпоху неолита остается охотничье-рыболовецким. Но сразу оговоримся, что несмотря на близость крупных водных артерий и наличие на памятниках сверл по камню, стерженьков для рыболовных крючков в Юго-Западном Алтае известно крайне мало (Кунгурова, 1987. С. 55-66.). Все они — стерженьки-перехваты, играющие только роль грузил и не предназначенные для крепления в них самого крючка (рис. 1-2-4). Имеющаяся керамика, украшена оттисками отступающей палочки или лопаточки, поперечными волнистыми линиями (Кирюшин, Клюкин, 1985. С. 95). По мнению М.Ф. Косарева, подобная орнаментация характерна для целого ряда культур Верхнего и Томско-Нарымского Приобья, входивших в единую культурную общность (Косарев, 1981. С. 63).

Другая своеобразная неолитическая культура развивается в это время в бассейне Среднего Чумыша, достаточно изолированного района с запада, востока и юга горными массивами. Немногочисленный керамический комплекс данной культуры представлен слабо профилированными горшками и плоскодонными банками, украшенных оттисками нескольких орнаментиров: гребенчатой и гладкой качалкой, поперечными тонкими линиями, неровными семечковидными ямками, коротким гребенчатым штампом. Формовочное тесто содержит примесь травы. Схожие элементы декора и композиции, а также форма сосудов прослеживается в неолитических культурах среднего Приобья, Зауралья и бассейна Конды. Возможно, это говорит о миграционном процессе какой-то этнической группы с северо-запада по долинам сначала Оби, затем Чумыша в его среднем течении, где и происходит формирование культуры (Кунгуров, 1998. С. 41). Каменная индустрия имеет ярко выраженную двухкомпонентность. Часть изделий изготовлена из традиционных поделочных пород, которые не встречаются в данной местности, это кремень, яшма, КСП и т.п. Другая часть представлена местной породой (алевролит) слабо отвечающей требованиям камнеобработки. Очевидно, отсутствие поделочного камня стало причиной слабого заселения этого района местными племенами, чем неминуемо воспользовалось пришлое население. Характер техники расщепления - призматический, атипично-призматический и плоскостной (для алевролита). Основа индустрии мелкая и средняя пластина. Обращает на себя внимание крайняя степень изношенности орудий, вплоть до завальцованности рабочей кромки. Представленные наконечники стрел - черешковые и с округлым насадом (Рис. 2-1-5), что нехарактерно для остального Алтая. По памятнику Карначак II культура названа карначакской и датирована VI-V тыс. до н.э. (Кунгуров, 1997 С. 104). Наиболее близкими комплексами карначакской культуры являются памятники р. Иня, ис-

следованные В.А. Захом (Зах, 1981. С. 22-27; 1985. С. 23-29). Очевидно, и те, и другие, сложились под влиянием одной миграционной волны, но легла она на разные местные основы.

Под влиянием переселенческой волны в северных и северо-восточных районах края в эпоху неолита распространяется традиция украшения сосудов несколькими орнаментирами, создававших своими оттисками сложные композиции. Это идет в разрез с местной традицией, характерной для гор и предгорий Алтая. В этих районах сосуды, как правило, украшались оттисками одного штампа с верху до низу.

В Барнаульско-Бийском Приобье в это время, очевидно, происходит формирование ирбинской неолитической культуры (Комарова, 1956, С. 97). Памятники разбросаны на большой территории, вблизи крупных водных артерий на высоких террасах, зачастую граничащих с кромкой леса. В орнаментации керамики преобладает короткая, 3 - 4 зуба, гребенка и насечки образующие горизонтальные линии и елочку. Форма сосудов в значительной мере зависит от места расположения памятников. В предгорной зоне (оз. Иткуль), это кругло- и остродонная керамика. Для северной границы культуры, проходящей в районе с. Кротово (возможно, чуть севернее), наряду с уже перечисленной, характерна плоскодонная посуда, что ,очевидно, связано с северозападным влиянием. Керамика толстостенная, тесто имеет пористую структуру. Каменная индустрия представлена в основном отщепами и орудиями на них. Пластины хотя и встречаются довольно часто, но, тем не менее, не превышают 11% (Кротово I) - 20%(Комарово I). Столь малый процент говорит о дефиците камня в зоне расселения ирбинцев, который они компенсировали за счет выменивания его у племен проживающих на территории современного Казахстана и Рудного Алтая и использованием кости и, видимо, дерева (Горбунов и др, 1997. С.40). К сожалению на данный момент нет достаточно обоснованной точки зрения относительно датировки культуры. Выводя ирбинский тип памятников в 1956 г., М.Н. Комарова относит их к эпохе неолита. В.И. Молодин, топологически проанализировав керамику и сравнив ее с материалами лесостепной Барабы, отнес данную культуру к эпохе раннего металла - конец III - начало II тыс. до н.э. (Молодин, 1977. С.43). По мнению М.Т. Абдулганеева, такая датировка сильно омоложена, за счет включения в ирбинский тип ряда памятников Новосибирского Приобья. Если их исключить, ирбинские материалы следует датировать в рамках III тыс. до н.э., но не позднее его середины (Абдулганеев, 1987. С. 75). При анализе карначакской керамики А.Л. Кунгуров отмечает, что она сложилась из нескольких компонентов, прежде всего, гребенчато-ямочного и ирбинского. Последний фиксируется по примеси травы в тесте, слабой профилировки сосудов, короткому зубчатому штампу (Кунгуров, 1998. С. 41). Таким образом, А.Л. Кунгуров нижнюю грань бытования культуры опускает к YI тыс. до н.э.

Вопрос очень сложный и неоднозначный. Очевидно, ирбинскую культуру следует воспринимать, как сугубо неолитическую. В конце III - начале II тыс.до н.э. уже постирбинские племена, пережившие несколько миграционных волн энеолитического и раннебронзового населения, возможно, сосуществовали с ними какое-то время, занимая разные экологические ниши. Благодаря этому соседству, постирбинские племена заимствуют медные орудия, меняется их материальная культура.

Наиболее изученной является неолитическая эпоха Средней Катуни (Горный Алтай), сложившаяся на основе усть-семинской мезолитической культуры. Каменная индустрия ранненеолитических слоев представленна призматической техникой расщепления. Большинство пластин мелких - 71,5%, средних 23,6%, крупных 4,9%. Из них 28,7% несут следы вторичной обработки (Тыткескень II)(Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова, 1991.С.27). Известен один стерженек рыболовного крючка с боковым пропилом (Рис. 1-6). Распространяются наконечники стрел изготовлены на пластинах (Рис. 2-9), наряду с более древними отщеповыми формами (Кирюшин, Кунгуров, 1994. С.112). Керамика представлена сосудами с приостренным днищем. Часть их тонкостенная, чаще всего неорнаментирована или украшена рядами оттисками мелкого гребенчатого штампа. Другая более толстостенная, с примесью в тесте шерсти животных, украшена зубчатым штампом. Предварительная датировка ранненеолитических слоев на Катуни - VI тыс. до н.э.

В начале IV тыс. до н.э. происходит складывание среднекатунской поздненеолитической культуры (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1992. С. 30). В каменной индустрии намечаются некоторые изменения. Падает процент мелких пластин (61%), появляются геометрические микролиты пришедшие на Алтай, очевидно, из Казахстана. Керамический комплекс представлен толстостенными круглодонными неорнаментированными сосудами, с высоким отогнутым наружу венчиком, плавно переходящем в тулово, и тонкостенными, орнаментированными шагающей гребенкой. Также в некоторых слоях фиксируется посуда по форме приближенная к афанасьевской, украшенная, в основном, шагающей гребенкой (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993. С. 81).

Во 2 пол. IV тыс. до н.э. в Горном Алтае на основе среднекатунской культуры происходит формирование большемыской культуры эпохи финального неолита-энеолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997. С.65). Каменная индустрия несет на себе заметные следы деградации. Она уже не является микролитической. Пластина составляет 11,5% (Тыткескень VI) - 23,4% (Тыт. II) от общего числа каменных артефактов. Из них обработано 25,6% - 17,6%. Мелкие пластины со-

ставляют 48,2% - 55,3%. Керамический комплекс представлен тонкостенными, хорошо профилированными сосудами со слегка отогнутым венчиком и реповидным днищем. Посуда украшена, в основном, оттисками гладкой или зубчатой качалки. Стерженьки составных рыболовных крючков принимают оптимальную форму. У них появляется срединный пропил и боковые выступы, что позволяло более качественно крепить жальца (Рис. 1-1, 7).

В конце IV тыс. до н.э. на территории Горного Алтая усиливается давление более развитых племен, возможно, выходцев с Ближнего Востока, сформировавших скотоводческую афанасьевскую энеолитическую культуру(Кирюшин, 1991. С.45). Это косвенно фиксируется по большому количеству наконечников стрел на некоторых большемысских поселениях и тому, что на ряде памятников большемысские слои перекрыты афанасьевскими. Очевидно, именно тогда местные племена знакомятся с металлом. Вытесненные пришельцами, большемысцы уходят в лесостепь и предгорья. Н.Ю. Кунгурова отмечает ярко выраженные следы различия в каменной индустрии памятников данной культуры Горного Алтая и предгорий, вызванные, очевидно, сменой условий существования (Кунгурова, 1998. С. 15). Появляется больше рубящих орудий. Увеличивается количество стерженьков составных рыболовных крючков. Это говорит о возросшей роли рыболовства, по сравнению с предыдущими эпохами. К сожалению, пока затруднительно ответить на вопрос, как складывались отношения ирбинцев и большемыссцев в это время. Возможно, они частично смешиваются и формируют новый ХКТ энеолита (Кирюшин, Кунгуров, 1995. С. 63).

Изменения, происходившие на Алтае в эпоху неолита (возросшая роль рубящих орудий, постепенный переход от призматической техники расщепления к отщепу, увеличение роли рыболовства), говорят о формировании в период финального неолита - энеолита полуоседлого образа жизни. По мнению М.Ф. Косарева, в подобных условиях происходит переход от охотничье-рыболовецкого хозяйства к пастушеско-земледельческому (Косарев, 1984. С. 51). Именно такая ситуация возникает в предгорьях Алтая во второй половине III тыс. до н.э.

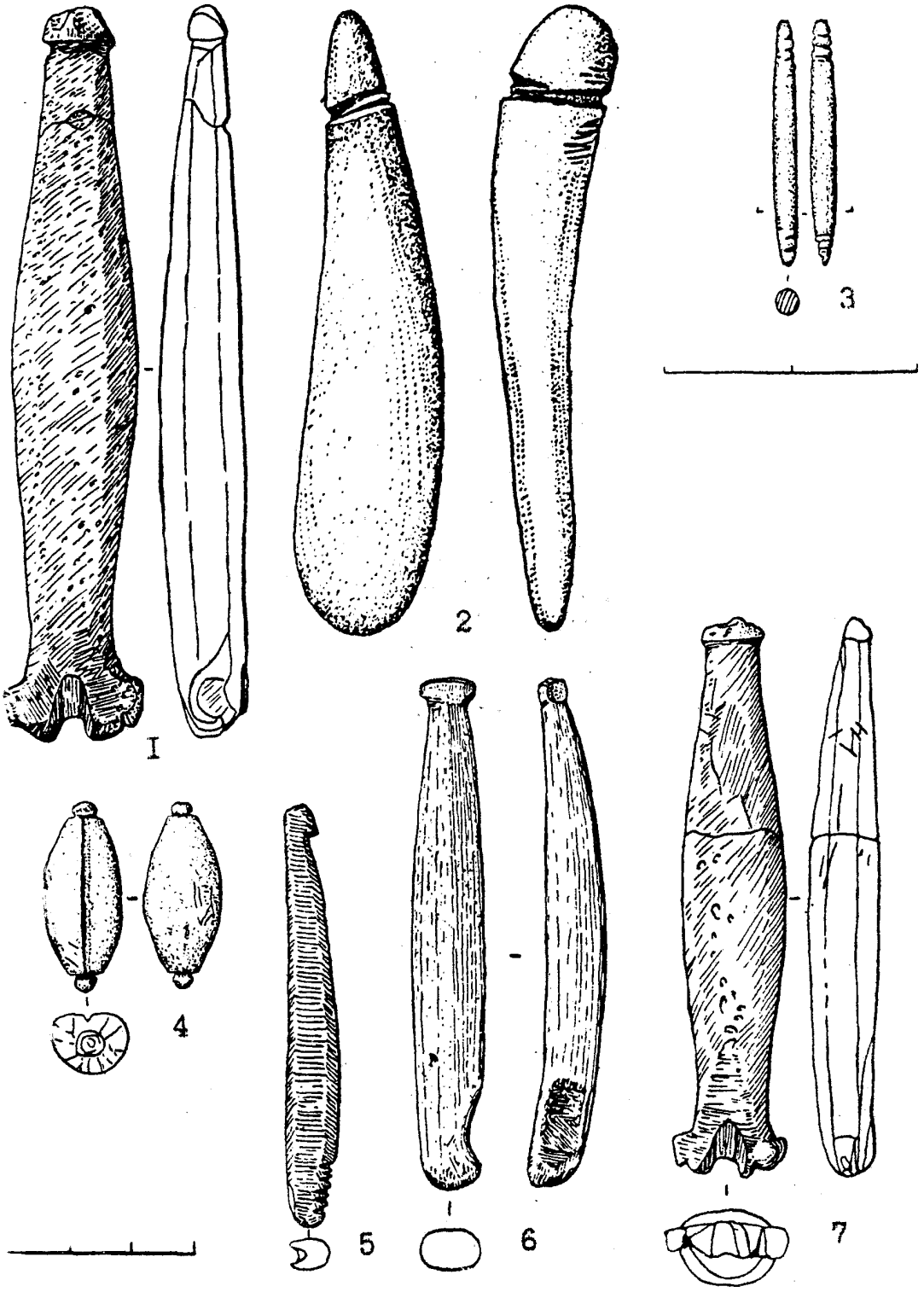


Рис.1.1.7 -НТП-1; 3,4 - Рубцовское поселение, сборы А.А. Тишкина. А.В. Оникова; 5- Средний Чумыш; 6- Тыткескень-6

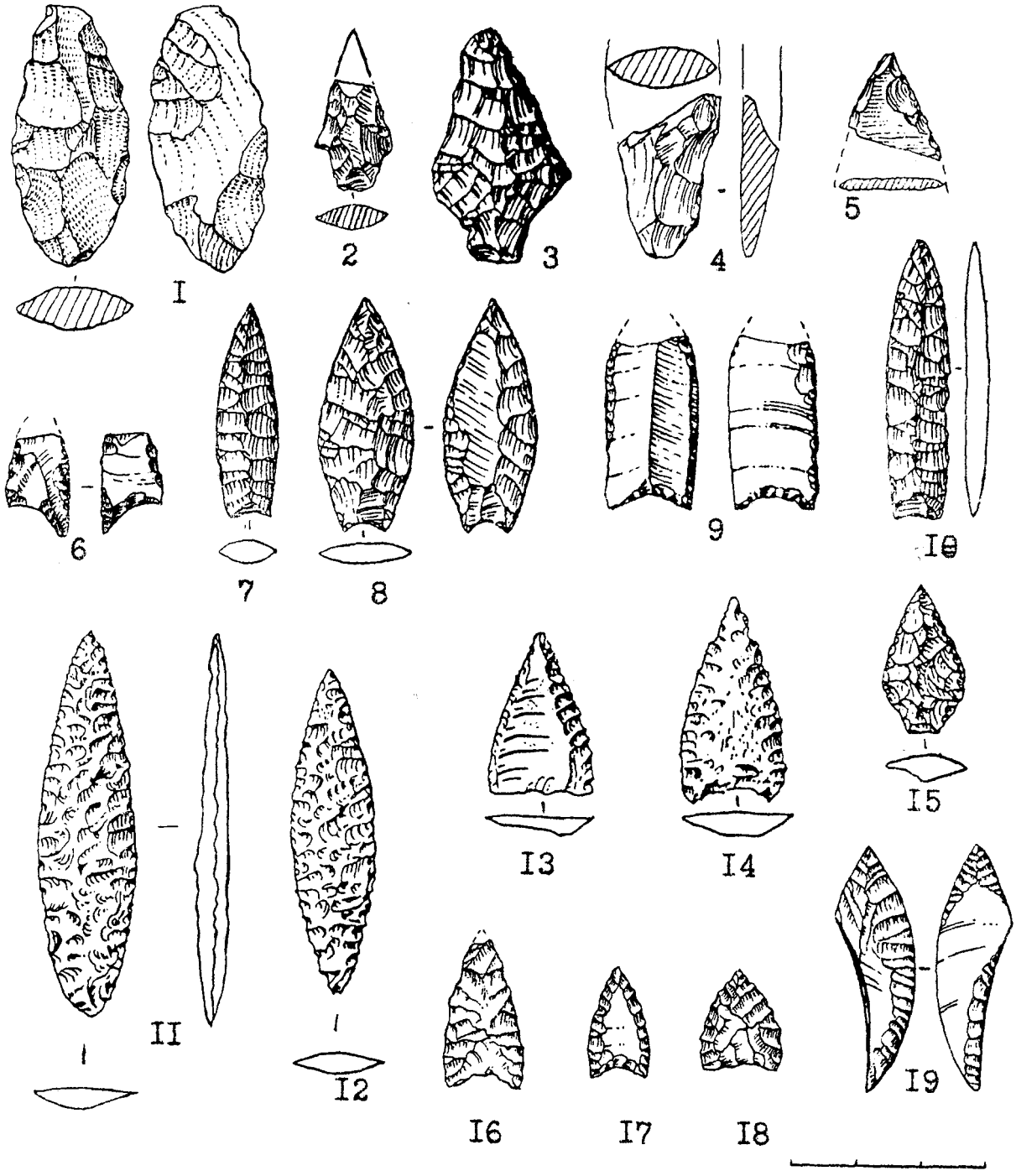


Рис. 2. 1-5 - Средний Чумыш; 6-10 - Горный Алтай; 11-15 - Барнаульско-Бийское Приобье; 16-19 - Юго-Западный Алтай

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 — новый памятник эпохи раннего металла //Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67–80.
2. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. I. Барнаул, 1997. 157 с.
3. Зах В.А. Иня-3 - новая неолитическая стоянка Обь-Чулымского междуречья. // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981. С. 22-27.
4. Зах В.А. Погребение эпохи неолита - ранней бронзы могильника Заречное-1. // Западная Сибирь в древности и средневековье.- Тюмень, 1985. С. 23-29.
5. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43–47.
6. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Проблемы формирования энеолитической культуры Верхнего Приобья // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 64–66.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень II // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 25–30.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катуни // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 80–84.
9. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Поздненеолитический горизонт поселения Тыткескень II // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 28–30.
10. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23–28.
11. Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая. // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1985. С. 73-117.
12. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111–123.
13. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 61–63.
14. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25–40.
15. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. М., 1956, № 64. С. 93-103
16. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981. 227 с.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности.- М., 1984. 245 с.
18. Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 98–104.
19. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть.Васиха-2 на Верхнем Чумыше. // Древние поселения Алтая.- Барнаул, 1998. С. 39-54.
20. Кунгурова Н.Ю. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 55–66.
21. Кунгурова Н.Ю. Технологические традиции населения большемысской культуры предгорной зоны Алтая. // Древности Алтая. Вып. 3.-Горно-Алтайск, 1998. С. 15-22.
22. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 173 с.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т, Цыб С.В., Степанова Н.Ф. (г. Барнаул)

РАСКОПКИ АФАНАСЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЕРВЫЙ МЕЖЕЛИК I В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ

Могильник Первый Межелик I открыт в 1980 г. Он располагается на правом берегу р. Урсул, в 1,5 - 2 км к северо-востоку от с. Ело Онгудайского района республики Горный Алтай. Свое название получил по скальной возвышенности, расположенной в долине отдельно от ограничивающих ее горных хребтов, которая именуется местным населением Первый Межелик.

Афанасьевские ограды находятся в 150 м от восточного склона Первого Межелика. Они группируются в несколько скоплений, составляющих цепочку, которая тянется с юго-востока на северо-запад (рис. I -IV). Всего зафиксировано 44 объекта, из них только 3 ограды-стенки. Особого внимания заслуживают дуги из вертикально поставленных плит. Их зафиксировано 2. Первая находится в северной части могильного поля вокруг трех оград, в т.ч. самой большой. Дуга состоит из двух параллельных рядов камней и плит. Размеры дуги по хорде, т.е. по прямой между крайними плитами, 75 м. Вторая дуга меньших размеров. Расстояние по хорде - 33 м. Подобных сооружений в Горном Алтае, да и Минусинской котловине пока не зафиксировано.

Раскопки могильника проводились в 1980, 1984 и 1990 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета. Результаты раскопок первых двух лет опубликованы (Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986, с. 58-65).

В южной части памятника раскопано 3 объекта в 1984 и 3 в 1990 г. Фактически 6 оград вскрыто сплошным раскопом. Ограды № 3, 4, 5, 12 расположены цепочкой, ориентированной с СЗ на ЮВ. Расстояние между ними от 1 до 2 м. В оградах 13 и 14, расположенных в 4 и 5 м к ЮЗ от оград 3 и 5, могильных ям не было. Между объектами 3 и 14 находятся небольшие выкладки из мелких рваных камней. Такие же выкладки находятся к З от ограды 4 (рис. 1 -I; 2).

Ограды 3, 4, 5 охвачены общим раскопом. Диаметр ограды 5 - 4 м, 4 - 4,2 м, 3 - 4,6 м (рис. 1 - 2). Надмогильные конструкции сложены из вертикально поставленных сланцевых плит, выступающих из дерна до 65 см. Ограды 3 и 4 нарушены впускными захоронениями: ящиками из плит с небольшой насыпью. Насыпи вокруг ящиков составляли верхний слой забутовки оград. Ниже этого слоя шло собственно афанасьевское сооружение. По-видимому, во всех трех оградах афанасьевские могилы были перекрыты плитами, которые были уничтожены впускными захоронениями. Перекрытие сохранилось лишь в ограде 5.

В оградах 3-5 выкапывался ровик для плит, куда после установки последних забивались контроформы - плитки и камни меньших размеров. Ровик выкапывался в материке, при раскопках проявлялся только с глубины 0,6-0,7 м.

В ограде 5 могильная яма была перекрыта пятью плитами, лежащими поперек овальной в плане могилы. Размеры могилы на уровне материка были 1,5 х 0,85 м. До глубины 1,0 м она сужалась, затем стенки стали вертикальными, за исключением подбоя в юго-западной части. Глубина могилы 1,2 м. Похоронена женщина 14 - 15 лет европеоидного типа (определения В.П. Алексеева, 12.06.1984), на спине, головой на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях и приподняты на 25 см над дном и прислонены к северной стенке. Череп лежал на земляной подушечке. Скелет, дно могилы у черепа, правой плечевой кости, под сосудом и между ними и тазом, были густо окрашены охрой. Между костями стоп и южной стенкой лежал остродонный горшок, орнаментированный накалыванием и протаскиванием, а также прокатыванием гладким штампом (рис. 6 - 10).

В ограде 4 могила была овальной формы и слегка расширялась ко дну. Размеры ее 1,57 х 0,83 м, глубина 1,07 м. Молодая женщина (?) до 14 лет похоронена на спине, головой на СЗЗ. Руки лежали вдоль туловища, ноги завалились вправо, к северной стенке и были согнуты в коленях. Череп слегка приподнят и покоился на «подушечке» из белой глины. Все кости, за исключением черепа, густо окрашены охрой. Между левым плечом и южной стенкой найден кремневый наконечник стрелы листовидной формы, второй (ромбовидный) находился на венчике остродонного горшка (рис. 1 - III; 6 -3). Последний лежал у плечевой кости. Слева от черепа обнаружены угольки, а под черепом и правой половиной таза - скопление охры.

В ограде 3. Могила оказалась овальной, размерами 1,5х 0. 7 м. У дна она несколько увеличились из-за подбоя в западной части. Глубина могилы 1,45 м. На дне могилы лежал скелет молодой женщины (?) на спине, головой на ЮЗЗ. Руки вдоль туловища. Правая нога согнута в колене. У правого плеча лежал остродонный сосуд (рис. 6 - 9). Дно могилы и кости человека окрашены охрой. Хотя погребение не потревожено, но отсутствовали череп и левая нога.

Ограда 12 находится в 2,2 м к СЗ от ограды 3. Округлой формы размерами 3,6 х 4,4 м. Сооружена из вертикально поставленных плит, которые со временем наклонились как вовнутрь ограды, так и наружу (рис. 2). Под дерном найдены фрагменты керамики и кости животных.

Могильную яму перекрывали 9 плит. В южной части плиты перекрытия окрашены охрой. Кроме того на плитах и в засыпке могильной ямы обнаружены остатки дерева. Могильная яма ориентирована с ЮЗ на СВ. Подовальной формы, размерами 1,85 х 0,97 м. Сужается ко дну до 1,6 х 0,8 м, глубиной в материке 79 см.

Мужчина около 18 лет (определения К.Н.Солодовникова) уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Костяк окрашен охрой, особенно густо грудная клетка (рис. 2). В могиле найдены у локтя правой руки остродонный сосуд, орнаментированный по венчику штампованием, по тулову шаганием с прокатыванием (качалкой) зубчатым инструментом, у тазовых костей кольцо из зеленоватого камня, у левого виска золотая подвеска, справа у черепа пластинчатый отщеп с режущим рабочим краем (рис. 2 - 1, 4; 4 - 1,4). Под правой половиной таза - костяная пластина с отверстиями очень плохой сохранности.

Ограда 13 сооружена из сланцевых плит, поставленных на ребро, которые со временем наклонились во внутрь. Оградка подовальной формы, вытянута с СЗ на ЮВ. Ее размеры 7 х 5,7 м.

В центре в нижней части гумусированного слоя и верхней песка со щебнем выявлено пятно темного цвета подовальной формы размерами 2,08 х 1,6 м, мощностью до 20 см,. Оно ориентировано с С на Ю. С юго-западной стороны пятно ограничено вертикально поставленными плитами. В нем найдены отщепы, развал сосуда, камень со следами охры. Севернее этого пятна найден развал еще одного сосуда. В ЮВ части ограды зафиксировано углистое пятно (рис. 2).

Ограда 14. Округлой формы. Размеры 6,1 х 5,9 м. Составлена из вертикально поставленных плит, которые наклонились во внутрь.

Могильной ямы не было. В центре и в северо-восточной части объекта есть небольшое

углистое пятно В ограде найдены отщепы, фрагменты керамики и развал сосуда, орнаментированный отступанием (рис. 2; 6 - 6).

Ограда 11 находится в 61 м к СЗ от ограды 12. Сложена из вертикально поставленных плит. Подовальной формы, вытянута с СЗ на ЮВ, размерами 6,8 х 6 м. Плиты заглублены в слой супеси и материка на 30 - 40см. Со временем они наклонились во внутрь. В СЗ части сооружения они установлены в несколько рядов. Внутреннее пространство забутовано рваным камнем, уложенным в 2-3 слоя (рис. 4 - I).

Могильная яма немного смещена к СЗ от центра. Подовальной формы. Ориентирована с ЮЗ на СВ, размерами 2,1 х 1,0 м. Глубина в материке 1-1,13 м. На уровне древнего горизонта и немного ниже прослежены остатки перекрытия из дерева, уложенного поперек могилы. В яме на разной глубине найдены отдельные кости человека, в т.ч. позвонок со старым сломом в охре (рис. 4 - II).

Объекты 6,7,8,1,2,9,10 составляют компактную микроцепочку, ориентированную по линии С-Ю (рис. 1 - IV).

Ограды 6,7,8 находятся в 12 м к ССЗ от ограды 11. Все пространство между стенками оград 6, 7, 8 заполнено рваными камнями (рис. 3 - I). Ограда 7 перекрывает ограды 6 и 8 камнями внешней подпорки плит.

Ограда 6 круглой формы, диаметром 3,5-3,6 м. Сложена из вертикально поставленных плит. В южной части плит не было, но прослежена канавка для их установки, заполненная черной землей. Внутреннее пространство ограды забутовано рваным камнем до 3 слоев. В центре камней практически нет.

Могильная яма ориентирована с ЮЗ на СВ, овальной формы, размерами 125 х 69 см, глубина в материке - 112 см. В засыпке попадались угли.

Погребение нарушено. Умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЗЮЗ. Все кости окрашены охрой. В сосуде № 1, развал которого находился на фалангах пальцев левой руки, найден комок охры. Второй сосуд располагался на лучевых костях правой руки (рис. 3 - III; 6 - 1). Сосуды орнаментированы шаганием с прокатыванием зубчатым инструментом с длинным рабочим краем и накалыванием.

Ограда 8. Находится в 1,3 м к С от ограды 6.Овальной формы, размерами 1,9 х 1,7 м. Сложена из вертикально поставленных плит, которые со временем наклонились во внутрь (рис.3-I).

Могильная яма ориентирована по линии С-Ю. Подовальной формы, размерами 115 х 67 см. Сужается ко дну до 85 х 50 см. Глубина в материке 66 см Погребение нарушено (рис. 3 - II). Возможно, умерший был ориентирован на головой на Ю. Череп и кости ног окрашены охрой. В сосуде зафиксированы остатки растительной пищи (рис. 6 -8).

Ограда 7. Сооружена вертикально поставленных плит, которые со временем отклонились наружу. Диаметр надмогильного сооружения 2,6-3 м. Внутри забутована камнями, но в центральной части камней почти нет (рис. 3 - I).

Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована с ЮЗ на СВ, размерами 1,6 х 0,97 м. Сужается ко дну до 1,35 х 0,85 м, глубина в материке 0,83 м.

Погребение нарушено. Непотревоженные кости таза, руки и головки бедренных костей окрашены охрой. Судя по сохранившим первоначальное положение костям, умерший был ориентирован головой на ЮЗ (рис. 3 - IV).

Ограды 1 и 2 включены в общий раскоп. Диаметр сооружений 2,45 и 2,8 м. Они состояли из сланцевых плит. Центральные сооружения состояли из мелких камней и плит, уложенных в 1-3 слоя, перекрывавшие почти всю внутреннюю часть конструкции.

Перекрытие могилы в ограде 1 находилось в углублении. Состояло из 6 массивных базальтовых плит, перекрывавших овальную могильную яму размерами 1,35х 1,05 х 0,7 м. Похоронен взрослый человек, лежавший на правом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентированный головой на ЮЗЗ. Костяк полностью окрашен охрой. У головы погребенного лежал остродонный сосуд, орнаментированный качалкой и накалыванием. Сосуд со сферическим туловом и округлым дном найден у ног, орнаментирован прочерченными линиями и полукруглыми фестонами, оттисками зубчатого штампа. Под ним лежал маленький кусочек металла. У рук обнаружено четырехгранное обоюдоострое бронзовое шило (рис. 1 - II).

В могиле ограды 2, размеры которой 1,65 х 1,3 х1,0 м, было 2 детских погребения: впускное (ребенок до 1 года) и основное (ребенок около 10 лет). Они потревожены. Судя по сохранившимся на дне могилы костям, 10-летний ребенок был уложен на спину с подогнутыми в коленях ногами, головой на СЗЗ, окрашен охрой и обернут в растительную обертку. В могиле найден остродонный сосуд и обломок деревянного предмета с медными оковками. Сосуд орнаментирован накалыванием и протаскиванием (рис. 6 - 7).

Ограда 10 находится в 3 м к С от ограды 1. Округлой формы размерами 8,6 х 9,6 м. Сооружена из вертикально поставленных плит высотой до 1.5-1,6 м, которые на 40-60 см заглублены в слой супеси и материка. Внутри ограды кольцо из рваных камней, сложенных до трех слоев (рис. 5).

Могильная яма смещена немного к ЮВ от центра объекта. Вокруг нее зафиксирован выброс из могилы. Могила подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами. Ориентирована с ЮЗ на СВ, размерами 1,75 х 1,1 м, сужается ко дну до 1,55 х 0,83 м, глубина в материке 75 см. Погребенный уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗ. Коленные суставы на 8-10

см выше уровня погребения. Скелет окрашен охрой. Кости плохой сохранности. За черепом найден отщеп, также посыпанный охрой. Напротив локтя правой руки сосуд, за ним - пест (?) в виде удлиненной гальки. Напротив локтевых костей левой руки - пятно охры мощностью 5 мм (рис. 5 - II; 6 - 2)

Ограда 9. Ее западной стенкой являются плиты ограды 10. Размеры надмогильной конструкции - 5,4 х 4,4 м. Сложена из вертикально поставленных плит. Внутреннее пространство забутовано рваными камнями, уложенными до трех слоев (рис. 5). В насыпи найдены кости животных и фрагменты керамики.

Могильная яма расположена в 50 см от стенки ограды 10. Ориентирована с ЮЗ на СВ, подовальной формы размерами 2,15 х 1.2 м, сужается ко дну до 1,75 х0,95 м. Глубина в материке 1,15 м. В засыпке могилы попадались угольки.

Умерший уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Все кости окрашены охрой. Возле правой плечевой кости - 2 сосуда, напротив черепа - каменный шарик. К западу от черепа - костяные лопатки (?), посыпанные охрой. У кисти левой руки - костяной гвоздик, у северо-восточной стенки - удлиненная галька. Под одним из сосудов - пятно охры диаметром 12-15 см, мощностью 1-2 см. Сосуды орнаментированы накалыванием и отступанием (рис. 5 - 3; 4 - 2, 3, 5-7; 6 - 5).

Итак, на могильнике Первый Межелик I раскопано 14 оград из вертикально поставленных плит, расположенных двумя группами (рис. 1). В двух сооружениях могильных ям не было, хотя находки в оградах были. Вероятно, их следует рассматривать как ритуальные сооружения, аналогичные ограде 5 могильника Кара-Коба I (Владимиров, Цыб, 1982).

Ограды различаются по внутреннему устройству. Обычно все пространство забутовано камнем, но иногда есть только кольца из рваных камней возле вертикально поставленных плит, которые, возможно, служили прежде всего в качестве подпорки для последних (ограда 10). В ограде 8, небольшой по размерам, внутри камней не было. Не все могильные ямы перекрыты плитами (рис. 5). Глубина могил в материке от 66 до 145 см, но большей частью около 1 м. Положение умерших обычно на спине с согнутыми в коленях ногами (первоначально приподнятыми). Исключение составляет захоронение из ограды 1, где погребенный был уложен на правом боку. Все погребенные окрашены охрой, в т.ч. дно могилы и инвентарь. Это выделяет могильник Первый Межелик I, т.к., пожалуй, только на Ело-Баши во всех захоронениях отмечена обильная посыпка охрой (Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1997). На остальных памятниках отмечается как сильная окраска, так и слабая, а нередко и полное отсутствие охры.

Ориентация умерших на ЮЗ (2), ЮЗЗ (5), З (1), СЗЗ и СВ (по 1) и, по-видимому, на Ю (1). Для афанасьевских памятников Горного Алтая характерна юго-западная ориентировка.

Выделяется Первый Межелик I и по инвентарю. Во-первых, лишь в двух нарушенных погребениях вещей не было вообще. Во-вторых, достаточно часто встречается инвентарь помимо керамики.. Керамика найдена в 12 оградах. Целых сосудов или полностью реконструированных 15. Из них 2 круглодонных (о.1,9), 2 с раздутым туловом, но приостренным дном (о.6, 10). Остальные вытянутые остродонные и ни одного плоскодонного. В целом, как и на других памятниках, каждый сосуд индивидуален.

Венчики обычно орнаментированы накалыванием, реже отступанием, качалкой, протаскиванием. Тулово украшено накалыванием, отступанием, качалкой, протаскиванием, штампованием, в одном случае зафиксировано прокатывание инструментом с гладким рабочим краем. В целом отмечены как типичные способы орнаментации, так и достаточно редкие. Одним из наиболее необычных по орнаменту следует признать сосуд из ограды 13, который украшен инструментом с круглым рабочим краем, диаметром около 1,5-2 мм (рис. 6 - 4). Возможно, орнамент нанесен стеблем какого-то растения или обрезанной трубчатой косточкой птицы или мелкого грызуна. Сравнивая способы орнаментации посуды из П.Межелика I и других памятников, можно отметить, что здесь чаще других встречается такой способ нанесения орнамента как отступание (Степанова, 1997).

Наконечники стрел, бронзовые или медные шилья крайне редки в афанасьевских захоронениях. Аналогии им были определены ранее (Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986). В Горном Алтае в качестве аналогий можно отметить находки с поселения Малый Дуган (Степанова, 1980, с. 79; Кунгурова, Степанова, 1998, рис.2 - 9).

К числу очень редких находок относится золотая спиральная подвеска из ограды 12. В Горном Алтае известно лишь о золотом спиралевидном колечке в 2 оборота из Русскиного Лога (Погожева, 1984, с.226).

Песты и жезлы (удлиненные гальки без следов сработанности) встречаются сравнительно часто (Степанова, 1997). Изделия из оград 9 и 10 вероятнее всего песты, но сохранность их плохая, поэтому возможно лишь констатировать, что на них отмечены следы сработанности (определения Н.Ю.Кунгуровой).

В двух могилах, кроме того в насыпях оград найдены отщепы. Количество отщепов, и других орудий из афанасьевских погребений постепенно увеличивается. Так помимо находок из П.Межелика I подобные вещи найдены в Улите, Нижнем Тюмечине I (Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998; Посредников, Цыб, 1992). Необычны находки каменных колец из оград 12 и 9. До сих пор находили только костяные кольца или перстни в Куроте и Нижнем Тюмечине I (Киселев, 1951, с.56; Посредников, Цыб, 1992, рис. 4-7).

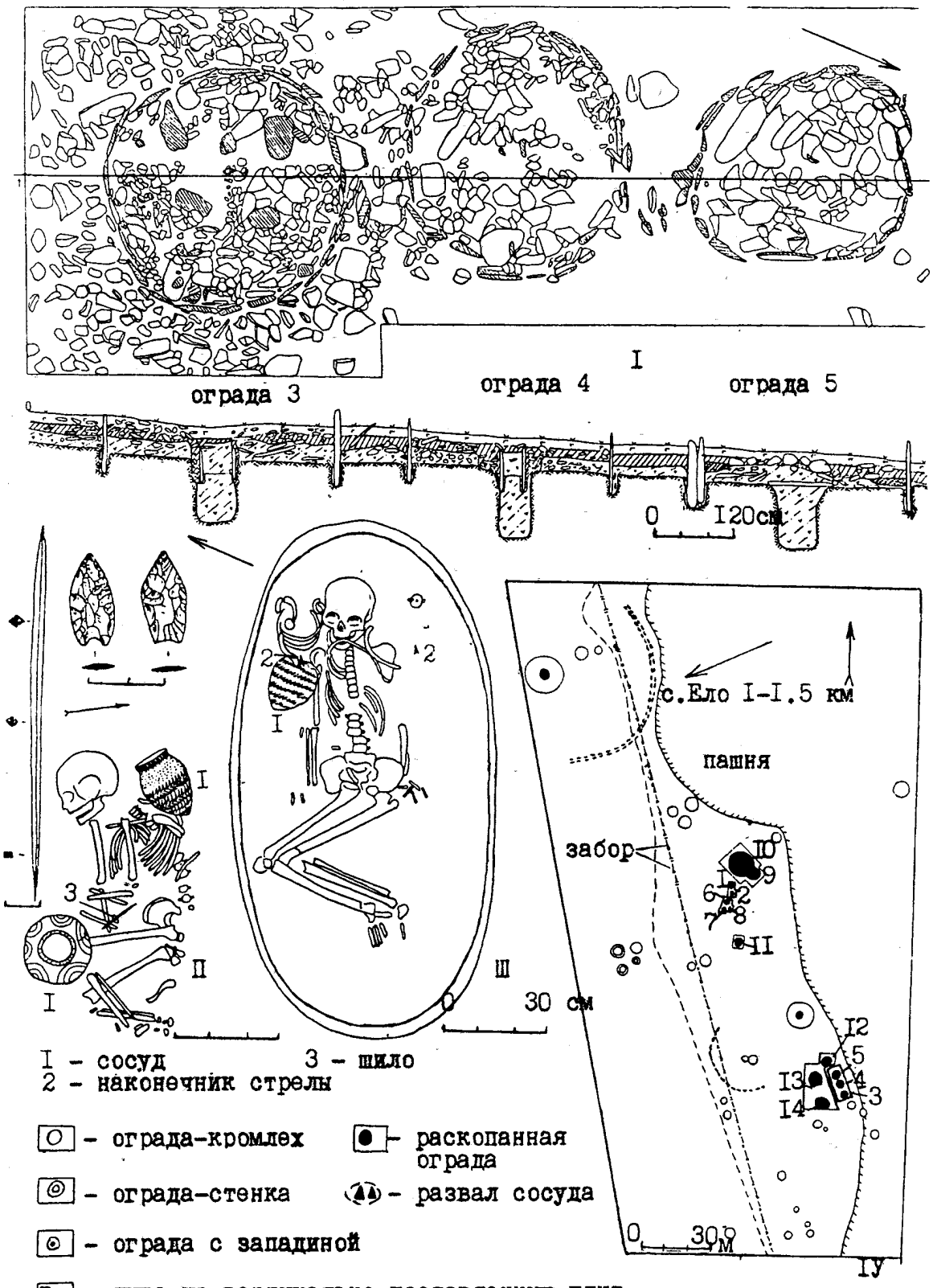
Каменный шарик с кавернами из ограды 9 естественного происхождения. Однако его нахождение в могиле, возможно, не случайно.

Костяные лопаточки из ограды 6 также имеют следы сработанности, но сохранность не позволяет сказать о них что-либо более конкретное. Костяному гвоздику из ограды 9 в Горном Алтае аналогии известны пока лишь в Бертеке 33, к.3 (Древние культуры Бертекской долины, 1994, с. 47, 133). Однако такие стерженьки находят в Минусинской котловине. В кургане у с.Восточный их найдено около 200, где они, вероятно, были украшением деревянного жезла. Подобные гвоздики-стерженьки встречаются и на других памятниках (Вадецкая, 1980, рис.3-1; с.106).

В первой публикации могильник Первый Межелик I был определен как поздний афанасьевский памятник (Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986, с.65). Однако по материалам раскопок 1990 года очевидно, что для памятника характерны такие ранние признаки, как обильная окраска охрой, отсутствие плоскодонной керамики, поэтому более вероятно, что Перый Межелик I может относится к ранним афанасьевским памятникам (Владимиров, Степанова, 1994, с.7). В тоже время представляется вполне возможной датировка его концом III - началом II тыс. до н.э..

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р.Ело //Источники по истории Республики Алтай. Горно-алтайск,1997. С. 69-90.
2. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 3-8.
3. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с.Кара- Коба //Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55-62.
4. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С.39-49, 130-135.
5. Вадецкая Э.Б. Афанасьевский курган у с.Восточного на Енисее //КСИА. Вып. 161. М., 1980. С.101-107.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951. 642 С.
7. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В. Раскопки могильника Первый Межелик I //Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 186. С.58-65.
8. Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган //Древние поселения Алтая. Барнаул,1990. С.26-33.
9. Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая //АО 1982 года. М., 1984. С. 225-226.
10. Посредников В.А., Цыб С.В. афанасьевский могильник Нижний Тюмечин **I //**Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. Барнаул, 1982. С.4-10, 156-160.
11. Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган - памятник эпохи бронзы Горного Алтая //Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.73-86.
12. Степанова Н.Ф. Инвентарь из погребений афанасьевской культуры Горного Алтая //Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 32-36.
13. Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов Горного Алтая) //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С.296-300.
14. Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып.3. Горно-Алтайск, 1998. С. 22- 28.



I - сосуд 3 - шило
2 - наконечник стрелы

- ограда-кромлех
- раскопанная ограда
- ограда-стенка
- развал сосуда
- ограда с западиной
- дуга из вертикально поставленных плит

Погребения в оградах I (П) и 4 (Ш). План могильника Первый Межелик I.

Рис.1

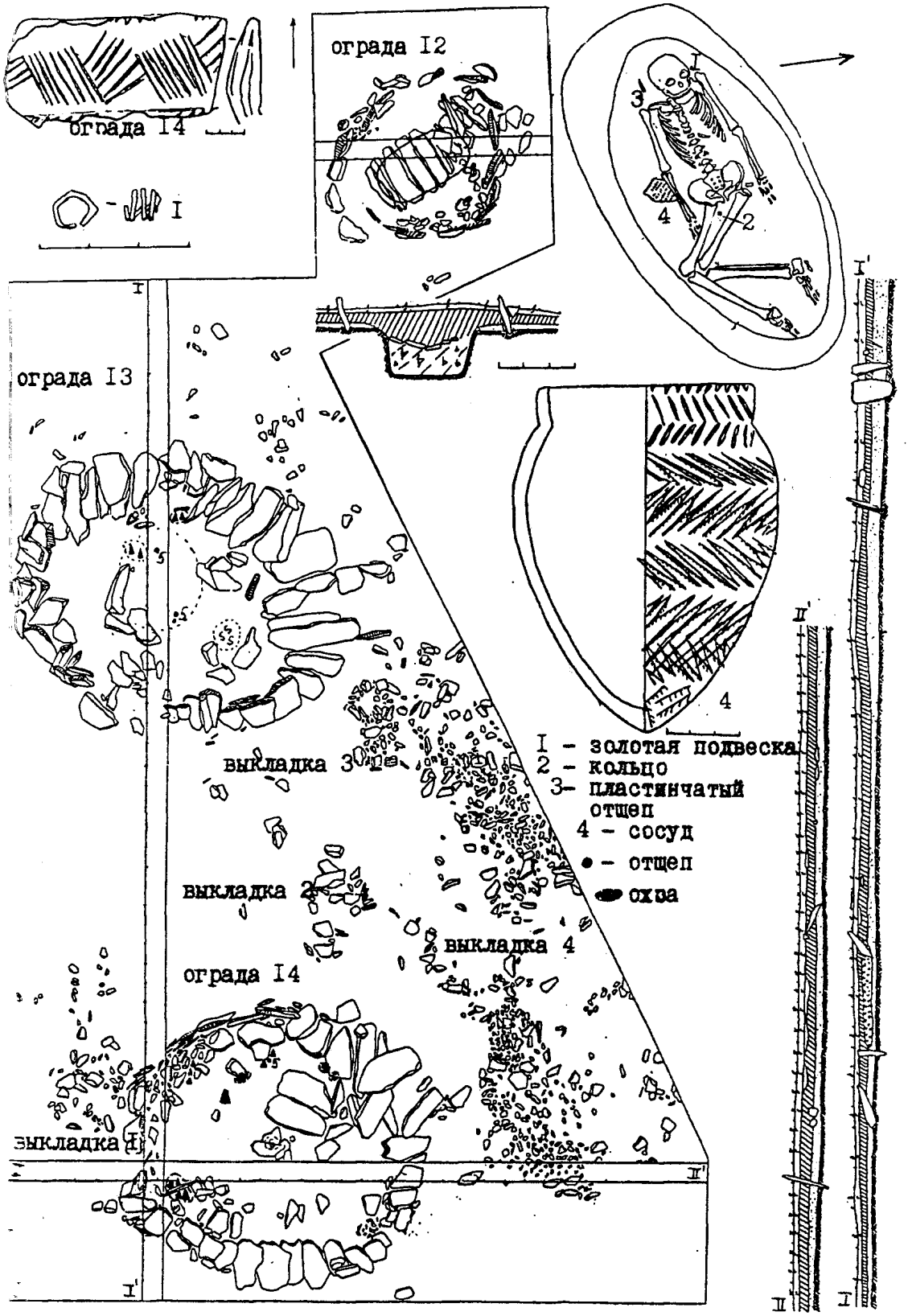
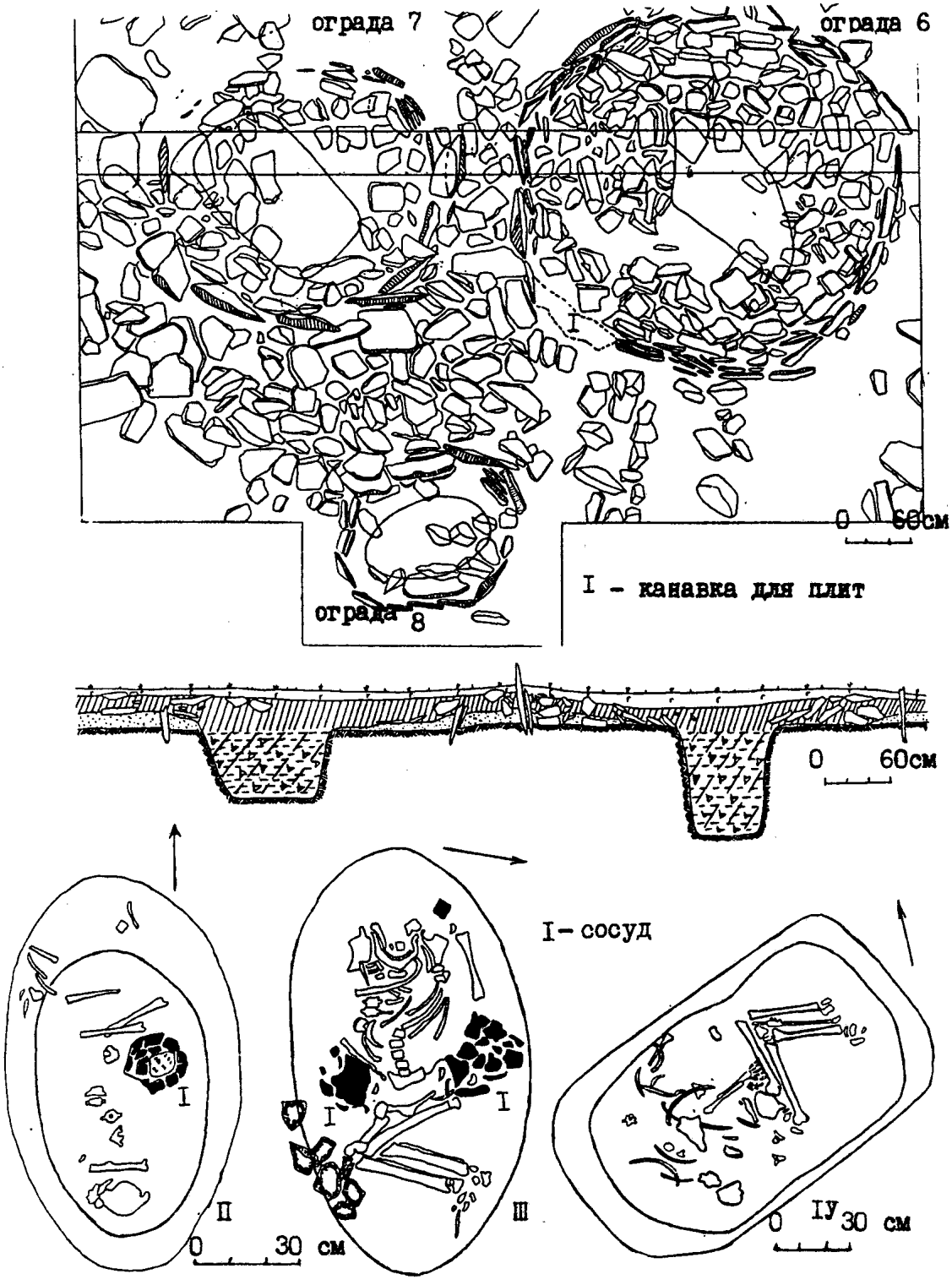
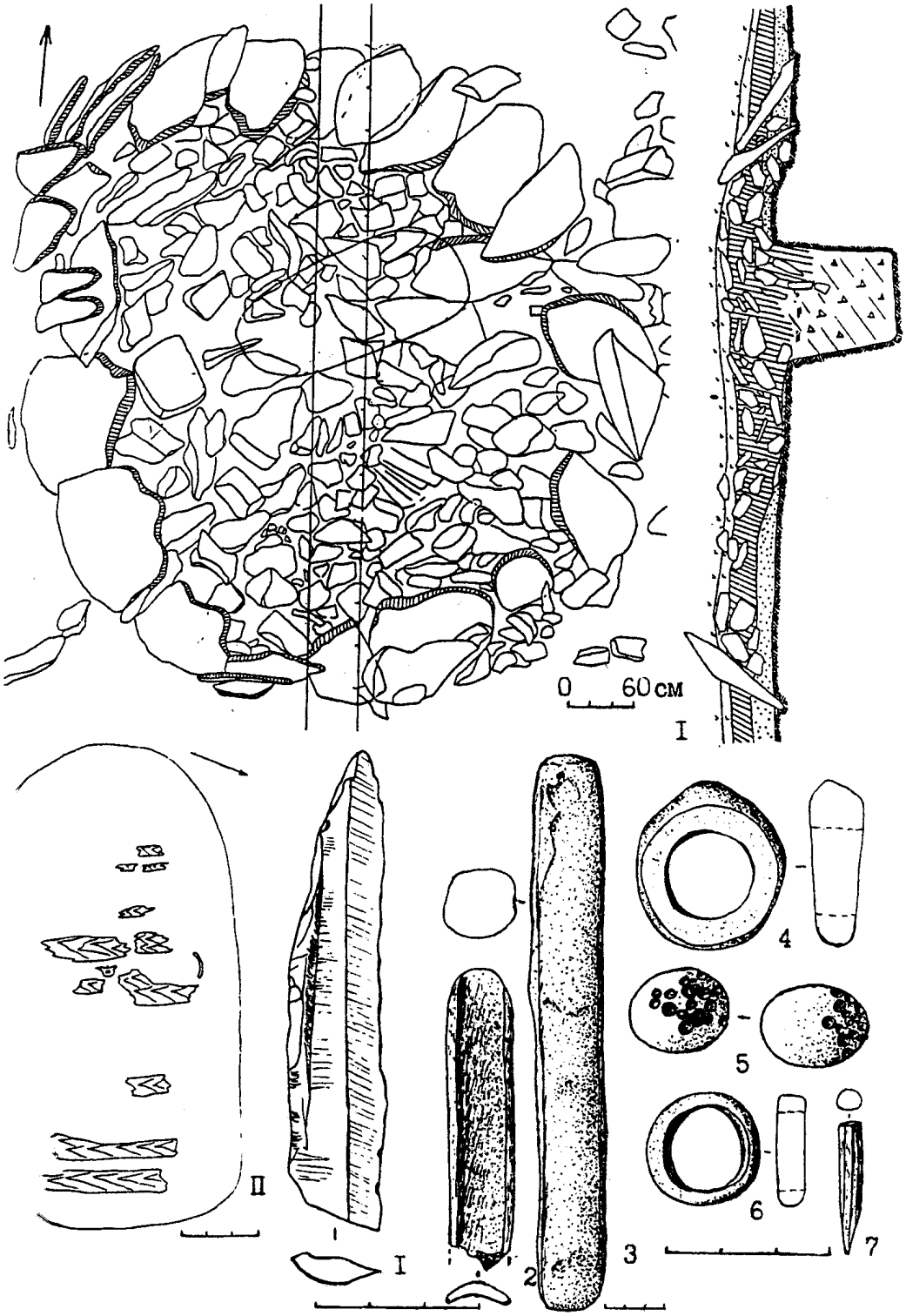

ограда I2
ограда I4
I
ограда I3
выкладка 3
выкладка 2
выкладка 4
ограда I4
выкладка I
I - золотая подвеска
2 - кольцо
3 - пластинчатый отщеп
4 - сосуд
● - отщеп
охра

Рис.2



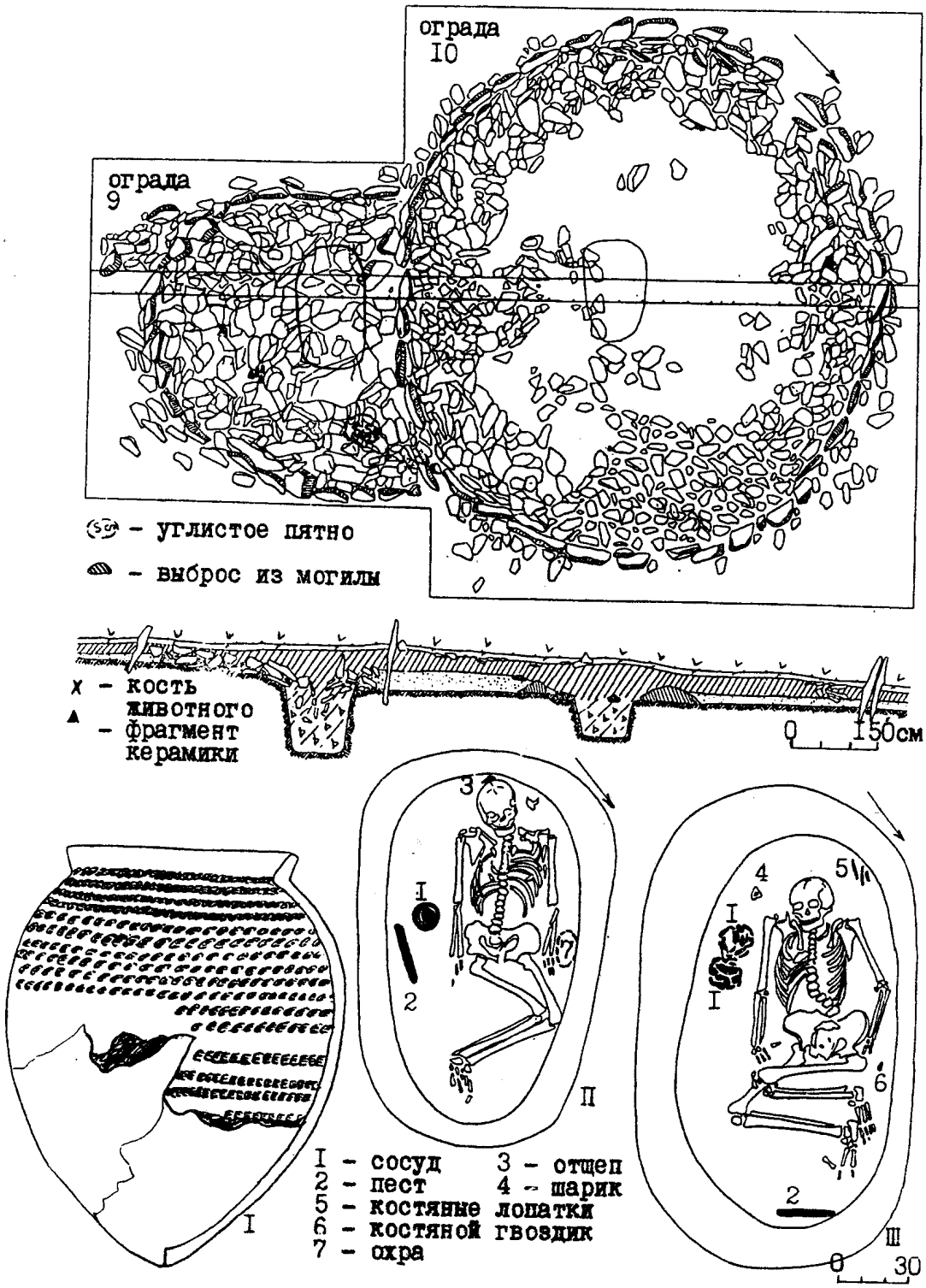
Ограды 6 (Ш), 7 (IУ), 8 (П).

Рис.3



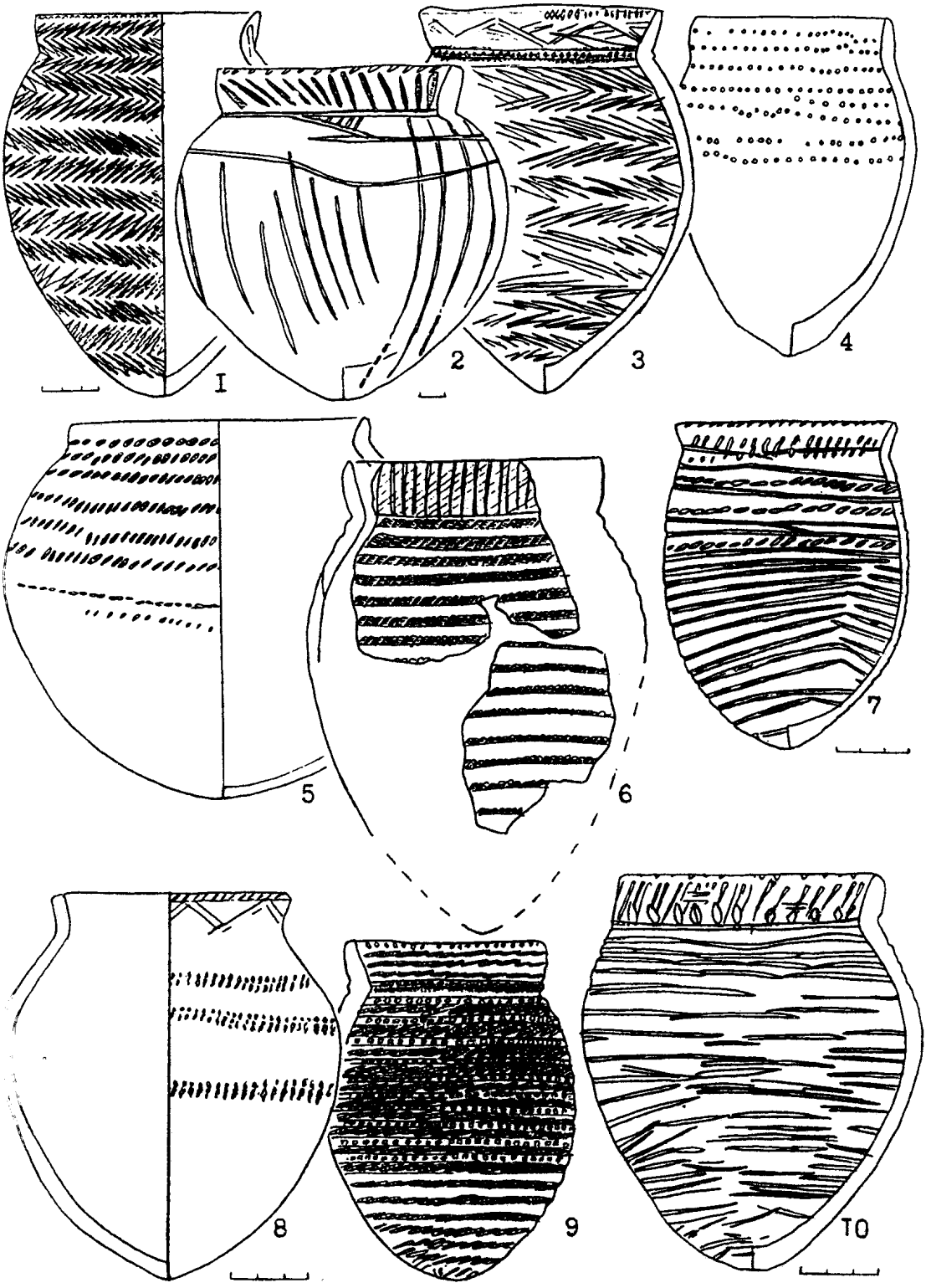
I,II - ограда II. Инвентарь из ограды I2 (I,4); 9 (2,3, 5-7).

Рис.4



Ограда 10 (II); 9 (I,III).

Рис.5



Керамика из ограды 6 (I), IO (2), 4 (3), I3 (4), 9 (5), I4 (6), 2 (7), 8 (8), 3 (9), 5 (IO).

Рис.6

Уманский А.П.
(г. Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК БИЙСКОГО МУЗЕЯ БЛИЗ СЕЛА СТЕПНОЙ ЧУМЫШ В 1963 ГОДУ

В 1963 году экспедиция Бийского краеведческого музея, которой руководил автор, производила аварийные раскопки археологических памятников в окрестностях с. Степной Чумыш (Ельцовский район). В ходе этих работ наряду с уже опубликованными материалами, отнесёнными автором к верхнеобской культуре (Уманский, 1974, с. 136-149), здесь были обнаружены материалы, которые хранятся в фондах музея.

В северном склоне длинного мыса надлуговой террасы, который называют Увеком, местные жители устроили карьер, откуда брали глину. Карьер этот находится в полутора километрах от села, он невелик по размерам (15,0 х 15,0 м.), глубина его около 4-х метров. В 1959 году здесь было разрушено захоронение древнетюркского времени с конём и железным котлом. Нами были проведены зачистка стен карьера и шурфовка его дна. При шурфовке на дне карьера были обнаружены две могилы андроновского времени.

Могила № 1. Была обнаружена почти в центре карьера. Она была разрушена добытчиками глины, которые сбросали человеческие кости в одну кучу и снова зарыли яму. Судя по дну ямы, могила имела подпрямоугольную форму размерами 2,0 х 1,2 м. и глубиной не менее 2-х метров. По длинной оси могила была ориентирована строго по линии запад-восток. Она имела внутреннюю конструкцию в виде обкладки и перекрытия из дерева, обломки которых лежали вперемешку с человеческими костями и обломками глиняного горшка. Погребение было парным, но кости сохранились плохо. На черепных костях были видны пятна зелёного цвета (видимо, от медных или бронзовых украшений).

Инвентарь погребения составили: обломок медной серьги и черепки раздавленного типично андроновского горшка, украшенного геометрическим орнаментом.

Могила № 2. Была найдена недалеко от могилы № 1. Она представляла собою подпрямоугольную яму размерами 2,35 х 1,3 м., глубиной 2,2 м. Ориентировка могильной ямы – по линии юго-запад – северо-восток. К сожалению, погребение разрушено грабительским раскопом. Части костей человека в яме вообще нет, остальные сбросаны в северо-западный угол могилы, а черепная крышка и тазовая кость оказались за пределами ямы, в грабительском раскопе. Сохранность костей неплохая.

Каких либо предметов в могиле не обнаружено.

Возможно, могилы № 1 и № 2 являются не грунтовыми, а подкурганными. Дело в том, что на мысу, от его основания и примерно до середины, нам удалось насчитать несколько курганов, насыпи которых подвергаются распашке. Рабочие бурильной установки позднее (в 1978 году) рассказывали нам, что в процессе бурения одной из скважин, примерно в середине мыса они наткнулись на «деревянный сруб», они показывали нам кусочки полусгнившего дерева на пашне, извлечённые их буром. При проведении разведочной траншеи от карьера к концу мыса (траншея была проведена по перелому склона) в 1978 г. мы наткнулись на ещё одну андроновскую могилу, на дне которой были найдены кости скелета и черепки андроновского горшка. Вероятно, над этими двумя могилами также были насыпи, к сожалению, к 1963 году уже основательно распаханные. Практически визуально были видны только 4-5 насыпей.

В одной из них (курган № 1) мы обнаружили погребение, ориентированное по линии ЮЗ-СВ. Датировано оно верхнеобским временем. Не исключено, что захоронение было впускным в насыпь более древнего кургана, хотелось бы это проверить.

Курган № 2. Расположен у основания мыса, издавна распахивается. Диаметр насыпи этого кургана около 18 м., высота её равна 0,7 м. В южной половине под насыпью обнаружена прямоугольная яма размерами 2,8 х 2,6 м., ориентированная почти по линии запад-восток. В верхней части яма имела уступ глубиной в 0,4 м., поверх которого она была перекрыта поперёк брёвнами толщиной 12-15 см. Перекрытие завалилось в могильную яму, глубина которой достигала чуть более 2-х м.

На перекрытии при похоронах был поставлен горшок, который упал в яму вместе с перекрытием: его черепки были рассеяны по всей глубине ямы в засыпке.

На дне могилы лежал скелет человека (женщины ?) в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад, кисти рук частично под черепом (руки согнуты под острым углом); кости ног сильно согнуты и стопы подтянуты к самому тазу.

Инвентарь: за черепом вертикально стоял большой горшок, за ногами ещё два сосуда – один (№ 2) стоял вертикально, другой – (№ 3) рядом с первым – наклонно.

Все сосуды плоскодонные, у всех венчики срезаны прямо. Два из них – классические горшки (№№ 1 и 4), два другие (№№ 2 и 3) по форме близкие к банкам. Последние исполнены небрежно, они асимметричны и украшены грубым резным орнаментом, покрывающим более двух третей поверхности: в одном случае это 2,5 рядка горизонтальной ёлки (сосуд № 2), в другом – это вертикальные ёлки, как бы образующие горизонтальные зигзаги. Горшки хорошо профилированы, симметричны, исполнены тщательно, орнамент их богаче и разнообразнее. Первый из них

(№ 1) украшен под венчиком рядком резных равнобедренных треугольников, а по шейке, плечику и боковине 9-10 каннелюрами, ниже которых идут 2,5 рядка густой горизонтальной ёлки; у самого дна виден ещё ряд равнобедренных резных треугольников; середина тулова украшена цепочкой треугольных зубчиков, образованных рядком треугольных вдавлений. Второй горшок (№ 4) разбившийся при падении в яму украшен оттисками гребёнки: под венчиком проходит ряд косоугольных треугольников, ниже его – каннелюра, а под ней ряд таких же подвесных треугольников, ниже которых по плечику – три каннелюры; середина тулова украшена оттисками гребёнки, образующими 4 рядка, а под ним также из оттисков гребёнки подвесной зигзаг и фигуры, напоминающие латинскую букву «Ф». У самого дна горшка виден рядок равнобедренных треугольников, оттиснутых также гребёнкой.

Погребальный обряд (скорченность скелета, положение его на левом боку, юго-западная ориентировка), формы и орнаментация керамики позволяют относить курган № 2 (и, видимо, остальные) к андроновской культурно-исторической общности. Вместе с тем нельзя не отметить, некоторые особенности, отличающие этот памятник от Кытмановского могильника, находящегося всего в нескольких десятках километров от с. Степной Чумыш также на левом берегу р. Чумыш. Кытмановские погребения грунтовые, бескурганные, они не имеют заплечиков в верхней части могильных ям и перекрытий, в могилах встречается обычно 1-2 сосуда. Вероятно, в данном случае (то есть в случае с курганом № 2 и его собратьями у с. Степной Чумыш) мы имеем дело с одним из многочисленных вариантов андроновской культуры. Раскопки остальных курганов в этом пункте должны дать ответ на этот вопрос.

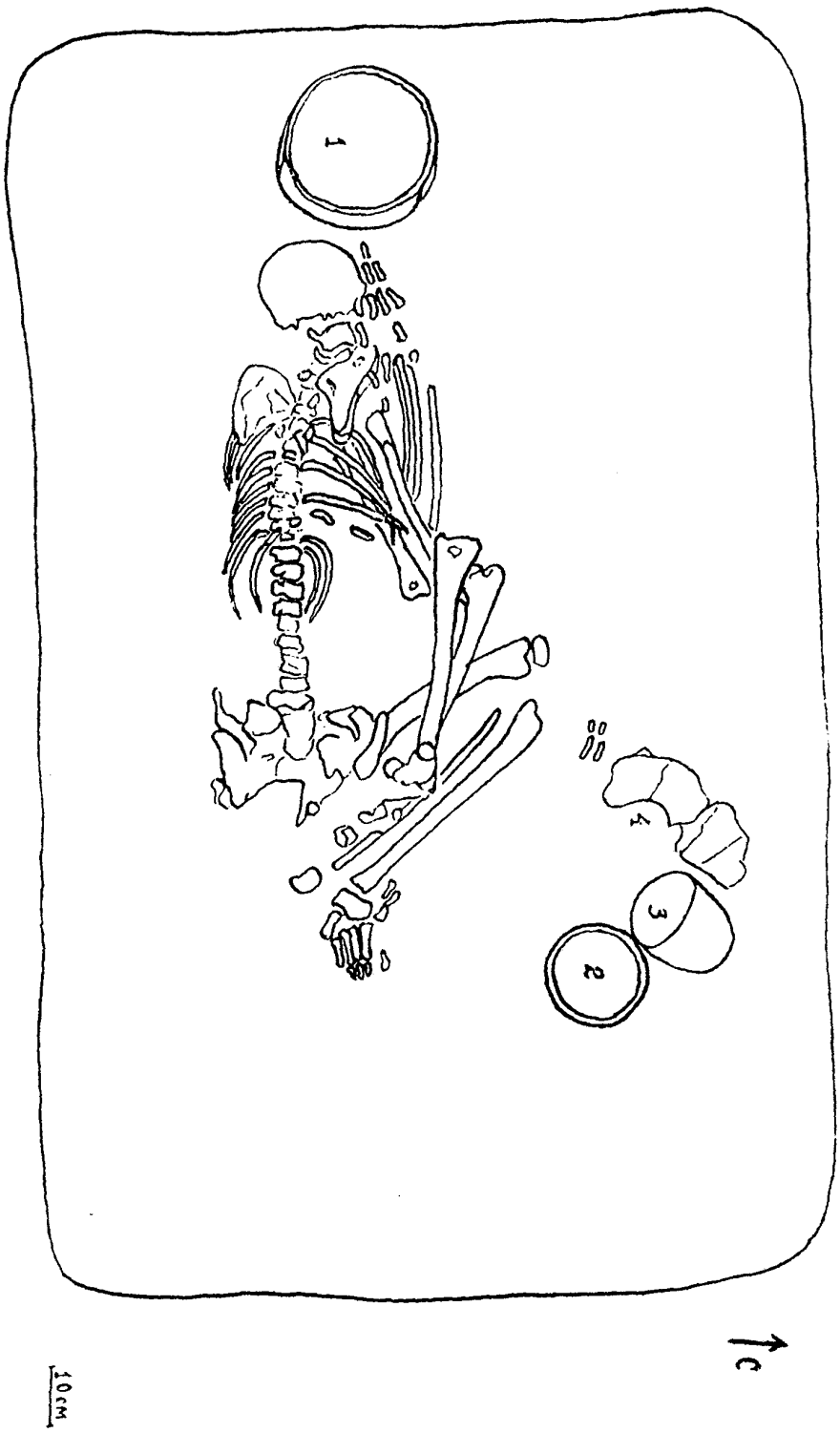
На юго-восточной части самого кончика мыса Увек в 1963 году нами были обнаружены семь компактно расположенных углублений диаметром 5-6 м., глубиной не более 0,5 м. Одно из них было раскопано нами. Это было жилище типа полуземлянки, стены которого, видимо, были сложены из дёрна. Размеры его – 4,0 х 4,0 м. В восточной половине его располагались два очага, вход в жилище был обращён на юго-восток. На дне его найдена масса грубой не орнаментированной керамики и отдельные черепки от сосудов сделанных на гончарном круге, хорошо прокалённых , видимо, русской работы. Много оказались здесь костей животных (25 шт.), костяное остриё, ребро животного с зарубками на нём, рыбьи кости, обломок наждачного камня, железный черешковый нож, обломки железного крючка, пластины от железного котла, небольшой железный замочек с торцевым запором (ввинчиваемым сердечником).

Это жилище (и всё поселение) мы считаем возможным датировать концом XVII – первой половиной XIX в. Здесь жили охотники и рыболовы, уже знакомые с русской культурой. По актовым материалам известно, что здесь, в верхнем течении Чумыша жили небольшие по численности группы телеутов, в частности тогулы. Наряду с азкештимцами, керетцами и тагапцами они уже с 20-х гг. XVII в. были двоеданцами – платили ясак царю и алман князьям приобских телеутов. В русских документах Азкештимску, Тагапскую, Керетскую и Тогульскую волости часто называют порубежными.

Кстати, именно эту часть мыса местные жители Бедарев М.П. и другие ещё в 50-60-х гг. называли «Тагарскими могилками», принимая жилищные впадины поселения за могилы аборигенов. В 1978 году от поселения не осталось и следов – оно было полностью запахано. Видимо, поэтому многие жители Степного Чумыша не помнят или вообще не знают этого топонима.

ЛИТЕРАТУРА

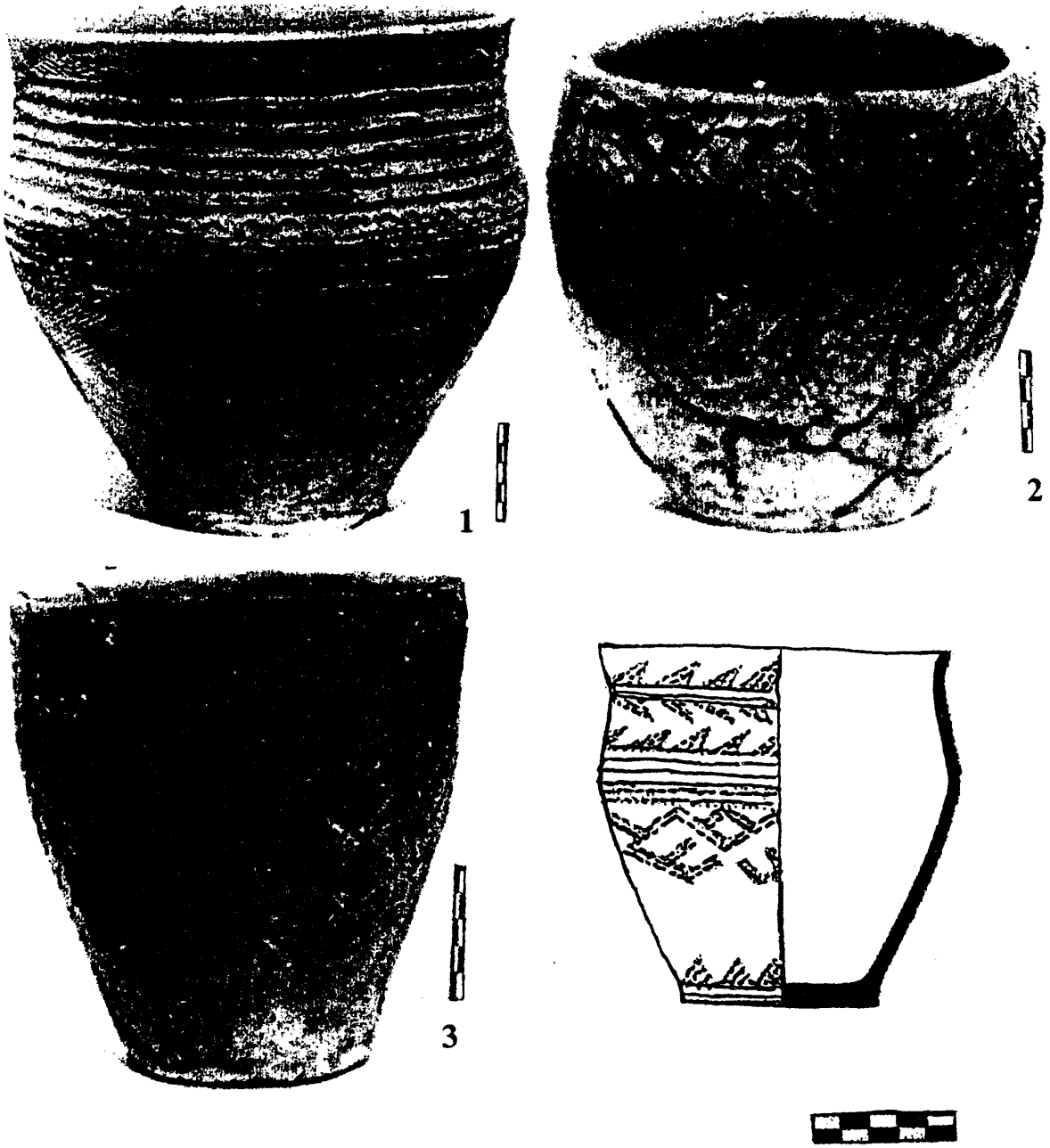
1. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.-196 с.
2. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. – Н., 1980.-296 с.
3. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири – Н., 1974.- С. 136-149.



Т3(139) План могилы в кургане №2 (Степной Тумыш)

1-горшок №1; 2-горшок №2; 3-горшок №3; 4-горшок №4.

Рис.1



Сосуды
из могилы кургана №2 Степной Чумыш.

Рис.2

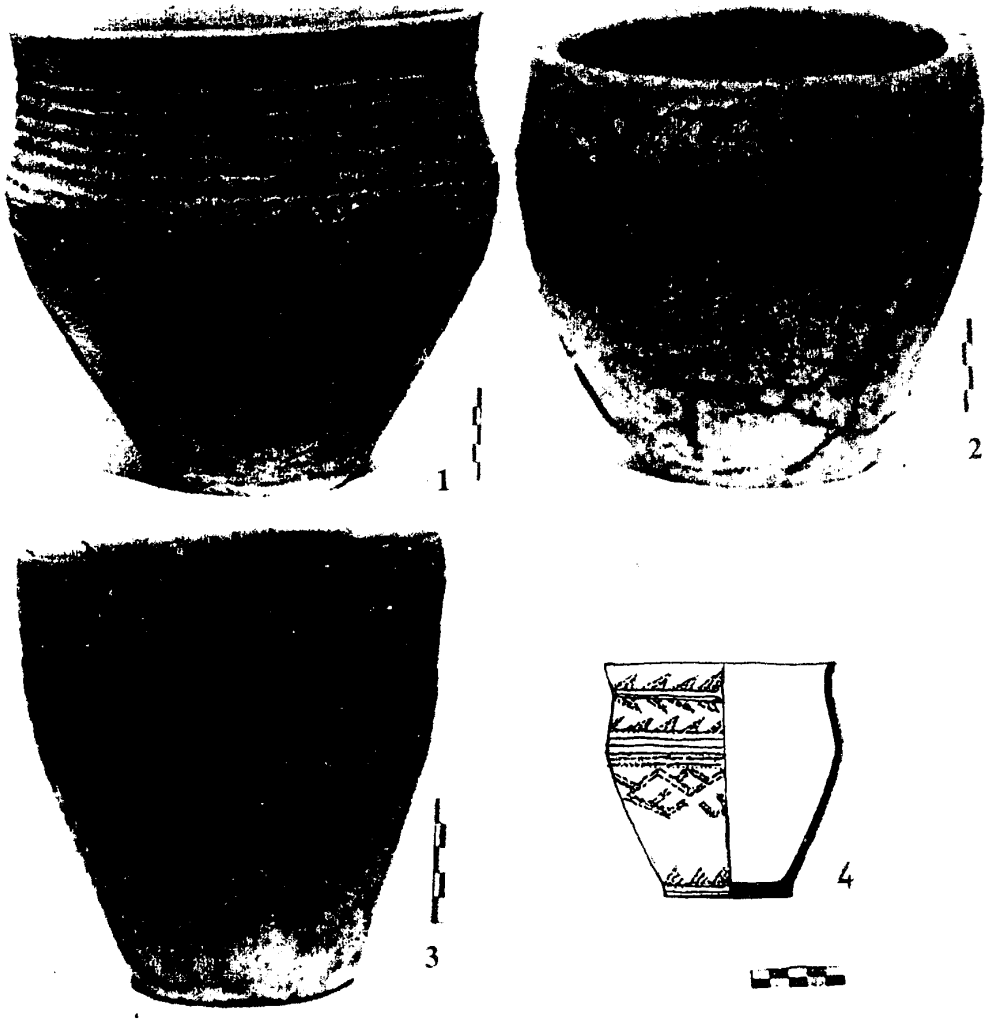


Рис 3

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М.
(г. Барнаул)

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ-1

При реконструкции хозяйства древнего населения эпохи средней и поздней бронзы Евразийских степей основное внимание, как правило, обращается на скотоводство и некоторые общие аспекты хозяйственной деятельности человека. Однако, поселенческие коллекции содержат многочисленные орудия труда, позволяющие дополнить наши представления о домашних производствах и ремёслах эпохи бронзы. Трасологический анализ материалов в состоянии достоверно определить функциональное предназначение предметов. Помимо этого, его применение позволяет создать научно обоснованную типологию орудий труда.

Материальная культура древних жителей поселений Советский Путь–1 (Локтевский район Алтайского края) представлена выразительным костяным и каменным инвентарём. Сравнительно–типологический анализ вещей и керамики указывает на неоднородность комплекса в культурно–хронологическом плане. Полученный материал свидетельствует о двукратном заселении площади памятника. Наиболее древние находки относятся к андроновской (фёдоровской) культуре. Среди керамики финальной бронзы выделяется саргаринско–алексеевская (основа позднебронзового комплекса), бегазы–дандыбаевская и станковая. Стратиграфия культурного слоя не разделена, материалы смешаны. Процентное соотношение керамики средней и поздней бронзы в различных штыках памятника примерно одинаково. В связи с этим вещественный материал нами рассматривается без учёта его культурно–хронологической принадлежности.

Высокая технология изготовления и устойчивость стереотипов, производственная специализация орудий позволяют разделить весь инвентарь на группы, в первую очередь, по функциональному использованию, затем по технологии изготовления. Комплекс костяных орудий, составляющий основную часть коллекции, делится на производственный инвентарь и на бытовую фурнитуру.

Самой крупной функциональной группой орудий являются скорняжные инструменты. Они, в свою очередь, подразделяются на типы по специализации: 1) двуручные скребки с одним или двойным рабочими краями, использованными для интенсивного разминания и скобления кожи, 2) скребки–ножи с рукояточной частью для срезания мездры, 3) коленчатые скребки с одним или двумя рабочими краями для интенсивного разминания кожи, 4) лощила для выглаживания швов. Каждый из этих типов орудий изготовлен аналогичными способами. Основными заготовками для орудий служили челюсти и их фрагменты, реже – рёбра крупных животных. Как правило, кость расщеплялась повдоль с дорсальной стороны, в результате чего вскрывалась внутренняя ребристая полость, образуя два параллельных края. Полость и края в целом удобны для интенсивных трудовых операций.

Так, скребки– струги из кв. М15/3 и А 2/4 изготовлены в общих традициях – из длинных фрагментов челюстей животных, рассечённых повдоль (Рис. 2, 1,2). У них в одинаковой степени использовались два параллельных края.

Скребки–ножи для срезания мездры (тип 2) изготовлены из длинных частей челюстей животных, расщеплённых повдоль, скошено на дорсальную сторону. (Рис. 1, 1,2). В этом случае также образовывалось два рабочих края с одним ведущим –острым. Инструментами срезали мездру и жир, производя также скобление внутренней срезанной стороной и двумя краями в направлении «к себе», держа нож одной рукой.

« Коленчатые» скребки из челюстей из кв. Б;/5,А»/5 (Рис.1, 3,4) изготовлены аналогично предыдущим скребкам и участвовали в работе в качестве стругов для проскабливания и пушения бахтармы, производства замши.

По принципам изготовления все эти инструменты близки друг другу. В каждом из этих типов существуют как единичные полярно различающиеся вещи, так и аналогичные, если их принимать за фрагменты инструментов третьего типа.

Общие принципы технологии нарушают: скребок – струг (кв. И 14/4) на широком ребре и орудие из короткой трубчатой кости. В первом случае скребок имел естественный острый рабочий край, не требующий подработки. Этому скребку соответствует струг из камня– плитняка (кв. И 12/7) длиной 23 см, подквадратный в сечении (Рис. 1, 5,6). Оба его края попеременно использовались в работе. Орудие из трубчатой кости, изготовленное по общему принципу для скорняжного инструментария, на самом деле применялось в качестве лощила–шпателя в гончарном производстве. Рабочей поверхностью служила не расщеплённая вентральная сторона, а лицевая–гладкая (Рис.2, 8).

Четвёртая серия скорняжных инструментов представлена лощилами–гладилками для швов кожаных изделий, отличающихся от скребков по форме и принципам изготовления (Рис. 2, 3–5). Большое количество находок подобных изделий на поселении свидетельствует об их широком употреблении в быту. Эти орудия изготовлены на коротких фрагментах кости, у которой использовался естественный вогнутый участок с широким скругленным профилем. Все они сильно заполированы по краю и поверхности. Из

этой серии выбивается струг (по дереву или сухой коже) со сквозным сверлёным отверстием (Рис. 2, 6). Рабочий край его скошен и приострён продольным срезом.

К скорняжным инструментам относятся 2 скребка на фрагменте керамики. До настоящего времени подобные скребки на лесостепных поселениях Алтайского края не были известны. В общей сложности в коллекции насчитывается 15 скорняжных орудий с выраженным утилитарным микроизносом.

Орудия иного предназначения из Советского Пути, в отличие от скорняжного инструментария, весьма разнотипны по форме и технике изготовления, и выявить в них устойчивые типологические группы не представляется возможным. Для выполнения определенных функций использовалось различное сырьё: фрагментированные и целые кости, камень.

Функции участия в керамическом производстве отмечены на 11 изделиях, из них – 7 шпателей, специализированных на выравнивании поверхности сосудов, срезании неровностей, в том числе и края венчика, орнаментации. Шпатели для выравнивания поверхностей и лощения (2 экз.) изготовлены из ребра и трубчатой кости, выпуклая вентральная сторона которой удалена (Рис. 2 ,7–9). В результате длительного истирания орудий рабочие участки оконтурились. По образовавшимся граням и тонким поперечным царапинам такие участки фиксируются без увеличительных приборов. На шпателе из кв. К 16/2 (Рис. 2, 10) длина утилитарного износа составляет 6 см. Профили шпателей слегка вогнуты и удобны для выравнивания и лощения округлых поверхностей. Шпатель из кв. М 16/1 использовался для шпатлевания неровностей, швов в первичных операциях изготовления сосудов. У него рабочие края сходятся под острым углом друг к другу, кромки скруглены и стёрты. Предназначение поперечных нарезок на плоскости орудия не ясны (Рис. 2, 7). Другая группа гончарных инструментов представлена каменными пестами для дробления дресвы и, возможно, краски, шамота. Об использовании минеральной краски свидетельствует кусочек гематита. Планиграфически шпатели и другие гончарные инструменты располагались на ограниченной площади поселения в пределах 3 Х 3 м раскопа.

В коллекции выделено 5 орудий, связанных с металлургией: точильная каменная плитка, 2 молоточка для проковки металлических изделий (Рис. 4, 10), инструменты («микроутюжки») для доводки поверхностей металлических вещей (2 экз.) (Рис. 4, 8,9). Последние представляют собой мелкие продольно срезанные гальки. Продольный срез зашлифован до блеска. Сочетание общих признаков позволяет диагностировать их в качестве орудий для выравнивания и шлифовки поверхностей металлических изделий и удаления неровностей, швов, каверн. Такие орудия обнаружены на поселениях конца эпохи бронзы Кулунды (Кунгурова, Удодов, 1997). Факт выявления этих орудий на поселении Локтевского района является ещё одним подтверждением распространения сходных элементов технологии металопроизводства на территории степных ландшафтов Алтая в конце 2–го – начале 1–го тыс. до н.э.

Большой интерес представляют предметы конской упряжи, военно-охотничьего снаряжения. К этой же группе будет уместнее относить фурнитуру конской сбруи и одежды.

Особого внимания заслуживает фрагментированное роговое изделие округлой формы с циркульным орнаментом и грушевидным отверстием. Предположительный диаметр изделия – 5 см, толщина – 1,3 см. Боковая сторона орнаментирована строенными скошенными нарезками. Обратная сторона не сохранилась (Рис. 3, 17). Данная вещь находит сходства с отдельными экземплярами щитковых псалий из поселений и могильников Среднего Приишимья, соответствует их обычным параметрам, но отличается от распространённых стандартов бегазы–дандыбаевской и андроновской культур. На внешнем участке щитка сохранился фрагмент планки, либо выступа. Щитковые псалии с резным циркульным орнаментом, сходной конфигурацией его элементов встречены в могильнике у с. Новоникольское, в кургане 13 Алакульского могильника (Зданович , 1985, с.110 – 119). На территории Алтайского края щитковые псалии не известны, а находка с поселения Советский Путь, к сожалению, фрагментирована и реконструировалась нами графически.

Интересны в плане предназначения 2 костяные пластины (Рис. 4, 5). Одна из них – правильной прямой формы. С одной стороны она преднамеренно уплощена, на концевом участке края имеется прямоугольная выемка, заканчивающаяся острым зубцом. Подобные инструменты М.К.Кадырбаев и Ж.Курманкулов называют рейсмусами, зубец которых использовался для нанесения на керамику концентрических линий. Бинокулярные наблюдения позволили зафиксировать заполированность и скруглённость, наличие тонких микроследов на внутреннем и концевом участках шипа. Кроме того, у внутреннего основания шипа и на плоскости внешней стороны заметен желобок от стяжки (на внутренней плоскости он отсутствует). Технологические и трасологические признаки подсказывают, что пластина служила накладкой на какую–то основу подобно принципам накладок для лука, но для конкретных выводов об использовании инструмента фактов не достаточно.

Второе изделие изготовлено из ребра животного. Конец его скруглён, имеет

продольный пропил–желобок. На плоскости концевой части изделия –5 поперечных зарубок, возможно, используемых для стяжки. Версии об использовании инструмента в качестве концевой накладки лука или керамического орнаментира имеют противоречия, требующие проверки. К сожалению, кость плохо сохранилась, особенно в концевой части, и не поддаётся трасологическому анализу.

Технологические приёмы изготовления наконечников стрел, фурнитуры отражают единство традиции. Пуговицы, бляшки, навершия, шпеньки и т.д. выполнены из рога. Изготовление бляшек производилось путём вырезания заготовки, выравнивания (скругления) краёв вертикальными срезами – сверху вниз, подстругиванием поверхности. Процесс завершался шлифовкой и заполировкой (Рис. 3, 1–8). С помощью шлифовки удалялись негативы снятий. Вполне допустимо, что для сверления и шлифовки использовались механические приспособления вращательного принципа. На это указывают равномерные по глубине и амплитуде концентрические следы, присутствующие в обоих случаях. Для изготовления некоторых наверший применялось сверло одинакового диаметра с усечённым концом (Рис. 3, 6,8).

Биконический наконечник стрелы и два роговых изделия изготовлены с помощью параллельных встречных снятий (Рис.4, 1,2).

Не характерен для основного набора изделий трёхгранный наконечник стрелы с намеченным черешком. Поверхность наконечника отшлифована. Бинокулярные наблюдения позволили обнаружить следы от закрепления древка (поперечные царапины, противолежащие изломы граней, утилитарная заполировка черешковой части). Судя по площади распространения этих признаков, наконечник был втиснут в трёхрасщепное основание древка на глубину 1,8 – 2см и скреплён обмоткой (Рис. 4, 3). Форма изделия идентифицируется с наконечниками раннего железного века.

Основная масса вещественного комплекса находит аналогии как в материалах средней, так и поздней бронзы Казахстана и Алтая. Смешанный характер культурного слоя препятствует чёткому делению в культурно–хронологическом плане большинства найденных здесь орудий. Однако, на основе проведённых исследований выявляется два комплекса вещей, объединённых общностью традиционных стилей. Наличие этих комплексов со свойственными им признаками наблюдаются на поселениях Атасу, Мыржик Центрального Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов, 1992), Чекановский Лог – 1 степного Алтая (Дёмин, Ситников,1998,с.97). Кроме этого аналогичные изделия известны с поселений: Кент (Варфоломеев 1988, рис. 6–4),Чаглинка (Оразбаев 1970,с.134), Кайгородка –2 (Удодов, 1994). На Алтае ближайшие аналоги вещам с циркульной орнаментацией известны с поселений: Чекановский Лог – 1, Кайгородка – 2. Необходимо также отметить, что форма бляшек и пуговиц близка к ирменским бронзовым пуговковидным бляшкам. Навершие с грибовидной шляпкой встречено в могильнике Измайловка (Ермолаева. 1987, рис.34–4).

На основе проведённого функционального анализа выделяются виды хозяйственных занятий и производств населения Советского Пути. Большой типовой набор скорняжного инструментария свидетельствует о высокой специализированной технологии обработки кож. Орудия, участвующие в металлопроизводстве, находки шлаков и сами бронзовые изделия, встречающиеся на саргаринско–алексеевских поселениях ближайшего окружения, указывают на широкое распространение в производствах населения местной металлургии. Население обладало высокой технологией обработки кости и камня и умело производить качественные вещи, по своему совершенству напоминающие традиционные образцы материальной культуры Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары – Арки // Проблемы археологии Урало – Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 80 – 99.
2. Дёмин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог – 1 – новый памятник эпохи поздней бронзы Юго – Западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии.№ 3. – Горно – Алтайск, 1988. – С. 43 – 54.
3. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма – Ата, 1987. – С. 64 – 94.
4. Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало – Ишимского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 110 – 119.
5. Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально – экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 76 – 79.
6. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма – Ата, 1970. – С. 129 – 146.
7. Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь –

1 // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 71– 84.

8. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары – Арки. – Алма – Ата, 1992. – 248 с.

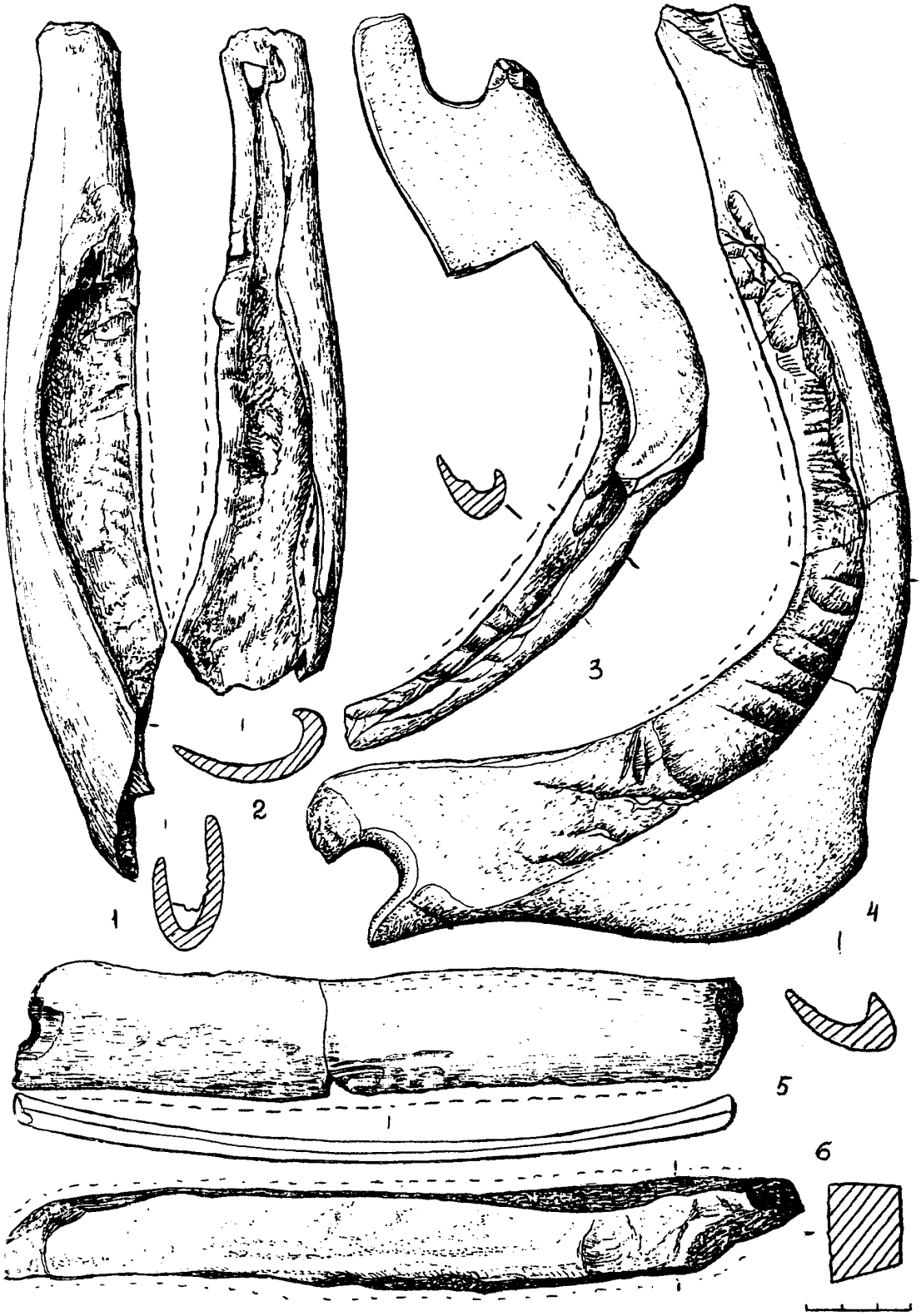


Рис.1 Скорняжные орудия с пос. Советский Путь-I.

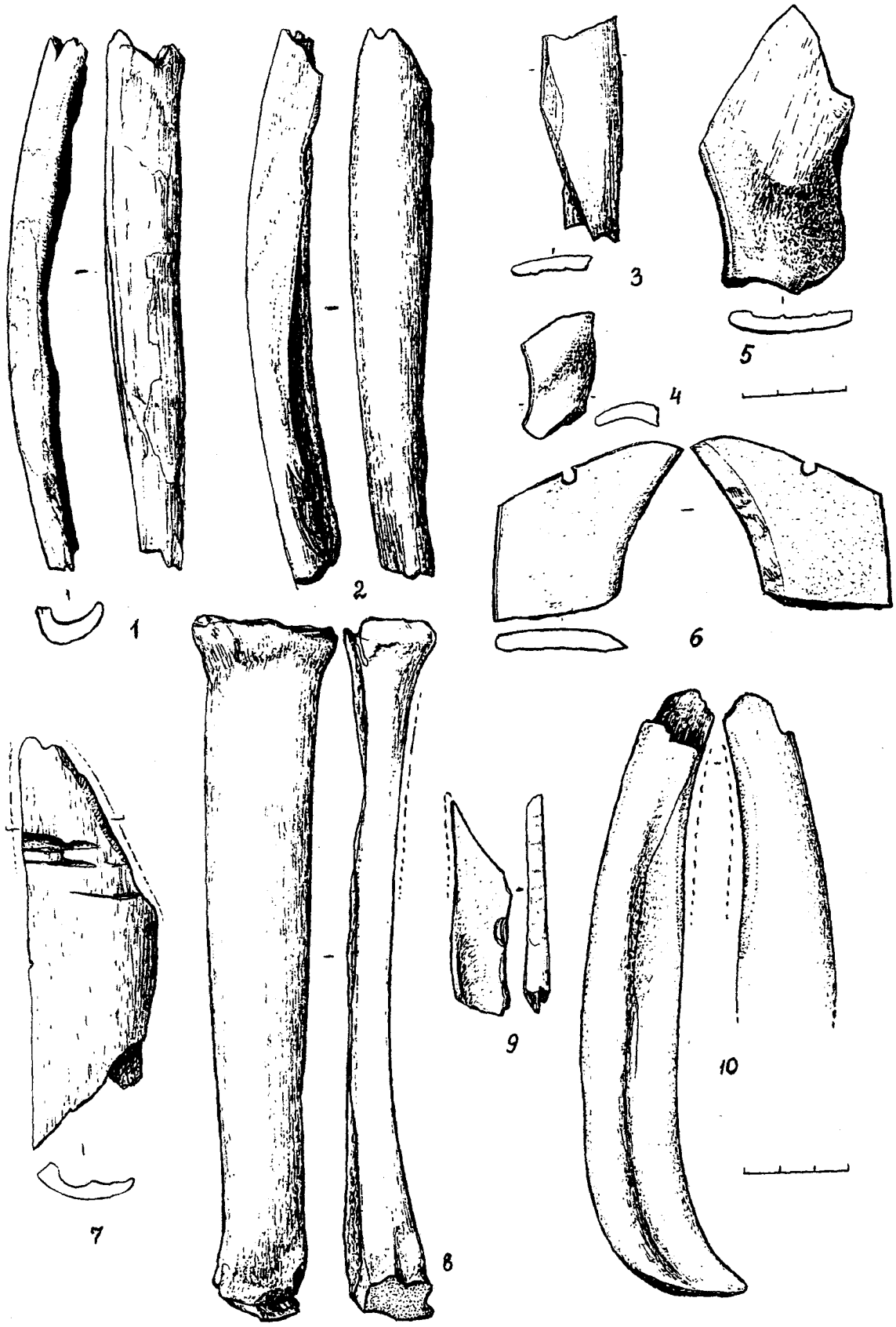


Рис. 2. Поселение Советский Путь-I. 1-6 скорняжные орудия; 7-10 - орудия керамического производства

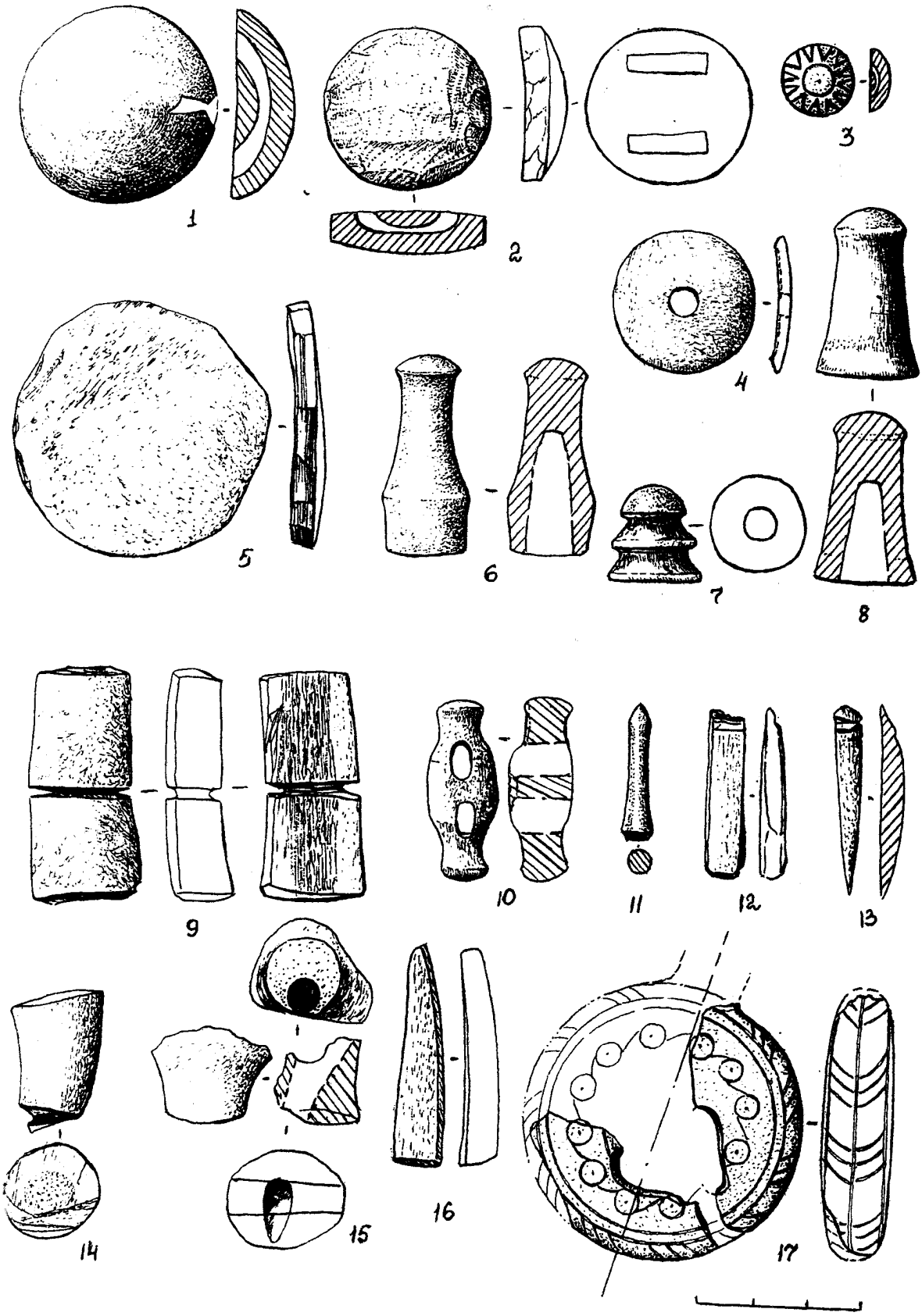


Рис.3 Фурнитура с пос. Советский Путь-I.. Кость.

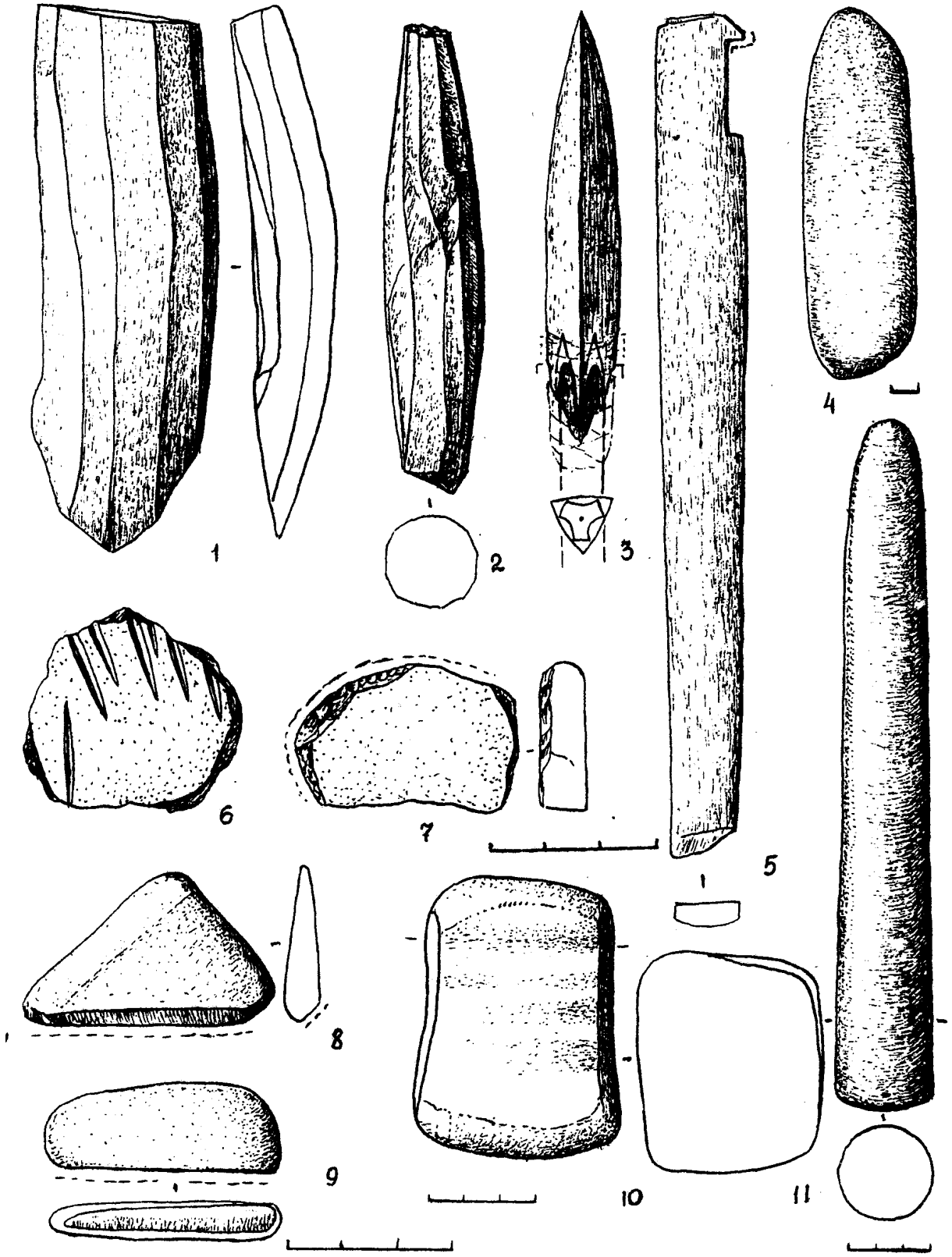


Рис.4. Поселение Советский Путь-I. 1-3,4 - кость; 6-7 - керамика; 4,8 -11- камень.

Варенов А.В.
(г. Новосибирск)

НОВАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КИТАЙСКОЙ ЧАСТИ АЛТАЯ*

Одним из важнейших памятников Северного Синьцзяна является могильник Кээрмуци. Он был открыт в ходе археологической разведки по поиску и описанию древнетюркских каменных изваяний летом 1961 г. и именно благодаря их присутствию (Ли Чжэн, 1962). Раскопки производились во второй половине 1963 г. под руководством И Маньбая и Ван Минчжэ (И Маньбай, 1981). Первыми исследователями могильник был признан разновременным и разнокультурным и на основе не всегда оправданных китайских аналогий датирован тысячелетием от эпохи Западной Хань (3 в. до н.э.) до эпохи Тан (3 в н.э.).

Памятник расположен в 12 км к юго-западу от уездного центра - гор. Алэтай (Алтай) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, к северу от шоссе Буэрцзинь (Бурчун) - Алтай, на берегах правого притока Черного Иртыша р. Кээрмуци, текущей на юг со склонов Алтайских гор. Местность там плавно понижается с севера на юг, образуя степное пространство площадью 100-200 кв. км. В степи возвышается несколько вытянутых в направлении север-юг земляных холмов. Древние погребения тремя отчетливо выделяющимися скоплениями размещаются непосредственно на самих земляных холмах и на прилегающих к ним участках степи.

Всего было раскопано 32 погребальные конструкции. По внешнему виду китайские археологи разделили их на оградки и одиночные могилы. Прямоугольные в плане оградки образованы стоящими с четырех сторон простыми камнями или плоскими каменными плитами. Если на каких-либо сторонах прямоугольника камни не прослеживались, границу ограды угадывали по земляному возвышению. Площадь оград от 200 до 600 кв. м, внутри может быть от одной до нескольких могил. Всего раскопано десять оград с 24 могилами. Большинство из них, 17 могил - без курганных насыпей, а 7 - с насыпями.

Во всех погребениях без насыпей имелись каменные ящики в вертикальных ямах, а под насыпями - или каменные ящики, или просто земляные ямы. В одиночных могилах без ограды костяки находятся либо в каменных ящиках, либо в земляных ямах. Каменные ящики встречаются и под курганными насыпями, и без них, а земляные ямы обязательно сочетаются с насыпями. Курганные насыпи круглые в плане, сложены из гальки или покрыты сверху галькой. Перед некоторыми одиночными курганами и оградками стоят каменные изображения людей или вертикальные камня (около отдельных оградок до четырех штук).

По способу трупоположения выделены захоронения людей с согнутыми конечностями; на спине с вытянутыми конечностями; лицом вниз с вытянутыми конечностями; “смешанные”. Погребенных с согнутыми конечностями довольно много, они встречены и внутри оградок, и в одиночных могилах. Умершие были положены преимущественно на бок с согнутыми конечностями и на спине с подогнутыми вбок ногами. Есть также останки людей, погребенных с согнутыми вверх ногами, причем степень сгиба ног такова, что бедро и голень почти параллельны. Погребенных на спине с вытянутыми конечностями сравнительно мало, в основном в одиночных могилах с земляными ямами, а лицом вниз вообще похоронен только один человек.

Ориентация и поза костяков в большинстве случаев не указаны. Известно, что в двух из примерно 20 исследованных больших каменных ящиков подквадратной формы (минимальные размеры 1,4 х 1,9 м или 1,7 х 1,8 м) умершие лежали головой на север (в М20 вытянуто на спине, в М5м1 - на спине с подогнутыми вбок ногами), а еще в двух - головой на запад (в М24 - два человека вытянуто на спине, в М11 - один на спине с согнутыми вверх ногами). В земляных ямах преобладает ориентация головой на восток, прослеживающаяся у погребенных как в скорченном, так и в вытянутом на спине положении.

Больше всего “смешанных“ захоронения, которые делятся на две разновидности. Одна из них - несколько полностью сохранившихся костяков (максимум - до 20 в одной могиле), сваленных в кучу, но так, что при внимательном изучении еще можно разобрать, лежали умершие или стояли на коленях. Все такие захоронения совершены в больших каменных ящиках. Другая разновидность “смешанных” захоронений, когда небольшое количество разрозненных костей разбросано по всей могиле, характерна только для земляных ям под насыпями одиночных курганов.

Погребальный инвентарь в китайской публикации охарактеризован как “скудный”, а размещение его “бессистемное”: находки были сделаны внутри и вне каменных ящиков, и непосредственно среди ”смешанных” костяков, а также рядом с ними, и даже вне могил в пределах оградок. Встречены вещи из камня, керамики, кости, бронзы, железа. Среди каменных изделий преобладают сосуды: 18 горшков гуань (в том числе один двойной), 3 чаши бо, 4 бокала бэй с ручкой, 5 ламп, 18 наконечников стрел, каменная скульптурка, песты, ступки, литейные формы и т.п. Керамических сосудов “20 с лишним”. Правда, подсчеты по сводной регистрационной таблице инвентаря дали иную цифру: в 12 могилах - 15 керамических сосудов и два случая находки фрагментов от неизвестного числа сосудов. Судя по той же таблице, в 15 могилах обнаружены 30 каменных горшков гуань (не считая блюд

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 99-01-00319

пань, чаш бо, бокалов бэй, ступок и пр.). Перечислено девять бронзовых изделий: четыре наконечника стрел и по одному ножу, копью, зеркалу, плюс еще две вещи непонятного предназначения. В сводной таблице находок и в описаниях отдельных погребений упоминаются также бронзовое шило, три кольца и несколько гвоздей. Кольца и гвозди встречены в погребениях в земляных ямах под курганами, как и подавляющая часть железного инвентаря, среди которого присутствуют ножи, поясные пряжки, гвозди, тесло, железные удила и стремя. Из костях изделий имеются два наконечника стрел, три подпружные пряжки с подвижным язычком и четыре блока для чумбура.

Костяные блоки для чумбура и подпружные пряжки, как и железные поясные (или портупейные) пряжки, удила, стремя, тесло, гвозди и часть железных ножей датируются древнетюркским временем. Костяные и бронзовые наконечники стрел, бронзовые нож и зеркало и другая часть железных ножей относятся к скифской эпохе. Тюркские древности найдены в погребениях в грунтовых ямах под курганами. Могилы раннего железного века встречаются как в грунтовых ямах под курганами, так и впущенными в более ранние захоронения, совершенные в больших каменных ящиках. Эти последние в подобных случаях бывают еще дополнительно перекрыты сверху курганной насыпью.

Погребальный инвентарь захоронений в больших каменных ящиках довольно необычен. Не совсем понятно, входит ли в его состав керамика, и если входит, то какая именно. Из 15 керамических сосудов, найденных в Кээрмуци, опубликованы восемь, в том числе два скифского времени (плюс еще три заведомо скифских сосуда не изданы), один древнетюркский горшок и одна средневековая (предположительно, уйгурская) гончарная ваза со штампованным орнаментом. Пиалу на поддоне, аналогичную сибирским курильницам, и три яйцевидных сосуда (в том числе один не издан) обычно относят к афанасьевской культуре, хотя подобная атрибуция и датировка синьцзянских яйцевидных сосудов не бесспорна (Варенов,1998, С.79-80). Вдобавок, они найдены за пределами погребений в больших каменных ящиках.

На исконную принадлежность их создателям может претендовать керамический баночный сосуд, украшенный по венчику пояском орнамента, состоящего из наклонных резных линий и рядов треугольных наколов (рис.1:1) Он встречен в потревоженном более поздним впускным захоронением раннего железного века коллективном погребении в большом каменном ящике М7м1 вместе с шестью каменными горшками, четырьмя кремневыми и одним бронзовым трехгранным наконечниками стрел, бронзовым (рис.1:6) и аналогичным каменным (рис. 1:7) изделиями непонятного предназначения.

Кремневые наконечники стрел, обнаруженные в Кээрмуци, не могут служить веским аргументом в пользу афанасьевской атрибуции памятника (ср. Заднепровский,1992, С.120). Стрелы эти нескольких разных типов - миндалевидные с прямым или слегка вогнутым основанием или с выделенным черешком и треугольные с черешком (рис.1:2), характерны не только для афанасьева, но и для иных, более поздних культур эпохи бронзы (см., напр., Молодин,1985, С40-41). Особенно разителен контраст частоты встречаемости каменных наконечников. В Кээрмуци 18 изделий приходятся на 20 погребений в больших каменных ящиках, что несопоставимо с только 6 стрелами со всей Минусинской котловины, приходящимися на 309 раскопанных там к середине 80-х годов афанасьевских могил (Вадецкая,1986, С.16,18). В афанасьевских погребениях Горного Алтая известен только один каменный наконечник стрелы (Степанова,1997, С33).

Все 18 кремневых наконечников стрел из Кээрмуци найдены в телах погребенных в больших каменных ящиках. Для инвентаря этих могил характерны также многочисленные каменные круглодонные сосуды закрытых форм (рис. 1:3-5).Единичные каменные сосуды известны и в Южной Сибири (Мандельштам,1973, С.228; Кирюшин, Симонов,1997, С167-171), однако ближайшие соответствия изделия из Кээрмуци находят в памятниках типа Наньшаньгэнь М101 - Сяохэйшигоу из уезда Нинчэн в автономной районе Внутренняя Монголия КНР (Погребение в каменном ящике,1973, С.30,35; Сянь Чуньсун, Ли И,1995, С.15-17, 19-20). Там аналогичные формы посуды отливали из бронзы. Особенно показательно сходство таких ритуальных предметов из обоих районов, как ковши с прямой фалломорфной ручкой (рис. 2:1, 3, 5) и встречающиеся вместе с ними двойные сосуды под выпуклой крышкой, имитирующие женскую грудь (рис. 2:2,4,6).

Памятники типа Наньшаньгэнь М101 – Сяохэйшигоу обычно датируются концом Западного Чжоу, т.е. IX-VIII вв. до н.э. Захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци, как уже отмечалось, в ряде случаев перекрыты сверху или нарушены впускными могилами раннескифского времени – VII-VI вв. до н.э (Варенов,1997, С41-42), что в сочетании с данными по Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу и определяет верхнюю хронологическую границу их бытования. Причем большие каменные ящики Кээрмуци не могут быть существенно древнее, чем Наньшаньгэнь-Сяохэйшигоу, поскольку для них характерно не просто воспроизведение в камне бронзовых изделий (см. напр., рис.1:4), но и сосуществование таких имитаций с бронзовыми, оригиналами весьма сложной формы (ср. рис.1:6 и 1:7).

Для определения нижней хронологической границы сооружения больших каменных ящиков в Кээрмуци весьма важно открытие в пределах оградки М17, но вне расположенных там погребений в каменных ящиках группы из семи литейных принадлежностей. В нее входят две створки

каменной литейной формы для кельта-лопатки с круглой, выступающей за пределы лопасти втулкой с боковой петелькой (рис.2:7, 8) и две непарных (возможно, незаконченных) створки для отливки шила и тесла (рис.2:9,10). Петелька на негативе втулки у каменной литейной формы образована не кольцевым сверлением, а рядом соединенных между собой радиальных пропилов. В той же технике оформлены петельки на негативах втулок у литейных форм некоторых копий и кельтов сейминского типа из Ростовки и с Иртыша (Черных, Кузьминых,1989, С.55,75). П.М.Кожин прямо связывает появление кельтов-лопаток с сейминской традицией (Кожин,1993, С. 19-23), хотя надо отметить, что изделия из Ростовки и отличаются от китайских (Матющенко, Синицына,1988, С.26,41).

В Китае кельты-лопатки с выступающей за пределы лопасти втулкой появляются в начале эпохи Инь (13 в до н.э.) и доживают до ханьского времени, до первых веков нашей эры. Правда, тогда их отливали уже не из бронзы, а из железа. Втулки всех китайских лопаток в сечении прямоугольные и без петелек. Исключение составляют только семь самых ранних экземпляров, происходящих из могилы Фу-хао на Иньском городище в Аньяне, втулки которых хотя и лишены ушек, но в сечении круглые или овальные (могила Фу-хао,1980, С.103) Для древесины гроба из могилы Фу-хао, одной из жен иньского вана Удина, правившего по так называемой исправленной исторической хронологии Аньяна в конце 13 - начале 12 вв. до н.э., получена радиоуглеродная дата, равная 1205 ±140 лет до н.э. (для уточненного периода полураспада С-14 = 5730 лет, но без учета дендрохронологической калибровки) (Радиоуглеродное датирование,1983, С. 80).

Не совсем ясно, были ли литейные принадлежности выброшены на древнюю поверхность почвы при сооружении каменного ящика М17м1, при разграблении его содержимого, или находились там изначально. Несомненно только, что захоронения с каменными сосудами - не самые ранние в Кээрмуци. В каменном ящике М11 длиной 1,9 м, шириной 1,4 м, глубиной 1, м и с ориентацией по азимуту 270 градусов на глубине 90 см у его южной стенки головой на запад на спине с поднятыми вверх согнутыми ногами помещен человеческий костяк в сопровождении бронзового наконечника копья, бронзового шила и двух каменных горшков. В 20 см ниже него, в заполнении ящика, под гранитной плитой размерами 60х40 см лежали кости другого умершего в керамический сосуд. К сожалению, ни сосуд этот, ни бронзовое копье из М11 не изданы, так что составить более определенное мнение об их культурно-хронологической атрибуции нельзя.

Найденный в Кээрмуци каменный трехгранный в сечении фалломорфный жезл длиной 26 см и размером в поперечнике 5 см, украшенный антропоморфной личиной (рис.1:8) сопоставим и с каменным амулетом из погребения в Норовлин-ууле в Восточной Монголии (Волков,1975, С77-79), и с афанасьевскими фалломорфными жезлами (Древние культуры,1994, С.133), и с минусинскими и западно-сибирскими фигурными каменными жезлами с зооморфными навершиями, датируемыми обычно окуневским (Леонтьев, 1975, С.65-66) или сейминским (Пяткин, Миклашевич,1990, С.149) временем. Однако жезл этот встречен при исследовании захоронения М21, где не сохранилось ни иного инвентаря, ни человеческих костей, а могильная камера к моменту раскопок была уже разрушена, так что полной уверенности в его принадлежности к культуре погребений в больших каменных ящиках быть не может.

Все вышеизложенное заставляет предварительно датировать коллективные захоронения в больших каменных ящиках из Кээрмуци, сопровождающиеся каменными сосудами и кремневыми наконечниками стрел, XIII-VIII или даже X-VIII вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л.,1986,- 180 с.
2. Варенов А.В. О скифо-сакском компоненте в могильнике Кээрмуци // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сб. тез. научной. конф. к 35-летию гуманитарного факультета НГУ. - Новосибирс,1997. - С.40-44.
3. Варенов А.В. “Афанасьевские” древности из Северного Синьцзяна и их алтайские аналоги // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Мат-лы научно-практической. конф. Вып.IX. -Барнаул,1998. - С.77-81.
4. Волков В.В. Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск,1975. - С. 76-79.
5. Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. - Новосибирск, 1994. - 224 с.
6. Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности № 3. - М.,1992. - С. 115-127.
7. И Маньбай. Краткое сообщение о раскопках древнего могильника Кээрмуци в Синьцзяне // Вэньу,1981 № 1. - С.23-32. (на кит. яз.).
8. Кирюшин Ю.Ф.,Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы научно-практической конф. Вып.VIII. - Барнаул,1997. - С.167-171.
9. Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск,1993. - С. 16-41.

10. Леонтьев Н.В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. - Л.,1975. - С.63-67.
11. Ли Чжэн. Краткое сообщение о разведке могил с каменными изваяниями в районе Алтая // Вэньу,1962 № 7/8. - С.103-108. (на кит. яз.).
12. Мандельштам А.М. Раскопки могильника Аймырлыг // Археологические открытия 1972 года. - М.,1973. - С.228.
13. Матющенко В.И.,Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. - Томск, 1988. -136 с.
14. Могила Фу-хао на Иньском городище (Иньсюй Фу-хао му). - Пекин,1980. - 242 с. (на кит. яз.).
15. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск,1985. - 200 с.
16. Погребение в каменном ящике в Наньшаньгэнь уезда Нинчэн // Каогу сюэбао,1973 № 2. С.27-39. (на кит. яз.).
17. Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.,1990. С. 146-153.
18. Радиоуглеродное датирование в китайской археологии. 1965-1981. (Чжунго каогусюэ чжун таньшиси няньдай шууцзюйцзи. 1965-1981. Пекин,1983. -322 с. (на кит. яз.).
19. Степанова Н.Ф. Инвентарь из погребений афанасьевской культуры Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Мат-лы Всероссийской научной конф. - Барнаул,1997. - С. 32-36.
20. Сянь Чуньсун, Ли И. Отчет о разведке и раскопках погребения в каменном ящике из Сяохэйшигоу в уезде Нинчэн // Вэньу,1995 № 5. - С.4-22. (на кит. яз.).
21. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). - М.,1989. - 320 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ВАРЁНОВА А.В.

Рис. 1. Древности из погребений в больших каменных ящиках Кээрмуци. 1- из погребения в каменном ящике М7м1; 2 - из разных погребений, в том числе пять наконечников стрел - из погребения М1, три наконечника - из погребения М2, четыре наконечника - из погребения М7м1, два наконечника - из погребения М7м2, один наконечник - из погребения М18, два наконечника - из погребения М19, один наконечник - из погребения М2, точное распределение по могилам неизвестно; 3 - из погребения М8; 4 - из погребения М7м2; 5 - из погребения М2; 6 - из погребения М19; 7 - из погребения М7м1; 8 - из погребения М21. 6 - бронза, остальные - камень. Все - разный масштаб.

Рис. 2. Древности из Кээрмуци и их аналогии.
1 - из оградки М16 в Кээрмуци, но вне погребений; 2 - из погребения М3 в Кээрмуци; 3, 4 - из погребения в каменном ящике в Сяохэнань уезда Нинчэн пров. Ляонин; 5, 6 - из погребения в каменном ящике М101 в Наньшаньгэнь уезда Нинчэн пров. Ляонин; 7-10 - из оградки М17 в Кээрмуци, но вне погребений. 1, 2, 7-10 - камень, 3-6 - бронза. Все - разный масштаб.

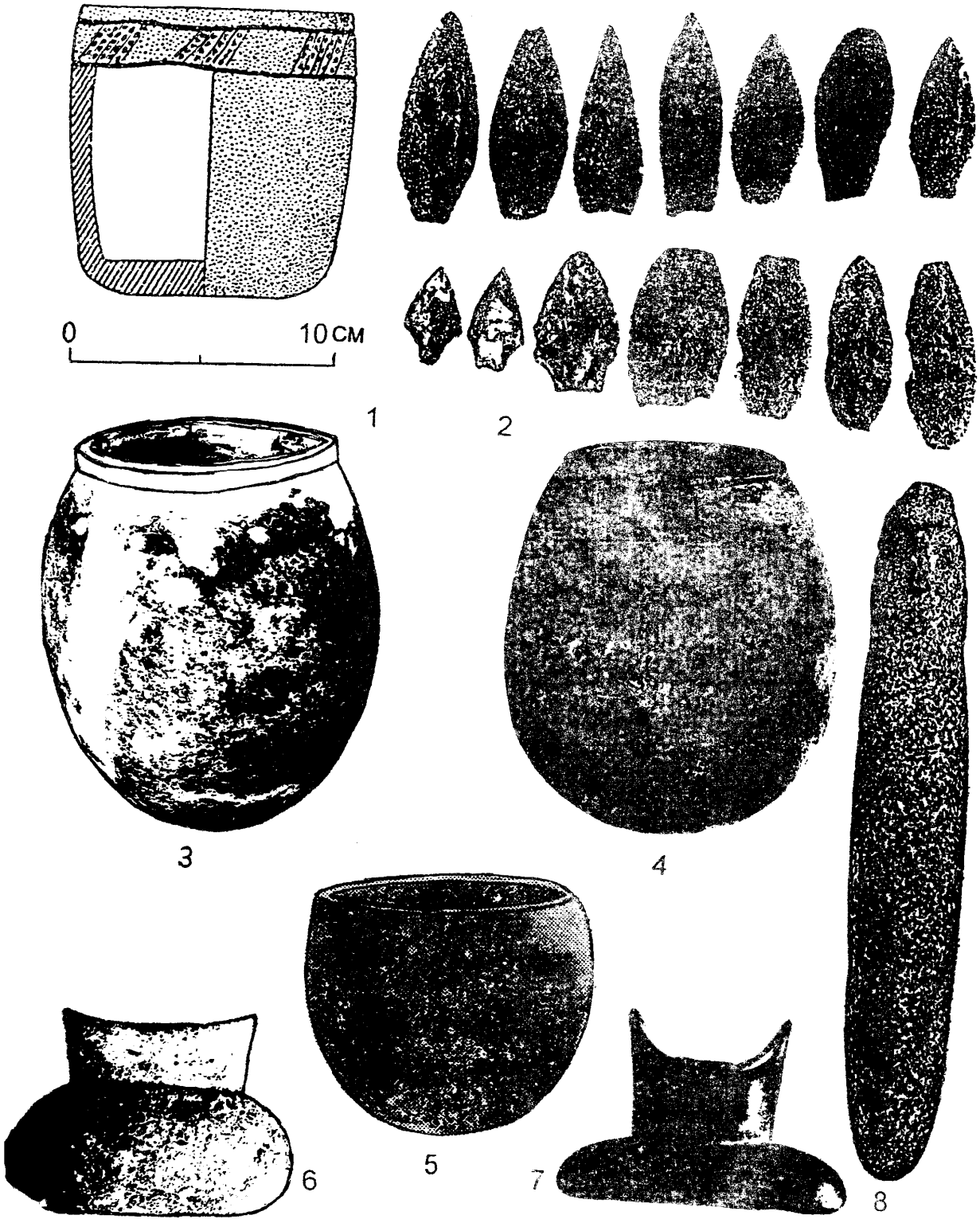


Рис 1

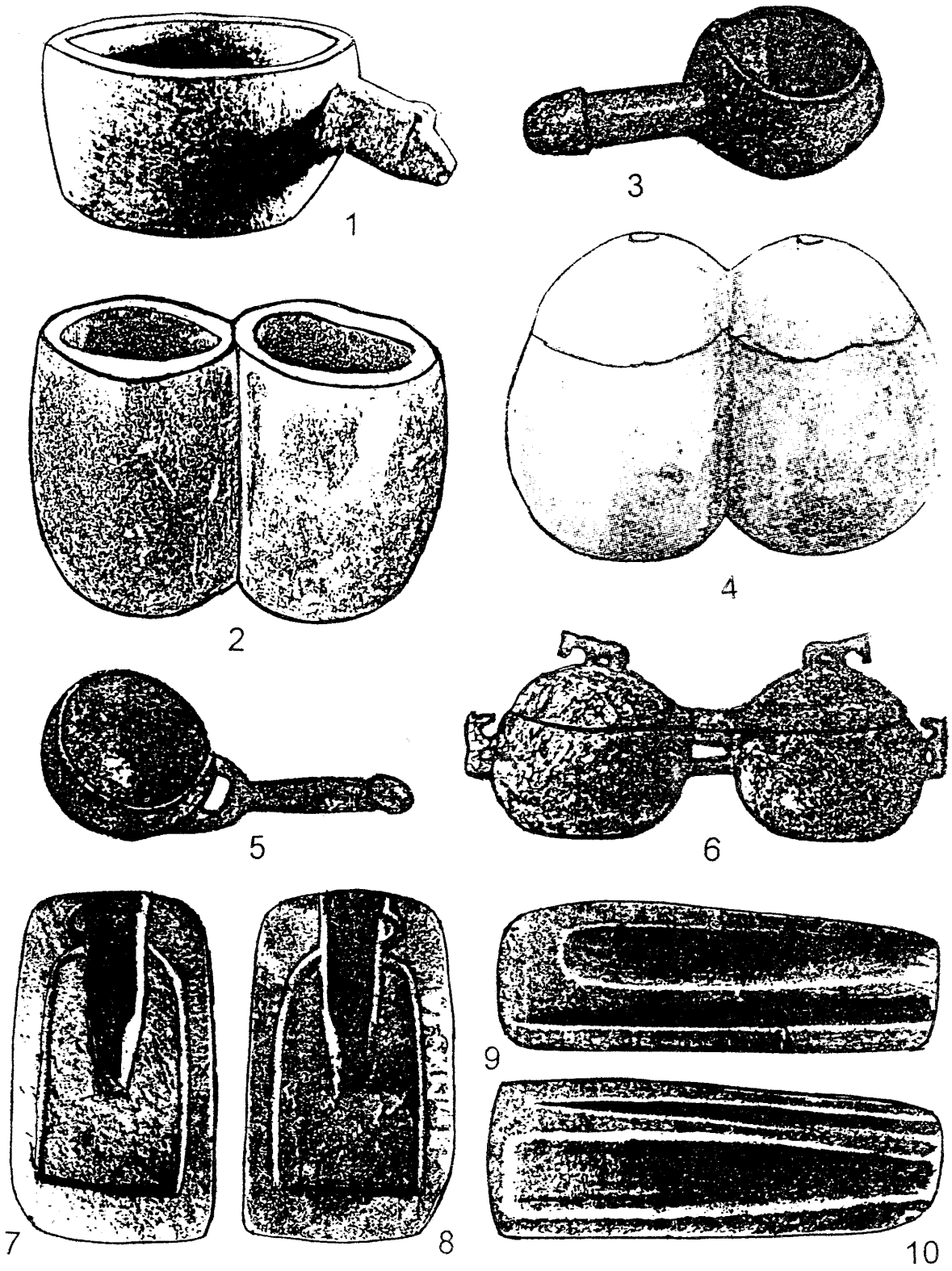


Рис.2

Демин М.А., Ситников С.М.
(г. Барнаул)

МОГИЛЬНИК ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-10 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

Могильник Чекановский Лог-10 расположен на правом берегу Гилевского водохранилища, в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5 - 1,7 км к юго-востоку от села Корболиха. Памятник открыт в ходе обследования береговой зоны водохранилища, проводившегося летом 1998 г.

Наиболее древние находки относятся к андроновской (федоровской) культуре. На пляже, в южной части могильника, собраны фрагменты керамики не менее чем от семи сосудов. Это горшки (рис.1-1,4) украшенные богатым геометрическим орнаментом (так называемая нарядно-ритуальная посуда), и сосуды слабопрофилированных и баночных форм (рис.1-2,3,5-7) с более простой и бедной орнаментацией (хозяйственно-бытовая посуда). В целом орнаментация и форма посуды аналогична керамическим комплексам андроновских (федоровских) могильников Алтая (Кирюшин, Лузин, 1993; Абдулганеев, Лузин, Кунгурова, 1993; Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996; Могильников, 1998).

К этому же времени относится привеска подпрямоугольной формы из бронзовой пластинки толщиной около 1 мм с небольшим отверстием для подвешивания (рис.1-8). По мнению Н.А. Аванесовой аналогичные изделия являются частью накосника или пояса и встречаются только в алакульских погребениях - могильники Урал-Сай, Байту 2, Котанэмель 1, Атасу-Айшрак, Ефимовка, Нурманбет (Аванесова, 1991, с.59).

На пляже, в районе нахождения керамики, обнаружено 16 бронзовых бус-пронизей, спекшихся в трубочку (рис.1-9). Аналогичные изделия известны как в алакульских (могильники Ак-Мустафа, Койшокы 1, Шет 3 и др. (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.73, рис.42-1,3, с.77, рис. 47-1, с.1-1, рис.71-1) и др.), так и в федоровских погребальных комплексах (могильники Средняя База Беткудук (Максимова, Ермолаева, 1987, с. 25, рис.21-4), Быково (Абдулганеев, Лузин, Кунгурова, 1993, рис.1-11,12), Ближние Елбаны (Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996, с.15, рис.3-6) и др.).

В целом керамический комплекс и бронзовый инвентарь довольно немногочислены и не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы по датировке памятника. Традиционно время бытования андроновских памятников Алтая определяется XIY - XIII вв. до н.э. (Кирюшин, Лузин, 1990, с.53), XIY-XII вв. до н.э. (Могильников, 1998, с.32). Форма и орнаментация некоторых сосудов (рис.1-1,4) близка к керамике могильника Нижняя Суетка, который, по-видимому, является одним из наиболее ранних андроновских (федоровских) памятников Алтая.

Наибольший интерес представляет погребение раннескифского времени, обнаруженное в западной части могильника.

Захоронение частично размыто водохранилищем. На пляже были собраны остатки верхней части скелета 25 - 30-летнего мужчины (по определению С.С. Тур), зубы и фрагменты нижней челюсти лошади, кости ног барана. На момент обнаружения погребения в обрыве фиксировались череп лошади и остатки нижней части скелета человека (пятый поясничный позвонок, тазовые и берцовые кости). Судя по ним, погребенный был захоронен в вытянутом положении, на спине, головою на северо-запад. К сожалению, в дальнейшем могила подверглась частичному ограблению со стороны местных жителей - практически все кости скелета человека ими были выкопаны.

В береговой осыпи на глубине -250 см (здесь и далее все глубины даются от репера 0) была найдена бронзовая пуговковидная пронизь-застежка (рис.2, рис.3-6), а на глубине -325 см, в обвалившемся куске берега, обнаружен набор узды (рис.2, рис. 3, рис.4-3) - удила, псалии, наносник, подвески. Как выяснилось в ходе дальнейших раскопок лошадь взнуздана не была, узда (судя по бронзовым окислам на черепе) была помешена возле правой щеки животного.

В разрезе обрыва и при подчистке по материку контуры могильной ямы не фиксировались. Границу погребения удалось проследить (весьма условно) в процессе раскопок по более рыхлой и мягкой структуре заполнения и изредка встречающимся кусочкам угля и дерева. Судя по заполнению, могильная яма, ориентированная по линии северо-запад - юго-восток, имела подпрямоугольную форму, с углубленным подбоем в юго-западной части (рис.2).

На глубине -156 - -180 см, на материковом приступке, был расчищен костяк лошади на животе с подогнутыми ногами и головой, повернутой на юго-запад. Ориентация скелета лошади по линии позвоночника северо-западная, с небольшим отклонением к северу. Под черепом лошади был обнаружен скелет барана, лежащий на животе, головой на юг - юго-запад (рис.2).

В подбое, углубленном на 20 см ниже приступка, обнаружено несколько костей человека: ключица и три фаланги пальцев ног. Костные остатки скелета очевидно не находились в in siti, а были перемещены грызунами. В южной части погребения найдено два наконечника стрел. В могиле присутствовал бронзовый нож. К сожалению, он был извлечен и разломан грабителями. Удалось найти лишь небольшой фрагмент лезвия.

В настоящее время трудно сказать имело ли исследованное погребение какие-либо надмогильные конструкции. При осмотре береговой осыпи и во время раскопок остатков каменных

сооружений не обнаружено. В рельефе берега захоронение так же не выделялось.

Между тем для раннескифских комплексов довольно характерной чертой является сооружение курганных конструкций над погребениями: например могильники Карбан 1 (Демин, Гельмель, 1992), Чесноково 1 (Шульга, 1998, с.58), Машенка 1 (Шульга, 1998, с.24) и ряд других памятников (Кирюшин, Тишкин, 1997).

Комплект раннескифских вещей " местонахождения" Гилевский мост (Тишкин, 1998) так же происходит с курганного могильника. Это место летом 1998 г. было осмотрено авторами. Здесь были найдены остатки небольших разрушенных каменных выкладок, человеческие кости и бронзовый однолезвийный пластинчатый нож с кольцевым навершием. Интересно что, по-видимому, с этого же памятника происходят находки, переданные жителем с. Гилево Животягиным А.Е. в краеведческий музей БГПУ: стремечковидные удила с У-образными псалиями и массивное бронзовое зеркало с бортиком.

Вполне вероятно, что над раннескифским погребением могильника Чекановский Лог-10 был сооружен небольшой земляной курган, насыпь которого была снивелирована временем.

Полученный в ходе раскопок материал состоит из предметов конской узды и вооружения:

- удила, бронзовые, двусоставные, соединеннокольчатые со стремечковидными окончаниями (рис.3-3). Общая длина удил в развернутом виде 19,1 см Длина одного звена 9,7 см, длина другого 9,4 см Стремечковидное окончание одного из звеньев отсутствует. Сильная коррозия предмета не позволяет установить было ли стремечко обломано в древности, или же этот дефект образовался при отливке;
- псалии бронзовые, стержневидные, округлые в сечении, трехдырчатые, с небольшим утолщением в районе отверстий, слегка изогнутые, длиной 16 см и 16,1 см (рис.3-1,2);
- наносная бронзовая подвеска "клюво-видной" формы (рис.3-5);
- пуговковидная бронзовая пронизь-застежка с округлой шляпкой (рис.3-6);
- две подвески из добавочной фаланги лошади или лося (рис.3-4,7);
- бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис.4-2);
- костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис.4-1);
- обломок лезвия бронзового однолезвийного ножа. Возможно изделие имело кольцевое навершие.

Найденный в погребении комплект предметов снаряжения верхового коня и вооружения по составу и формам является типичным набором раннескифского времени Казахстана (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.316, рис. 7-4, с.317, рис.8-1,2, с.323, рис.15-6, с.352, рис. 46-1-3; Ермолаева, 1987, с.72, рис.33-1) и Алтая (Демин, Гельмель, 1992; Кирюшин, Тишкин, 1997; Бородаев, 1998; Кубарев, 1998; Марсадолов, 1998; Шульга, 1998). Встреченные здесь вещи бытовали в YII-YI вв. до н.э. В целом рассмотренный раннескифский комплекс предварительно датируется YII в. до н. э. С раннескифскими памятниками этого времени его сближает и погребальный обряд: захоронение человека с конем, наличие подбоя и жертвенной пищи, северо-западная ориентация могилы.

Полученный комплекс вещевого инвентаря позволяет провести реконструкцию узды раннескифского времени. Узда состояла из удил, псалиев, наносной подвески, пуговицевидной пронизки-застежки и двух костяных подвесок. Костяные подвески в погребениях раннескифского времени обычно крепились на нагрудник лошади. На наш взгляд, нахождение подвесок совместно с остальными деталями узды (рис.4-3), свидетельствует об их полифункциональном характере. Вполне вероятно, что они могли выполнять роль распределителей, соединяющих суголовные и налобно-подбородочные ремни: в подвеску сначала вставлялся налобно-подбородочный ремень, затем пропускался суголовный так, чтобы он оказался зажатым между самой пронизкой и подбородочным ремнем (рис.4-5).

Во рту у лошади находились удила к которым крепились псалии и ремни повода. От удил и псалиев отходило два нащечных ремня.. От места соединения нащечных и суголовных ремней, по-видимому, отходил ремень переносья с наносной подвеской. Налобно-подбородочные и суголовные ремни фиксировались между собой при помощи костяных подвесок. Далее налобный и подбородочный ремни застегивались на пронизь-застежку (рис.4-4). В целом предложенная реконструкция близка к узде могильника Машенка 1 (Шульга, 1998, с.44, рис.7-4, с.45, рис.8-1).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Часть 1. С.102-105.
2. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильник развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С.11-20.
3. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
4. Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха 1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56-73.
5. Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганные погребения раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и

Западной Сибири эпохи маталла. Барнаул, 1992. С.78-84, 170-175.
6. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата 1987. С. 64-94.
7. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
8. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлугров Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.
9. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог 1 - новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.42-56.
10. Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 74-77.
11. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Полдтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С.67-94.
12. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Часть 1. Барнаул, 1997.
13. Максимова А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата 1987. С.24-63.
14. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
15. Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в YIII - Y веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5-24.
16. Могильников В.А. Курганы Корболиха 1 - памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С.29-43.
17. Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 78-90.
18. Шульга П.И. Раннескифская упряжь YII - начала YI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25-49.
19. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково 1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 58-69.

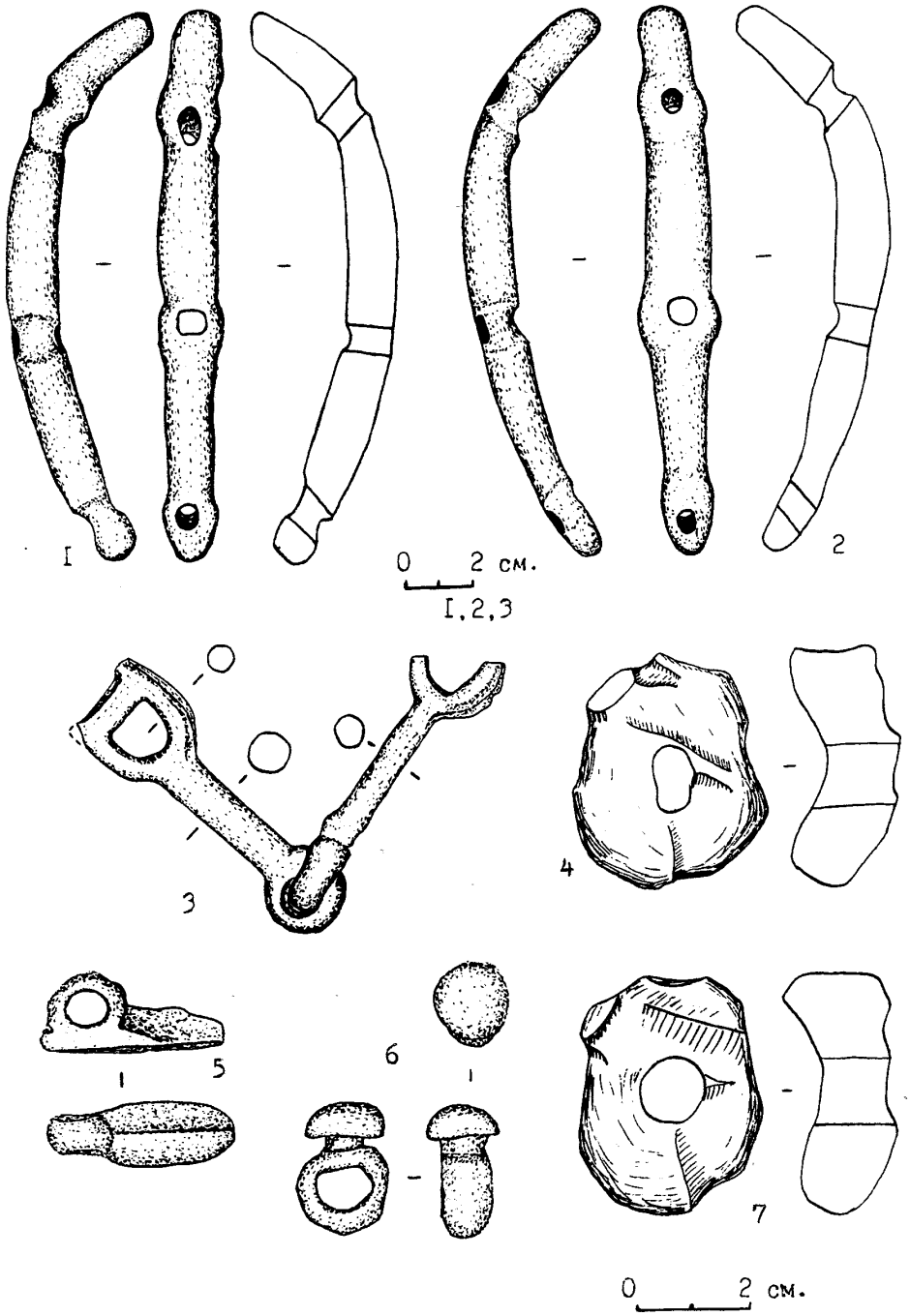


Рис. 3. Могильник Чекановский Лог-10. Инвентарь (1-3, 5, 6 – бронза, 4, 7 – кость)

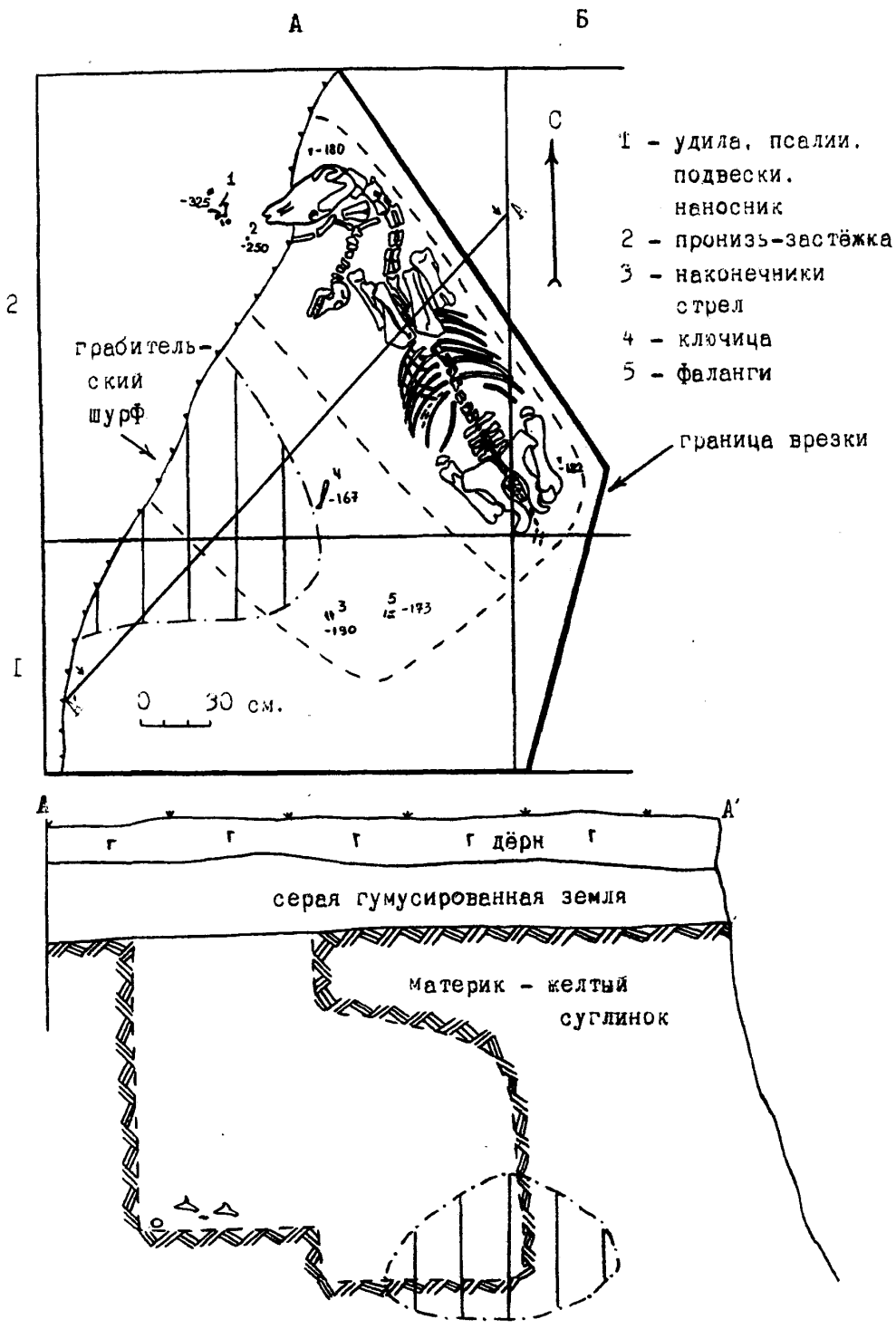


Рис. 2. Могильник Чекановский Лог-10. План и разрез раннескифского погребения.

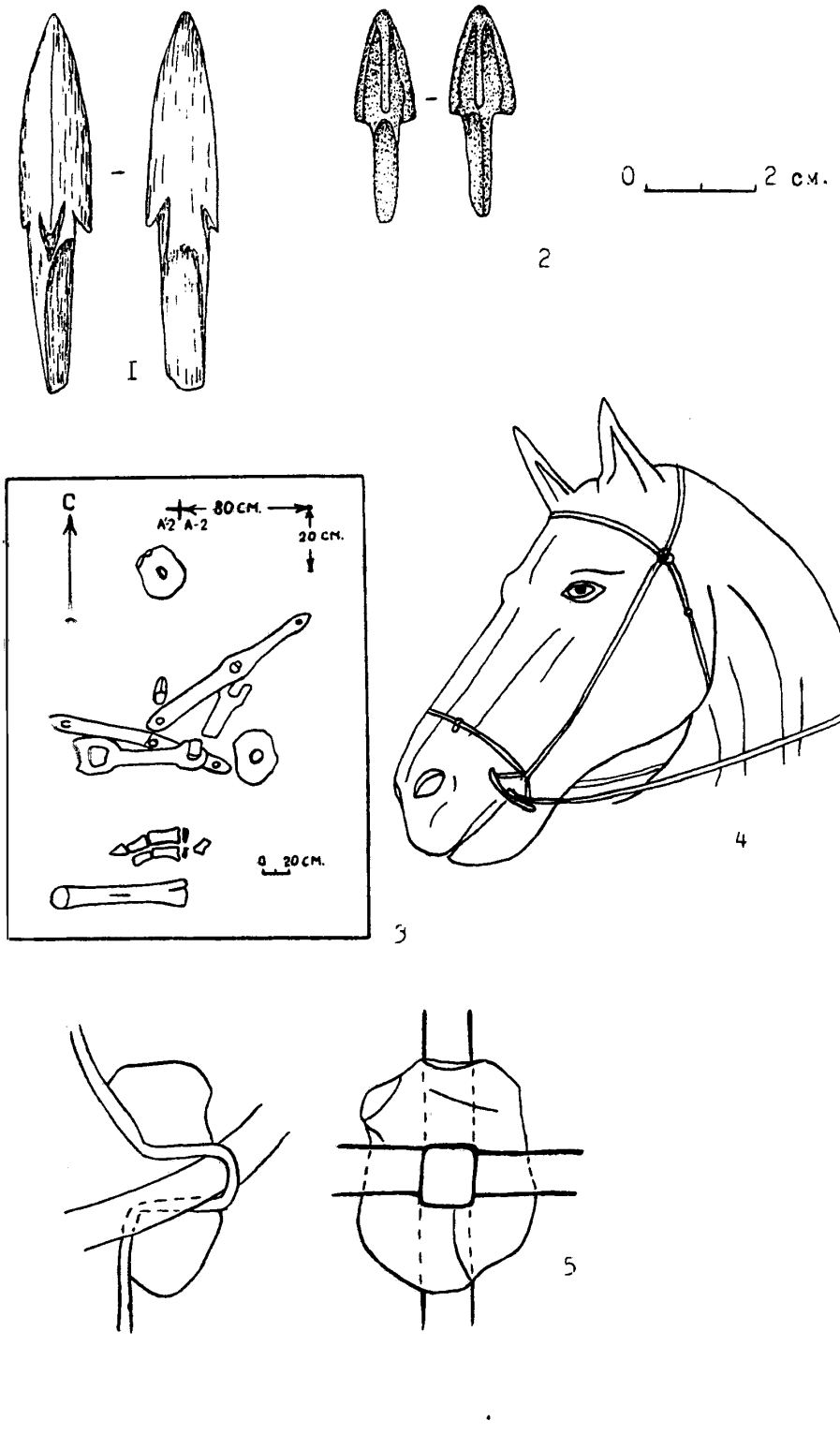


Рис.4. Могильник Чекановский Лог-10

Дашковский П.К.
(г. Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История открытия и изучения археологических памятников раннего железного века Горного Алтая насчитывает уже не одно десятилетие. Многие отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к рассмотрению различных аспектов развития культуры населения скифской эпохи данного региона. В результате выявились разнообразные дискуссионные вопросы, сформировались определённые подходы интерпретации имеющихся источников. Многие проблемы не решены современной скифологией и для других культур древних народов Евразии этого периода, несмотря на неоднократные попытки это осуществить (Яценко, Раевский, 1980; Исмагилов, 1989; Мелюкова, 1991; Краткие сообщения...., 1993 и др.) Такая ситуация свидетельствует о сложности и многообразности процессов, происходивших на территории евразийских степей в скифское время.

Одним из приоритетных направлений скифологии на современном этапе является решение проблем культурно-хронологического характера, в том числе касаемых раннего железного века Горного Алтая. (Тишкин, 1994). В течение нескольких десятилетий учёные предлагали разные концепции формирования и развития населения скифской эпохи, в рамках которой в настоящее время рассматривают раннескифскую и пазырыкскую культуры.

В1939 г. М.П. Грязнов выделил эпоху ранних кочевников на Алтае с тремя хронологическими группами могильников: майэмирскую (VII-V вв. до н.э.), пазырыкскую (V-III вв. до н.э.) и шибинскую (II в. до н.э.). Позднее предложенная периодизация была детально обоснована (Грязнов, 1947), а затем и несколько видоизменена. Так, в 1956 М.П. Грязнов, учитывая материалы большеречeнской культуры Алтая, сузил дату майэмирского этапа до VII-VI вв. до н.э. (Грязнов, 1956, с.11). Раскопки 1971-1974 гг. Кургана Аржан в Туве (Грязнов, 1980) позволили продолжить дальнейшее решение вопросов хронологии и периодизации.

В 1978 г. М.П. Грязнов обозначил особый (куртуский) этап (VIII-VII вв. до н.э.) на Алтае, который предшествовал майэмирскому и был синхронен аржанскому типу памятников в Туве (Грязнов, 1978, с.17). Годом позже исследователь в опубликованных тезисах высказал мнение об едином процессе развития скифских культур VIII-III вв. до н.э.: и выделил три фазы аржано-черногоровскую (VIII-VII вв. до н.э.); майэмирско-келермесскую (VII-V вв. до н.э.); пазырыкско-чертомлыкскую (V-III вв. до н.э.). Каждая фаза характеризуется специфическим комплексом предметов вооружения, конской сбруи и звериного стиля (Грязнов, 1979). Учёный также отметил существование аржано-черногоровской фазы IX-VII вв. до н.э. в 10 областях степи от Дуная до Китая, к которым относился и Горный Алтай, имеющий определённое своеобразие в данный период (Грязнов, 1983, с.3-18).

Наиболее полно схема развития культуры кочевников эпохи раннего железа была рассмотрена М.П. Грязновым на основе типов вещей и деталей погребального обряда и представлена в виде четырёх последовательных этапов: куртуский (VIII-VII вв. до н.э.), майэмирский(VII-VI вв. до н.э.), пазырыкский(V-III вв. до н.э.), шибинский (II в. до н.э. - I в. н.э.) (Грязнов, 1992, с.163). Определённая гипотетичность и искусственность концепции М.П. Грязнова, особенно в части выделения первых двух, а затем и последнего, этапов была очевидна и вызвала возражения у ряда исследователей. Однако их попытки решить эту проблему, в частности путём объединения куртуского и майэмирского этапов в рамках VIII-VI вв. до н.э. (Степная полоса..., с.164), не привели к ожидаемым результатам (Тишкин, 1994, с.126).

Другую периодизацию предложил в своё время С.В. Киселёв, согласно которой майэмирская культура включает в себя раннюю (VII-VI вв. до н.э.) и позднюю (V-IV вв. до н.э.) стадии. Период III-I вв. до н.э. он отнёс к гунно-сарматскому времени, куда входит и пазырыкская эпоха. (Киселёв, 1947; 1951, с.288-293). С.И. Руденко вообще отказался от выделения каких-либо периодов в пределах скифского времени (VII-IV вв. до н.э.). (Руденко, 1960, с.164). Он также высказал предположение , что скифские племена генетически не связаны с более ранним населением Алтая. По мнению учёного, возможно, что в кон. VIII - нач. VII вв. до н.э. часть племён с верховий Иртыша из Зайсанской котловины или предгорий Тарбагатая распространилась на Горный Алтай и ассимилировали местное население (Руденко, 1952, с.250).

Значительное внимание проблемам культурно-хронологического разграничения памятников Горного Алтая уделили А.С. Суразаков (1983; 1988а; 1988б и др.) и В.А. Могильников (1983;1986;1988).

В 1983 А.С. Суразаков выделил в Горном Алтае новую кара-кобинскую культуру, которая вместе с ранее известной пазырыкской культурой укладывалась в VI-II вв. до н.э. В рамках этих двух культур известные памятники подразделялись на три хронологические группы: кон. VI-V вв. до н.э., V-IV вв. до н.э., III-II вв. до н.э (Суразаков, 1983а; 1985). Кроме того, памятники данного периода Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая он объединил в единую саяно-горноалтайскую культурно-историческую общность (Суразаков, 1987, с.65).

В.А. Могильников, обращаясь к той же проблематике, предложил разделить раннескифское время в рамках особой майэмирской культу-

ры на два этапа (куртуский - VIII- VII вв до н.э. и майэмирский- VII-VI вв. до н.э.), отметив при этом территорию её распространения в двух локальных вариантах: южном (куртуско-катонский) и северном (усть-куюмский). На основе усть-куюмского локального варианта сформировалась кара-кобинская культура V-III вв. до н.э., а пазырыкская культура с кон.VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения и племён, пришедших из степей Казахстана (Могильников, 1986, с.53; 1988, с.74-83). Предложенная схема этнокультурного развития населения Горного Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки исследователей (Тишкин, 1994; Суразаков, 1988б; Шульга, 1998а). Концепцию В.А. Могильникова в целом поддержали А.С. Суразаков, П.И. Шульга. В тоже время А.С. Суразаков позднее отказался от своей прежней позиции выделения особой кара-кобинской культуры и пришёл к выводу, ранее высказанному П.И. Шульгой (1986) и поддержанного В.Д. Кубаревым (1992, с.115-117). Исследователи полагают, что пазырыкская культура включала разные типы погребений. А.С. Суразаков также отметил, что в формировании культуры ранних кочевников Алтая приняли участие племена культуры керексуров и монгун-тайгинской культурной общности (Суразаков, 1988а, с.171). В своей итоговой работе ученый дополнил, предложенные ранее выводы, фактическим материалом и подразделил памятники на три группы: пазырыкскую, кара-кобинскую и чумышско-ишимскую (Суразаков, 1988б). На материале последней группы памятников С.Н. Киреев выделил быстрянскую культуру (Киреев, 1992).

Своеобразную культурно-хронологическую концепцию представлена в работах Л.С. Марсадолова. Памятники Алтая он отнёс к двум этапам. Первый, майэмирский, этап датирован VIII-VII вв. до н.э., возможно, п. чет.VI в. до н.э., и включал в себя две группы памятников («вытянутые» и «скорченники»). Второй пазырыкский период условно укладывался в рамки VI-IV вв. до н.э. (Марсадолов,1985,с.10-11). Исследователь также обратил внимание на то, что завершение майэмирского и начало пазырыкского этапов синхронно ряду исторических событий, в частности разгрому Ассирии мидийцами, походам скифов в Малую Азию, усилению державы Ахеменидов. Завершение пазырыкского этапа совпало с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что привело к большим перемещениям племёни народов (330-320 гг. до н.э.) (Марсадолов, 1985, с.15).

В 1996 г. В монографии, посвященной истории изучения памятников Алтая VIII-IV вв. до н.э., Л.С. Марсадолов дополнил свои ранее сделанные выводы реконструкцией этнических и этногенетических процессов, протекавших в данном регионе. В различных частях Алтая в рамках VIII-VII вв. до н.э. и VI-IV вв. до н.э. он выделил локальные этнокультурные группы археологических памятников, которые, возможно, соответствовали расселению древних племён («куртусцы», «майэмирцы», «пазырыкцы», «семисарцы» и др.) (Марсадолов, 1996а, с.57-73). В дальнейшем развивая теорию этногенеза пазырыкцев Л.С. Марсадолов провёл сопоставление материалов из тумулосов Гордиона (Турция, VIII-VII вв. до н.э.) и Алтая (VI-IV вв. до н.э.), указав на черты сходства в погребальном обряде и в инвентаре, свидетельствующие, по мнению автора, о существовании определённой генетической преемственности между ними (Марсадолов, 1997а,с. 22-24,42). В целом же этногенетическое развитие пазырыкцев проходило в несколько этапов по следующей схеме: Синташта (СМ, погр. 10,16-XVII-XVI вв до н.э.)-памятники срубной культуры(XV-XII переходные памятники(XI-IX вв. до н.э.)-киммерийцы+Гордион (VIII-VII вв. до н.э.)-пазырыкцы (VI-IV вв. до н. э.)

Предложенная Л.С. Марсадоловым концепция не лишена логичности. Однако, учитывая современный уровень изучения пазырыкской культуры, она выглядит гипотетичной и в некоторой степени искусственной, упрощающей этногенетические процессы древности. Нельзя в данный момент согласиться и с предположением ученого о том, что пазырыкская культура сформировалась в результате прихода в 584-583 гг. до н.э. монолитной этнической группы из Передней Азии (Марсадолов,1997а,с.22-24). Не исключая притока населения на Алтай после известных исторических событий, тем не менее необходимо отметить данные, свидетельствующие о перемещении сакских племён в данный регион в VII-нач.VI вв. до н.э. (Шульга,1998б,с.709). Существование таких этнокультурных связей подтверждается материалами Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана (Шульга, 1997; 1998а; Литвинский, 1984,с.13-14; Литвинский, Погребова, Раевский, 1985; Восточный Туркестан..., 1989 и др.)

К вопросам, связанным с различными этапами культуры кочевников Горного Алтая, неоднократно обращались и другие исследователи. В 1986 Н.Ф. Степанова выделила особый тип погребений в каменных ящиках VIII-VI вв. до н.э. и назвала его «куюмским», отметив отсутствие общих черт с памятниками пазырыкского типа (Степанова,1986,с.79-81). Н.А. Боковенко датировал по материалам конского снаряжения начальный этап кочевников Саяно-Алтая VIII-VII вв. до н.э., возможно, IX-VII вв. до н.э. (Боковенко, 1986а, с.13), а затем выделил пять вариантов погребального обряда всадников в конкретных территориально-хронологических границах, в пределах раннескифского времени (IX-VI вв. до н.э.) (Боковенко,1986б,с.46-48). В дальнейшем различным аспектам культуры населения раннескифского времени Горного Алтая значительное внимание уделил А.А. Тишкин. Учитывая развитие комплекса элементов конского снаряжения он выделил в рамках указанного периода три хронологических отрезка: ранний (кон. IX-VIII

вв. до н.э.), средний (сер.VIII-нач. или сер. VII вв. до н.э.), поздний (сер. VII-вт. или тр. четвертьVI вв. до н.э.) (Тишкин, 1996, с.26). По мнению исследователя, наибольшее сходство данная культура имеет с памятниками соседних регионов, особенно с Тувой, а истоки её, вероятнее всего, следует искать в Северо-Западной Монголии и в ближайших районах Китая. (Кирюшин, Тишкин, 1997, с.111-112). Необходимо отметить, что начальная дата, IX в. до н.э., в периодизации скифской архаики, предложенная ещё С.С. Сорокиным после раскопок могильника Курту-II (Сорокин, 1966, с.43-47), принимается в настоящий момент не всеми учёными (Марсадолов, 1996, с. 53-54; Могильников, 1986; Шульга, 1998б и др.).

Не менее дискуссионен вопрос о позднепазырыкских памятниках. Первоначально М.П. Грязнов отнёс их к шибинскому этапу (II в. до н.э. - I в. н.э.) (Грязнов, 1939, с.339-413). Это вызвало возражение С.И. Руденко (1960, с.162-171), С.С. Черникова (1975, с.133). Повторное рассмотрение хронологии кургана Шибе, на материалах которого был выделен шибинский этап, привело к удревнению его даты -не позднее III в. до н.э. (Баркова, 1978, с.48; Марсадолов, 1988, с. 80). Используя результаты раскопок курганов рядовых кочевников одни исследователи стали датировать памятники позднего периода пазырыкской культуры II-I вв. до н.э. (Савинов, 1978, с. 53-54; Кубарев, 1997, с.1997, с.16; Полосьмак, 1994а, с.138 и др.), а другие- III-II вв. до н.э. (Суразаков, 1988б, с.116-117; Шульга, 1986; 1997; Полосьмак, 1997 и др.). Предложения о переименовании шибинского этапа, в частности в уландрыкский (Кызласов, 1979, с.119), не встретили поддержки у учёных, поскольку кроме терминологической путаницы это ничего не принесёт (Кубарев, 1987, с.131).

При создании периодизации скифских древностей необходимо учитывать возможности синхронизации письменных и археологических дат, что было предпринято Д.Г. Савиновым (1991) на примере культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени. Появление первых памятников скифского типа на Алтае (майэмирская культура, Курту-II), связано с падением в 770 г. до н.э. под давлением кочевников из Центральной Азии государства Западное Чжоу. Первый (башадарский) этап пазырыкской культуры синхронен созданию Ахеменидской державы (550 г. до н.э.). второй этап совпадает с усилением этой империи. На 20-е гг. IV в. до н.э. приходятся завоевания А. Македонского в Средней Азии, а в Горном Алтае - это шибинский этап пазырыкской культуры и появление кара-кобинской культуры. Всё это время доминировала западная линия синхронизации и лишь с 201 г. до н.э.(северный поход Маодуня) она меняется на восточную (Савинов, 1991, с.93-94).

В последнее время возрос интерес к связям Китая и Алтая (Переводчикова, 1992; 1994; Полосьмак, 1994б, с.143 и др.) и даже появилось предположение о северо-западных районах Китая как об исконной территории обитания предков пазырыкцев (Яценко, 1996, с.157). Однако данная точка зрения имеет ряд существенных недостатков в аргументации, что было продемонстрировано при её критическом анализе (Шульга, 1998б, с.709-710).

Рассматривая проблемы этнокультурного развития кочевников Горного Алтая в раннем железном веке необходимо отметить сложение двух противоположенных тенденций в современной скифологии в связи с изучением скифской архаики в целом .С одной стороны, ряд исследователей пытается «удревнить» памятники скифской эпохи, используя для этого во многих случаях кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиокарбонного анализа (Марсадолов, 1996а, с.48; Марсадолов, Зайцева, Лебедева, 1994; Марсадолов, Зайцева и др.,1996; Зайцева, Васильев и др.,1997; Семенцов, Зайцева и др., 1997; Медведская, 1992; Исмагилов, 1989; 1993 и др.). С другой стороны, вторая группа учёных, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники настаивает на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в т.ч. и пазырыкских курганов (Погребова, 1993; Раевский, 1993; Тохтасьев, 1993; Чугунов, 1993; Грантовский, 1994; Раев, 1984; 1989; Членова, 1997 и др.). Учитывая взаимные замечания оппонентов друг к другу, определённым выходом из создавшего положения может быть комплексный подход в изучение скифских древностей на более широкой источниковедческой основе, а не только на материалах «элитных» курганов.

Принципиальная важность вопросов этнокультурного развития населения Горного Алтая в скифскую эпоху и влияние этого процесса на другие стороны культуры, заставило обратиться к данному блоку проблем достаточно подробно. В связи с этим другим аспектам приходится уделить меньше внимания.

Среди них важное место занимают работы учёных, посвящённые религиозно-мифологи-ческим и мировоззренческим представлениям пазырыкцев . Одним из первых вопросы духовной жизни кочевников затронул С.И. Руденко (1952; 1953; 1960). Опираясь г. о., на материалы погребального обряда и сведения античных историков он отметил существование культа мёртвых и предков. магии, колдовства, жертвоприношений, обычая бальзамирования тел умерших людей, поминок и некоторых других религиозно-культовых действий, и связанных с ними верований и представлений. Сделанные С.И. Руденко выводы несомненно нуждаются в дальнейшем пересмотре и уточнение ,но ,тем не менее, они явились отправной точкой в развитии этого направления изучения скифской эпохи Горного Алтая. В последующее время к указанной проблематике неоднократно обращались С.С. Сорокин (1978; 1981), В.Д. Кубарев (1980; 1981; 1987; 1991 и др.), А.С. Суразаков (1984;1986;1987), В.Ю. Зуев (1992), Д.Г. Савинов (1994;1996), Л.С. Марсадо-

лов (1996) Вл.С. Семёнов (1994), Н.В. Полосьмак (1992;1993;1994; 1997) и ряд других исследователей. Основное внимание учёные сосредотачивали на анализе различных художественных образов, запечатлённых в произведениях искусства. В своих рассуждениях они широко использовали, г.о., этнографические источники. В отдельных случаях привлекались элементы структурно-семиотического подхода к культуре, правда. в своеобразной авторской интерпретации. При этом не всегда в достаточной степени учитывались письменные источники, данные сравнительной мифологии и разработки в этой области различных школ (Хюбнер, 1997; Лосев, 1991, Мелетинский, 1995 и др.), теоретические положения религиоведения. Практически полностью не берутся во внимания исследователями достижения психологии в определение психологических особенностей развития менталитета личности и общества. Всё это часто приводит к субъективно-авторской трактовке явления и к не позволяет установить его внутреннюю сущность и значимость.

Ряд учёных предприняли попытки установить компоненты и истоки формирования религиозно-мифологической системы пазырыкцев. Так, в 1952 Р. Ханчар указал на наличие в их религии ряда черт шаманизма. Впоследствии его поддержали С.С. Сорокин (1978), Ф.Р. Балонов (1987), Г.Н. Курочкин (1988; 1992-1994). Н.Ю. Кузьмин (1992), рассматривая генезис саяно-алтайского шаманизма по археологическим материалам отметил, что погребальный обряд пазырыкцев отражает симбиоз индоевропейских и шаманских представлений. Г.Н. Курочкин (1992;1994) выдвинул идею о скифских корнях сибирского шаманизма, а могильник Пазырык он трактовал как «корпоративное кладбище жрецов», поскольку на Алтае был размещён «сакральный центр скифского мира» (Курочкин, 1993).Несмотря на спорность многих предложенных положений и их критику (Черемисин, Запорожченко,1996), очевидно. следует признать наличие элементов шаманизма в религиозных системах кочевников евразийских степей скифской эпохи. Вопрос о скифском шаманизме, прежде всего, связан с проблемой определения самого шаманизма как явления, что окончательно не решено даже в религиоведческой науке (Басилов, 1997). Именно исходя из содержания этого понятия и следует искать в религии номадов черты шаманизма.

В 1996 г. Н.А. Боковенко (1996) охарактеризовал систему религиозных представлений кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху как синтез шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма. Саму систему он условно назвал саяно-алтайской. В целом можно согласиться с мнением автора о синкретизме религии кочевников, однако ряд конкретных моментов, связанных с интерпретацией отдельных источников и использование терминологии, требует в дальнейшем пересмотра, уточнения и исправления.

В 1997 г. Н.В. Полосьмак (1997) защитила докторскую диссертацию «Пазырыкская культура. Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений». В данной работе использовался междисциплинарный подход при анализе и интерпретации материалов, полученных при раскопках курганов на плато Укок. В тоже время Н.В. Полосьмак рассмотрела многие частные вопросы и моменты, касаемые религиозных верований и обрядов пазырыкцев, не уделив достаточного внимания другим её аспектам. В результате пока не удалось сформировать полного представления о религии пазырыкцев как об определённой системе ритуально-культовых действий и религиозно-мифологических представлений.

В 1997-199 гг. А.А. Тишкин и П.К. Дашковский опубликовали серию статей, где представлены результаты структурно-аналитического и знаково-символического анализа погребального обряда пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 1997; 1998а; 1998б;1998в;1998г; Дашковский, 1997; 1998а;1998б;1999 и др.). Подробно исследовалась структура и семантика таких элементов погребального ритуала как погребальное сооружение, ориентация и положение умершего человека, сопроводительное захоронение лошади. Отдельная работа была посвящена психологической характеристике особенностей мышления и восприятия кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху (Дашковский, 1997; 1998а; 1998б и др.).

Важное место в религии пазырыкцев занимали различные поминальные и ритуальные сооружения, к изучению которых в разное время обращались С.И. Руденко (1960). С.С. Сорокин (1981), В.Д. Кубарев (1979; 1987 и др.). Д.Г. Савинов (1997), Ю.С. Худяков (1996), К.Л. Банников (1996), П.К. Дашковский и С.П. Грушин (1998). Несмотря на определённые расхождения в трактовке отдельных видов таких памятников (например, балбалов), всё же не вызывает сомнения их значительная роль в погребально-поминальной обрядности.

В целом можно заключить, что в пазырыкском обществе была сложная религиозно-мифологическая система с конкретным набором обрядов, обычаев и верований. В дальнейшем требуется провести обобщающее комплексное изучение всего многообразия этого феномена с привлечением различных источников и методов исследования.

Обращаясь к основным аспектам изучения пазырыкской культуры необходимо указать на круг вопросов, связанных с социальной структурой и социальными отношениями в пазырыкском обществе. В 1939 г. М.П. Грязнов (1939) разделил все исследованные скифские курганы на три основные группы: 1) бедные; 2) более богатые (средние); 3) огромные (курумы); наличие которых, по его мнению, свидетельствует о социаль-

но-экономическом неравенстве. Трёхуровневую социальную систему поддержал С.В. Киселёв (1951, с.327-361) и С.И. Руденко (1952, с. 54-55;1953, с.258), изменив только название социальных слоёв. Такую же позицию занял А.Д. Грач, подразделив курганы Алтая и Тувы на: 1) царские; 2) родовой дружинной аристократии; 3) погребение людей низших социальных групп (Грач, 1980, с.46-48). А.С. Суразаков дополнил предложенную схему и выделил четыре группы населения: 1) рядовые кочевники; 2) главы семейно-родственных групп или родов; 3) племенная аристократия; 4) вожди племён (Суразаков, 1983б, с.72-87). Немного позднее была выделена группа неполноправных членов общества (Кубарев, 1987, с.30), наличие которой ранее отвергалось рядом исследователей (Руденко, 1953, с. 258). В.А. Кочеев отметил ведущую роль в обществе среднего слоя, значительная часть которого являлась воинами. (Кочеев, 1990).

Определённая искусственность такой стратификации и упрощённость социальных процессов, способствовали дальнейшему поиску решений данной проблемы. В результате наметился подход к пазырыкскому обществу как к более сложной социальной системе, в которой функционировало несколько структур: половозрастная, семейно-брачная, профессиональная, имущественная, ранговая, религиозная, мифологическая (Марсадолов, 1997в; Кочеев, 1997; Ануфриев, 1997; Тишкин, Дашковский, 1997б; 1998б и др.).

Нерешённым и неразработанным остаётся пока вопрос о политической организации пазырыкцев: было ли у них раннегосударственное образование (Мартынов, 1989, с.291) или только союз племён (Савинов, 1989; Кузьмин, 1989 и др.). Отдельные проблемы связаны с поселениями скифской эпохи Алтая (Дашковский, 1998г; Абдулганеев, 1998, с.168), пазырыкским искусством, контактами с соседними племенами и древними цивилизациями, а также с целым рядом других явлений культуры кочевников.

Данная статья отнюдь не исчерпывает всего многообразия проблем, точек зрения, подходов к изучению скифской эпохи Горного Алтая, а отражает лишь основные тенденции исследования тех аспектов, которые влияют на освещение скифской проблемы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибутация земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. -Барнаул, 1998.-С.165-171.
2. Ануфриев Д.Е. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. -Барнаул, 1997.-С.108-111.
3. Балонов Ф.Р. Пазырыкские этюды // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. -Омск, 1987.-Ч.1.-С.91-94.
4. Банников К.Л. Баал-балы в пазырыкской космологии (По материалам полевых исследований на плато Укок) // Археоастрономия: проблемы становления. -Москва, 1996.-С.10-12.
5. Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ 1978 -Вып.19.-С.37-44.
6. Басилов В.И. Что такое шаманство // Этнографическое обозрение.-1997.-№5-С.3-15.
7. Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая //Скифская эпоха Алтая.-Барнаул, 1986а.-С.46-48.
8. Боковенко Н.А. Начальный этап культуры кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореферат дис... к.и.н. -Л., 1986.-24с.
9. Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сармаскую эпоху.-СПб.,1994.-С.41-48.
10. Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху \\ Жречество и шаманизм в скифскую эпоху.-СПб.,1996.-С.39-42.
11. Восточный Туркестан в древности и в средневековье. М.,1989
12. Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА -1993-№3
13. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии.-М.,-1980.-256с.
14. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времён до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР).-Т.2. Гл.6.-М.-Л., 1939.-531с.
15. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК-1947.-Вып.18.-С.28-36.
16. Грязнов М.П. История древних племён верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА №48.-М-Л.,1956.-160с.
17. Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА №154.-М.,1978.-С.9-18.
18. Грязнов М.П. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства.-Кемерово,1979.-С.4-7.
19. Грязнов М.П. Аржан.-Л., 1980.-80с.
20. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Сибири.-Кеиерово, 1983.-С.3-18.
21. Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.-М.,1992.-С.161-178.
22. Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвёртые исторические чтения памяти М.П.Грязнова.-Омск,1997.-С.44-47.
23. Дашковский П.К. Структурно-семиотический подход и реконструкция мировоззрения древних обществ // XXX Урало-поволжская археологическая студенческая конференция.-Самара,1998а
24. Дашковский П.К. К вопросу о семантике некоторых элементов погребального обряда пазырыкцев // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока.-Улан-Удэ,1998б-С.51-52.
25. Дашковский П.К. Некоторые аспекты развития мировоззрения древних кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху // Алтай и Центральная

Азия: культурно-историческая преемственность.-Горно-Алтайск,1998в.
26. Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум.-СПб.,1998.-С. 183-185.
27. Дашковский П.К. Погребальный памятник как археологический источник (по материалам скифской эпохи Горного Алтая) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий-Липецк,1999.
28. Дашковский П.К., Грушин С.П. Кенотафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. -Улан-Удэ,1998.-С.51-52.
29. Зайцева Г.И. Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Ван дер Плихт Х.,Семенцов А.А., Дергачёв В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ// Радиоуглерод и археология.-СПб.,1997.-С.36-44.
30. Зуев В.Ю. Исповедальные пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Азия от древности до средневековья. СПб.,1992.-С.131-134.
31. Исмагилов Р. Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. -Алма-Ата,1989-С.265-283.
32. Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия // Автореферат дис... к.и.н. -СПб..1993. -18с.
33. Киреев С.М. Работы на майминском комплексе в 1990-1991гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии.-Горно-Алтайск,1992-С.55-56.
34. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время.-Барнаул,1997-Ч.1, 232с.
35. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири.-М-Л.,1951-638с.
36. Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая.- Горно-Алтайск,1990-С. 105-118.
37. Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. -Барнаул, 1997,-С.112-114.
38. Краткие сообщения института археологии. -М., 1993.-Вып.,207.
39. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая.-Новосибирск,1979.- 120с.
40. Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения.- Новосибирск, 1980-С.58-70.
41. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибутации ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-сибирской археологии. Эпоха железа.-Новосибирск, 1981-С.84-94.
42. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. -Ноосибирск, 1987.- 302с.
43. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. -Новосибирск, 1991. -270с.
44. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема.- Новосибирск. 1992. -220с.
45. Кубарев В.Д, Древние кочевники Восточного Алтая. Автореферат дис...к.и.н. -Новосибирск, 1997. -29с.
46. Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // Скифо-сибирский мир. -Кемерово,1989. -Ч.1-С.23-27.
47. Кузьмин Н. Ю. Генезис Саяно-Алтайского шаманизма по археологическим источникам \\ Северная Азия от древности до средневековья. -СПб., 1992-С.125-130.
48. Курочкин Г.Н. Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова.-Омск,1992.-Ч.2. С. 39-41.
49. Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподню: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Скифы. Сарматы. Русь. (ПАВ №6).-СПб.,1993-С. 27-31.
50. Курочкин Г.Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» пазырыкских курганов // ПАВ №8 -СПб.,1994-С.60-68.
51. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. -М.,1979. -208с.
52. Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и средняя Азия. -М.,1984-С.4-28.
53. Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. К ранней истории саков Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. -1985. -Вып.5.
54. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. -М., 1991. -525с.
55. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв до н.э.). Автореферат дис... к.и.н. -Л., 1985. -16с.
56. Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно_Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ -Л., 1988.-Вып.29-С.65-81.
57. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв. до н.э. (от истоков до нач. 80-х гг.). -СПб.,1996а.-100с.
58. Марсадолов Л.С. Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. -СПб.,1996б-С.137-139.
59. Марсадолов Л. С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвёртые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. -Омск,1997а-С.77-80.
60. Марсадолов Л.С. Исследование в Центральном Алтае (Башадар, Талда). -СПб.,1997б. -56с.
61. Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI-Ivвв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. -Барнаул,1997в.-С.96-99.
62. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л. М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху.-СПб.,1994.-С.141-156.
63. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцова А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени. // Радиоуглерод и археология. -Вып. 1.-СПб.,1996
64. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. -Алма-Ата, 1989-С. 284-292.
65. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА -1993 -№3

66. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа.-М.,1995.- 408с.
67. Мелюкова А.И. Новое в изучение актуальных проблем скифологии // КСИА -Вып.204. -1991-С.. 3-10.
68. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во вт. п I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. -Горно-Алтайск,1983-С.40-71.
69. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая .-Горно-Алтайск,1986. -С. 35-67.
70. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. -Горно-Алтайск,1988. -С.60-107.
71. Переводчикова Е.В. Ещё раз об этнокультурных влияниях в скифском зверином стиле Алтая и соседних областей в V-VI вв. до н.э. // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова.-Омск, 1992.-Ч.2-С.90-92.
72. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. -М.,1994.-206с.
73. Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // -РА -1993 №2
74. Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб,1992.-С. 134-138.
75. Полосьмак Н.В. Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая.-Барнаул,1993.-Ч.1-С.169-173.
76. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» -Новосибирск,1994а.-123с.
77. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок).-Новосибирск, 1994б.-С. 137-144.
78. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореферат дис... д.и.н. -Новосибирск,1997.-54с.
79. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. -М-Л.,1952.-266.
80. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время .-М-Л.,1953.-402с.
81. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. -М-Л.,1960.-359с.
82. Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир.-Кемерово,1984.-С. 134-135.
83. Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: восток-запад // Скифия и Боспор.-Новочеркаск,1989.-С. 116-117.
84. Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // РА -1993-№2.
85. Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА -1978.-Вып.154-С.48-55.
86. Савинов Д.Г. Соотношения социального уровня развития южносибирских археологических культур во вт. п. I тыс. до н.э. // Скифо-сибирский мир. -Кемерово,1989.Ч.1-С.12-16.
87. Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучение культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.-С.93-96.
88. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии.-СПб.,1994.-208с.
89. Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. -СПб.,1996.-С107-111.
90. Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвёртые исторические чтения памяти М.П.Грязнова.-Омск,1997.-С.126-128.
91. Семёнов Вл.А. «Ритуальный двойник» в похоронном обряде кочевников Южной Сибири // Смерть как феномен культуры.-Сыктывкар,1994.
92. Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Гёрсдорф Й., Боковенко Н.А., Парцингер Г., Наглер А., Чугунов К.В., Лебедева Л.М. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология.-СПб.,1997.-С.86-93.
93. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ -1966-№8.-С.39-60.
94. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье.-Л.,1978.-С.172-191.
95. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников//-АСГЭ -1981-Вып.22-С. 23-39.
96. Степанова Н.Ф. Куюмский тип памятников VIII-VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. -Барнаул,1986.-С.79-81.
97. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху.-М.,1992.-493с.
98. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае.-Горно-Алтайск,1983а.-С.42-52.
99. Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии ГорногоАлтая. Горно-Алтайск, 1983 б.-С.72-87.
100. Суразаков А.С. Космологические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология.Кемерово,1984.-С.66-69.
101. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в кон. VI нач. II вв. до н.э. Автореферат дис... к.и.н.-Новосибирск,1985
102. Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образах пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного-Алтая.Горно-Алтайск,1986.-С.3-34.
103. Суразаков А.С. О некоторых, связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии.-Новосибирск,1987
104. Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. -Барнаул, 1988а.-С.168-171.
105. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Пробле-

мы хронологии и культурного разграничения.-Горно-Алтайск,1988б.-215с.
106. Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая.-Барнаул,1994.-С. 124-127.
107. Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореферат дис... к.и.н.-Барнаул,1996.-28с.
108. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. -Вып.2.Горно-Алтайск, 1997.-С.19-24.
109. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронение человека с конём как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири.-Барнаул,1997.-С.14-117.
110. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребённых людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып.3.-Горно-Алтайск,1998а.-С.77-83.
111. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конём в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем.-Горно-Алтайск,1998б.-С. 16-19.
112. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячилетий.-Новосибирск,1998в.-С.581-591.
113. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований.-СПб.,1998д.
114. Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибутации памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА-1993-№2
115. Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху-СПб., 1996.-С.87-89.
116. Хюбнер К. Истина мифа.-М.,1996.-448с.
117. Черемисин Д.В., Запорожченко А.В. «Пазырыкский шаманизм»: Артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху-СПб.,1996.-С.30-32.
118. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири-Л.,1975.-С. 132-136.
119. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. -М.,1997.-98с.
120. Чугунов К.В. Датировка больших пазырыкских курганов - новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая.-Барнаул,1993.-Ч.1.
121. Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая вVI-II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая.-Барнаул,1986.-С.20-23.
122. Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время //Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова.-Омск, 1997.-С.193-196.
123. Шульга П.И. О происхождение и развитем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячилетий -Новосибирск, 1998а.-С.702-712.
124. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р.Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии.-Горно-Алтайск,1998б.-№3.-С. 58-69.
125. Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху.-СПб.,1996.-С.154-158.
126. Яценко И.В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы (Дискуссионные проблемы отечественной скифологии) // Народы Азии и Африки-1980.-№5-С.102-117.

Кочеев В.А.
(г.Горно-Алтайск)

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ ПАЗЫРЫКЦЕВ

Население Горного Алтая в скифское время имело на вооружении три основных вида оружия – лук, стрелы, кинжалы и чеканы, что соответствует классическому комплексу вооружения южно-сибирского всадника-лучника (Худяков, 1980, с.144). Легкая конница пазырыкцев обладала набором ведения дистанционного боя – лук и стрелы, ближнего боя в конном и пешем строю – чеканы и рукопашного боя в спешенном строю – кинжалы.

Лук и стрелы. Основным вооружением древних кочевников Горного Алтая в скифское время был лук. По археологическим данным хорошо известно, что население Горного Алтая в указанный период было хорошо знакомо со сложными луками, как большими, длиной более 1 м, так и небольшими, короткими, так называемого "скифского" типа, длиной более 60 см. Оба типа луков одинаково успешно использовались как в бою, так и на охоте (Кочеев, 1997, с. 147-151). В настоящее время территория Горного Алтая является одним из немногих регионов, где в результате археологических раскопок найдено немало реальных остатков луков, чему способствует хорошая сохранность дерева и других органических остатков в курганах.

Наконечники стрел среди предметов вооружения являются самым массовыми наиболее датируемым материалом. В памятниках I тысячелетия до н.э. Горного Алтая известна довольно

представительная серия наконечников стрел, изготовленных из бронзы, рога и кости. В колчанных наборах горноалтайских кочевников скифского времени обычно находят от 1 до 20 экземпляров наконечников стрел (Кочеев, 1987, с.55), причем число бронзовых наконечников заметно уступает роговым, что является характерной особенностью памятников Южной Сибири. Самое большое число бронзовых наконечников найдено в нескольких курганах -–кургане 8 Быстрянского могильника №11 (Завитухина, 1966, с.62), в кургане 6 Туектинского могильника (Киселев, 1949, с.170) – 6 и в вымостке №1 могильника Кырлык 1-9 (Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 52). Известны также случаи совместного нахождения в колчанных наборах бронзовых и роговых наконечников (Кубарев, 1987,с.159).

Бронзовые наконечники из памятников Горного Алтая I тыс. до н.э. типологически и хронологически разделяются на две группы. Ранняя группа бронзовых наконечников стрел (VIII-VII вв.. до н.э.) представлена двухлопастными втульчатыми (рис.1, 1-10). Начиная с VI в. до н.э. широкое распространение на территории Евразии получают трехлопастные наконечники стрел (Медведская, 1972, с.76-89) как втульчатые, так и черешковые (рис. 1, 11-13, 22-24). В Горном Алтае такие наконечники датируются VI-IV вв.. до н.э. Видимо этим же периодом следует датировать трехгранные бронзовые втульчатые наконечники (рис. 1,16-21), форма которых восходит к костяным образцам (Смирнов, 1961, с.55). Четырехгранные втульчатые наконечники бронзовые наконечники стрел (рис. 1,15) так же датируются VI-IV вв.. до н.э. В целом развитие бронзовых наконечников из Горного Алтая подчиняется тем закономерностям, которые отмечены исследователями для восточной зоны евразийских степей. Бронза, как основной материал для изготовления наконечников стрел в основном применялась в VIII-V вв.. до н.э., а черешковые наконечники стрел в Горном Алтае преобладали над втульчатыми в период с V по III вв.. до н.э.

Своеобразной чертой , отличающей Горный Алтай, является использование в военном деле роговых (костяных) наконечников. Они известны в памятниках второй половины I тысячелетия до н.э. на всей его территории. В колчанных наборах число их невелико – от 5 до 10 экземпляров (Кочеев, 1987, с.55). Так в первом Башадарском кургане было найдено 9 экземпляров (Руденко, 1960, с.24), 8 наконечников найдено в кургане 2 могильника Ак-Алаха (Полосьмак, 1994, с.63), 7 в кургане 1 того же могильника (Полосьмак, 1994, с.27). В основной же массе число наконечников не превышает 2-5 экземпляров. Практически все наконечники стрел на территории Горного Алтая изготовлены из рога марала, что вероятно обусловлено как местными сырьевыми ресурсами, так и определенной сложившейся технологической традицией.

По своим типам роговые наконечники из Горного Алтая близки аналогичным наконечникам из Тувы, Северо-Западной Монголии, Восточного Казахстана. Хронологически они бытуют на протяжении VII-I вв.. до н.э. Типологически они подразделяются на втульчатые и черешковые (рис.1,1-28), господствующими можно считать трехгранные в сечении наконечники стрел, реже встречаются четырёхгранные, плоские, пулевидные наконечники.

Что касается применения роговых (костяных) наконечников в боевых действиях, то здесь существует несколько точек зрения. Ряд исследователей считает, что они являются исключительно охотничьими (Руденко, 1960, с.242), другие справедливо полагают, что роговые наконечники одинаково успешно использовались и на охоте, и в бою. Об этом свидетельсвуют факты нахождения наконечников в телах погребенных (Кубарев, Кочеев, 1983, с.94).

Чеканы. Чекан как оружие ближнего боя был широко распространен у племен Горного Алтая скифского времени, предназначались они для поражения защищенного доспехом противника (Горелик, 1993, с.55). О широком распространении чеканов свидетельствует довольно частые находки в курганах. Чеканы были хорошо известны у населения тагарской культуры, населения скифских культур Тувы, Северо-Западной Монголии и лесостепного Алтая.

В Горном Алтае известны два типа чеканов – втульчатые и проушные, среди них известны настоящие, боевые изготовленные из бронзы и железа. Полноразмерные, настоящие боевые чеканы отличаются прежде всего своими размерами, они имеют общую длину свыше 20 см, диаметр проушины или втулки 2-4 см, диаметр бойка 16-18 мм. Бронзовые боевые чеканы несколько меньше, их обычная длина 18-20 см, длина бойка 8-10 см, диаметр бойка 11-18 мм, диаметр проушины 2-3 см (Кочеев, 1988, с.147).

Самыми архаичными чеканами в Горном Алтае можно считать бронзовые втульчатые, которые по аналогиям из раннескифских курганов Тувы (Грязнов, 1980, с.22) и тагарских чеканов (Членова, 1967, табл.7) датируются VIII-VII вв.. до н.э. Начиная с VI в до.н.э. втульчатые чеканы начинают вытесняться проушными, хотя и встречаются бронзовые чеканы , которые занимают по своим консруктивным особенностям промежуточное положение (рис.3,1). Таким можно считать массивный чекан из кургана 6 могильника Кайнду, который имеет короткую втулку и восьмигранный обушок (Неверов, Степанова, 1990, с. 256). Втульчатые чеканы продолжают бытовать и в V-VI вв.. до н.э., достаточно вспомнить находку железного боевого втульчатого чекана из кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 (Полосьмак, 1994, с.33) и и некоторых уменьшенных и миниатюрных экземпляров, найденных в курганах Горного Алтая V-III вв.. до н.э.

Проушные бронзовые, а затем и железные чеканы были господствующим видом по подсчетам исследователей они составляют 77,6 % от общего их числа (Суразаков, 1988, с.53). Поруш-

ные чеканы также хорошо известны на сопредельных территориях, которые входили в состав большой историко-культурнй общности, которую можно условно назвать саяно-горно-алтайской (Суразаков, 1985, с.21).

Бронзовые боевые чеканы (рис.3,1-2) активно использовались горноалтайскими кочевниками в VI-IV вв.. до н.э., в этот период они сосуществуют с аналогичными железными полноразмерными чеканами (рис.4,1-2). Последние встечаются в курганах VI-IV вв.. до н.э. (Полосьмак, 1994, с.32), а также в позднепазырыкских погребениях III-I вв.. до н.э. (Савинов, 1978, с.51; Суразаков, 1993, рис.31,1). В то же время, начиная с V в. до н.э. наблюдается резкое увеличение количества уменьшенных и миниатюрных экземпляров в погребениях Горного Алтая. Находимые в погребальных комплексах уменьшенное и миниатюрное оружие, повторяя облик боевого оружия, очевидно уже не имели практического значения. Чеканы III-I вв.. до.н.э. отличаются небольшими размерами, небрежностью литья. Это всё свидетельствует о том, что роль чеканов, как оружия ближнего боя постепенно сходит на нет, однако их продолжают применять. В памятниках последующей эпохи чеканов уже нет, хотя имеется упоминание о находке железного чекана а погребениях гуннского типа (Глоба, 1983, с.117).

Алтайские чеканы в погребениях почти всегда находятся в районе пояса у правого бока, рукоятью вниз. Такой способ ношения чеканов зафиксирован в скифских памятниках Тувы, Минусинской котловины, лесостепного Алтая, Монголии. Чеканы носились боевой частью вверх, закреплялись к поясу при помощи специальных портупейных ремней и различных застежек. Сами чеканы насаживались на деревянные рукояти длиной 60-8- см. Эти размеры были своего рода стандартом. Аналогичная длина рукояти чеканов зафиксирована на памятниках других территорий (Членова, 1967, с.39; Иавнов, 1995, с.20; Грач, 1980, с.33). Рукояти чеканов окрашивались красной краской, или полосками красной и черной краски. Рукояти боевых чеканов имели овальную форму с в сечении, что было очень удобно и практично при нанесении поражающего удара (Кубарев, 1992, с.67). Иногда вместе с чеканом находят втоки, которые насаживались на конец рукояти. Втоки изготавливались из бронзы и железа. Такие втоки не только предохраняли конец рукояти и использовались в качестве ударного оружия.

Чеканы использовались как в пешем, так и в конном бою (Кочеев, 1988, с.151), хотя многие исследователи считают, что их использовали только в пешем строю (Членова, 1967, с.39; Новгородова, 1989, с.306; Кубарев, 1992, с.68). По нашему мнению боевые чеканы насаженные на длинные рукояти можно было применять конным воинам, когда применение других видов оружия было ограничено. Конный воин при помощи чеканов также мог поразить своего пешего противника. Нашей точки зрения придерживается Г.И.Иванов (Иавнов, 1995, с.20). Следует также отметить особую роль чеканов при совершении различных культовых обрядов, в частности с ритуальным убийством коней при совершении погребального обряда (Руденко, 1949, с.262). На протяжении почти всей скифской эпохи в Горном Алтае чеканы являлись одним из основных видов оружия ближнего боя, его роль была очень велика и лишь в конце скифской эпохи она была подорвана окончательно.

Кинжалы. Одним из наиболее распространенных видов оружия ближнего боя у древних горноалтайцев являлся кинжал, который применялся в течении длительного времени. Все кинжалы Горного Алтая изготавливались из бронзы и железа. Самыми ранними кинжалами следует считать кинжалы VIII-VI вв.. до.н.э., которые являются либо карасукскими, либо карасукско-майэмирскими (Членова, 1976, с.38-42). К сожалению до сих пор в раннескифских памятниках Горного Алтая не найдено ни одного кинжала, все они происходят из случайных находок. Начиная с VI в. до н.э. в скифских памятниках начинает появляться железное боевое оружие, фрагменты железных кинжалов в курганах этого периода зафиксированы (Руденко, 1960, с. 12-121; Марсадолов, 1997, с.45-51). Существуют они в период с VI по I вв.. до н.э.

Размеры боевых полноразмерных кижаловакинаков определяется в пределах от 27-40 см в длину (Суразаков, 1988, с.40; Кубарев, 1992, с. 57) и все они изготовлены из железа (рис.5,2), вместе с тем иногда встречаются бронзовые экземпляры, которые по своей длине приближаются к боевым (рис. 5,1). Исследователи справедливо считают, что горноалтайские кинжалы можно выделить в три группы: боевые, уменьшенные и миниатюрные (Кубарев, 1992, с.57), если боевые кинжалы имеют стандартную длину 30-40 см, то уменьшенные 16-20 см, а миниатюрные экземпляры от 10-15 см. Последние очень часто встречаются в курганах скифского времени, причём модели кинжалов изготавливались из различных материалов – бронзы, железа, кости, дерева.

Господствующим типом боевых кинжалов в скифское время в Горном Алтае следует считать кинжалы с бабочковидным перекрестием, прямой, гладкой или рубчатой рукоятью, число их составляет 45,5% от числа всех учтенных (Суразаков, 1988, с.39-51). Среди боевых кинжалов встречаются экземпляры, имеющие прорезную рукоять, прямое кольцевидное, антенновидное навершие, прямое, брусковидное перекрестие. Хронологически время бытования этих предметов вооружения ближнего и рукопашного боя очень широко.

Итак, на вооружении древних кочевников Горного Алтая в скифское время находились три основных вида оружия – луки, чеканы и кинжалы. Комплекс вооружения пазырыкских воинов включал в себя средства ведения дистанционного боя для поражения легковооруженного против-

ника, а также средств ведения боя в спешенном строю. Несмотря на то, что находки настоящего боевого оружия в курганах не так часты, можно реконструировать весь комплекс вооружения пазырыкцев, хотя вполне вероятно, что этот набор далеко не полон – ведь известна находка железного боевого топора-секиры в одном из горноалтайских курганов (Кубарев, 1992, с.65). Но в целом комплекс вооружения синхронных культур Тувы, Монголии, лесостепного Алтая. Пазырыкцы использовали в бою бронзовые и костяные стрелы. Находок железных наконечников стрел пока не зафиксировано. В ближнем бою они применяли бронзовые и железные чеканы, а также короткие кинжалы-акинаки изготовленные из этих же материалов. Обращает на себя внимание тот факт, что железное боевое оружие появляется у пазырыкцев в VI в. до н.э., хотя бронзовое оружие активно применялось в течении V-III вв.. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык I и Кырлык II В Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск, 1985. - С. 51-88.
2. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980- 1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. С.116-126.
3. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. – М.,1993
4. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. – М.,1980
5. Грязнов М.П. Аржан. – Л.,1980
6. Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянскинского в Алтайском крае // АСГЭ., Л., 1969, вып.8
7. Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке. Автореферат диссертации., - Барнаул,1995
8. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., Л., 1949, МИА, №9
9. Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая., - Горно-Алтайск, 1987. - С.55-60
10. Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988, - С. 145-162
11. Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1987. - №2.- С. 147-151
12. Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С.90-109
13. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Н-ск, 1987
14. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Н-ск,1992

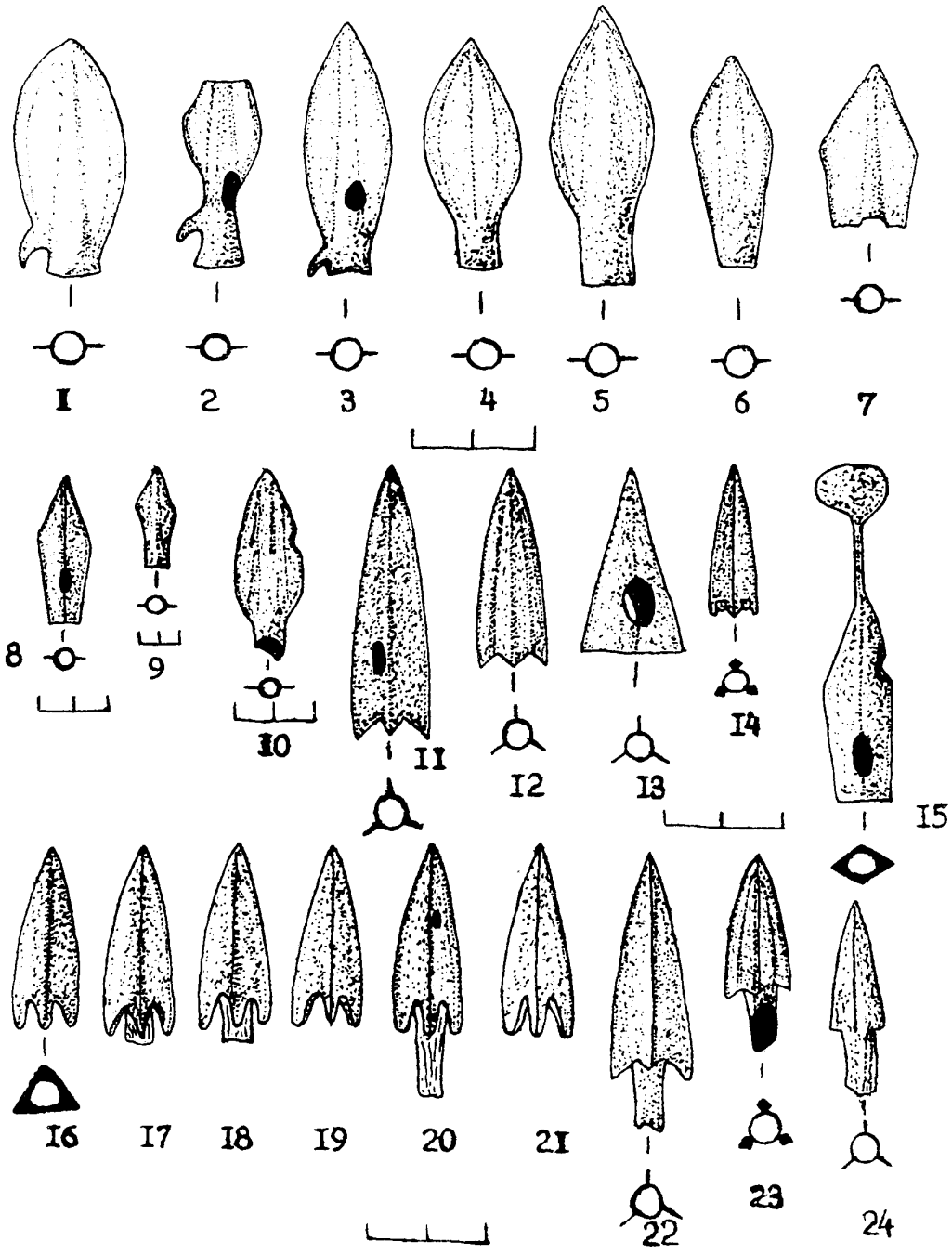


Рис.1

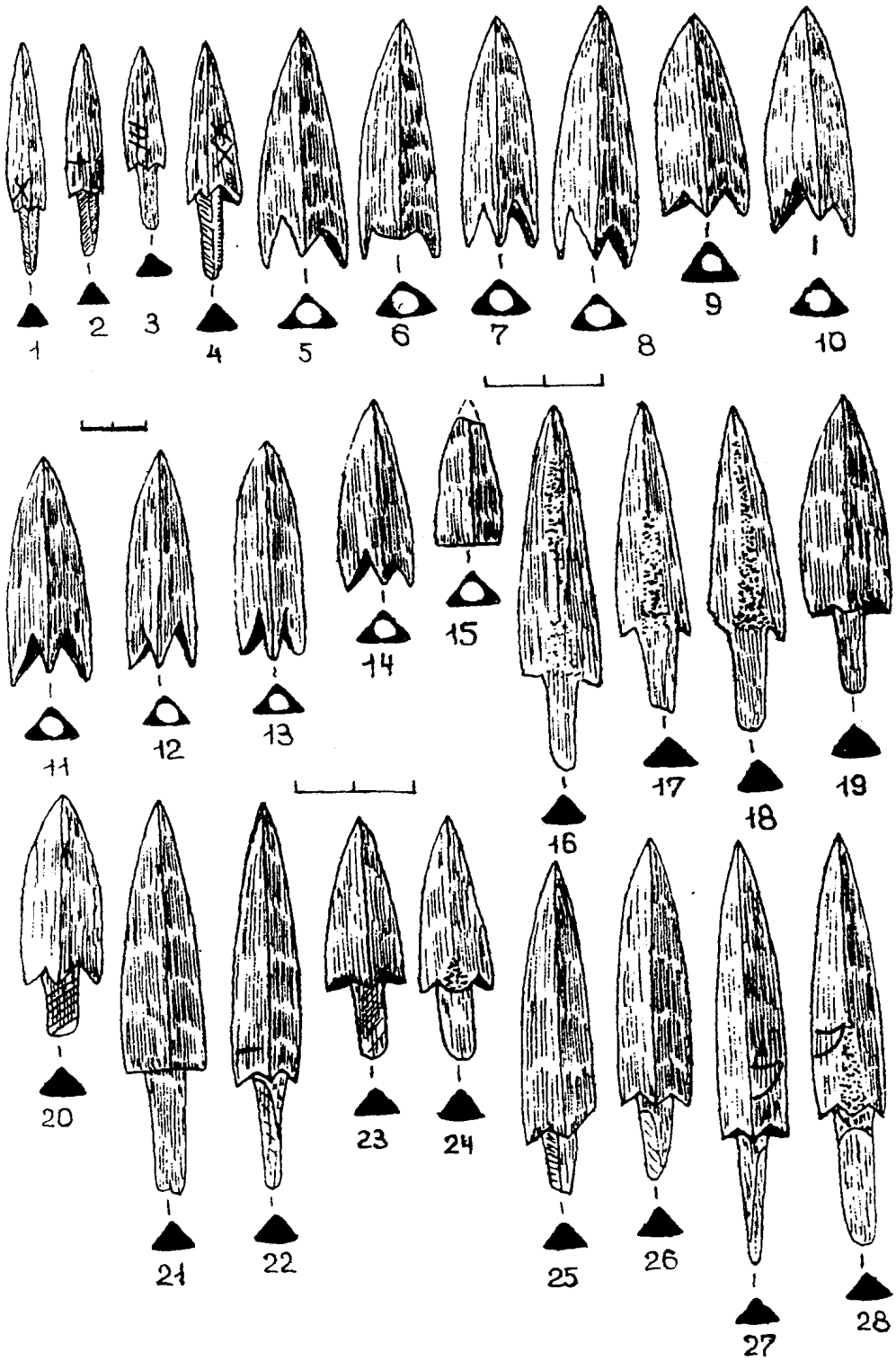


Рис.2

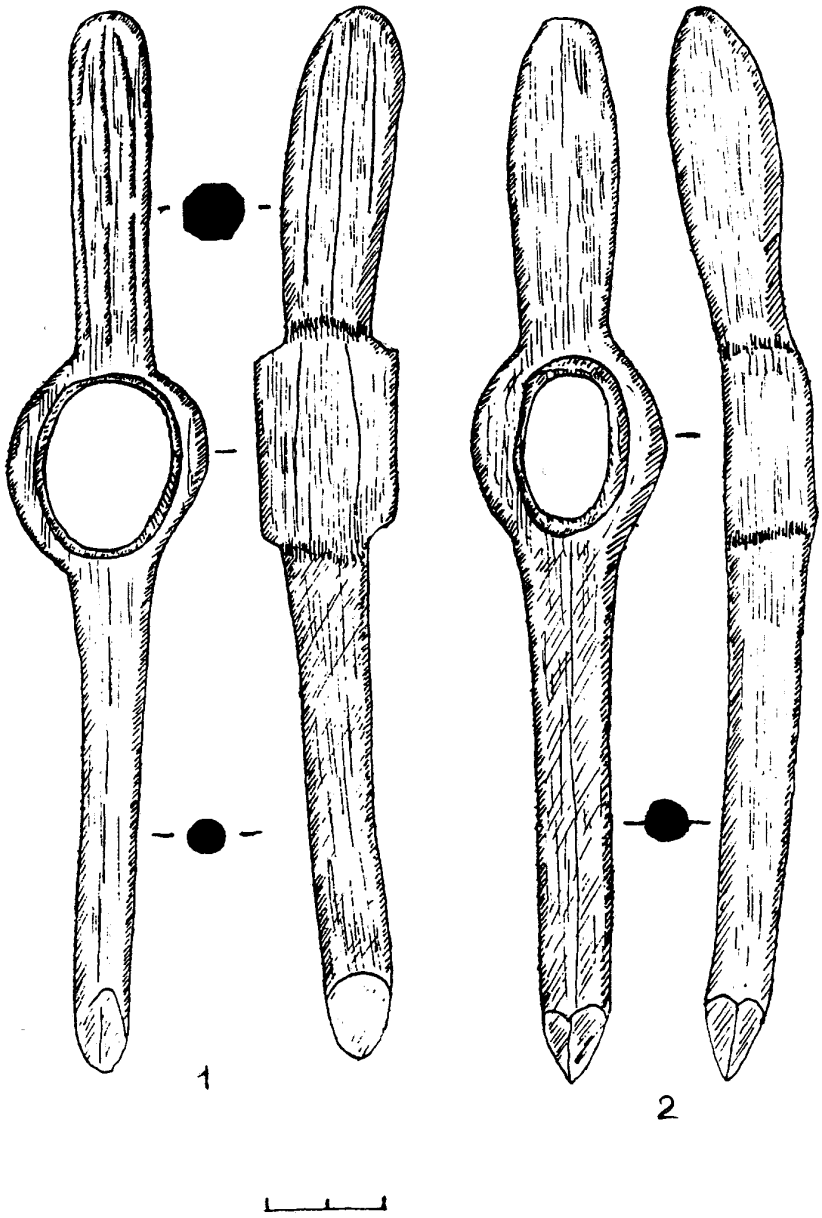


Рис.3

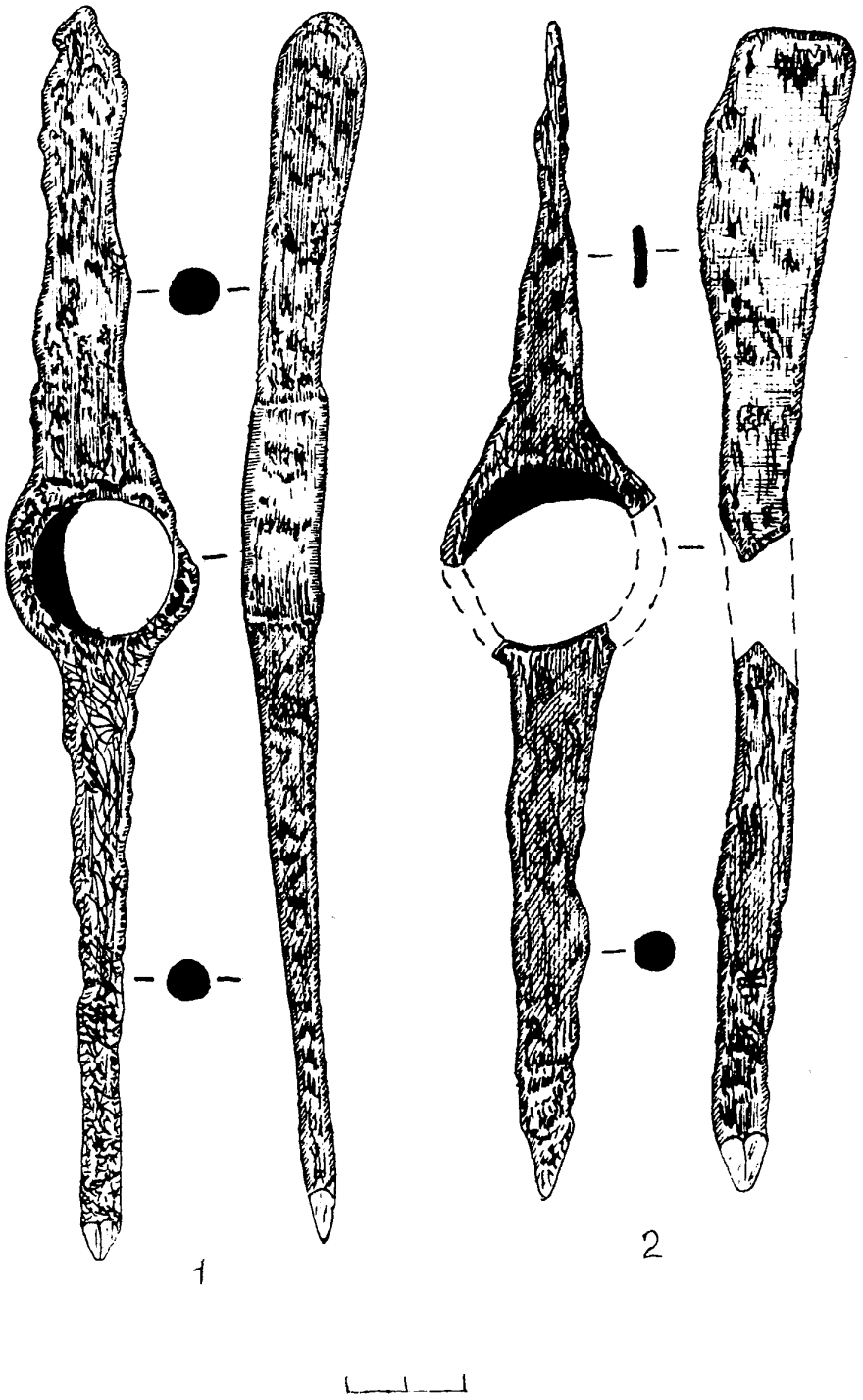


Рис.4

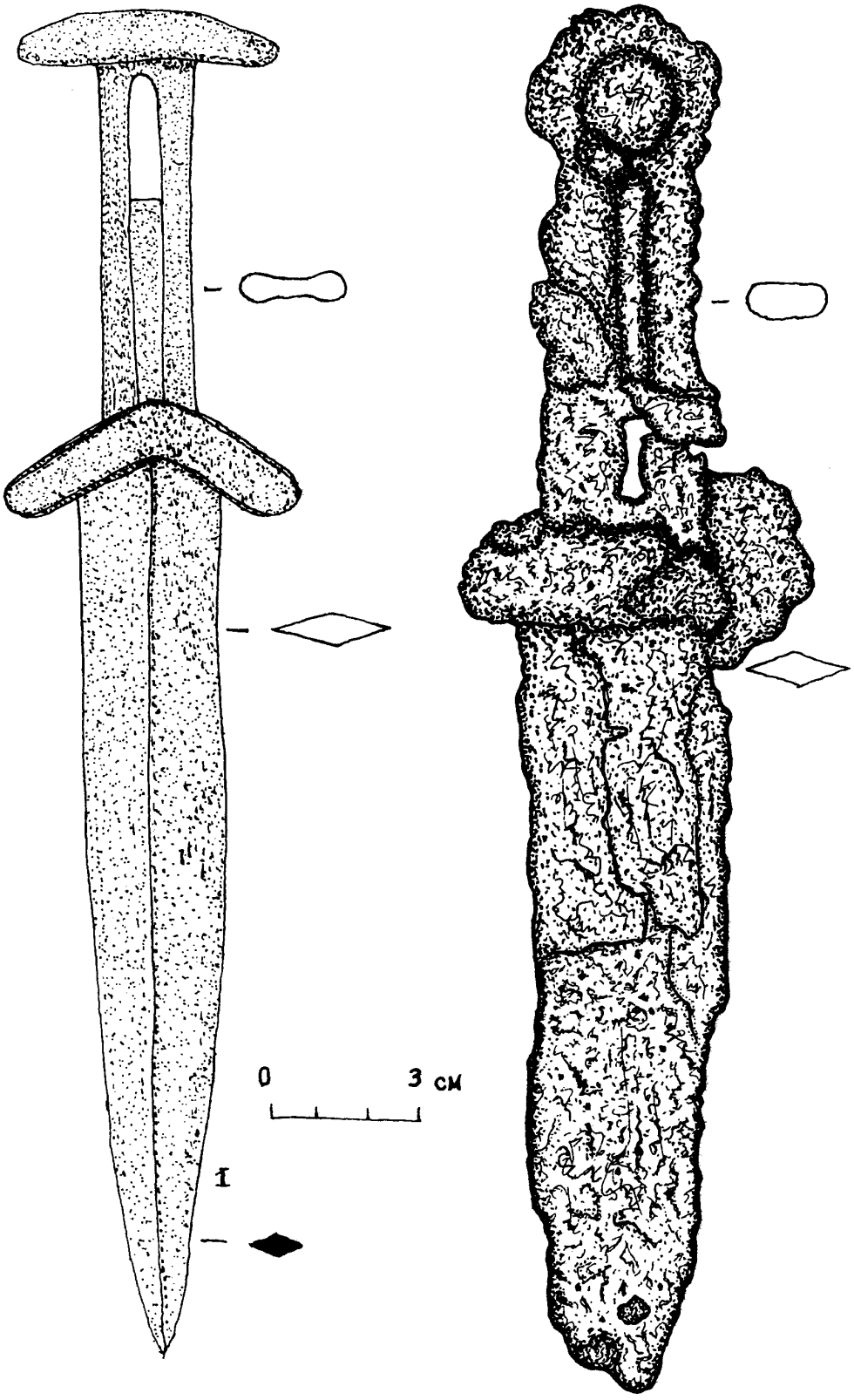


Рис.5

15. Марсадолов Л.С. Проблемы Уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. – Спб, 1997, вып.2. С.45-51
16. Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА, 1972, №3
17. Неверов С.В., Степанова Н.Ф Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. – Н-ск, 1990. – С.242-270
18. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989
19. Плолсьмак Н.В. "Стерегущие золото грифы". – Н-ск, 1994
20. Руденко С.И. Горно-Алтайские находки и скифы. – М-Л., 1949
21. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая В скифское время. – М.-Л., 1960
22. Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая / КСИА. – 1978. – Вып.154. – С.48-54
23. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М., 1961. – МИА №101
24. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI-начале II вв до н.э. – Автореферат канд.дисс. – Н-ск,.1985
25. Сруазаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1989
26. Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. - С.25-45
27. Худяков Ю.С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 135-144
28. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, - М., 1967
29. Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М., 1976

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ КОЧЕЕВА В.А.

Рис.1 Бронзовые наконечники стрел из Горного Алтая (1-3, 7-14, 22, 23 – случайные находки; 4 – Ортолык; 5 -- Кор-Кобы; 6 – Кызык-Телань; 8 – Яломан; 9 – Карасу; 10 - Денисова пещера; 15 – Дубровка; 16-21 – Туекта; 24 – Эликмонар)

Рис.2 Костяные наконечники стрел из Горного Алтая (Кош-Агачский район Республики Алтай)

Рис.3 Бронзовые боевые чеканы из Горного Алтая (1 – Кайнду; 2 – Кырлык)

Рис.4 Железные боевые чеканы из Горного Алтая (1 – Узунтал; 2 – Кош – Тал)

Рис.5 Бронзовый и железный кинжалы из Горного Алтая (1 – Эликмонар; 2 – Ябоган)

Шульга П.И.
(г. Барнаул)

ЖРЕЧЕСКИЕ ПАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ С ЗЕРКАЛАМИ ПОГРЕМУШКАМИ (к постановке проблемы)

В настоящее время известно четыре захоронения с зеркалами-погремушками: одно в Южном Приуралье (Мечетсайский могильник), два в равнинной части Алтайского края (могильники Рогозиха-1, Локоть-4) и одно — в Горном Алтае (Второй Пазырыкский курган — далее 2 П. курган) (рис. 1,1; рис. 3). Все они относятся к разным археологическим культурам: пазырыкской (2 П. курган), прохоровской (Мечетсай), каменской (Рогозиха-1) и особой культурной группе, близкой каменской, но имеющей существенные отличия (Локоть-4) (см.: Руденко, 1953; Смирнов, 1975; Уманский, 1992; Шульга, 1995)[1]. Три из них (Пазырык, Рогозиха-1 и Локоть-4) ограблены, степень сохранности изделий из органики в погребениях различна, но сопоставление полученных материалов вполне допустимо.

Завершение обработки материалов рогозихинского и локтевского комплексов позволило выделить характерные черты всех четырёх захоронений:

1. Из четырёх могил две являлись центральными (Мечетсай, Локоть-4) и одна — боковая (Рогозиха-1)[2];

2. Все погребения парные: в трёх случаях захоранивались женщины, в одном — женщина и мужчина (Пазырык);

3. Ориентация умерших на юго-запад (Рогозиха-1, Локоть-4), юг (Мечетсай) и восток (Пазырык);

4. Во всех захоронениях заметна существенная разница в возрасте умерших. Младшие женщины с зеркалами-погремушками были погребены в возрасте 25–30 лет (Мечетсай), около 20 лет (Локоть-4, по определению С.С. Тур женщина уже перенесла роды), несколько более 40 лет (Пазырык). Второй погребённый во всех случаях был значительно старше, пожилого возраста. В Рогозихе-1, по предварительным определениям, младшей женщине было около 30 лет, возраст второго умершего, судя по наличию двух алтариков — женщины, составлял около 40 лет. С кем из них находилось зеркало — неизвестно.

В головах (как правило) младшей женщины помещались (рис. 4,1): зеркало-погремушка (в известных случаях в Локте-4 и Рогозихе-1 лицевой стороной вниз), музыкальный струнный инструмент (Пазырык, Мечетсай и, судя по бронзовым скобкам и древесной трухе — Локоть-4)[3], наконечники стрел остриями на юго-запад или юг[4] (Мечетсай, Локоть-4, в Рогозихе-1 и 2 П. кургане первоначальное расположение роговых наконечников не устанавливается), каменные алтарики на ножках (Пазырык, Рогозиха-1, в Мечет-

сае алтарик, вероятно, заменялся изделием из панциря черепахи) и тёрочник (Мечетсай).

Второй умерший пожилого возраста также сопровождался также каменным алтариком (Рогозиха-1), скромным цельнолитым зеркалом (Мечетсай, Пазырык), панцирем черепахи (Мечетсай) или бронзовой курильницей (Пазырык). В последнем случае находящиеся в юго-западном углу каменный алтарик и первый «комплект для курения конопли» с курильницей подквадратной формы на ножках, вероятно, относился к женщине, а комплект с курильницей в форме скифского котла на поддоне — к мужчине.

5. Во Втором Пазырыкском кургане обнаружено два комплекта для курения[5].

6. Особенностью, по крайней мере, двух захоронений (Мечетсай, Локоть-4), является вероятность разновременного погребения умерших: через дромос в Мечетсае (Смирнов, 1975, с. 143), в кургане № 1 Локтя-4 захоронение произведено в своеобразной яме-склепе, где в раздельных ямах были совершены погребения старшей, а затем молодой женщин. Существует мнение о возможности проникновения в Пазырыкские захоронения для проведения обрядов (Савинов, 1996), а, следовательно, и для подхоронения второго человека с целью образования пары, как это установлено автором на могильнике V–IV вв. до н.э. в долине р. Сентелек в Горном Алтае (Шульга, 1997в).

Необходимо отметить, что такие черты погребального обряда как наличие насыпи, многомогильность (Мечетсай, Рогозиха-1, Локоть-4), южная или юго-западная ориентация, положение умерших вытянуто на спине являются общими чертами погребального обряда прохоровской и каменской культур, локтевского могильника и не могут считаться отличительной особенностью захоронений с зеркалами-погремушками. Погребальный обряд и набор инвентаря в них в основном характерен для той или иной из отмеченных археологических культур, что не позволяет считать рассматриваемые захоронения инородными включениями.

Время совершения захоронений с зеркалами-погремушками для Мечетсая и 2 П. кургана определяется сер. V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1968, с. 117; Мошкова, 1974, с. 27; Руденко, 1960, с. 336; Кузнецова, 1995, с. 127). Рогозихинские и локтевские материалы позволяют датировать курган № 1 из Локтя-4 концом VI–V вв. до н.э. (см. рис. 1, рис. 2), а курган № 5 из Рогозихи-1 —2 пол. V в. до н.э. Таким образом, наиболее ранним является локтевское захоронение, затем следуют: 2 П. курган, Рогозиха-1 и Мечетсай[6].

Социальный статус погребённых с зеркалами-погремушками определяется по-разному. Значительная часть исследователей рассматривает эти и подобные захоронения как жреческие (см.: Смирнов, 1968; Могильников, 1997, с. 90; и др.). Т.М. Кузнецова, подвергая сомнению положение о зеркале как «жреческом атрибуте», определила женщин из Мечетсая и 2 П. кургана «музыкантшами» и «танцовщицами» или рабынями-музыкантшами, которых покупали в восточных государствах или получали в качестве подарков (Кузнецова, 1994, с. 86; Она же, 1995, с. 126). При этом Т.М. Кузнецова придаёт большое значение музыкальности зеркал-погремушек и наличию струнного инструмента с младшей женщиной. В умершей из 2 П. кургана С.И. Руденко видел музыкантшу и наложницу вождя (Руденко, 1953, с. 143). В.Ю. Зуев в хорошо обоснованном опровержении «научного мифа о «савроматских жрицах» называет комплекты зеркал и алтариков «косметическими наборами» знатных женщин (Зуев, 1989, с. 136), принадлежавших к всадничеству (Зуев, 1996, с. 61)[7]. Л.С. Марсадолов считал зеркала-погремушки импортом или военной добычей (Марсадолов, 1996, с. 72). В.А. Могильников рассматривал женщину из 2 П. кургана как жрицу и вместе с тем жену или наложницу — полонянку знатного происхождения из приалтайских степей (Могильников, 1997, с. 90). Автор также характеризовал женщин из Мечетсая, Рогозихи-1, Локтя-4 и 2 П. кургана жрицами, связанными с проповеднической деятельностью пока не определённых, находившихся в Бактрии или прилегающих районах, религиозных общин (Шульга, 1997б).

Опуская анализ жреческих атрибутов, остановимся на некоторых аспектах, касающихся зеркал-погремушек. По мнению многих исследователей, зеркало становится у кочевников предметом культа уже в раннескифское время (Вишневская, 1973, с. 85; Кузнецова, 1991, с. 21; Итина, Яблонский, с. 43; и др.) и сохраняет это значение вплоть до этнографического времени, являясь атрибутом шаманов (Кузьмина, 1977, с. 91–92; Банников, Кузнецова, 1998; и др.). В относящемся к рассматриваемому кругу памятников кургане Иссык, позолоченный упрощённый вариант зеркала-погремушки с циркульным орнаментом, по мнению А.К. Акишева, являлся атрибутом «золотого человека», имел сакральный характер и использовался в ритуалах (Акишев, 1984, с. 94). Культовый характер зеркал-погремушек и, по-видимому, их упрощённых вариантов подтверждают наблюдения о боязни древних грабителей (осквернителей ?) похитить или даже прикоснуться к сияющим позолотой или серебром массивным дискам (позднее, при ограблениях, совершаемых представителями этносов, не знакомых с верованиями умерших, таких исключений не делали). Проникавшие в захоронения люди забирали золотые и бронзовые вещи, срывали золотую и оловянную фольгу, разбрасывали кости умерших, рубили на части мумии жрецов, смещали и разбивали алтарики и сосуды, а зеркала при этом оставались на месте. Так, женская сума из 2 П. кургана с серебряным зеркалом- погремушкой, очевидно, даже не приоткрывалась и продолжала лежать после разграбления колоды в её восточной части. По-видимому, магическая сила зеркал была несоизме-

римо большей, нежели иных атрибутов, останков жрецов. С этим согласуется и положение зеркал лицевой стороной вниз (вспомним обычай завешивать зеркала при покойнике, которые, по-видимому, могли быть одинаково опасны как для живых, так и для мёртвых, см.: Даль, 1978, т. 1, с. 680–681; и др.). Очевидно, грабителей не страшила месть умерших или их божеств. Надо полагать, зеркала-погремушки осмысливались современниками как некая самостоятельная сущность, способная захватить и «удержать душу и жизненную силу отражающихся в них людей» (Бидерманн, 1996, с. 95).

Культовая значимость зеркал погремушек выразилась в многочисленных упрощённых вариантах и подражаниях (зеркала с циркульным орнаментом и, зачастую, с углублениями по центру конуса для установки инструмента), находимых также в женских погребениях в комплекте с алтариками и использовавшихся на Алтае и в Южном Приуралье на протяжении ещё нескольких столетий (Смирнов, 1968, с. 121; Могильников, Уманский, 1995; и др.). Как видим, принятый большинством исследователей взгляд на умерших женщин с зеркалами и алтариками как на служителей культа подтверждается особенностями нахождения зеркал-погремушек, их влиянием на последующую форму и орнаментацию зеркал.

Несомненный интерес вызывает сопоставление парных погребений (рис. 4,1) с известными, в том числе парными изображениями жриц и жрецов (рис. 4,4,5 (?), 6–8; Руденко, 1953, с. 348–350), сцен на тыльных сторонах зеркал-погремушек (рис. 3,2–4; рис. 4,2,3) и изучение вопроса об их возможном происхождении и контактах.

К.Ф. Смирнов предположил, что «женские фигуры, изображённые на зеркале, могли восприниматься как жрицы культов солнца и плодородия, служительницами которых, возможно, были обе погребённые вооружённые сарматки» (Смирнов, 1968, с. 121). Мысль о возможной связи умерших и существ, изображённых на зеркалах, может получить дальнейшее развитие. Погребённые женщины, на наш взгляд, буквально воспроизводят сцену совершения обряда поклонения божеству, осуществляемого старшей жрицей и её помощницей (сравнить рис. 4,1 и рис. 4,2,3). Эту сцену мы видим и на переднеазиатской ткани из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 4,4; Руденко, 1953, рис. 190, с. 348–350). Создаётся впечатление о ритуальном характере обряда погребения в Мечетсае, Рогозихе-1, Локте-4 и 2 П. кургане, суть его, возможно, заключалась в продолжении данного обряда в мире ином, посредством чего общество получало поддержку потусторонних сил. Участие в этом обряде помощницы с зеркалом-погремушкой и струнным инструментом, быть может, предполагало её умерщвление ко времени похорон старшей жрицы (жреца) (или несколько позже) и последующее подхоранивание. Очевидно, на зеркалах из Мечетсая и Локтя-4 показаны старшие жрицы (рис. 3,3,4), что устанавливается благодаря зеркалу из Рогозихи-1, где мастер в соответствующем размере в левой и правой нижней частях изобразил две пары «больших» жриц с их «маленькими» помощницами (рис. 3,4; рис. 4,2,3). Помимо меньших размеров, помощницы отличаются простотой платья и, судя по правому изображению, отсутствием пышного головного убора (рис. 4,3). Стилистика изображений на зеркалах совершенно иная, нежели на ткани и на других образцах переднеазиатского искусства VI–IV вв. до н.э., на изделиях из Амударьинского клада (рис. 4,6–8). Вероятно, перед нами картина совершения обряда, чрезвычайно широко распространённого в Передней Азии (см.: Руденко, 1953, с. 348–350), Индии, Средней Азии и кочевом мире. Востребованность кочевниками зеркал-погремушек и их упрощённых вариантов, существование особого погребального обряда на территории Алтая и Южного Приуралья, указывает на близкое содержание рассматриваемых сцен с двумя священнослужителями.

Большое значение имеет привлечение материалов из мерзлотного 2 П. кургана, определяемого многими как жреческое (шаманское) погребение (Сорокин, 1978, с. 184–185; Зуев, 1992; см.: Кузьмин, 1989; Черемисин, Запорожченко, 1996; и др.). В литературе неоднократно отмечалось большое количество переднеазиатских изделий во 2 П. кургане, связываемое с импортом и вероятным участием погребённого здесь скальпированного вождя в далёких южных походах (см.: Марсадолов, 1996, с. 72; Шульга, 1997б). Женщину в чрезвычайно богатых и сложных в изготовлении одеждах, сопровождаемую целым комплексом характерных изделий и украшений (петухи и лотосы на керамике местного изготовления и др.) к «импорту», экзотичной рабыне или военной добыче отнести нельзя. Анализ особенностей её костюма, вещей и орнаментов однозначно указывает на сложение этого комплекса где-то на юге Средней Азии. Сопоставление образцов изобразительного искусства из 1 и 2 П. курганов с другими курганами Пазырыкской группы, Горного Алтая и Казахстана привело автора к выводу, что в захоронениях пазырыкской знати представлено искусство более обширной территории, захватывающей предалтайскую равнину, Семиречье и Восточный Туркестан. Некоторые из вычленя-ющихся изобразительных стилей и сюжеты в Горном Алтае не были распространены и известны, как правило, на импортных изделиях. Рассмотрим лишь изображения петуха и лотоса, традиционно считаемых «популярными образами в искусстве Алтая».

Почти все изображения петухов на Алтае происходят из 1 и 2 П. курганов, а сложные стилизованные композиции известны только на обуви, верхней одежде и нагруднике женщины из 2 П. кургана, что отмечалось ранее (Руденко, 1960, с. 261). Из материалов, полученных за последние сорок лет автору известны достоверные

изображения петуха лишь из исследованного В.Д. Кубаревым могильника Балык-Соок VI–IV вв. до н.э., оставленного, вероятно, инокультурным населением (Древние курганы Алтая, 1998, фото 116). Птицу из Уландрыка и грифонов с Укока (Кубарев, 1987, с. 85; Кубарев, Черемисин, 1984, рис. 4,10; Полосьмак, 1994а, рис. 51–53, с. 49) можно отнести к алтайскому варианту синкретичного существа, совмещающего черты грифона и феникса, среднеазиатское изображение которого имеется на войлочном ковре из 5 П. кургана (Полосьмак, 1994а, рис. 116,1; Степная полоса..., 1992, цв. вклейка между с. 176–177; Руденко, 1953, табл. XC).

Не выявлено за последние десятилетия и сложных изображений лотоса, которые, как отмечал С.И. Руденко, имелись лишь в 1 и 2 П. курганах (Руденко, 1960, с. 256). Редкой находкой являются даже простейшие бутоны (сложные пальметки) или их своеобразная модификация в виде грифона (см.: Полосьмак, 1994а, рис. 63, рис. 65, с. 54, рис. 61 и др.). Изображение простого бутона (пальметки), сопоставимое с образцами из 1 и 2 П. курганов, найдено на плоскогорье Укок в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3 (ср.: Руденко, 1953, табл. XXXI и др. и Полосьмак, 1994б, рис. 4). Небезынтересно отметить, что погребённая в нём женщина определена как жрица, служительница культа (Полосьмак, 1994б, с. 9), на мумифицированном теле которой сохранилась татуировка, подобная обнаруженной у вождя из 2 П. кургана. Там же были найдены покрывало, украшенное аппликациями из золотой фольги, серебряное зеркало и каменное блюдечко с семенами кориандра — комплекс, имеющий аналогии с погребением у Каракольской МТС, с характерными сакскими чертами (см.: Руденко, 1960, с. 16–18).

Итак, сложные изображения лотоса и петухов не характерны для искусства Горного Алтая. Они найдены практически только в захоронениях родственников (?) из 1 и 2 П. курганов, видимо бывавших, а, быть может, и длительное время живших в областях к югу от Алтая, откуда были пригнаны высокопородные лошади (см.: Марсадолов, 1984, с. 92–93) с сёдлами степного типа (Руденко, 1960, с. 228). К одежде и украшениям женщины из 2 П. кургана принадлежали индийский бисер (Галибин, 1993, табл. 1), чрезвычайно сложные для сверления кристаллы пирита, сердоликовая бусина, серьга и другие импортные изделия, возможно — конь с лотосными украшениями сбруи (Руденко, 1953, табл. C, 2,3). К ней относятся остатки двух (?) войлочных ковров, украшенный фигурками петухов и ромбами головной убор, верхняя одежда с узкими рукавами типа кандис и нагрудник, покрытые аппликациями из кожи в виде сложных композиций из стилизованных петушиных гребней, лотоса и головок хищной птицы, выполненных в стиле, на Алтае и в Средней Азии не известном (Руденко, 1953, рис. 67, табл. XCIV, 1, LXXXIX, 3, XCIII, 2, XCII, 1 и др.). Опуская анализ этих орнаментов (позволяющих выделить несколько изобразительных стилей) обратим внимание на составленные из двух пар лотосов две зеркальные антропоморфные личины на подошвах более простой пары женской обуви (рис. 4,11). Здесь сочетаются черты вырезанных из кожи «человеческих голов» — подвесок из 1 П. кургана (рис. 4,9,10; Руденко, 1953, табл. LXXX,6,7), представляющих собой «лицо» сфинкса из 5 П. кургана анфас (Руденко, 1960, рис. 152 а,б,д). Голова существа на подошве оформлена в виде лотоса, ниже расположены ромбические глаза, крупные звериные ноздри и рот (см.: головы львов, рис. 4,12; Руденко, 1953, рис. 20, рис. 164), ещё ниже — борода или грива льва, боковые завитки на уровне ноздрей близки оформлению бороды у деревянных подвесок из того же кургана (рис. 4,13; Руденко, 1953, табл. XLIV; Он же, 1960, рис. 152 в,г). Нет сомнений, что на ковре из 5 П. кургана, подвесках из 1 П. кургана (рис. 4,9,10,13), подошвах обуви женщины (рис. 4,11) и в Амударьинском кладе (рис. 4,14) мы видим одно и то же существо, определенное С.И. Руденко как «полулев-получеловек» (Руденко, 1953, с. 320). В данной работе идентификация стилизованной личины на подошве позволяет более точно определить круг образов (божеств ?), почитаемых создателями одежды жрицы из 2 П. кургана и связанных с проводимыми ею обрядами.

По-видимому, органичное сочетание, сплав всех вышерассмотренных элементов произошёл не на Алтае, а значительно южнее, на юге Средней Азии или даже в Бактрии. Восстанавливается образ женщины европеоидного типа с чёрными волнистыми волосами, пользующейся импортными изделиями, наряженной в изготовленный далеко на юге костюм, с гривной на шее и браслетами на ногах и правой руке (Руденко, 1953, с. 66, с. 50). Последнее совершенно не свойственно для Алтая, но имеет аналогии в Мечетсае, на зеркалах-погремушках, на изображениях жриц из Амударьинского клада и на ткани из 5 П. кургана, в том числе и у «богини» (рис. 4,2–6). Одежды пазырыкской женщины нельзя назвать «индийскими». Наиболее близки инокультурному комплексу из 2 П. кургана образы в Амударьинском кладе (изображения жриц и жрецов не в «индийской», а переднеазиатской манере; уточки; грифоны и животные с характерной скобкой, точкой и запятой; «сфинксы» и антропоморфные личины и др.). По мнению ряда исследователей, вещи из Амударьинского клада и кургана Иссык бактрийского происхождения, где в I тыс. до н.э. находился мощный центр златоделия (см.: Кузьмина, 1977, с. 75, 89; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 101). Часть из них датируется V–IV вв. до н.э., т.е. синхронна пазырыкскому и другим захоронениям с зеркалами-погремушками С этим регионом, очевидно, связано и происхождение жрицы из 2 П. кургана[8] .

Появление зеркал-погремушек в среде кочевников можно отнести к концу VI–V вв. до н.э. Несмотря на отсутствие данных о месте их производства, «восточное» происхождение зеркал не вызывает сомнений (Смирнов, 1968; Литвинский, 1978, с. 84–85; Уманский, 1992; Кузнецова, 1994; Она же, 1995; Могильников, Уманский, 1995; Могильников, 1997, с. 83; Шульга, 1997б; и др.). Вполне вероятно, они изготавливались в Бактрии, а, быть может, в Индии или примыкающих к ней районах[9]. Проникновение зеркал-погремушек и их упрощённых вариантов автор связывает с предполагаемым всплеском проповеднической деятельности из Бактрии или северо-западных районов Индии после включения этого региона и южной части сако-массагетских племён в состав Персидского государства в конце VI в. до н.э. (Шульга, 1997б).

О назначении отправляемых жрицами обрядов и содержании этого религиозного течения можно лишь строить предположения. Большинство исследователей отмечают у скифов и саков индоиранские верования и вытекающие из них культ солнца и плодородия, культ огня и солнца (Смирнов, 1968; Он же, 1975) или культ Митры (Акишев, 1978; и др.). Конкретизация особенностей этих верований с опорой на археологические материалы — дело будущего. Так, выделение «саяно-алтайской» системы религиозных представлений как синтеза шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма (Боковенко, 1996), пожалуй, допустимо относительно огромной территории — Центральной Азии. Перенос данного положения на конкретные археологические культуры, например, пазырыкскую (Тишкин, Дашковский, 1998, с. 586) представляется неоправданным. Видимо, следует согласиться с мнением, что для религии саков были «чужды черты более позднего зороастризма» (Кузьмина, 1977, с. 84). Но у нас нет оснований полностью отрицать распространение в кочевой среде каких-то смешанных вариантов, где бы были представлены характерные для зороастризма идеи и обряды. Предполагать распространение в скифское время на рассматриваемой территории основанного Шакьямуни в конце VI — первой пол. V в. до н.э. буддизма мы также не можем: нет сведений о широкой проповеднической деятельности Будды и его учеников на Севере; доступ женщин к учению на первом этапе был ограничен, что не согласуется с нашими представлениями о положении женщины в кочевом обществе; буддизм в это время едва ли мог быть привлекателен для военизированного общества кочевников и т.д.

Хотелось бы надеяться, что новые материалы, связанные с находками зеркал-погремушек, помогут продвинуться в решении этой проблемы. По мнению автора, зеркала с религиозно-символическими сценами (рис. 3,2–4), а также их упрощенные варианты с циркульным орнаментом, центральным конусом и валиком, иллюстрируют существовавшие в Индии, Бактрии, Иране и скифо-сакском мире близкие представления о расположенной на севере у золотой вершины Мандары или Хукайрья (горы Меру, Хара Бэрэзайти, Рипы, Рипеи) блаженной обители богов, мудрецов и величайших героев (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983). Этот тип зеркал является моделью центра Вселенной ариев с конусом посередине (золотая Мандара) и внешнем гранчатым валиком (круговой хребет Меру), окруженным по периметру солярными значками (вращающиеся в исполнении обряда солнце и звезды). С этим перекликаются работы Д. А. Мачинского, помещающего сакральный центр индоевропейцев и индоиранцев в Минусинскую котловину и на Алтай, отметившего сходство реконструируемой прародины ариев и раннескифских зеркал с бортиком (Мачинский, 1996, рис. I и III; Он же, 1997). Антропоморфные существа в виде женщин, которые не были земными людьми, как животные и растения, по-видимому, являются обитателями этой страны, символами, а не реальными жрицами. Несомненно, перед нами закодированная информация, одним из ключей к которой, вероятно, являются нанесённые пуансоном солярные значки, определённые как маркёры небожителей (Уманский, 1992, с. 57). Быть может они как-то связаны со "звуковыми шариками" на росписях I тыс. до н.э. в пещерах Центральной Индии (Neumayer. E., 1997, p.56), также помещавшихся у поющего (?) человека. После завершения прорисовки изображений на плохо сохранившемся локтевском зеркале и сопоставления их с рогозихинскими[10], стала очевидна приуроченность солярных значков к определённым частям тела существ. Все они имеют по одному знаку у рта («женщины»), морды (антилопы, слон) и клюва (птица). Второй значок обычно помещался между ног (у женщин и слона) или у хвоста (антилопы) и, возможно, относится к анальному отверстию или половым органам. Нельзя исключить связь с энергетическими центрами. Каждое существо сопровождается определённым количеством значков, иногда усиленных цветком лотоса (?) или листом растения. Имеется зональная приуроченность значков и т.д. Допускается вероятность числовых комбинаций в солярных значках по окружности, для чего на рис. 3,3,4 указаны места заклёпок, число которых — 3 (Мечетсай) и 7 (2 П. курган, Рогозиха-1, Локоть-4) безусловно символичны. Подобные значки, видимо, были и на мечетсайском зеркале.

Вполне вероятно, значение фиксируемого нами обряда, помогут установить дошедшие до нас сведения о ежегодно совершаемом поклонении гиперборейских дев (в одном случае упоминаются две девы; Мачинский, 1997, с. 267) Артемиде и Аполлону на острове Делос, куда они приносили «начатки плодов» из страны гипербореев, являвшейся сакральным центром индоевропейцев, индоиранцев, жрецов кочевых обществ (по верованиям древних индийцев и иранцев — страна блаженных), локализуемой в Ха-

касско-Минусинской котловине, а с VI в. до н.э. — на Алтае (Мачинский, 1997). Путь гипербореев на остров Делос, по Д.А. Мачинскому, совпадает с путём жрецов Аполлона из Дельф и Дадим (Малая Азия), направлявшихся в обратном направлении — к гипербореям[11] (Мачинский, 1997, с. 279–280; Кузнецова, 1991, с. 96–97), через Причерноморье по степному поясу. О пути в страну блаженных (по греческой традиции гипербореев) говорится в Авесте. Но вместо «начатков плодов», доставляемых из страны блаженных, в Авесте движение происходит в обратном направлении — в страну блаженных препровождаются души умерших. И здесь мы видим божественную, прекрасную деву, «низвергающую зловредные души дурных людей во тьму; души же людей чистых её властью переходят по ту сторону недосягаемых гор Хара Бэрэзайти. Эта дева проводит праведников через мост Чинвад, приобщая их к сонмам небесных язатов» (Видевтад: 19,30; Авеста, 1997, с. 124). По существу, священные тексты древних греков и иранцев говорят об одном и том же: связь между миром людей и страной блаженных (гипербореев) осуществляется через дев, в обоих случаях дающих жизнь: растениям на земле или человеку — в мире ином.

Если исходить из существования реальной основы данных преданий, то предположение о первоначальном нахождении святилища Аполлона и Артемиды в Малой Азии (Мачинский, 1997, с. 269) скорее указывает на существование и другого пути в страну гипербореев — через Переднюю Азию и казахстанские степи. В отличие от гипотетической «дороги» мимо Уральских гор, путь между Алтаем и Передней Азией хорошо фиксируется уже с VIII в. до н.э. по массовому поступлению на Алтай и в Туву украшений из золота, тканей, зеркал с бортиком и др. в ходе обмена (торговли) и в результате перемещения населения с юга на север[12]. С VI в. до н.э. связи Алтая и Передней Азии становятся ещё более тесными, чему иллюстрацией служат и вышеприведённые материалы по зеркалам-погремушкам.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ШУЛЬГИ П.И.

Рис. 1. 1 — карта расположения зеркал-погремушек на Алтае (1 – Второй Пазырыкский курган, 2 – Рогозиха-1, 3 – Локоть-4); 2 — могильник Локоть-4, курган 1; 3 — разрез могилы 4; 4 — погребение 4а;
5–12 — инвентарь из могилы 1.
Золото — 10–12, железо — 5, рог — 6–9, стекло — 11.

Рис. 2. Могильник Локоть-4, курган 1. Находки из могил 4 (1–21) и 3 (22). Погребение 4а — 1,4,5,11–13,18,19,21, погребение 4б — 2,3,10,14–17,20. 1 — наконечник стрелы, 2 — обломок ножа, фрагмент аппликации из фольги, 4 — оплетённая золотой проволокой бусина, 5 — сферические нашивные бляшки, 6 — подвеска серьги, 7,8 — фрагменты заколки (?), 9 — заколка со снятым навершием, 10 — фрагмент заколки с навершием, 11–13 — скобки, 14–19 — бусы, 20,21 — кувшины, 22,23 — кринки; бронза — 1,11–13, золото — 3,5,14, золото, железо — 9,10, золото, камень — 4, серебро — 6,17, железо — 2,7,8, паста — 15,16,18,19, керамика — 20–23.

Рис. 3. Зеркала-погремушки. 1 — Второй Пазырыкский курган (по Кузне-цовой Т.Н., 1995); 2 — Мечетсайский могильник, к. 8, погр. 5
(по Смирнову К.Ф., 1975); 3 — могильник Локоть-4, к. 1, мог. 4;
4 — могильник Рогозиха-1, к. 5, мог. 1.
Позолоченная бронза — 3,4; серебро — 1, бронза — 2.

Рис. 4. 1 — Мечетсай, к. 8, погр. 5, молодая женщина (1 – зеркало-погремушка, 2 – стрелы, 3 – струнный инструмент, 4 – изделие из панциря черепахи), пожилая женщина (1 – зеркало, 2 – колчан,
3 –панцирь черепахи); 2, 3 — Рогозиха-1; 4,5 — 5 П. курган; 6–8,14 — Амударьинский клад; 9,10,12,13 — 1 П. курган; 11 — 2 П. курган.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997. 480 с.
2. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 132.
3. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
4. Банников К.А., Кузнецова Е.А. О смысловых значениях шаманских зеркал: проблемы теоретического осмысления культовых артефактов // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 51–55.
5. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. 335 с.
6. Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Централь-ной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 39–42.
7. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. 208 с.
8. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: (по материалам Уйгарака). М., 1973. 160 с.
9. Галибин В.А. Находки индийских стеклянных бус в погребениях Сибири и Средней Азии //

Археологические Вести. № 2. СПб., 1993. С. 66–71.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. 699 с.
11. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982. 456 с.
12. Древние курганы Алтая. Горно-Алтайск, 1998. 109 с.
13. Зуев В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII–V вв. до н.э. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 132–137.
14. Зуев В.Ю. Исповедимые пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 131–134.
15. Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 54–68.
16. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с., илл.
17. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии ранне-железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21–36.
18. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
20. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86–100.
21. Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991. 150 с.
22. Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологичес-кий вестник. № 7. СПб., 1994. С. 82–87.
23. Кузнецова Т.М. Три восточных зеркала // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 124–128.
24. Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. 1. Кемерово, 1989. С. 23–27.
25. Кузьмин Н.Ю. Генезис саяно-алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 125–130.
26. Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. 144 с.
27. Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 25–31.
28. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. 216 с. ил.
29. Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Вып. 25. 1984. С. 90–98.
30. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Афтореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
31. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
32. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.
33. Мачинский Д.А. Земля аримаспов в античной традиции и «простор ариев» в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 3–14.
34. Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология. СПб., 1997. С. 265–287.
35. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
36. Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.
37. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
38. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994а. 125 с.
39. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Алтаика. № 4. Новосибирск, 1994б. С. 3–10.
40. Руденко С.И. Второй пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с., ил.
41. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 402 с., табл.
42. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. 359 с., табл.
43. Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 107–111.
44. Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 116–121.
45. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илике. М., 1975. 176 с.

46. Смирнов К.Ф. Сарматы — огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155–159.
47. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172–191.
48. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. 493 с.
49. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59. Рис. на с. 186–194.
50. Черемисин Д.В., Запорожченко А.В. «Пазырыкский шаманизм»: артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 30–31.
51. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
52. Членова Н.Л. Хронология опорных памятников скифской эпохи // История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 313–318.
53. Чугунов В.К. Датировка Больших Пазырыкских курганов — новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
54. Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Вып. № 2. Горно-Алтайск, 1997а. С. 73–84.
55. Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 144–148.
56. Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1997в. С. 136–139.
57. Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998г. С. 702–712.
58. Neumayer E. Bodies in Motion // Archaeology. January/February, 1997, p.56-57.

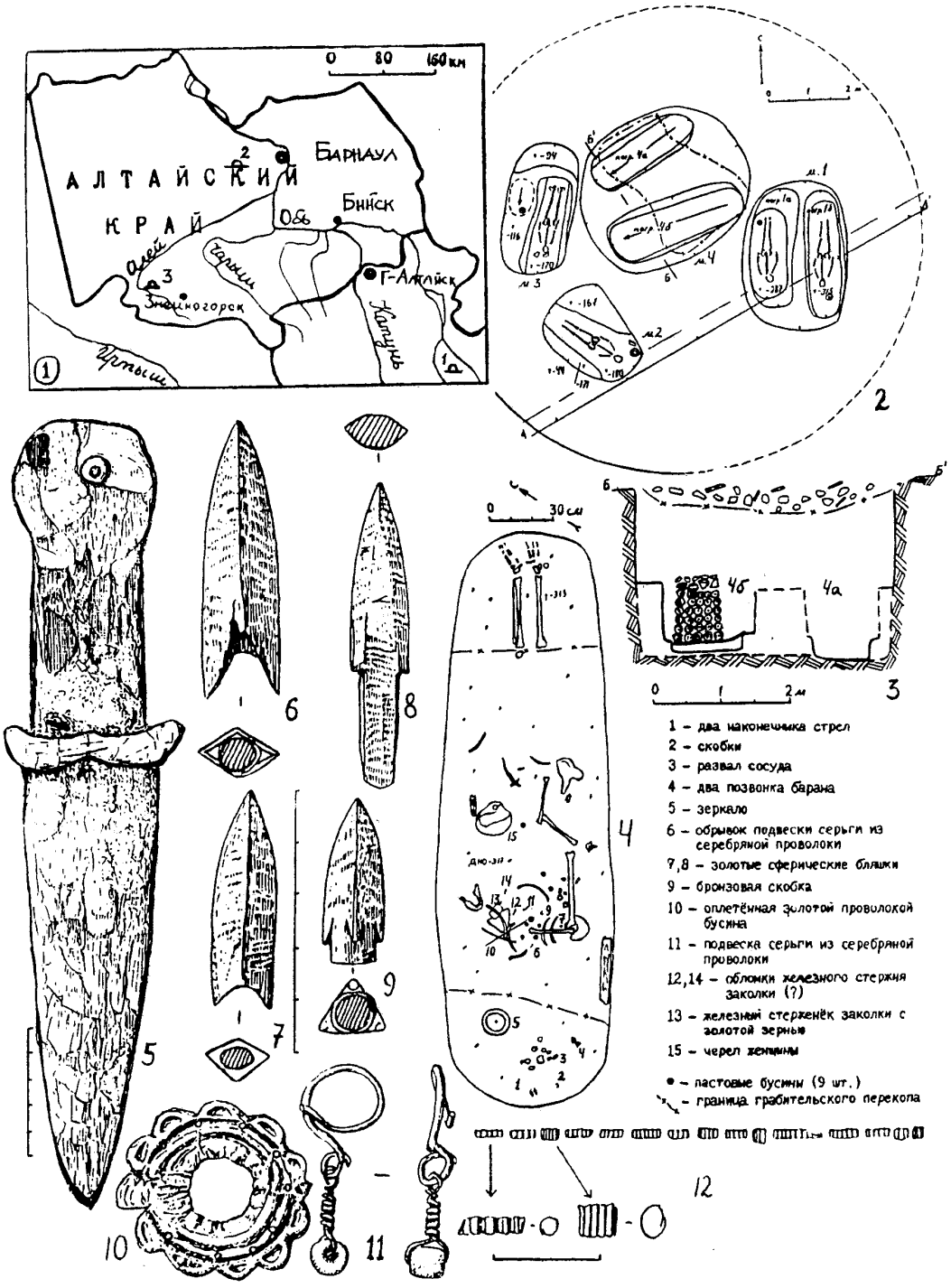

0 80 160 км
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ
Барнаул
Бийск
Обь
Алей
Чарыш
Г-Алтайск
Катунь
Иртыш
Змеиногорск
1 – два наконечника стрел
2 – скобки
3 – развал сосуда
4 – два позвонка барана
5 – зеркало
6 – обрывок подвески серьги из серебряной проволоки
7,8 – золотые сферические бляшки
9 – бронзовая скобка
10 – оплетённая золотой проволокой бусина
11 – подвеска серьги из серебряной проволоки
12,14 – обломки железного стержня заколки (?)
13 – железный стерженёк заколки с золотой зернью
15 – черел женщины
• – пастовые бусины (9 шт.)
– граница грабительского перекопа

Рис.1

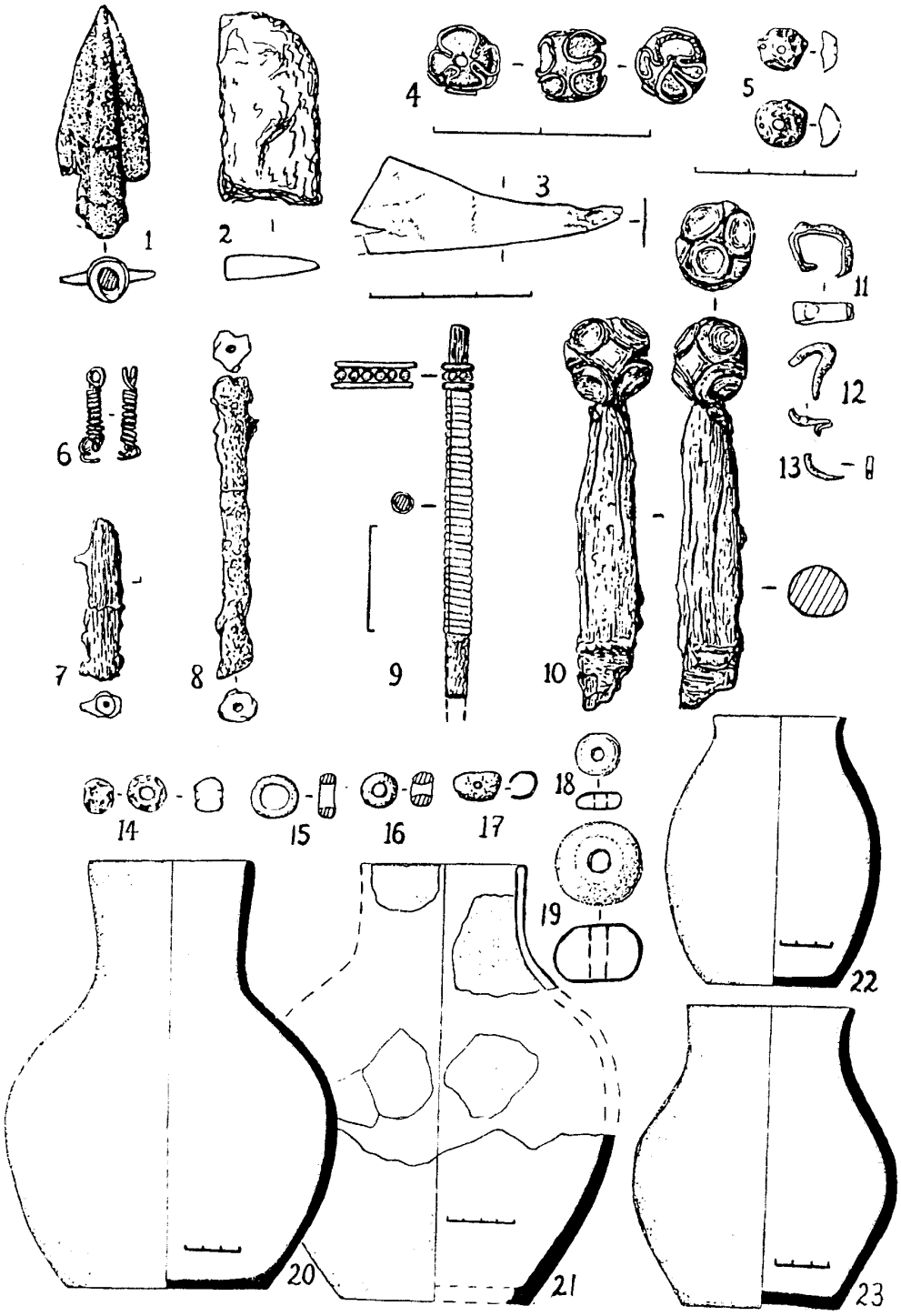


Рис.2

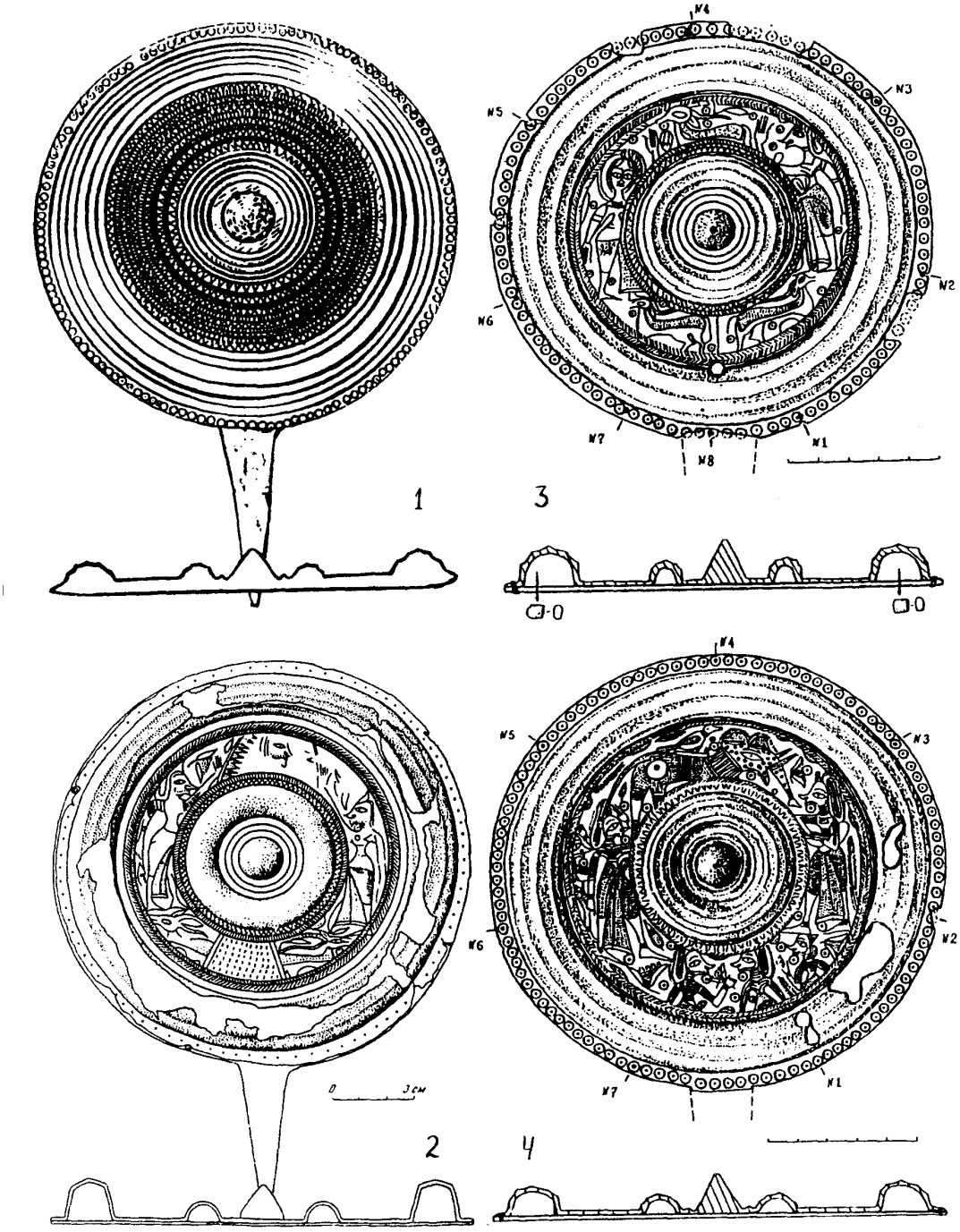


Рис.3

Рис.4

Киреев С.М.
(г. Горно-Алтайск.)

ТРИЗНЫ И ТРИЗНОВАЯ КЕРАМИКА МАЙМИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Неоднократно отмечалось, что для более полной реконструкции погребального обряда несомненный интерес представляют порой, казалось бы, даже совершенно незначительные находки и наблюдения, в том числе фиксация элементов погребальной обрядности, позволяющая внести новые дополнительные детали в изучение этой проблемы. Одними из подобных данных являются находки в насыпях и около насыпей курганов, в археологической литературе обычно называемые остатками тризн, а также различные околокурганные конструкции.

В течение полевых сезонов 1986-95 гг. на четырех могильниках Майминского археологического комплекса, расположенного в северных предгорьях Алтая (4, с.162-182) было раскопано 79 курганов: Мйма-IV – 18 (В 1998 г. на могильнике исследовано 35 курганных и грунтовых погребений, где также встречены следы тризн и ритуальные сооружения, но эти материалы не учтены в данной работе.), Майма-VI – 15, Майма-VII – 39, Майма-XIX – 7. Из них полностью опубликованы лишь материалы исследований памятника Майма-XIX (6; с.39-50, 181-185).

При раскопках майминских курганов часто применялся метод сплошного раскопа, когда вскрывалась вся, или большая часть околокурганного пространства, иногда на расстояние до 5 м. от полы кургана. Так, на могильнике Майма-XIX был заложен один раскоп на все семь курганов, расположенных компактной группой, на могильнике Майма-VI – два раскопа. На могильнике Майма-IV без учета исследований 1998 г. также было разбито два раскопа, не считая индивидуальных раскопов на каждом из трех отдельно стоящих курганов. При работах на могильнике Майма-VII на компактно расположенных 2-3 курганах также закладывался общий раскоп, а отдельно стоящие курганы изучались раскопами, полностью заключающими насыпь и околокурганное пространство на 1-3 м. от края насыпи. Подобный метод раскопок позволил, кроме выявления курганов и погребений, не имеющих в силу ряда причин современных внешних признаков, обнаружить ряд находок, которые можно отнести к так называемым тризнам, т.е. погребально-поминальной обрядности: керамику, кости животных, остатки кострищ, отдельные предметы, каменные околокурганные выкладки.

Курганы Майминского комплекса в целом датируются серединой VI- рубежом II-I вв. до н.э., а в культурном плане относятся: Майма-IV – к североалтайскому (алферовскому) варианту пазырыкской культуры, а могильники Майма-VI-VII (кроме одного кургана), XIX- к быстрянской культуре раннего железного века (7; с. 54-58 ; 5; с. 119-122).

На территории могильника Майма-IV в насыпях, на насыпях некоторых курганов, а также около насыпей найдены кости лошади, в том числе передние копыта жеребенка (все определения остеологических материалов майминских курганов сделаны А.В. Гальченко и Я.Ю. Полосиной). В насыпях семи курганов встречены обломки орнаментированной и неорнаментированной лепной керамики. Из графически реконструируемых сосудов – большая часть - банки хорошего обжига, с мелкими примесями в тесте, с округлым срезом венчика, орнаментированные поясом ямок или жемчужин с разделителем (рис. 1; 2-7). В насыпи кургана 5 обнаружена чаша высотой 7 см., диаметром 37 см., с орнаментацией из пояса жемчужин под венчиком (рис. 1;1).

В насыпях пяти курганов могильника Майма-VI также встречены фрагменты керамики, среди них выделяется развал крупного баночного сосуда, орнаментированного двумя поясами оттиска угла лопаточки и насечками по срезу плоского венчика (рис.1; 8-12). Из 35 раскопанных курганов могильника Майма-VII керамика встречается в 16 случаях. Это также преимущественно баночные сосуды, орнаментированные рядом ямочных вдавлений, жемчужин в чистом виде или с разделителем. Иногда, у сосудов, имеющих жемчужник с разделителем, ниже проходит второй пояс их оттисков угла лопаточки (рис.2; 5,16). В кургане 2 найдены фрагменты баночного сосуда с отпечатками текстиля (рис.2; 7), а в кургане 106 - керамика от трех сосудов: крупного, орнаментированного жемчужником с разделителем; венчика от горшочка с каплевидным орнаментом, и обломки ирменского сосуда с орнаментом из заштрихованных треугольников (рис 2; 1, 8-9). Здесь же, в насыпи находились три сердоликовые бусины (рис. 2; 18), а около могилы на древней поверхности зачищено большое кострище. В насыпи кургана 31 обнаружены фрагменты трех сосудов: два из них орнаментированы жемчужником, один мелкой штриховкой (рис. 2; 10-12). В северной части насыпи кургана 12 зачищен фрагмент не менее чем от четырех глиняных сосудов, в том числе венчик небольшого кувшинчика или горшочка, обломки венчика баночного сосуда и сосуда, орнаментированного волнистыми резными линиями. (рис. 2; 6, 13-14). Здесь же найден полностью восстановленный небольшой кубок хорошего обжига (рис. 2; 15). В насыпи кургана 34 обнаружен железный однолезвийный нож с выделенной черешковой рукоятью (рис. 2,19). В насыпях трех курганов могильника найдены кости и по 1-2 зуба лошади.

В центре насыпи кургана 1 могильника Майма-XIX зафиксирован зуб лошади и мелкие фрагменты неорнаментированной керамики, между кольцевыми выкладками курганов 2 и 3 на

уровне погребенной почвы зачищены угли и кость животного. Кубок, аналогичный найденному на Майме-VII, но с орнаментом из пояса жемчужин, высотой 6 см и диаметром 8 см происходят из насыпи кургана 4 (рис. 1; 14). В насыпи кургана 2 найдены обломки хорошо обожженного баночного сосуда со срезанным во внутрь венчиком с насечками, орнаментированный ёлочкой из коротких оттисков гладкого штампа, пояска из неглубоких круглых вдавлений, а внизу группа из трех подобных же вдавлений (рис.1; 13).

Таким образом, во многих из майминских курганов, в насыпях, под насыпями и между курганами встречаются обломки керамических сосудов, кости и зубы домашних животных, преимущественно, лошади и изредка – овцы, иногда – угли и остатки кострищ, нож, бусы. При сравнении тризновой и погребальной керамики соответствующих могильников заметно их явное различие. Прежде всего, первая - значительно лучшего обжига, имеет явные следы употребления: нагар, закопчённость, мелкие сколы. По форме это баночные сосуды, горшки, кубки, чаши. В погребениях же преобладают кувшины и лишь изредка баночные сосуды. Определенные отличия имеются в орнаментации керамики: в тризнах значительно чаще встречается жемчужник, ямки, редко – налепные валики, в керамике погребений нет сосудов орнаментированных углком лопатки. Несомненно, тризновая керамика значительно ближе к поселенческой и во многом сопоставлена с кухонной и столовой посудой поселений Майма – II, III, XVIII и других поселений быстрянской культуры.

Предположение о том, что часть керамики в насыпи курганов и околокурганное пространство попала из наружных, более ранних поселений или стоянок не может быть принято, так как памятники Майминского комплекса являются достаточно изученными, а керамика насыпей и погребений в целом хронологически сопоставима. Следует отвергнуть и возможность попадания керамики в насыпи при ограблении курганов, во всех случаях керамика погребений и тризновая оказывались различными.

Но майминские курганы не являются оригинальными в отношении наличия остатков тризн. Так, в Горном Алтае "в каменных насыпях многих уландрыкских курганов отмечены следы огня, найдены кости жертвенных животных и обломки керамических сосудов" (11, с.11), кости лошади и керамика также обнаружены в насыпях курганов Барбургазы-I, Малталу-IV (13,с.11), Юстыда (12, с.12). В насыпях нескольких курганов могильника Бике-I встречены находки костей и керамики, зернотерки (14, с.44,46,52,55.). Здесь же на Средней Катуни в кургане 1 могильника Кыс-Кол-I " при зачистке и разборке каменной насыпи диаметром 8,5 м. собрана коллекция, содержащая более 100 фрагментов керамики приблизительно от семи различных сосудов".

(15, с. 47), что является своеобразным рекордом, а на насыпи также кости марала и лошади. Тризновые остатки костей и керамики встречены и на многих других памятниках Горного Алтая. Иногда в насыпях находят и целые сосуды, например, в могильниках Боротал-II,III (17, с. 184,188), на Катонском могильнике (27, с. 56). В целом, как отмечает А.С.Суразаков. "для пазырыкской культуры и кара-кобинской группы памятников в насыпях и под ними встречаются угли и кости животных, в большинстве случаев под южной полой насыпи" (29, с. 120). То же самое характерно и для быстрянской культуры Причумышья (1, с.154-155) и в целом Северного Алтая.

На соседних территориях в эпоху раннего железа следы тризн в виде кострищ, битой посуды и целых сосудиков, костей животных, предметов бытового инвентаря и украшений встречаются в памятниках саргатской культуры (16, с. 134,138; 22, с. 13). В некоторых насыпях курганов большереченской культуры обнаружены "обломки сосудов большого диаметра, в которых помещалась еда или питьё на несколько сот человек (30, с.24). В надмогильных сооружениях Улангомского могильника в Западной Монголии "прослежены зольные пятна – следы жертвенных костров (18,с.258). Следует вспомнить и красочное описание М.П.Грязновым погребения скифского царя в кургане Аржан, где тысячи людей "на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя". (2, с.50).

Вообще, подобные ритуалы характерны в целом для культур скифо-сибирского мира на обширных пространствах Евразии. В курганах знати и рядовых кочевников Степной Скифии также встречаются остатки тризны в виде костей животных, обломков амфор и лепной керамики и изредка некоторые предметы конского снаряжения и наконечники стрел (28, с.55). Следы огня "в виде небольших угольно-зольных пятен или отдельных угольков" встречаются в насыпях савроматских курганов, начиная с VII в. до н.э. и до начала II в. н.э. К.Ф.Смирнов фиксирует в савроматских же памятниках следы кострищ на перекрытиях могил, кострища под насыпью, остатки тризны: черепки сосудов и целые грошки, кости животных (26, с.89, 96-97).

Несомненно, что все отмеченные выше находки в насыпях и около насыпей курганов являются следами определенных ритуалов, тесно связанных с погребальным обрядом и последующими поминками. Так В.С. Ольховский, обобщивший материалы погребальной обрядности Степной Скифии VII-III вв. до н.э. отмечает, что нередко на подкурганной поверхности устраивали погребальный пир, осуществляли другие ритуальные действия: разводили костер, устанавливали жертвенники, заполняли жертвенные ямы, "при сооружении насыпи нередко устраивали поминально-погребальные тризны, а в насыпь помещали дары (конская узда, стрелы, часть повозок и т.д.)" (20, с.175-176). Как отмеча-

ет С.С.Сорокин "судя по данным письменных источников, традиция поминальных торжеств у кочевников восходит к III-VIII вв. н.э., а археологические данные отодвигают дату возникновения этой традиции к началу I тыс. до н.э. (27,с.23).

Следует заметить, что в современной науке понятие "тризны" неоднозначно, как правило, археологи определяют её как "погребально - поминальное действие, а именно: пиршество, принесение жертвоприношений". Но Б.А.Рыбаков считает, ссылаясь при этом на автора середины XIX в. А.О. Котляревского, что в широком смысле "тризна не поминки, а военная игра, турнир, состязание в честь умершего…". Говоря собственно о славянской тризне он пишет, что "как и в античном погребальном церемониале, главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам" (25, с.313). Согласно Геродоту "скифам был известен обычай периодических поминок" (20, с.176).

Также возможно, что какие-то остатки керамики около насыпей происходят от обычая очищения скифов после похорон, описанного Геродотом, когда устанавливается каркас из трёх жердей, обтянутый шерстяными покрывалами, а внутри него сосуд, в который кидали раскаленные камни. Свидетельством этого могут служить находки из 2-го пазырыкского кургана, где обнаружены две бронзовые курильницы с камнями, а над ними каркас из связанных жердей (23. Табл. XXIV.).

Обычай поминально - обрядовых действий сохранился у народов Евразии вплоть до XX в., во многих своих чертах напоминая соответствующие ритуалы, реконструируемые по археологическим данным. Так, уже в новое время у осетин, таджиков, племен Дагестана существовал обычай охраны могил покойного в течении трёх дней после его смерти, причем около могилы делали сооружение, в котором находился её охраняющий (9, с.258-259). Имеется также достаточно много археологических и этнографических свидетельств о погребальных обрядах у тюркских народов. По исследованиям В.Д.Кубарева в древнетюркскую особую роль играли так каменные оградки внутри которых и рядом встречаются кости лошади и овцы, детали лошадиной сбруи, сосуды, оружие, следы огня и пр. На оградках возводились деревянные строения, которые при последних поминках сжигались (10, с. 76-77). В XIX-XX веках похожие, неоднократные в течении года поминальные обряды зафиксированы у алтайцев, в ходе которых устраивались обеды, приготовление и оставление на могиле пищи для усопшего (мясо лошади, барана), уздечки, деревянные сосуды. Около погребения разжигали огонь, сжигали одежду и некоторые вещи покойного (31, с.100-101). С.И.Руденко описывает наблюдавшиеся им полугодовые поминки с пиршеством у казахов (24, с.327-329).

Так же археологически и этнографически зафиксированы поминальные обычаи и обряды у восточных славян, сохранившиеся в элементах вплоть до наших дней. Ещё в начале XII в. летописец Нестор писал, что славянские племена совершают тризну над умершими. По С.И.Ожегову тризна – "у древних славян: обрядовые действия и пиршество в память умершего" (19, с.662), имеется определение славянской тризны как "языческого поминовения умерших, оканчивавшееся разными воинскими играми" (21, с.2.174). Древние славяне в дохристианский период огораживали место погребений оградами и ровиками, погребенного подвергали кремации на больших кострах вместе с постройкой или же сжигали сруб – домовину над могилой (25, с. 89-93). Во время поминок происходило пиршество и состязание в честь умершего. "В славянской тризне…главное место принадлежало конским состязаниям, скачкам…" (25, с.313). Из поздних восточнославянских обрядов этнографами засвидетельствовано сторожение могил после похорон и охрана покойников (9, с.357, 360; 8, с.25-26). Кроме девятого и сорокового дня и года со дня смерти существовали и до сих пор существуют особые общие дни поминовений в радуницу, на Троицу, в Дмитриевскую родительскую субботу. "У белорусов могилу часто покрывают прикладом, имеющего форму длинного, похожего на горб ящика из цельного толстого пня или досок". Иногда на могилу клали камни (3, с.351). В Горьковской области также наблюдается положение камушков на могиле "посередине рук и ног для того, чтобы покойник мог защищаться от нечистой силы" (9, с.351). На севере России после похорон на могилу ложили лопату, которой её закапывали и перевернутый горшок с углями, а над могилой устанавливали деревянное четырёхугольное сооружение под названием голубец. Казаки на могилу ставили копьё с привязанным к нему платком, символизирующем воинское звание (3, с.351). На Пасху русские клали или закапывали на могиле пасхальное яйцо, а на Волыни украинцы разводили костер и варили обед (3, с.357). По Д.К.Зеленину, разбивание посуды, которое производилось при погребении и поминках у славян является символом обновления жизни (3, с.349).

Возвращаясь же непосредственно к теме нашего сюжета – следам поминальных и обрядовых действий, отмеченных в майминских курганах раннего железного века рассмотрим сопроводительные курганные выкладки из камня, выявленные на могильниках Майма – IV, VI, XIX, несомненно связанные с погребально - поминальным ритуалом. Так в четырёх метрах к востоку от края насыпи самого большого из раскопанных курганов могильника Майма-IV межу двумя детскими погребениями располагалась овальная кладка, вытянутая по линии ВЗ. Она сложена из мелких и средних окатанных речных галек, размером 98х132 см. При разборке выяснилось, что каменная прослойка постоянно сужалась, уходя на конус до глубины 90 см (рис. 3; 1), в заполнении выкладки встречена керамическая крошка. Около кургана 10 этого же памятника, вплотную

примыкая с запада к его насыпи, располагалась полукруглая вкладка мощностью 12-15 см из растрескавшейся речной гальки (рис. 3; 2). Можно предполагать, что на выкладке был разведен костёр, воздействие которого привело к расколу галек. Но следов золы, углей и прокалов обнаружено не было.

В системе могильника Майма-VI выявлено шесть почти аналогичных каменных выкладок, в том числе три из них связаны с курганом 2 и расположены к югу от него. Пять выкладок в плане овальной формы, а одна круглой. Размер их от 180х220 см до 160х170 см, сложены в 1-3 слоя из гальки средних и мелких размеров (рис. 3; 3). Находок под выкладками и внутри их не найдено.

Одна круглая в плане выкладка диаметром 150 см. зафиксирована к ЮВ от кургана 5 могильника Майма-XIX. Выложена она в один слой из небольших рваных камней (6, с.40). Можно предположить, что различного рода каменные выкладки связаны с определенными действиями погребально – поминальных ритуалов и, возможно исполняли ту же функцию, что и каменные кольца у пазырыкских курганов.

Таким образом, поминальная обрядность, возникнув в глубокой древности, сохранилась в силу общего этногенеза, последующих контактов со скифо-сарматскими племенами в течении многих столетий, в частности – у тюркских и восточнославянских народов. Этнографические же наблюдения могут служить дополнительным материалом для палеореконструкций соответствующих ритуалов, в том числе и эпоху раннего железа.

Возвращаясь к погребениям на майминских памятниках мы видим следующие остатки, свидетельствующие о существовании погребально – поминальных обрядов: следы огня в виде кострищ и углей, находки костей лошади и овцы, частые находки обломков , а иногда и целых сосудов, носящих следы употребления. Рядом с некоторыми курганами располагались каменные выкладки, которые могли служить жертвенниками и на которых, очевидно, совершались определенные, пока достоверно не установленные, ритуальные действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
2. Грязнов М.П. Аржан – курган раннескифского времени. Л., 1980.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
4. Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
5. Киреев С.М. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.
6. Киреев С.М. Курганы Майма-XIX. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
7. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры.// Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. (материалы конференции, посвященной 40-летию ГАИИИЯЛ). Горно-Алтайск, 1992.
8. Кремлева И.А. Похоронно – поминальная обрядность русского населения Пермской области. // Полевые исследования института этнографии, 1978. М, 1980.
9. Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
10. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. // Новосибирск, 1984.
11. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. // Новосибирск,. 1987.
12. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. // Новосибирск, 1991.
13. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. // Новосибирск, 1992.
14. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990.
15. Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.Д., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катуни. Altaica, Новосибирск.,1992, №1.,
16. Матвеева М.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
17. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Бортал и Алгаил. // СА, 1980, №2.
18. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
20. Ольховский В.С. Погребально - поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.
21. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том II. М., 1992.
22. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
23. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

24. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
26. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964.
27. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. // АСГЭ, 1966, вып.8.
28. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
29. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.
30. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
31. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ КИРЕЕВА С.М.

Рис. 1. 1-7 – могильник Майма-IV
8-12 – могильник Майма-VI
13-14 – могильник Майма-XIX

Рис. 2. 1-19 – могильник Майма-VII

Рис. 3. 1 – кладка около кургана 5 могильника Майма-IV
2 – выкладка около кургана 10 могильника Майма-IV
3 – выкладка около кургана 2 могильника Майма-VI

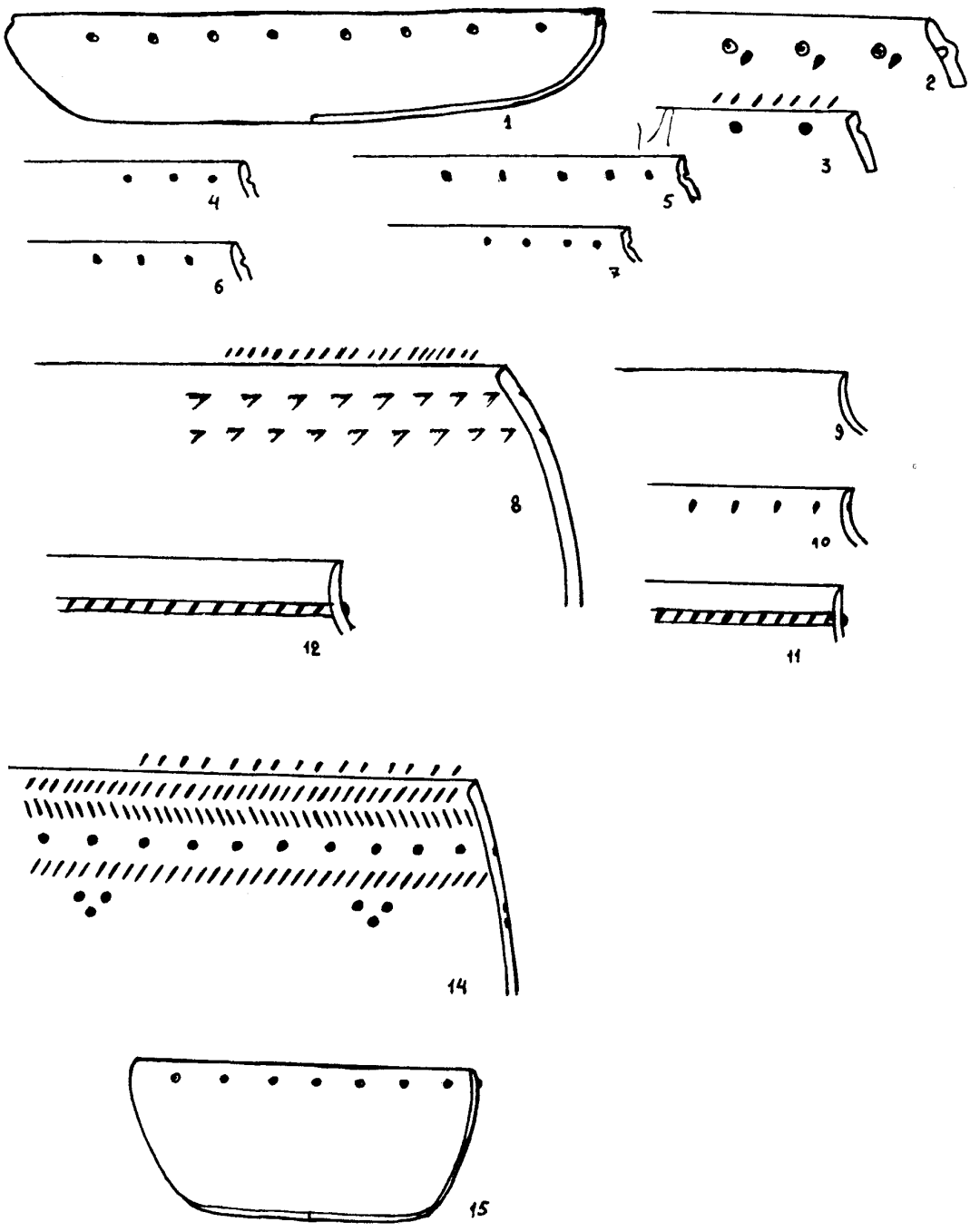


Рис.1

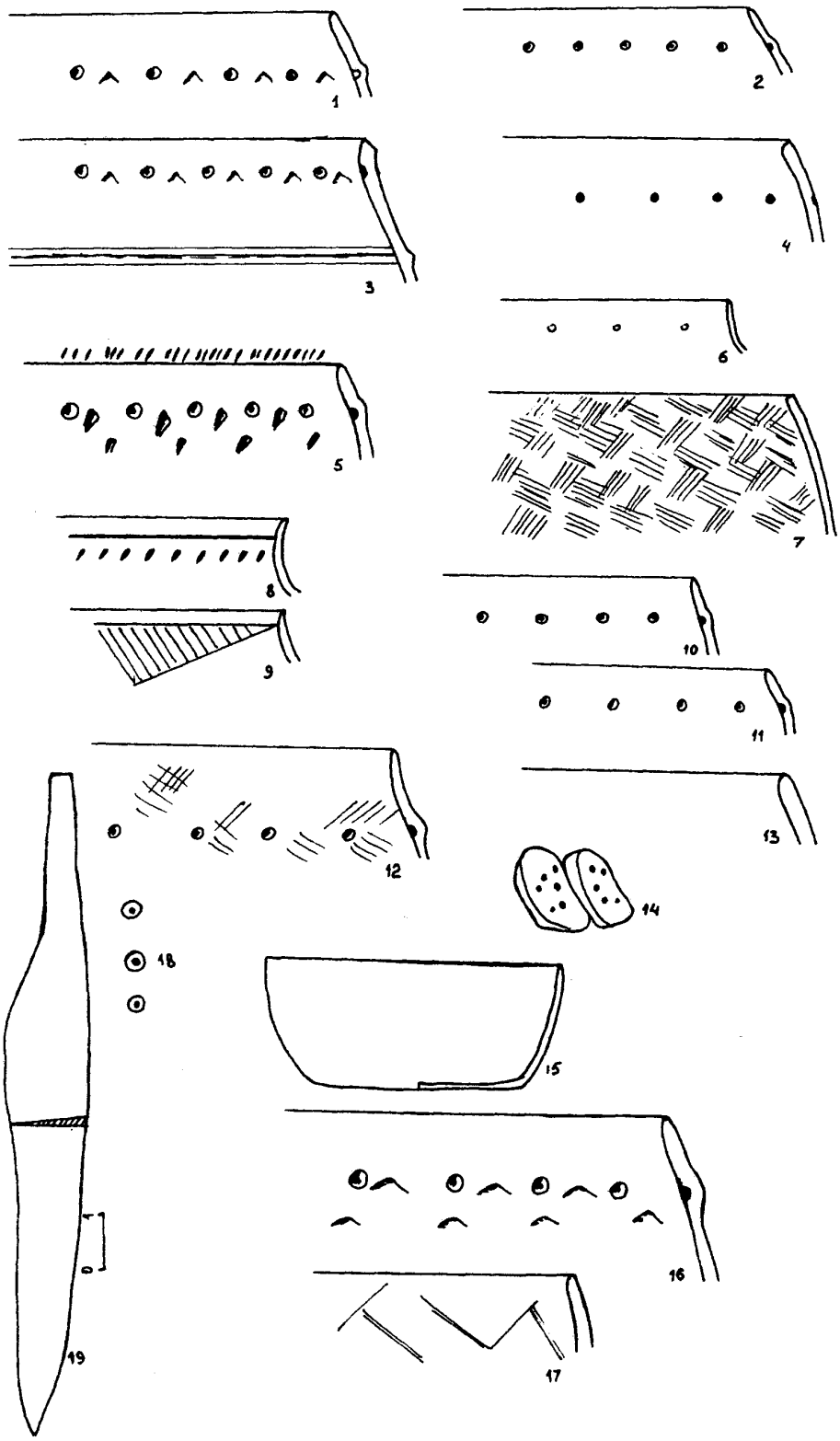


Рис.2

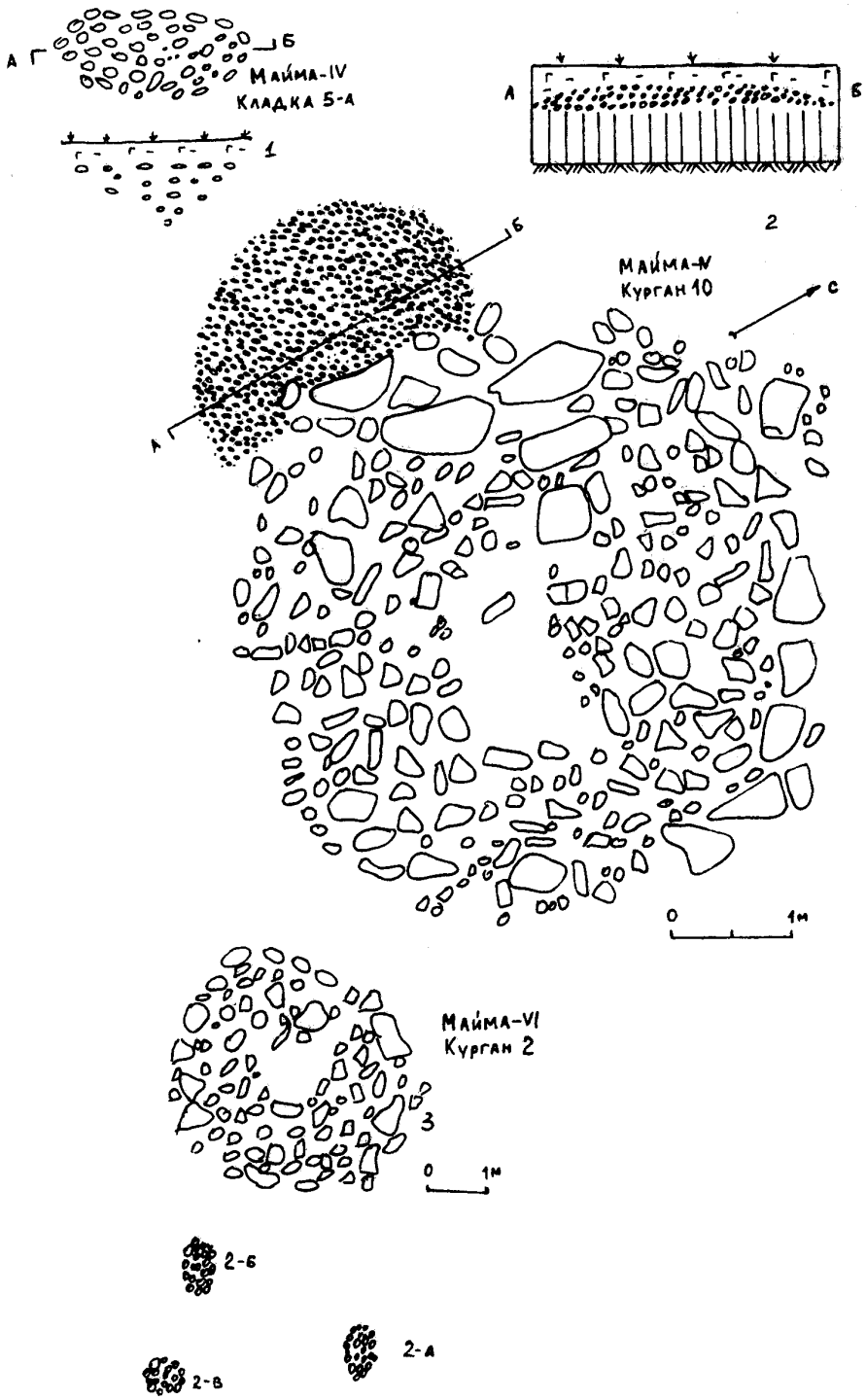

А
Б
Майма-IV
Кладка 5-А
1
А
Б
2
Майма-V
Курган 10
Б
А
С
0
1м
Майма-VI
Курган 2
3
0
1м
2-Б
2-А
2-В

Рис.3

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А.
(г. Барнаул)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЗОВЬЕВ КАТУНИ

В августе 1929 года сотрудники Бийского музея С.М.Сергеев и М.Д.Копытов проводили археологические разведки и пробные раскопки близ с.Красноярское (ныне с.Красный Яр Советского района Алтайского края). В этой экспедиции принял участие художник Д.И.Кузнецов, работавший в том же учреждении. Подробный отчет о проведенных мероприятиях ныне хранится в архиве Бийского краеведческого музея (ДО, ф. 2, д.1, о.7). Коллекция обнаруженных вещей находится там же и имеет несколько инвентарных номеров: А844, 282/2306, ОФ N58,27 (ДО, ф.2, д. 8).

В процессе обследования урочища "Красный Яр" исследователи зафиксировали два курганных могильника, за одним из которых, в научной литературе не без проблем закрепилось название "Змеевка" (Неверов, 1982, с.100-103), другой же остался одноименен селу и месту обнаружения, что, впрочем, нашло отражение уже в самой ранней публикации о результатах раскопок 1929 года (Сергеев, 1946).

В данной статье, опираясь на отчеты и сообщение, подготовленные С.М.Сергеевым, а также на коллекционную опись, представим наиболее полную характеристику исследованных курганов скифского времени на могильнике Красный Яр, который был обнаружен сотрудниками Бийского музея на высокой террасе правого берега р.Каменка и представлял собой скопление более 100 земляных и каменно-земляных объектов (рис.2.-1).

Еще до раскопок найденных курганов, при обследовании памятника, на той же террасе, недалеко от дороги из указанного села, было зафиксировано одно погребение, обнажившееся из-за разрушения слоев земли атмосферными осадками. Умерший лежал на левом боку, головой на запад. От черепа осталась лишь нижняя челюсть. Каких-либо вещей или остатков керамики не обнаружено.

Курган 1 высотой около 1 м имел размеры каменно-земляной насыпи с В на З - 8 м, с Ю на С - 7 м и оказался ограбленным. По имеющимся данным можно реконструировать основные черты данного сооружения. Погребальная камера представляла собой обкладку (длиной 2,2 м, шириной 0,85 м) из толстых досок с деревянным перекрытием и была ориентирована по линии З-В. В ней, на дне могильной ямы, находился умерший, рядом с головой которого присутствовал крестец барана. Среди костей человека, обнаруженных на глубине 1,85 м и ниже, найдено орнаментированное пряслице (рис.3.-8), а также обломки бронзовой изогнутой трубки (гривна?) и железного кольца. За погребальной камерой, в южной части могилы, укладывалась лошадь. И человек, и животное были ориентированы головами на запад. Около черепа лошади зафиксированы два псалия (рис.2.-1,2), остатки железных удил и шесть предметов, входивших в состав конской узды (рис.3.-5,6,7,9).

Курган 2 высотой около 1 м имел размеры каменно-земляной насыпи с В на З - 12 м, с Ю на С - 10 м и оказался ограбленным. На глубине 3 м в западной части могилы обнаружены фрагменты глиняного сосуда, украшенного наколами (рис.3.-8), и небольшой круглодонной чашечки с ручкой, у которой был обломан венчик (рис.3.-7). В восточной части могильной ямы найдены 2 шейных позвонка и ребро лошади. Кроме этого, при зачистке погребения зафиксированы следующие предметы: бронзовый колчанный крюк (рис.2.-2), костяные пряжка и блок (рис.2.-3,4), костяной трехгранный наконечник стрелы (рис. 2.-5), обломок железного предмета (рис.2.-6) и костяное изделие (шило?). Большинство костей человека и лошади, по мнению С.М.Сергеева, было выброшено наружу, т.к. в могиле их не оказалось.

Курган 3 высотой около 1,5 м имел размеры земляной насыпи с В на З - 14 м, с Ю на С - 8,5 м. Как и ранее описанные объекты, он раскапывался траншеями. Могила оказалась разграбленной. На глубине 1,8 м от поверхности курганной насыпи были обнаружены части разбитого черепа и разломанной бедренной кости. Немного ниже встречена половина нижней челюсти человека, позвонок и ребро барана, а также другие кости, среди которых обнаружен окатанный камень. В западной части могильной ямы найдены фрагменты керамического сосуда и несколько обломков черепа.

Принадлежность могильника Красный Яр к быстрянской культуре сомнений не вызывает. В пользу такого вывода говорят зафиксированные черты погребального обряда: надмогильные сооружения в виде земляной насыпи; положение погребенных на спине, головой на запад; деревянные внутримогильные конструкции; сопроводительное захоронение лошади. Однако точной датировки никто из исследователей никогда не делал. Так, С.М.Сергеев относил находки из Красного Яра к скифской эпохе (Сергеев,1946, с.292), А.С.Суразаков, рассматривая роговые двудырчатые псалии, в том числе из данного памятника, указывал на то, что зооморфность в оформлении подобного рода изделий исчезает ранее рубежа III-II вв. до н.э. (Суразаков, 1988, с.29-30). В связи с этим имеет смысл остановиться на датировке материалов из Красного яра как уже опубликованных С.М.Сергеевым (1946), так и представленных в настоящей статье.

Курганы 1 и 2 расположены на соседних мысовидных выступах правого берега р.Каменка в разных цепочках. Однако рассмотрение находок из них говорит скорее в пользу единовременности. Подпружные пряжки с загнутым внутрь крюч-

ком и костяные блоки встречены на памятниках 6-4 вв. до н.э. Горного Алтая и Верхней Оби (Руденко,1960, рис.81.-а,д, табл.LXV и др.; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, рис.8.-4; Кубарев, 1987, табл.XCII.-2; Степанова, 1987, рис. 7.-2; Суразаков, 1988, рис.13-2,3; Троицкая, Бородовский, 1994, табл.XXXIII.-11,13 и т.д.). Именно в 6 в. до н.э. "... Т-образный "шпенек" в основном заменили более простым загнутым вовнутрь "Г"-образным крючком ..." (Марсадолов,1998, с. 13, фото 7.-1-5). К указанному периоду относятся и подобные найденному в кургане 2 Красного Яра бронзовые крюки (Полосьмак, 1987, рис. 37.-4, табл.IX; Суразаков, 1988, рис.23.-6-8; Могильников, Телегин, 1992, рис.4.-4; Марсадолов, 1997, рис.16-3; Могильников, 1997, рис.46 и др.). Крупные бытовые баночные сосуды, в том числе украшенные наколами, довольно часто встречаются в быстрянских погребениях. Второй найденный сосуд из кургана 2 необычен. К сожалению, он сохранился не полностью: обломан верх и, вероятно, вторая ручка. Этот сосуд очень напоминает "рогатые сосуды", которые встречаются в лесостепных тагарских памятниках (Мартынов,1979, табл.16). Подобная посуда найдена и на Верхней Оби (Шамшин,Фролов,1995, рис. 1.-2). Стоит согласиться с авторами последней находки в том, что аналогии, приводимые подобным изделиям, очень далеки. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о происхождении "рогатых" сосудов пока решить весьма трудно.

Находки из кургана 1, за исключением керамического пряслица, уже были неоднократно опубликованы. Укажем лишь на то, что оформление фурнитуры для конской узды и человеческой одежды рифлением, а также зооморфными изображениями, характерно для памятников скифского времени Горного Алтая, его предгорий, Верхней Оби и ряда других территорий (Завитухина, 1961, рис.6.-8; Завитухина, 1966, рис.1.-10-12; Кубарев, 1987, рис.19.-8, 36.-5; Демин, Гельмель, 1992, рис.3-1,4; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXIV.-10; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис.2.-5, 9.-7 и др.). В горноалтайских курганах 5-4 вв. до н.э. (например, Пазырык-5, Ак-Алаха, Кутургунтас) были найдены наиболее близкие по оформлению указанным роговым изделиям деревянные псалии (Суразаков, 1988, рис.10.-7; Полосьмак, 1994, рис.55.-4, 58.-2, 66.-1, 110.-2). На наш взгляд, в пользу сужения датировки могильника Красный Яр до 5-4 вв. до н.э. свидетельствуют также и находки в обоих курганах железных изделий, особенно удил.

В 1987 году при обследовании проектируемой трассы Бийск-Белокуриха М.Т. Абдулганеевым был открыт грунтовый могильник Точилинский Елбан, который находится в 1,5 км к югу от с.Точильное Смоленского района Алтайского края на останце ранее распахиваемого правого коренного берега р.Песчаная. В связи с тем, что елбан, на котором расположен памятник, планировался под резерв грунта для расширения полотна автодороги, в 1987,1989 и 1990 годах были проведены раскопки на площади 224 кв.м. (Абдулганеев, Шамшин, 1990; Абдулганеев, Казаков, Неверов,1991). В результате этих работ обнаружены восемь погребений и одна яма (рис. 4.-1). Контуры могильных ям первоначально четко не фиксировались из-за наличия множества нор. Лишь с глубины около 0,7 м это удавалось сделать на фоне материковой глины.

Могила 1. Могильное пятно трапециевидной формы со скругленными углами обозначилось на глубине 0,55 м (все отметки даются от современной поверхности). С глубины 0,9 м размеры контура по северо-восточному углу уменьшились, а на глубине 1 м у южной стенки сооружения были прослежены остатки небольшой деревянной плашки. В заполнении могильной ямы после 1,5 м встречались угли, гранитные камни, кости человека (позвонок, пяточные кости, фаланги и ребра). На дне могилы, в центре, лежали фаланги, ключица, а в юго-западном углу - пяточная кость. Вещей не обнаружено. Глубина ямы - 1,7 - 1,75 м.

Могила 2. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами имело размеры 1,95 х 1,25 м и ориентацию длинной оси по линии ССЗ-ЮЮВ. Заполнение представляло собой мешанный гумусированный суглинок, который по мере углубления по цвету и структуре все более напоминал материк. На глубине 1,45 м была обнаружена нижняя челюсть человека, а на дне могилы (1,7 м) находился скелет женщины без черепа (рис.4.-2), ориентированный ногами на ЮЮВ. Сопроводительный инвентарь следующий: бронзовое зеркало (рис.5.-10), через петлю которого и бронзовую пронизку (рис.5.-5) был пропущен ремешок, лежало в кожаном чехле под ребрами; крупная бронзовая булавка (рис.5.-4) зафиксирована на месте черепа; в районе грудной клетки найдены две снизки пастовых бусин (рис.5.-6). Могильная яма незначительно сужалась ко дну и имела там размеры 1,8 х 1,0 м.

Могила 3. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами проявилось на глубине 0,6 м, имело размеры 1,95 х 1,2 м и была ориентирована длинной осью по линии ЮЮВ-СЗЗ. С глубины 0,7-0,8 м в заполнении могильной ямы начали встречаться кости человека, мелкие фрагменты дерева. Погребенная женщина 35-40 лет (определения А.Р.Кима) была положена на дне могилы (1,95 м) вытянуто на спине головой на СЗЗ (рис.4.-4). Большинство костей находилось в анатомическом порядке, а череп, левая голень и правая локтевая кость были смещены. У длинных стенок могилы по дну прослеживались остатки деревянных плашек обкладки. Шею и грудь погребенной украшали три снизки пастовых бусин (рис.5.-8). Бронзовый нож (рис. 5.- 3) найден слева под тазовой костью.

Могила 4. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 3,0 х 1,73 м, зафиксировано на глубине 0,55 м и было ориентировано длинной осью по линии

ЮВВ-СЗЗ. В заполнении могилы сначала шла темная мешаная земля с двойным контуром, отделенным полоской светлой массы, а затем только светлый суглинок. С глубины 0,7-0,9 м встречались кости, фрагменты дерева. На дне могильной яме, глубина которой - 1,9 м, прослежен слой органического тлена мощностью 1-2 мм, вероятно, от подстилки. Погребенный мужчина 35-40 лет был положен у южной стенки могилы на правый бок со слегка согнутыми в коленях ногами головой на восток (с небольшим отклонением к ЮВ) (рис.4.-3). У черепа, в северо-восточном углу погребальной камеры, стоял керамический сосуд, украшенный резной елочкой (рис.5.-1) и закрытый деревянной крышкой. Внутри обнаруженной емкости находились 3 косточки и органический тлен. Скелет человека был закрыт сверху двумя продольными и четырьмя поперечными плахами. У северной стенки могильной ямы имелась приступка шириной 0,55 м и высотой 0,2 м, на которой лежал скелет лошади. В районе грудной клетки животного, под лопаткой, на дне приступки находился бронзовый нож (рис.5.-2).

Могила 5. Ящик, сложенный из 4 плит зеленоватого сланца, имел прямоугольную форму и был ориентирован длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Он выявился с глубины 0,2 м и частично своим северо-западным углом перекрывал могилу N5. Плиты ящика стояли на уровне материка и, вероятно, были вкопаны в землю. При выборке заполнения ящика, на уровне погребенной почвы, были обнаружены: нижняя челюсть ребенка, которая находилась ближе к северо-восточному углу, и фрагмент керамики без орнамента.

Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами и раздутыми боками, размерами 1,0 х 0,75 м, выявилось после зачистки на глубине 0,55 м. На дне могильной ямы (1,0 м), в ее западной части, лежала на левом виске черепная коробка младенца.

Могила 6. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами и слегка раздутыми боками, размерами 1,9 х 0,8 м выявилось после зачистки на глубине 0,6 м. Длинной осью имеющийся контур был ориентирован по линии ЮЮВ-ССЗ. На дне могилы (1,4 м) находились кости человека (череп, голень и челюсть), судя по которым погребенная женщина 16-18 лет ориентирована на ССЗ. В районе черепа найдена белая пастовая бусина (рис.5.-7).

Рядом с могилой 6 на глубине 0,3 м были обнаружены фрагменты плоскодонного сосуда, украшенного по венчику гребенчатой елочкой, и относящегося к более позднему времени.

Могила 7. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,5 х 0,8 м выявилось на глубине 0,6 м. Длинной осью оно ориентировано по линии ЮЗЗ-СВВ. С глубины 1,1 м могильная яма начала расширяться во все стороны, образуя подбои во всех стенах, что увеличило ее размеры по дну (1,9 х 1,2 м). Здесь находился скелет погребенной женщины (?), тело которой имело в могиле своеобразное положение: вытянуто, на животе, вниз лицом, левая нога чуть согнута в колене, левая кисть под тазом, правая у лица, ориентирована головой на СВВ. Передние зубы на нижней челюсти были выбиты. Сверху умершая была закидана плоскими камнями. Погребального инвентаря не обнаружено. Дно могилы зафиксировано примерно на 5 см ниже скелета.

Могила 8. Могильное пятно подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,9 х 0,6 м выявилось на глубине 0,6 м и было ориентировано длинной осью по линии С-Ю. Заполнение могилы - темная мешаная земля, в которой с глубины 0,8 м и ниже встречался уголь. По периметру контура могилы фиксировалась полоса красноватого цвета шириной 2 см (прокал или органический тлен). На глубине 1,3 м, на 0,5 м выше дна, в северной части могильной ямы лежал череп человека. Деревянное перекрытие было, скорее всего, продольным. У дна размеры могилы стали чуть меньше, т.к. восточная стенка была немного наклонной. Глубина могильной ямы - 1,8 м. На дне ее находился скелет умершей женщины (?), которая была уложена вытянуто на спине головой на север. На груди зафиксированы две снизки бусин: из белой пасты и бронзы (рис.5.-9).

К западу от могил 2-4 в неглубокой овальной яме, размерами 1,25 х 0,7 м, были найдены кости крупного рогатого скота (определения А.В.-Гальченко).

Планиграфически все погребения Точилинского Елбана можно объединить в две группы: северную (NN2,6,8) и южную (NN1,3,4,5). Могила N7 с захоронением женщины, умершей какой-то необычной, скорее всего насильственной, смертью, стоит особняком. Вместе с тем, женские погребения северной и южной группы имеют некоторые общие черты: наличие одинаковых типов бус (могилы NN3,6,8); положение погребенных вытянуто на спине, головой в северо-западный сектор. Это говорит в пользу их относительной единовременности. Над погребениями южной группы, скорее всего, существовала и курганная насыпь, о чем косвенно свидетельствуют значительная глубина всех взрослых погребений и частичное нарушение могилой N3 угла могилы N4, вместе с тем, не приведшее к ограблению последней.

Вещевой комплекс Точилинского Елбана немногочислен и в значительной степени не носит какой-либо хронологической или культурной специфики. Пастовые и бронзовые бусины, булавка, пронизка и зеркало, керамический сосуд - все эти вещи встречаются не только в погребениях скифского времени горно-предгорной зоны Алтая, но и на других территориях. Более точную дату могильника, на наш взгляд могут определить бронзовые ножи из погребений могил 3 и 4. Прямые пластинчатые ножи с кольцевым навершием происходят с целого ряда памятников Ал-

тая (Кирюшин, Тишкин,1997, рис.58.-2,4, рис. 59.-1; Кубарев, Киреев, Черемисин,1990, рис.9; Степанова, 1996, рис.6.-1,2; Мартынов, Кулемзин, Мартынова,1985, рис.8.-5 и другие), а образец из пос.Аврора, расположенного в 25 км от Точильного могильника, идентичен нашему (Абдулганеев,1997, рис.1.-1). Часть приведенных выше аналогий датируются VI в. до н.э. К V в. до н.э. относится появление подобных ножей в Минусинской котловине, хотя там же бронзовые кинжалы с кольцевидным навершием определяются VII-VI вв. до н.э. (Членова, 1967, с.182). Пластинчатый нож со слабо выделенной рукоятью из могилы N3 (которая, как уже было сказано выше, перекрывала могилу N4) тоже достаточно архаичен. Подобные ему изделия появляются еще в эпоху бронзы, а также встречаются на памятниках скифского времени Горного Алтая (Суразаков,1988, с.16; Неверов, Степанова,1990, рис.4.-1,3, рис.8.-1,2), Верхнего Приобья (Могильников,1997, рис.50) и других территорий. Таким образом, вероятной датой существования могильника Точилинский Елбан является VI в. до н.э.

Сложнее обстоит дело с определением культурной принадлежности рассматриваемого памятника. Могила N3 вполне может быть определена как захоронение пазырыкской культуры, о чем свидетельствуют: положение погребенного человека скорченно на правом боку, ориентация его и лошади головой на восток, расположение коня на приступке в северной части могильной ямы, достаточно сложное внутримогильное сооружение. Женские погребения из могил NN1,3, как вероятно и детское под N5, скорее всего, сопровождали мужское. Пять погребенных были ориентированы головами в северо-западный сектор. Данная ориентировка необычная для скифского и раннескифского времени лесостепной и предгорной зоны Алтая (Грязнов, 1956, с. 68; Полтарацкая, 1961, с.83; Суразаков,1988, табл.I, II, III; Киреев,1992, с.57; Ведянин, Кунгуров, 1996, с.134), а также для пазырыкских памятников (Тишкин, Дашковский, 1998, с.79). Определить происхождение такого обычая можно лишь с определенной долей вероятности и здесь возможны два подхода. В первом случае аналогии следует искать в памятниках предыдущего периода, т.е. в раннескифском времени. Именно для погребений VIII-VI вв. до н.э. Горного Алтая была характерна ориентация погребенных головой на СЗ (Тишкин, 1996, с.52) в сочетании с положением скорченно на левом боку (Кирюшин, Тишкин, 1997, с.79-80). Ориентацию в рассматриваемую сторону горизонта и положения погребенных вытянуто на спине мы находим в памятниках тасмолинской и саргатской культур (Полосьмак, 1987, табл.1; Степная полоса ..., 1992. с.132,300; Хабдулина,1994, табл.8.-3). Именно в 6 в. до н.э. носители этих указанных культур проникают на Алтай (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с.64-64). Необходимо также заметить, что северо-западная ориентация погребенных встречена еще на целом ряде памятников VI в. до н.э. горно-предгорной зоны Алтая: Кайнду, Айрыдаш-III, Аврора и других (Кочеев, 1990, с.222; Неверов, Степанова,1990, с.295; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997, с.105; Абдулганеев, 1997, с.76; Тишкин, Дашковский, 1998 и т.д.).

Реконструированный нами для могил NN2-5 курганный обряд и расположение под насыпью нескольких погребений встречен не только в быстрянских могильниках северных предгорий Алтая (Завитухина, 1961, с.91,93; Завитухина,1966, с.64-68; Абдулганеев, Кунгуров,1996, рис.3.-3, с. 152-153), но и фиксируются среди саргатских памятников Барабы, где расположение погребений под одной насыпью в один ряд является обычным делом (Полосьмак,1987, рис. 6, 7, 10, 20, 21).

В целом, могильник Точилинский Елбан больше следует рассматривать как инородный среди памятников быстрянской культуры.

Во время прокладки автодороги Бийск-Белокуриха в 1990 при снятии верхнего слоя грунта был обнаружен курганный могильник Усть-Белокуриха-III, который находится в 2,3 км к югу от с.Точильное Смоленского района Алтайского края. Памятник располагается на мысу коренного берега р.Песчаная, на ее правом берегу. Раскопан один курган. Насыпь, сложенная из рваного камня, имела диаметр 7 м, высоту 0,5 м. По периметру это сооружение было обложено более крупными камнями, образующими кольцо. Могильное пятно овальной формы, размерами 2,1 х 1,4 м, длинной осью было ориентировано по линии ЮЗЗ-СВВ. Заполнение ямы - темная гумусированная земля вперемежку с камнями. У дна встречены угли. Глубина могилы от уровня погребенной почвы - 0,6 м. Могильная яма с наклонными стенками имела по дну размеры 1,6 х 1,0 м. Погребение человека оказалось нарушенным. В анатомическом порядке лежали лишь кости верхней части туловища. Судя по ним, мужчина 35-40 лет был уложен на спине головой на юго-запад. Положение ног установить трудно, однако размеры могильной ямы указывают на то, что они должны были быть согнуты. Левая рука погребенного лежала на поясе. Вещей в могиле не обнаружено, но положение умершего, его ориентация и характер надмогильного сооружения говорят в пользу отнесения кургана к скифскому времени.

В 1993 году при разработке глиняного карьера у бывшего поселка Рубцовский, в 2,5 км на ССВ от с.Советское были уничтожены два погребения монгольского времени, а в 1997 году нарушены еще два захоронения более раннего времени, доисследованные М.Т.Абдулганеевым (1998, с.172-175). Могильник находится на правобережной террасе р.Каменка, у озера Кругленькое (другое название его - Котлован). Учитывая долговременную распашку террасы, не исключено наличие здесь ранее курганных насыпей.

Могила 1 сохранилась только у дна. Ее размеры составили 1,05 х2,0 м, ориентация длинной осью по линии З-В, примерная глубина от современной поверхности - 1,5-2,0 м. Вдоль восточного и южного края сохранились остатки деревянной обкладки и продольного перекрытия из горбылей, частично обожженые. Могила была ограблена еще в древности, а западная ее часть разрушена рабочими карьера. В восточной половине сохранились обломки черепа мужчины 30-35 лет (определения К.В.Солодовникова), а южнее их, т.е. слева, - горшок, украшенный насечками, имитирующими шов (рис.1.-3). У южной стенки, в районе пояса погребенного были найдены две бронзовые пуговицы (рис.1.-4,5), а у северной стенки, на том же уровне, обнаружена бронзовая пряжка с зооморфными изображениями (рис.1.-6).

Могила 2 был зафиксирована в 7 м к СЗ от предыдущей и оказалась лишь частично задетой карьером. Южная часть ее обрушилась, а вместе с ней кости левой ноги и горшок, украшенный резной елочкой и ушками (рис.1.-2). Размеры сохранившейся части могилы 2 составили 2,2 х 0,4 (неполный) м, ориентация была длинной осью по линии З-В, а примерная глубина - около 1,5 м. На дне могильной ямы находился скелет мужчины 16-18 лет, который был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВВ.

К западу и северо-западу от могилы 2 примыкали две неглубокие ямы, внутри которых обнаружены обломки камня, угольки, кальцинированные косточки животных и небольшие фрагменты керамики.

Как и в могиле N3 Точилинского Елбана, погребенные у пос.Рубцовский лежали головами на восток. Эта черта, несомненно, сближает их с пазырыкскими погребениями. Вместе с тем, положение вытянуто на спине и отсутствие конского захоронения также характерно для быстрянских могильников и для погребений, раскопанных в районе границы среднего и нижнего течения Катуни (Суразаков, 1988, табл.III; Киреев, 1992, с.57-58; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997, с.105; Тишкин, Дашковский, 1998, с.80). Бронзовые пуговицы из могилы 1 обычны для погребений скифского периода обширных территорий, пряжка же достаточно специфична. Ближайшая аналогия ей происходит из Енисейского-4 и датируется 5-4(3) вв. до н.э. (Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис.1.-1, с.154). Думается, что находка из Рубцовского несколько древнее, поскольку в данном случае крючок выступает вверх, а в Енисейском-4 и крючок, и сама пряжка располагаются в одной плоскости. По мнению Л.С. Марсадолова (1998, с.13), такие признаки являются хронологическими показателями. Таким образом, дата могильника Рубцовский может быть определена в рамках V-IV вв. до н.э.

Из рассмотренных нами могильников только один - самый северный (Красный Яр) - может быть достоверно отнесен к быстрянской культуре. Материалы Точилинского Елбана и, может быть, Рубцовского и Солоновки (Абдулганеев, 1996) свидетельствуют о проникновении в VI в. до н.э. и позднее в северные предгорья Алтая представителей пазырыкской культуры. Этот же процесс происходил и на правобережье Катуни (Киреев,1991). Сам район среднего течения р.Песчаная был контактной зоной между культурами гор и предгорий, что хорошо фиксируется и на поселенческом материале, причем наибольшую близость точилинские поселения обнаруживают с горноалтайскими памятниками элекмонарского типа (Абдулганеев, Владимиров, 1997. с.66,68). Последний факт заставляет также вспомнить о сходстве ориентации большей части погребенных Точилинского Елбана и Авроры с аналогичными данными по среднекатунским могильникам. Скорее всего, речь здесь должна идти о наличии в VI или в VI-V вв. до н.э. в районах Северного Алтая и его предгорий схожей в культурном отношении группы памятников, отличительные признаки которой для Средней Катуни уже частично обозначены в научных публикациях (Степанова, 1990, с.294-296; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997 и др.), причем традиция северо-западной ориентации умерших людей, вероятнее всего, принадлежит им. Происхождение этой группы памятников, сходной в обрядности с показателями и пазырыкских, и быстрянских могильников, один из авторов склонен считать результатом синтеза многочисленных контактных влияний (Тишкин,1996), в основе которых лежат традиции населения, оставившего памятники раннескифского времени в Горном Алтае (А.А.Тишкин), другой исследователь (А.А.Абдулганеев) видит здесь непосредственное продвижение тасмолинских и саргатских племен Прииртышья в указанный период времени на восток и юго-восток.

Публикуемые в данной статьи отдельные бронзовые вещи являются случайными находками. Трехдырчатый псалий (рис.1.-6) был найден преподавателем истории Белокурихинской школы N2 К.В.Кожевниковым на территории садоводства, расположенного на правом берегу р.Березовка, в 4,2 км к ССВ от курортного города. Рисунок этого изделия скопирован с цветной фотографии, переданной одному из авторов статьи директором музея Т.А.Батуевой. В качестве аналогии псалий был уже опубликован, но без указания необходимых сведений о месте и авторе находки (Кирюшин, Тишкин,1997, с.66, рис.40.-10). Подобные изделия уже были обнаружены на Алтае в курганах из могильников Черный Ануй-I (Молодин, Петрин, 1985, рис.11, с.69) и Карбан-I (Демин, Гельмель, 1992, рис.4.-1, с.32-33). Они датированы исследователями соответственно VII-VI и VII вв. до н.э. Все эти найденные приспособления конской узды объединяет ряд характерных признаков: изогнутая форма; наличие небольших утолщений вокруг трех отверстий, которые смещены к одному концу, находятся близко друг к другу и в одной плоскости; окончания

представлены в виде грибовидных и шишечных оформлений. Особенностью белокурихинского псалия является выступ близ центрального отверстия. Это черта является архаичной у бронзового изделия, т.к. она более характерна псалиям из рога (Кирюшин, Тишкин, 1997, с.64-66, рис. 35-40). Рассматриваемые аналогии среди материалов других территорий очень обширны (Яблонский, 1996, с.43-45, рис.18.-1,2) и позволяют датировать алтайские псалии второй половиной VIII - первой половиной VII вв. до н.э. (Марсадолов, 1998, с.7, фото 4).

Чекан (рис.3.-4) был найден в 1997 году С.В.Атамановым на левом берегу Катуни в с.Горбуново Усть-Коксинского района Республики Алтай. В Барнаул изделие доставлено для осмотра А.А.Мошонкиным. До настоящего времени было известно всего несколько экземпляров бронзовых втульчатых чеканов из лесостепной зоны (Членова,1981, рис.2.-11; Иванов, 1987, рис.6.-2; Он же, 1993, рис.6 (сравни, Кирюшин, Тишкин, 1997, рис.63.-1); Членова, 1995, рис.2. -1; Кирюшин, Иванов, 1996, рис.3; Могильников, 1997, рис. 42. -10,11), а остальные происходили с территории Горного Алтая (Членова, 1967, с.27; Кубарев,1987, табл.LXXXI.-5; Кочеев,1988, рис.3; Членова,1995, рис.1.-1 и другие). Опубликованный чекан из Бийска (Иванов, 1987, рис.6.-1; Могильников,1997, рис.42.-12) на самом деле поступил в БКМ вместе с другими находками из Минусинского округа в начале 1920-х годов.

По оформлению втулки, бойка и обушка горбуновскому чекану наиболее близки экземпляры из Телеутской, Урлапово и Элекмонара, относящиеся к VII-VI или VIII-VII вв. до н.э. На чеканах из Новосклюихи и Элекмонара под бойком располагается также головка "птички". По мнению Н.Л.Членовой, этот признак получает широкое распространение только с конца VI в. до н.э. (Членова, 1967, с.36). Следует учитывать также и такую характерную тенденцию, как уменьшение размеров чеканов. Поэтому наиболее вероятной датой изготовления и использования горбуновского изделия следует считать VII-VI вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т. "Неизвестные памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.VII. Барнаул, 1996. С. 128134.
2. Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С.73-77.
3. Абдулганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.IX. Барнаул,1998. С. 172-175.
4. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. Барнаул, 1997. 147 с.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы скифского времени в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая // Барнаул, 1996. С.143-155.
6. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с.Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С.99-104.
7. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул,1996. С.115-134.
8. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка // МИА. N48. М.-Л.,1956. 256 с.
9. Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганные погребения раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул,1992. С.28-34,170-175.
10. Завитухина М.П. Могильник ранних кочевников близ г.Бийска // АСГЭ. Вып.3. Л.,1961. С.89-108.
11. Завитухина М.П. Курганы у с.Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып.8. Л.,1966. С.61-76.
12. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-II на Алтае // СГЭ. Вып.XXVII. Л.-М.,1966. С.51-53.
13. Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск,1987. С.6-27.
14. Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С.56-62.
15. Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск,1988. С.145-162.
16. Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск,1990. С.210-224.
17. Киреев С.М. О северной границе горноалтайских погребений с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул,1991. С. 119-122.
18. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск,1992. С.54-58.
19. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.VII. Барнаул,1996. С.81-88.
20. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
21. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997, С.102-106.
22. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.
23. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Древние курганы урочища Бике // Археологические исследования Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43-95.
24. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск,1979. 208 с.

25. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынов Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.147-172.
26. Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997. 56 с.
27. Марсадолов Л.С. Основные тенденции в развитии форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII-V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С.5-24.
28. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тысячелетия до н.э. М.,1997. 197.
29. Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка 3 - могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул,1992. С.107-120, 209-218.
30. Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.50-73.
31. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М.Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 100-121.
32. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 142-270.
33. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
34. Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. Новосибирск, 1994. 124 с.
35. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-I // АСГЭ. Вып.3. Л., 1961. С.74-88.
36. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 350 с.
37. Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из "скифского" кургана на Алтае // Советская археология. 1946. N8. С.289-292.
38. Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул,1987. С.168-183.
39. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул,1996. С.54-69.
40. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 215 с.
41. Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С.50-54.
42. Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск,1996. С. 25-28.
43. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая (известия лаборатории N3). Горно-Алтайск, 1998. С. 77-82.
44. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск,1994. 184 с.
45. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы,1994. 170 с.
46. Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Погребение гунно-сарматского времени на могильнике Фирсово-XIV // Изучение памятников археологии Алтайского края. Ч.II. Барнаул, 1995. С.138-141.
47. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
48. Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.V. Ч.II. Барнаул,1995. С.91-96.

Яблонский Л.Т. Саки Приаралья. М.,1996. 185 с.

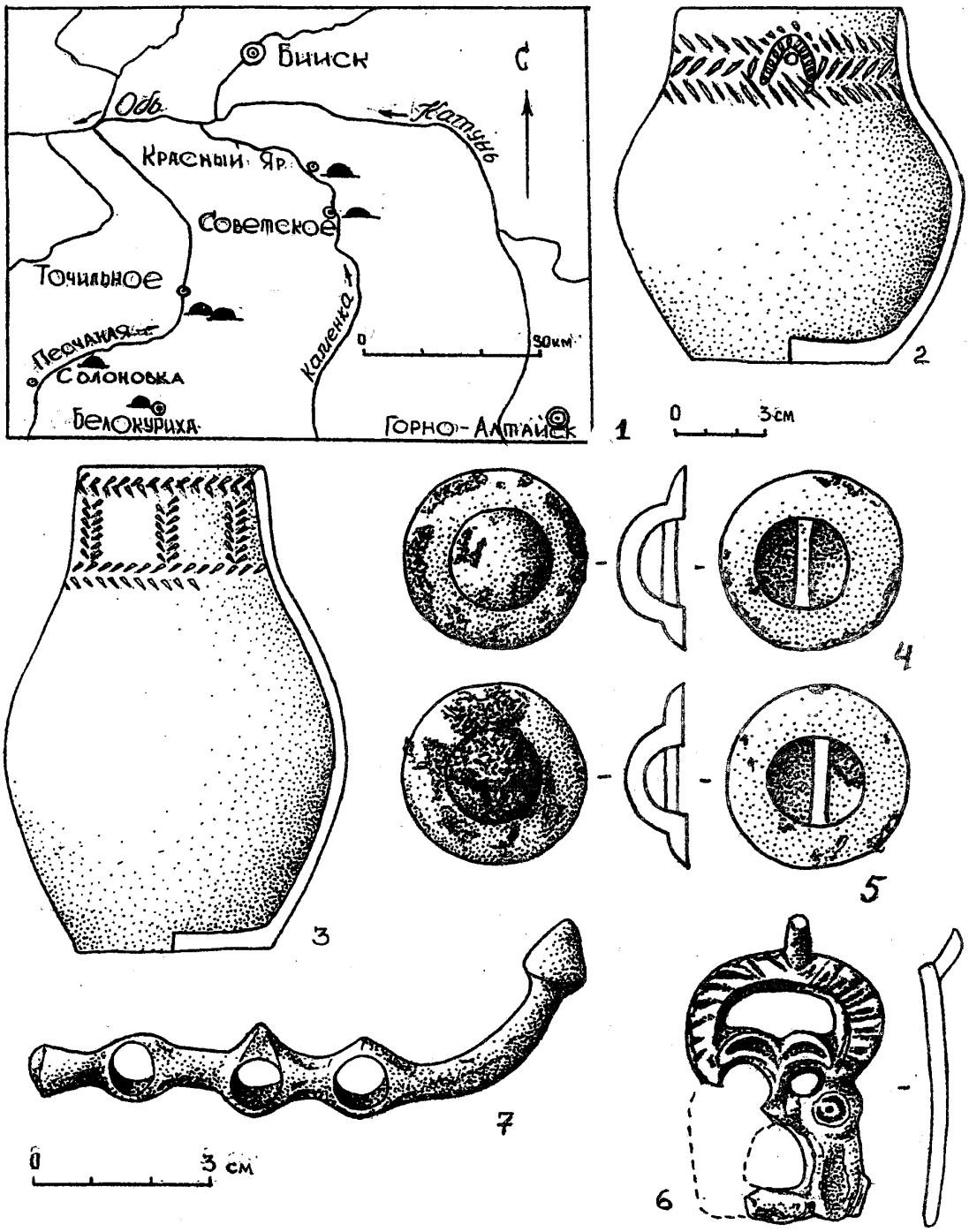


Рис.1 План расположения могильников скифского времени в северных предгорьях Алтая (1). Вещи из погребений 1(3-6) и 2 (2) могильника Рубцовский. Случайная находка из под г.Белокуриха (7 - рис.с фото), (2,3 - керамика; 4-7 - бронза).

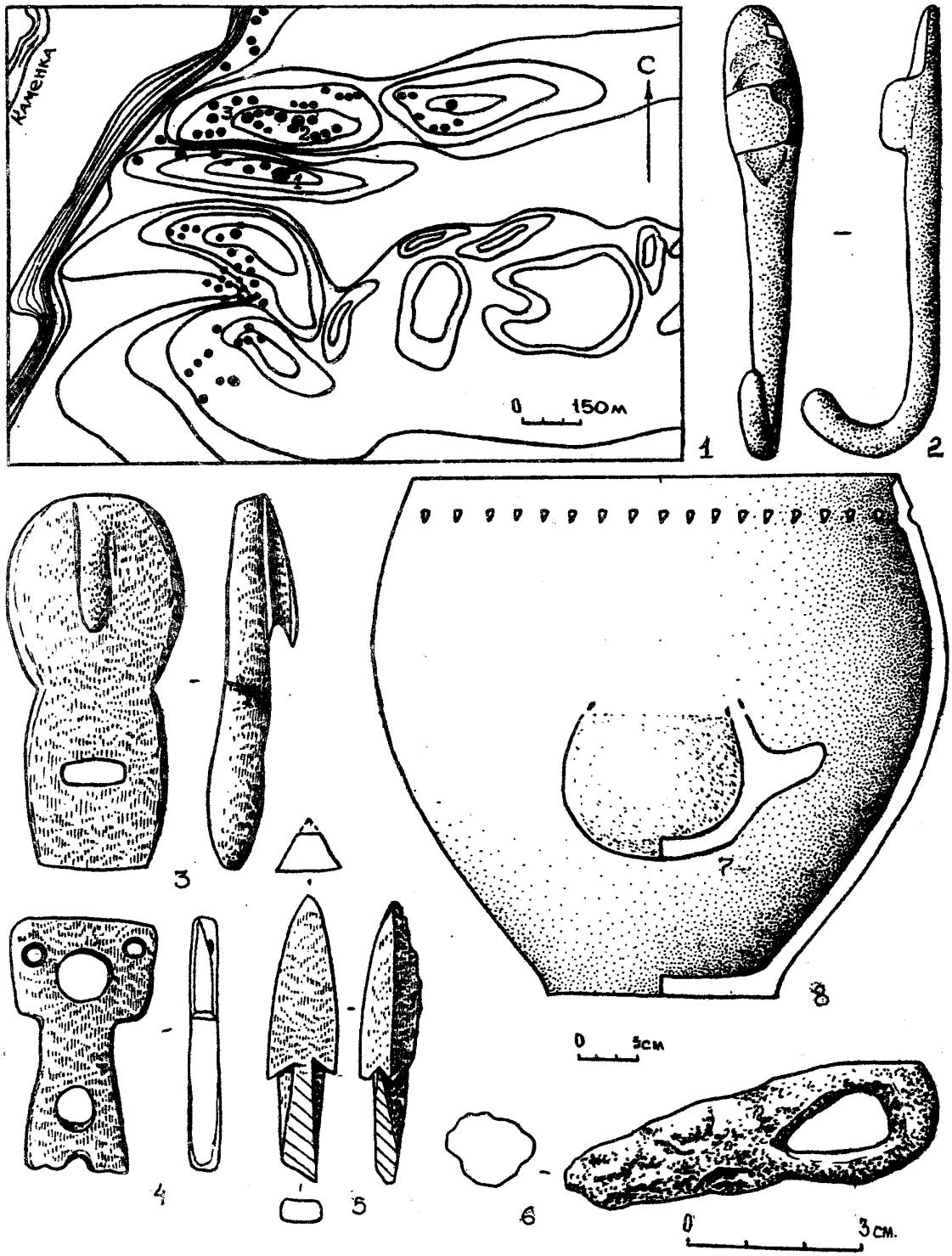


Рис.2 План могильника Красный Яр (1). Вещи из кургана 2 могильника Красный Яр (2 -бронза; 3-5 - кость; 6-железо; 7,8-керамика).

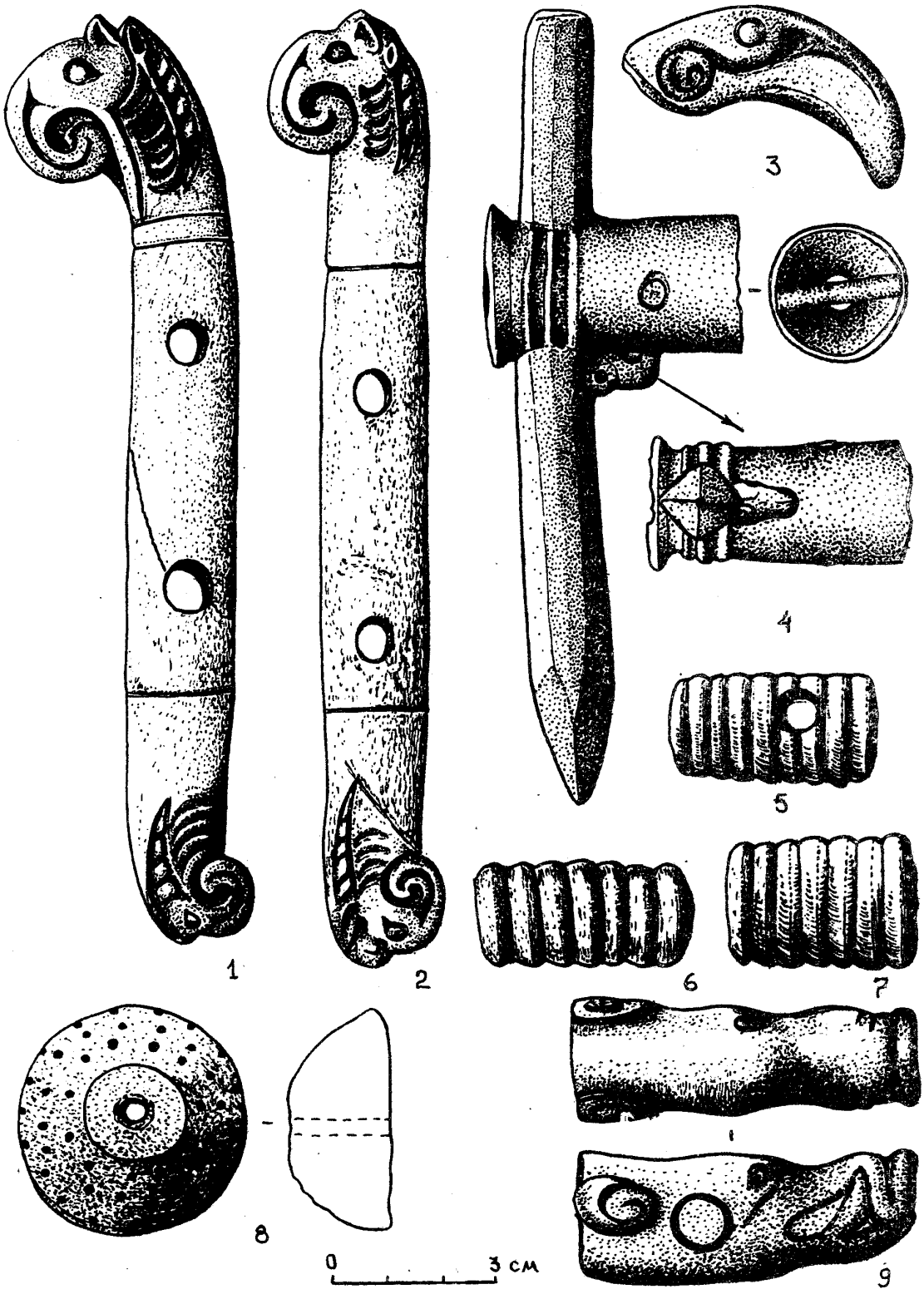


Рис. 3 Вещи из кургана 1 могильника Красный Яр (1-3, 5-9 - рис. с фото) и случайная находка из с.Горбуново (4) (1-3, 5-7,9 - рог; 4-бронза; 8 - керамика).

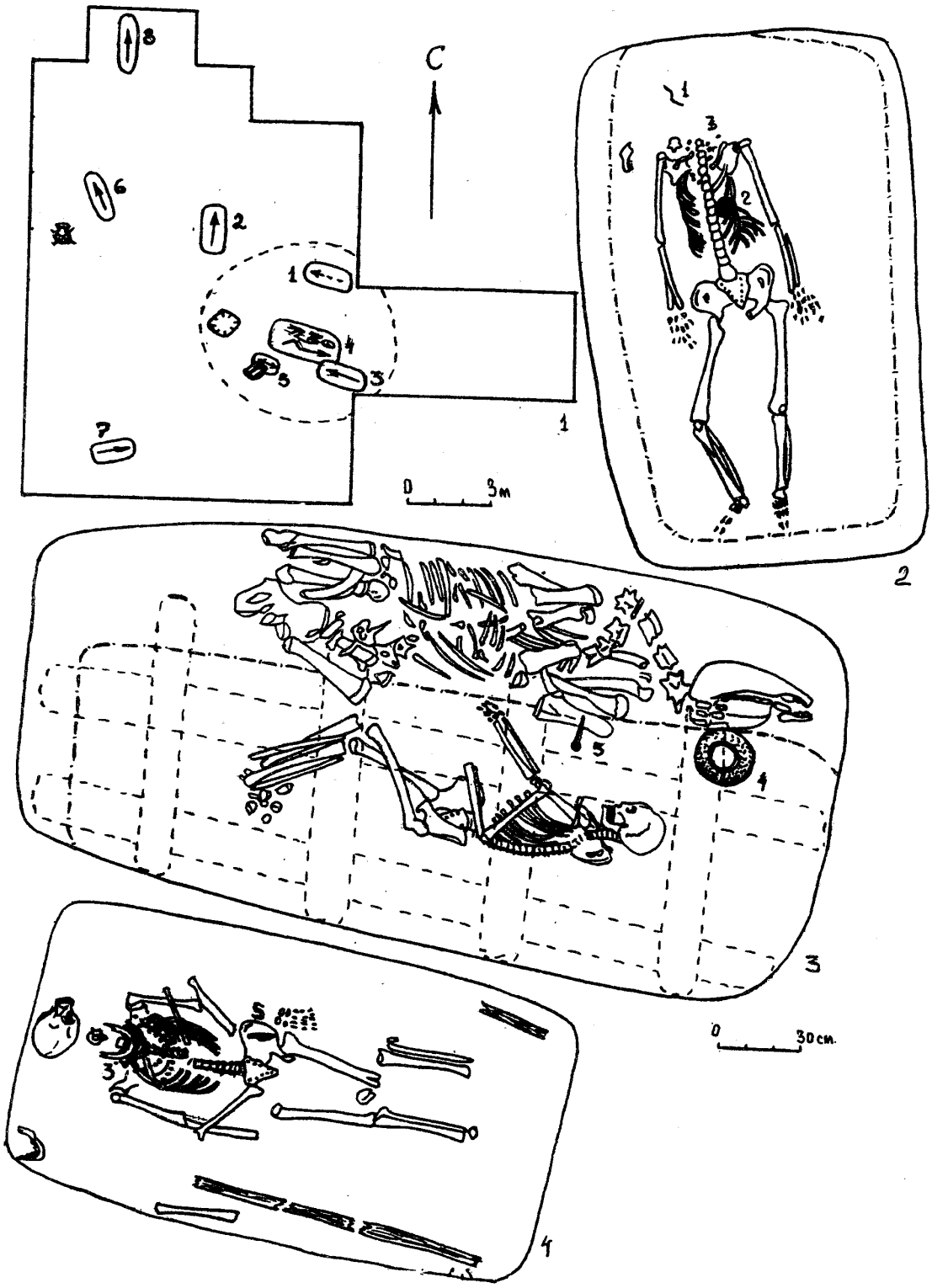


Рис.4. Планы раскопа (1) и могил №№2 (2), 3 (4) и 4 (3) могильника Точилинский Елбан (на планах могил: 1 - булавка, 2 - зеркало; 3 - бусы; 4 - сосуд; 5 - нож).

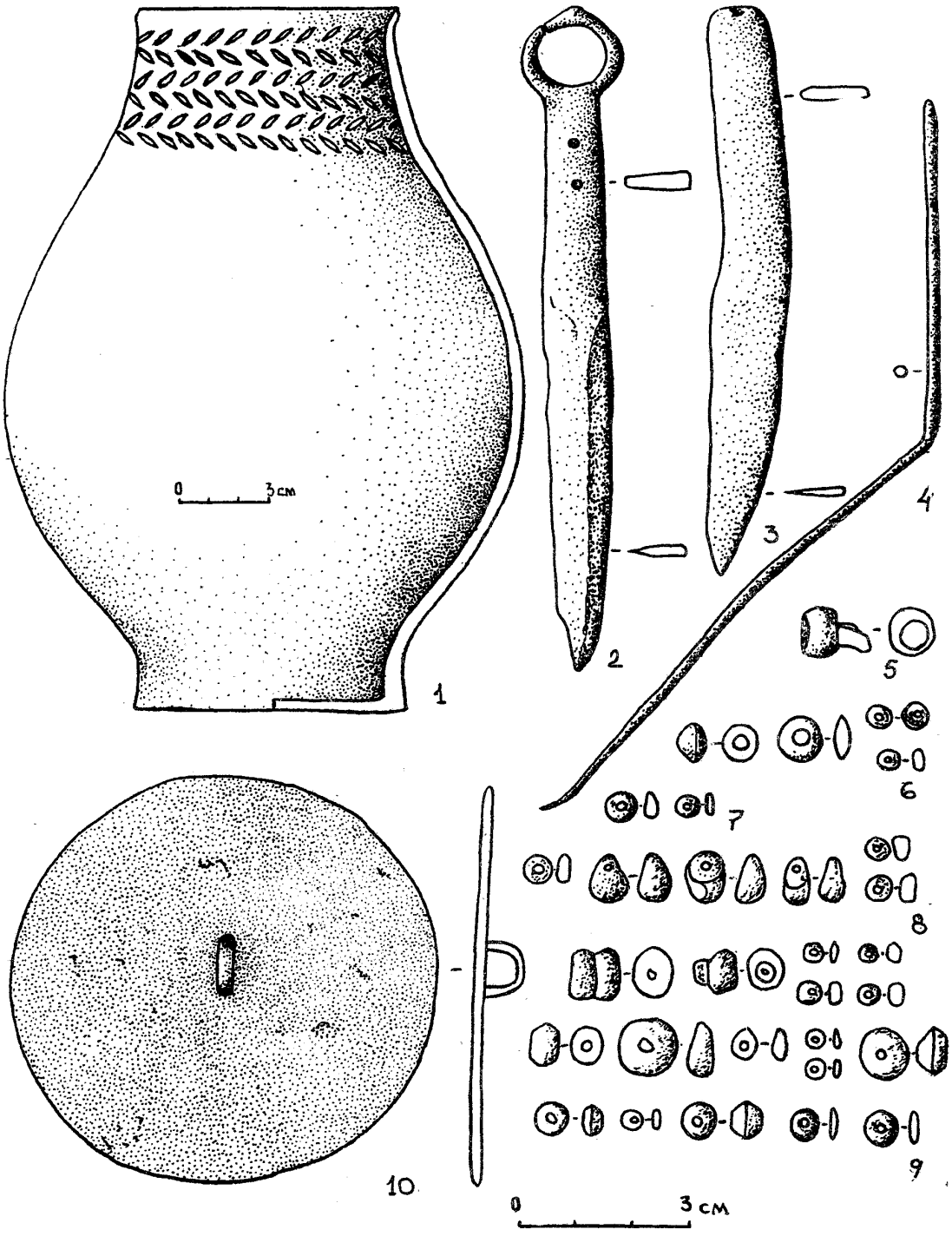


Рис.5. Вещи из погребений №№2 (4-6, 10), 3 (3,8), 4 (1,2) 6 (7) и 8 (9) могильника Точилинский Елбан. (1 - керамика; 2-4, 10 - бронза; 5- бронза, кожа; 6-8 - паста; 9 - паста, бронза).

**Мамадаков М.Т., Марсадолов Л.С.,
Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А.**

ИССЛЕДОВАНИЯ В УРОЧИЩЕ ЧИЧКЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ АЛТАЯ

В полевой сезон 1983 г. производились работы на двух курганных группах в урочище Чичке Кош-Агачского района Республики Алтай. Необходимость раскопок была вызвана аварийным состоянием археологических памятников (в связи с прокладкой мелиорационных каналов, проходящих прямо через объекты или рядом с ними).

В исследованиях участвовали сотрудники Алтайского государственного университета (Ю.Т.Мамадаков - начальник экспедиции, А.Б.Шамшин), Государственною Эрмитажа (Л.С.Марсадолов), Алтайского педагогического института (М.А.Демин) и студенты ВУЗов г. Барнаула. По окончанию работ все раскопанные могильные ямы курганов были засыпаны ранее вынутым грунтом.

Курганное поле Чичке 1 находится в урочище Чичке в 13 км к ЮЗ от с. Курай (рис. 1-I). Памятник был открыт в 1980 г. во время археологической разведки Ю.Ф.Кирюшина. Могильное поле расположено вдоль склона гор, вытянутых с ЗЮЗ на ВСВ, состоит из более чем ста объектов. В основном, это курганы с каменной наброской, прямоугольные ограды из плит, кольца из валунов и выкладки разной формы. Диаметр курганов от 4 до 20 м, высота - от 0,2 до 1 м. Некоторые из них имеют следы грабительских раскопок. На могильнике Чичке 1 было раскопано 3 кургана и 3 выкладки.

Курган № 29. Самый северный в цепочке из трех курганов. Насыпь кургана представляла собой округлую в плане задернованную сплошную наброску из камней. Диаметр насыпи около 9 м, высота до 0,4 м, она сложена из 2-х словв камней и небольших валунов (рис.1-II). В центре кургана - западина диаметром около 3 м и глубиной до 0,6 м.

Под насыпью обнаружена могильная яма размером 1,5 х 2 м, ориентированная длинной осью по линии З-В. Глубина ямы - 1 м от уровня древней дневной поверхности, стенки слегка покатые. Яма до дна заполнена валунами, мелкими камнями и небольшим слоем земли. В заполнении ямы встречались мелкие угольки, небольшие фрагменты перегнившего дерева, мелкие кости человека и животных.

На глубине 0,8 м от уровня древней дневной поверхности в восточной части ямы найдены фрагменты раздавленною черепа человека; в СВ углу - мелкие древесные угольки, а в центре ямы - остатки перегнившего дерева и фаланги пальцев рук человека (рис. 1-III).

На дне ямы на глубине 1 м от уровня древней дневной поверхности вдоль восточной стенки стояла невысокая каменная плитка размерами 0,8 х 0,1 х 0,15 м. (рис.1- IV). У ЮЗ края этой плиты прослежены остатки дерева. Рядом находились фрагменты черепа человека, его ребра, а также фрагменты раздавленного глиняного сосуда. В западной половине ямы обнаружено несколько фрагментов золотой фольги. Курган почти полностью разграблен, а погребение человека сильно разрушено.

Поминальник № 19. Находится в 10 м к западу от кургана № 29. До раскопок в густой траве были видны лишь верхние края крупных сильно задернованных камней.

По границе выступающих камней был заложен раскоп 7 х 8,5 м, ориентированный длинной стороной по линии С-Ю. После снятия дерна и зачистки камней по всей площади раскопа выявлена следующая наземная конструкция (рис. 2). В ЮЗ углу раскопа находилась округлая выкладка (диаметром около 4 м) из мелких камней, уложенных в один-два ряда. С восточной стороны к выкладке примыкали два "кольца", сложенные из крупных камней и вертикально врытых плит. Диаметр каждого кольца около 3 м. К выкладке и к кольцам примыкают более мелкие сооружения из небольших камней в виде "колец", "рядов" и т.п.

Уровень древней погребенной почвы был прокопан на глубину 0,2-0,3 м с последовательной зачисткой прокопанных участков. Никаких предметов, костей, ям и т.п. не было обнаружено

Время сооружения этого поминальника, вероятно, близко ко времени возведения кургана № 29 .

Выкладка №64. Расположена в 34 м к югуу от кургана № 29. Объект был в аварийном состоянии, так как его западная часть была повреждена намеченным мелиоративным каналом (рис. 3).

До раскопок на поверхности были видны только верхние края нескольких сильно задернованных камней центральной части насыпи. Для выяснения надмогильной конструкции через предполагаемый центр объекта по линии С-Ю была оставлена бровка шириной 0,5 м. Вокруг бровки был заложен раскоп размерами С-Ю - 9 м, З-В -10 м, общей площадью - 90 кв. м. После снятия дернового слоя и зачистки камней по всей площади раскопа выявлена округлая наземная конструкция диаметром около 8 м, высотой до 0,3 м (в центре).

Выкладка, в основном, сложена из небольших камней. Не исключено, что в древности выкладка имела наружное кольцо-"крепиду" из более крупных валунов, которые прослеживаются по краям насыпи. Со временем эта крепида разрушилась и более мелкие камни вывалились за пределы этого "кольца" . После фотографирования, зарисовки и нивелирования камни были убраны с площади раскопа. Под

камнями выкладки костей и предметов не обнаружено. Только под центральной частью выкладки прослежен тонкий слой золистой, слегка прокаленной супеси, диаметром около 2 м.

Контрольный прокоп по всей площади раскопа на глубину 20-30 см и в центре выкладки на глубину до 2,5 м показал, что могильной ямы не было.

Выкладка № 37. Самый восточный объект из раскопанных на могильнике Чичке 1. Объект находился в аварийном состоянии, в 1,5 м к югу от мелиоративною канала.

До раскопок на поверхности были видны лишь верхние края нескольких сильно задернованных камней. По краю выступающих камней был заложен подпрямоугольный раскоп (рис. 4). Снятие дернового слоя до уровня древней дневной поверхности на глубину 0,15-0,2 м производилось по секторам - с западной и восточной сторон от бровки. После зачистки камней по всей площади раскопа выявлена наземная конструкция из камней. В центре раскопа находилось подовальное сооружение, выложенное из более крупных валунов и плит. Размеры выкладки 3 х 2,5 м, ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Возможно, в центре выкладки была разделительная перегородка или обособленное кольцо меньшее по размерам, чем окружающая крепида. Со всех сторон эту выкладку окружают более мелкие камни, уложенные в один слой. Под камнями выкладки ничего не найдено. Контрольный прокоп в центре выкладки на глубину до 2 м показал, что могильной ямы не было. Время сооружения этой выкладки и ее назначение не ясны.

Курган № 13. Расположен в ЮЗ части могильника Чичке 1, в 4 м к С от магистрального канала (рис. 1-I). На дневной поверхности выделялся в виде всхолмления округлой формы диаметром 7,5 м, высотой до 0,3 м. Насыпь кургана сложена из камней и валунов, задернована. В центральной части кургана отмечена западина в форме неправильного овала, ориентированного по линии СЗ-ЮВ, длиной с СЗ на ЮВ - 3,2 м, шириной с СВ на ЮЗ - 2 м. В западине камни отсутствовали.

По границе камней был заложен раскоп диаметром 8,8 м. В направлении С-Ю оставлена бровка шириной 0,4 м (рис. 5-I). Толщина слоя гумуса - до 0,12 м. После снятия дерна выявлено округлое каменное сооружение диаметром 8,4 м. Четкая граница могильной ямы выявлена на глубине 0,7 м от уровня дневной поверхности. Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами размером 2,5 х 1,4 м ориентирована по линии В-З (рис. 5-II), она несколько смещена на север по отношению к центру кургана. Граница ямы изменилась на глубине 1,7 м от дневной поверхности. Размеры 2,25 х 1,14 м, ориентирована по линии В-З. В могильной яме, заполненной землей с камнями, на глубине 2,56 м от уровня дневной поверхности расчищены кости человека. Погребение сильно разграблено. На дне ямы встречены угли. В погребении найдены бронзовое зеркало (рис. 5-II), кусочки кожи, фрагменты глиняного сосуда и часть животного.

Курган №48. Расположен в СЗ части могильника Чичке 1 (рис. 1-I). Диаметр насыпи - 7 м, высота 0,3 м. Насыпь сложена из камней и валунов, задернована. В центральной части находилась западина овальной формы размером 2,3 х 2,2 м, глубиной -0,4 м. По границе камней был заложен раскоп диаметром 8 м. В направлении С-Ю оставлена бровка толщиной 0.4 м. Толщина слоя гумуса до 0,12 м. После снятия дерна выявлено каменное сооружение округлой формы (рис. 6-I).

На глубине 0,55 м от уровня дневной поверхности отмечен могильной ямы в форме неправильного овала (рис. 6-II). Длина могильной ямы в верхней части по линии В-З - 2,7 м, ширина с С на Ю - 2 м. Яма в верхней части заполнена землей с камнями. По отношению к центру курена яма несколько смещена к югу. Дно ямы находилось на глубине 2,4 м от уровня дневной поверхности, подпрямоугольной формы с закругленными углами (рис.6-II). Размеры ямы в придонной части - 2,4 х 1,5 м. На дне ямы расчищены разбросанные кости человека. Найден бронзовый миниатюрный чекан, в двух местах зафиксированы угли (рис. 6-II).

По предметам, найденным в курганах №№ 13 и 48 (бронзовым зеркалу и миниатюрному чекану), имеющим широкие аналогии в памятниках Саяно-Алтая скифского времени, раскопанные курганы могильника Чичке 1 и прилегающие к ним выкладки (кроме № 37 - ?), могут быть датированы V-IV вв. до н.э.

Курганный могильник Чичке 2 находится в урочище Чичке в 11 км к ЮЗ от с. Курай. Памятник открыт в 1980 г. Ю.Ф.Кирюшиным. Могильник состоит из 34 объектов - курганов с каменной наброской и кольцевидных ритуальных сооружений (поминальников). Диаметр курганов составляет от 5 до 10 м, высота - от 0,3 до 0,6 м. Некоторые курганы имеют западины. Диаметр кольцевидных ритуальных сооружений (поминальников) колеблется от 1,6 до 9 м, высота от 0,2 до 0,4 м. Большинство ритуальных сооружений, вероятно, относится ко времени сооружения курганов, одновременны с ними и являются неотъемлемой частью погребального комплекса Чичке 2 (рис. 7). На этом могильнике раскопаны два кургана.

Курган №3. Расположен в южной части могильника. Насыпь кургана представляла собой округлую в плане, слегка задернованную сплошную каменную наброску. Диаметр насыпи

около 8 м, высота - 0,4 м, она сложена из двух-трех слоев камней и валунов (рис. 8-I).

В центре кургана просматривалась небольшая западина диаметром около 2 м и глубиной 0,15 м. Под насыпью обнаружена могильная яма размером 2 х 1,9 м, глубиной 1,2 м от уровня древней дневной поверхности, стенки прямые. Яма заполнена темным суглинком с примесью мелкой щебенки (рис. 8-I). На дне ямы в южной половина стоял плохо сохранившийся деревянный сруб (или обкладка стенок из тонких бревен -?) размерами: С-Ю - 1 м, З-В - 1,9 м, высотой - 0,25 м (рис. 8-II).

Внутри сруба вдоль южной стенки лежал костяк ребенка в вытянутом положении на спине, головой на В. Кости скелета потревожены грызунами, многие мелкие кости отсутствуют. В СВ части сруба стоял глиняный сосуд с расширяющимся горлом, округлым туловом и плоским дном (рис. 8-II). Восточнее сосуда лежал раздавленный череп ребенка. Южнее сосуда обнаружены кости барана, а также ребра, позвонки и кости рук ребенка.

Северная половина могильной ямы на 10-15 см выше, чем южная половина. В северной части ямы вещей и костей не обнаружено. Вероятно, эта "ступенька" оставлена для захоронения коня, который в силу каких-то причин не был погребен с умершим ребенком.

Курган №5. Расположен в 40 м к северу от кургана № 3 (рис. 7). Насыпь кургана представляла собой округлую в плане каменную наброску, сложенную из одного - двух слоев камней и небольших валунов. Диаметр насыпи кургана - 8,5 м, высота - до 0,4 м (рис. 9-I). В центре кургана просматривалась западина диаметром около 2,5 м и глубиной до 0,1 м.

Могильная яма несколько смещена на север по отношению к центру кургана. Ее размеры: С-Ю - 2 м, З-В - 2,3 м, глубина - 1,6 м от уровня девней дневной поверхности. Стенки ямы в верхней части - покатые вниз, а в нижней части - прямые. Яма заполнена мешаным грунтом (темный суглинок с примесью мелкой щебенки и небольших камней). В заполнении найдена роговая пронизка конической формы. На дне ямы в центре стоял плохо сохранившийся деревянный сруб подквадратной формы размерами: С-Ю - 1,4 м, З-В - 1,5 м (рис. 9-II). Пол сруба, вероятно, был выстлан досками, приподнятыми на камнях, лежащих вдоль стен. Сруб ориентирован стенками по сторонам света.

Внутри сруба вдоль южной лежали два костяка подростков. Умершие находились на левом боку с подогнутыми ногами и были ориентированы первоначально головой на запад. Кости скелетов потревожены, вероятно, грызунами, сдвинуты, многие мелкие кости отсутствуют, особенно кости рук и стопы ног. Два раздавленных черепа лежали в центре сруба рядом: один череп лицевой частью вниз, а другой - на правом виске. К ЮЗ от черепов найдены небольшие фрагменты золотой фольги (украшение головного убора ?). У погребенного, лежащего около южной стенки, никаких предметов на обнаружено. У подросла, лежащего севернее (рис. 9-II), на тазовых найдены небольшая роговая пронизка конической формы, около бедренной кости правой ноги - бронзовое зеркало с остатками, вероятно, кожаною чехла; около костей ступни ног - один роговой втульчатый трехгранный наконечник стрелы, обращенный заостренным концом вниз (к востоку). У западной стенки сруба лежал железный нож рядом с которым находились позвонки барана.

Трехгранный втульчатый роговой наконечник стрелы, с опущенными вниз жальцами, имеет аналогии в большом кургане Пазырык-2, раскопанном С.И.Руденко, и позволяет датировать курганы №№ 3 и 5 могильника Чичке 2 V в. до н.э. Остальные археологические находки из этих курганов не противоречат этой дате.

Обращает на себя внимание тот факт, что в курганных могильниках Чичке 1 и 2 нет совместных захоронений человека с конем. Возможно, это объясняется социальной принадлежностью раскопанных курганов, в которых были погребены небогатые рядовые кочевники или дети.

В могильнике Чичке 2 отмечены два типа погребений - по пазырыкскому и по саглынскому обряду. В кургане №3 погребенный в вытянутом положении подросток был ориентирован головой на восток, в подпрямоугольном деревянном срубе, в северной части ямы оставлена "ступенька" для коня, найден сосуд кувшинообразной формы - эти признаки характерны для пазырыкцев Алтая. В кургане №5 два подростка были погребены с подогнутыми ногами, головой на запад, в подквадратном деревянном срубе, что характерно для соседних с Алтаем Тувы и северных районов Монголии. Наземная конструкция курганов №№ 3 и 5 была одинакова. Присутствие в одном могильнике двух разных типов погребений отмечено также ранее А.Д.Грачом в Туве на могильнике Саглы-Бажи, Д.Г.Савиновым для могильников Узунтала, В.Д.Кубаревым для ряда раскопанных им могильников юго - восточного Алтая и др. Все это свидетельствует об устойчивых связях трех соседних регионов (Аптая, Тувы и Монголии) в скифское время.

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ К СТАТЬЕ

МАМАДАКОВА Ю.Т., МАРСАДОЛОВА Л.С., КИРЮШИНА Ю.Ф., ШАМШИНА А.Б., ДЕМИНА М.А.

Рис. 1. Могильник Чичке 1: I - план могильного поля (условные обозначения: А -курганы с каменной наброской; Б - раскопанные курганы; В - выкладки из камней; Г -современное кладбище; Д - мелиорационный канал);
II - план и разрез кургана № 29; III - план погребения на глубине 0,8 м (от уровня древней дневной поверхности);
IV- план погребения человека на дне ямы (на глубине 1 м от уровня древней дневной поверхности);
На разных уровнях в яме были найдены:
1 - фрагменты черепа человека; 2 – остатки дерева; 3 – фаланги пальцев человека; 4 – рёбра человека; 5 – фрагменты глиняного сосуда; 6 – фрагменты золотой фольги; 7 – древесные угольки.

дерева; 3 - фаланги пальцев человека; 4 - ребра человека; 5 - фрагменты глиняного сосуда; 6 - фрагменты золотой фольги; 7 - древесные угольки.

Рис. 2. Могильник Чичке 1. План раскопанной поминальной выкладки.

Рис. 3. Могильник Чичке 1. План раскопанной выкладки (объект № 64).

Рис. 4. Могильник Чичке 1. План раскопанной выкладки (объект № 37).

Рис. 5. Могильник Чичке 1. Курган №13: I - план и разрез кургана;
II - план погребения человека на дне ямы и найденное бронзовое зеркало

Рис. 6. Могильник Чичке 1. Курган № 48: I - план и разрез кургана;
II - план погребения человека на дне ямы и найденный миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти.

Рис. 7. Могильник Чичке 2: I - план могильного поля
Условные обозначения: А - курганы с каменной наброской; Б - раскопанные курганы; В - выкладки из камней (поминальники).

Рис. 8. Могильник Чичке 2. Курган № 3: I- план и разрез кургана;
II- план погребения подростка на дне ямы: 1 - глиняный сосуд; 2 - фрагменты черепа человека.

Рис. 9. Могильник Чичке 2. Курган №5: I - план и разрез кургана;
II - план погребения двух подростков на дне ямы: 1 - бронзовое зеркало с остатками кожи; 2 -3 - роговые пронизки; 4 - роговой наконечник стрелы; 5 - железный нож; 6 - фрагменты золотой фольги; 7 - два черепа подростков; 8 - позвонки барана; 9 глиняный сосуд без орнамента; 10 - глиняный сосуд с налепным валиком.

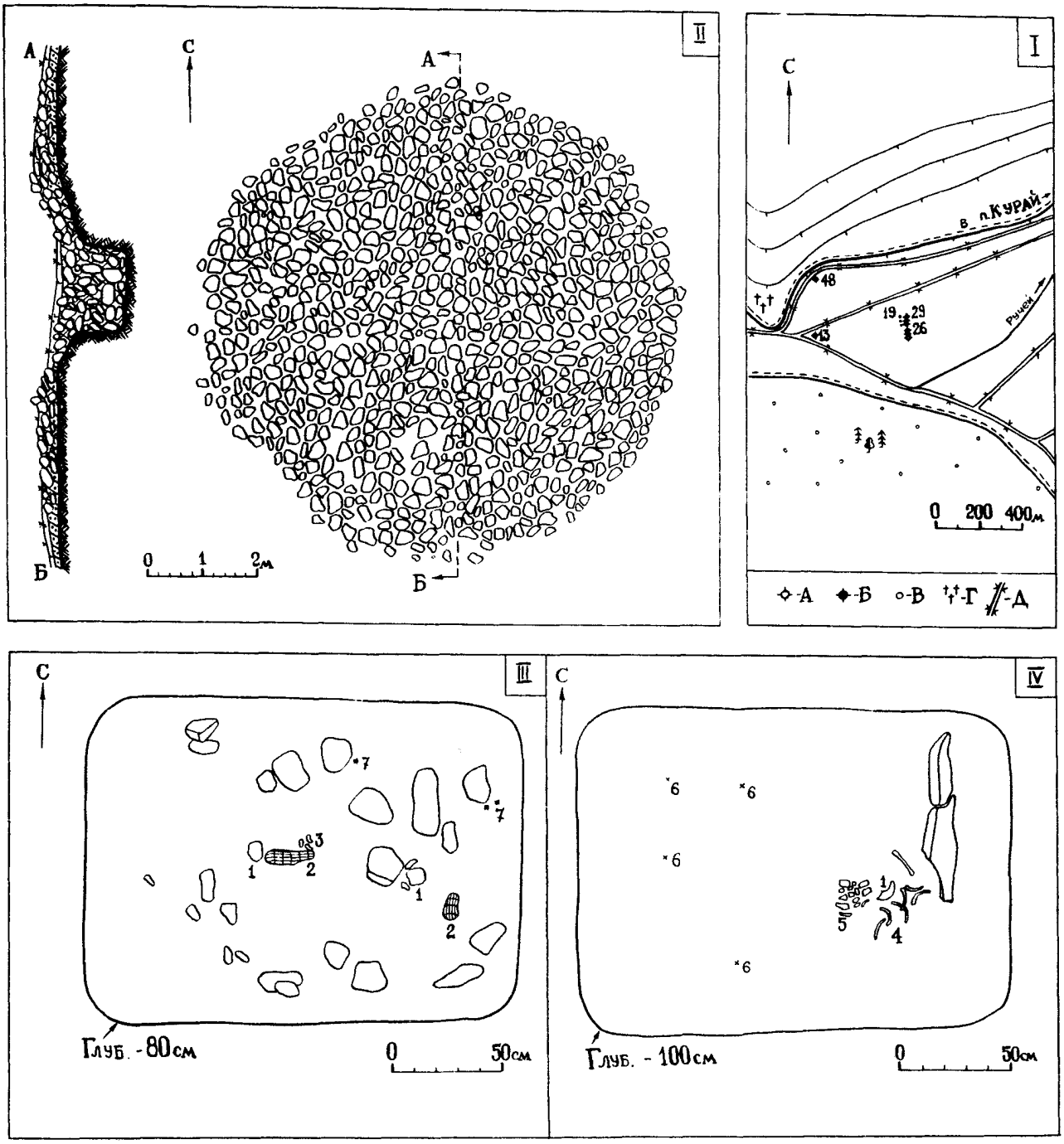

II
A
C
A
Б
Б
0 1 2м
I
C
в. р. Курай
48
19
29
26
45
Ручей
0 200 400м
А Б В Г Д
III
C
7
7
3
2
1
1
2
Глуб. - 80см
0 50см
IV
C
6
6
6
6
1
4
Глуб. - 100см
0 50см

Рис.1

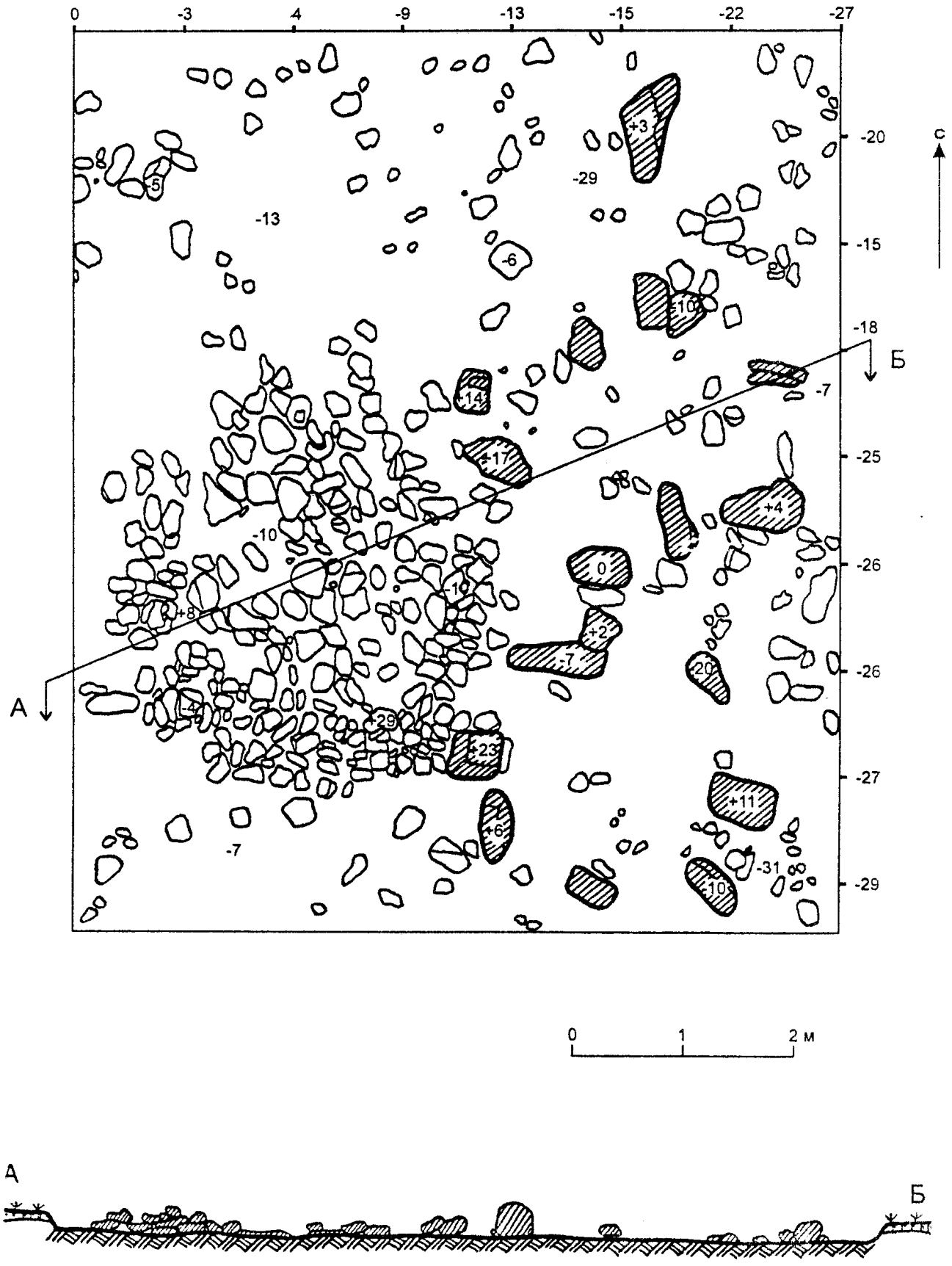


Рис.2

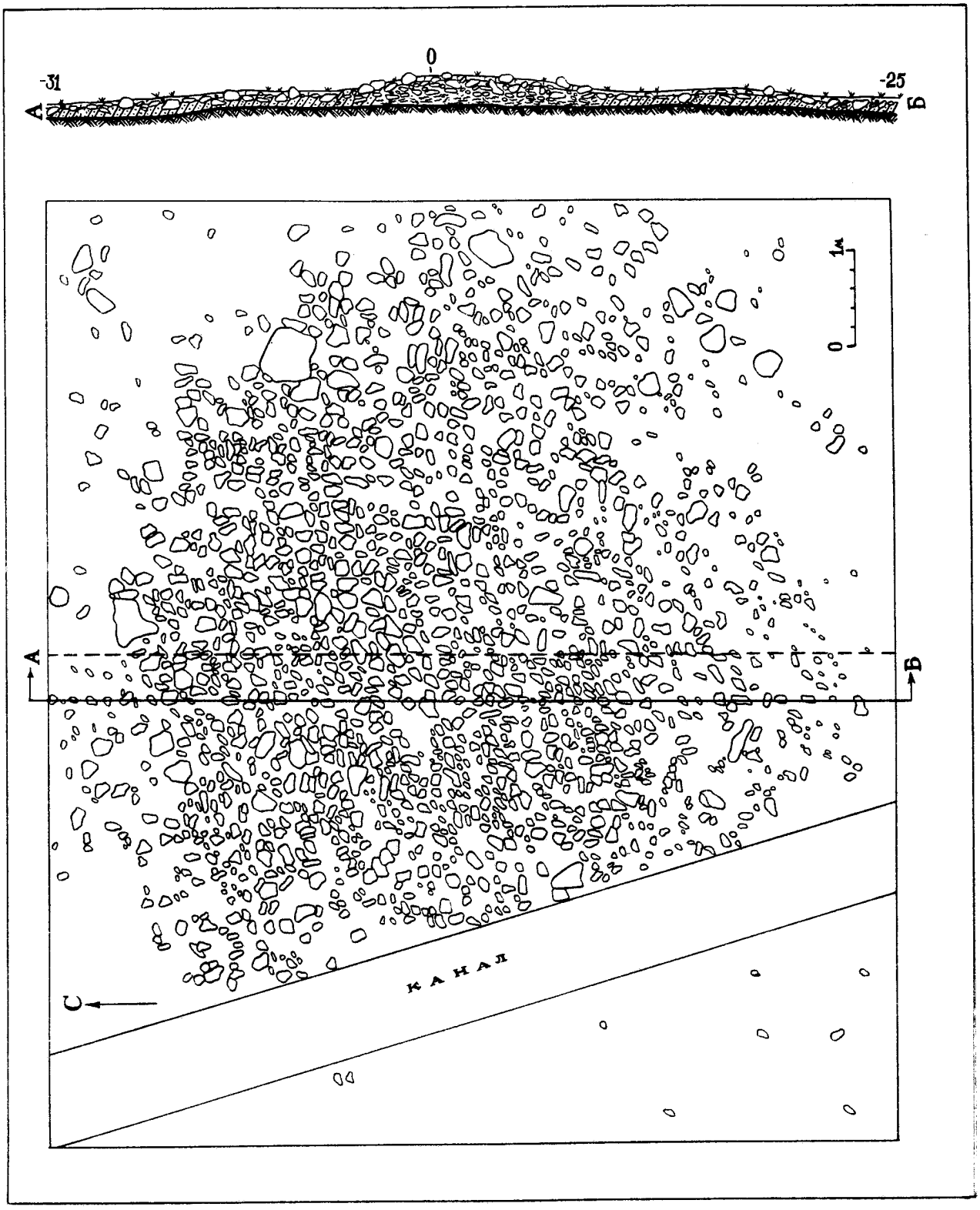


Рис.3

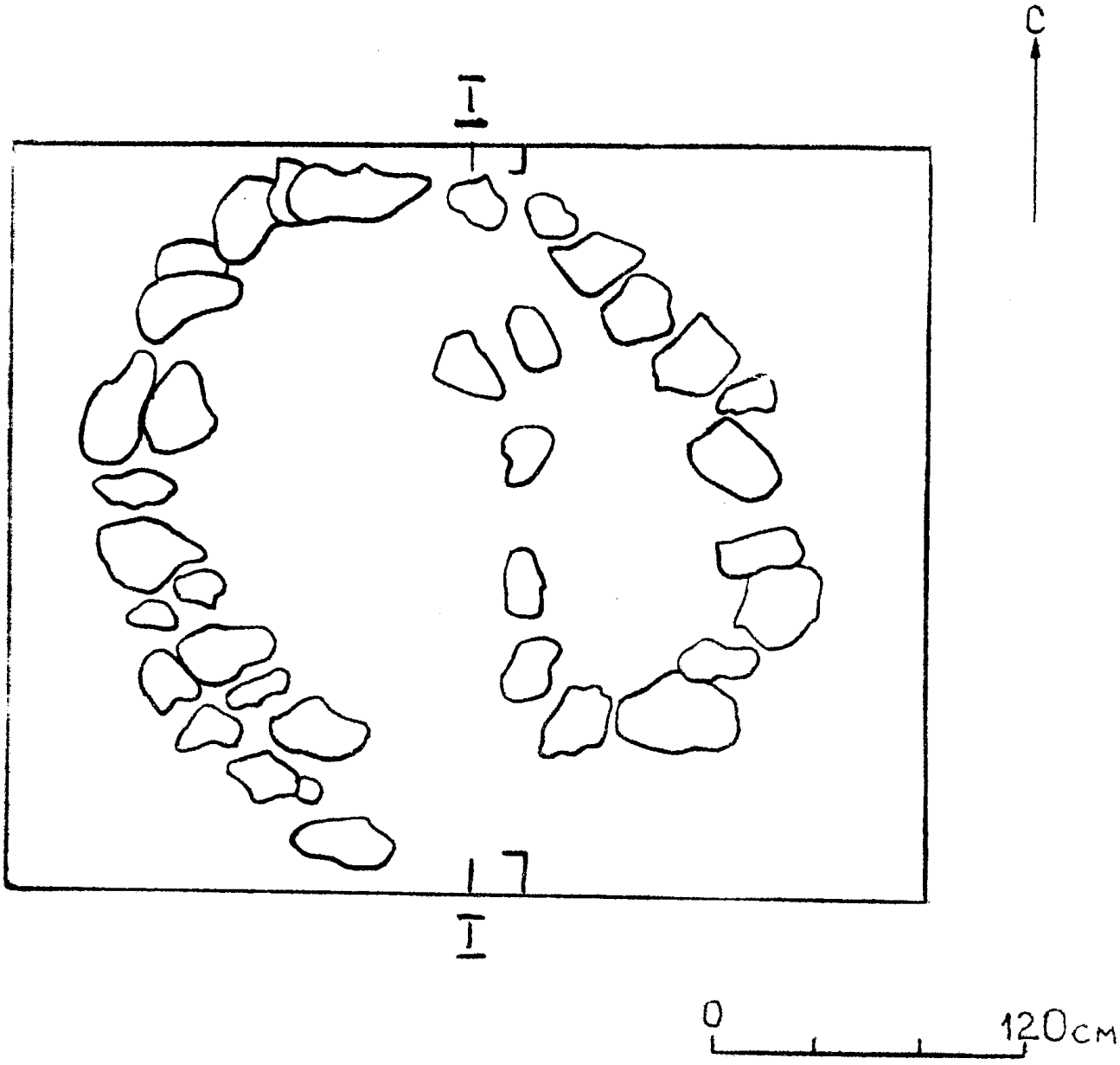
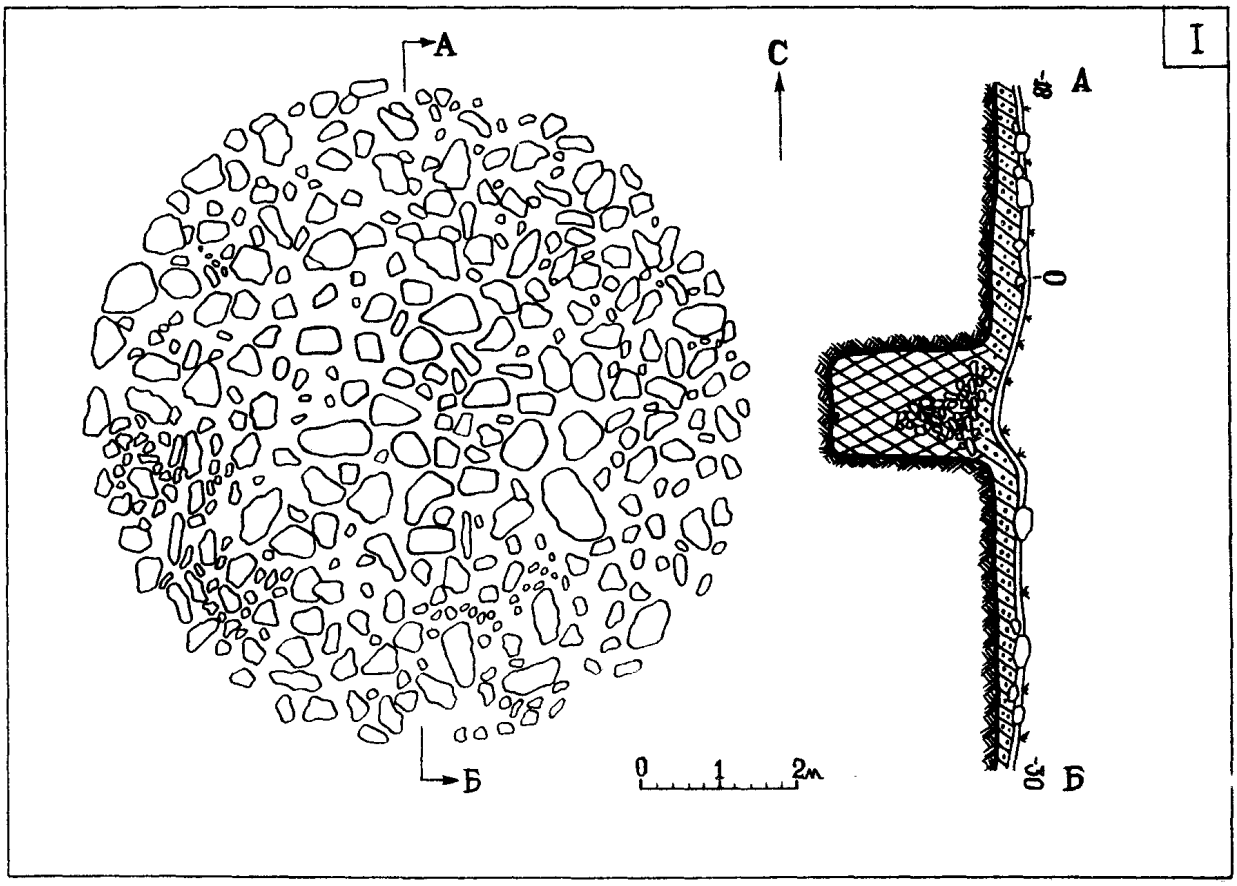


Рис.4



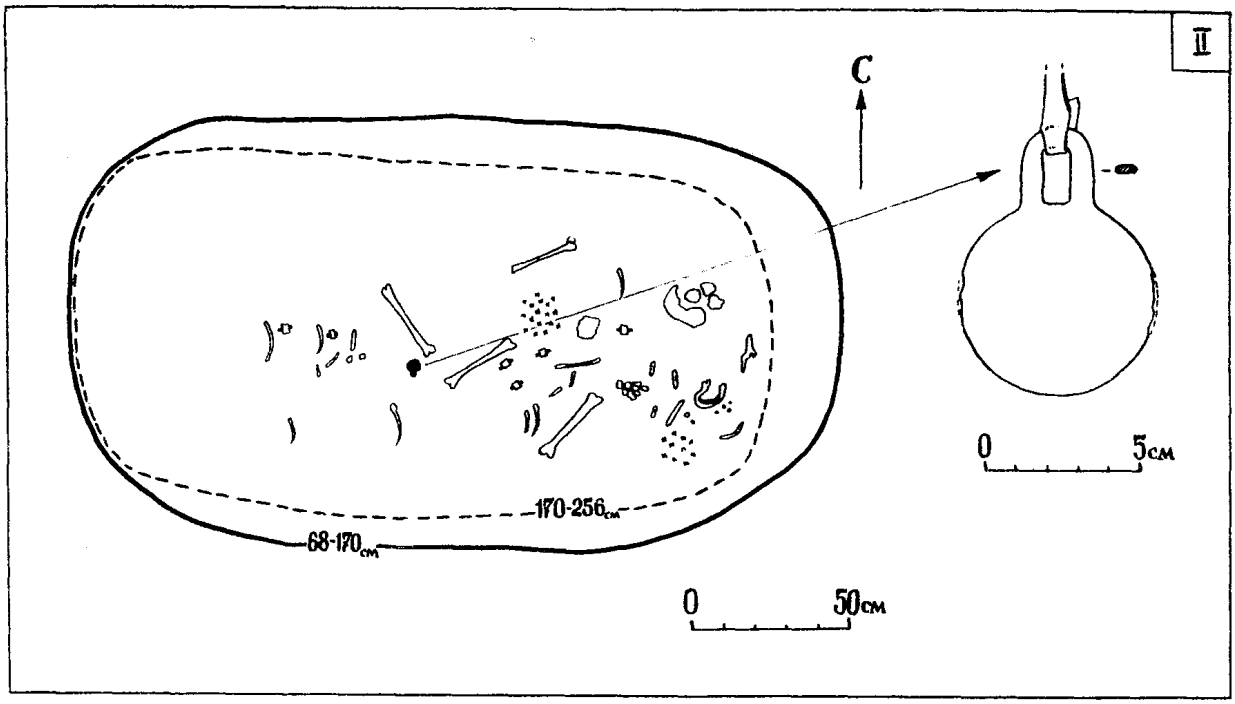
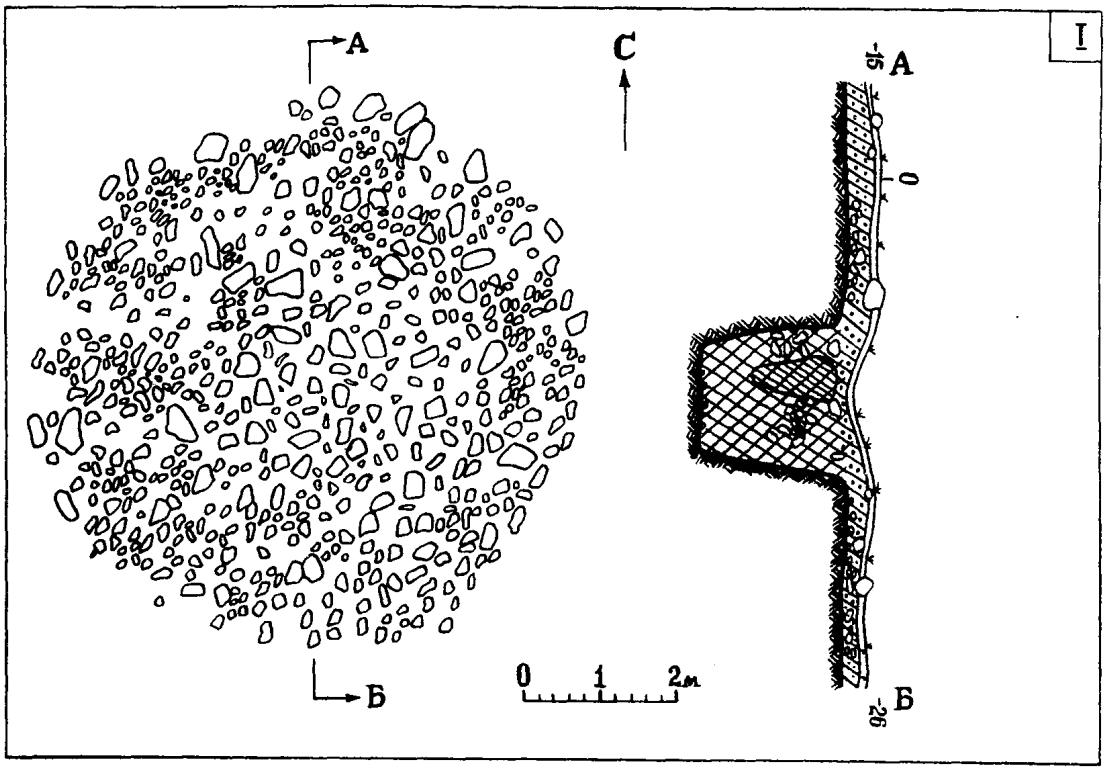


Рис.5



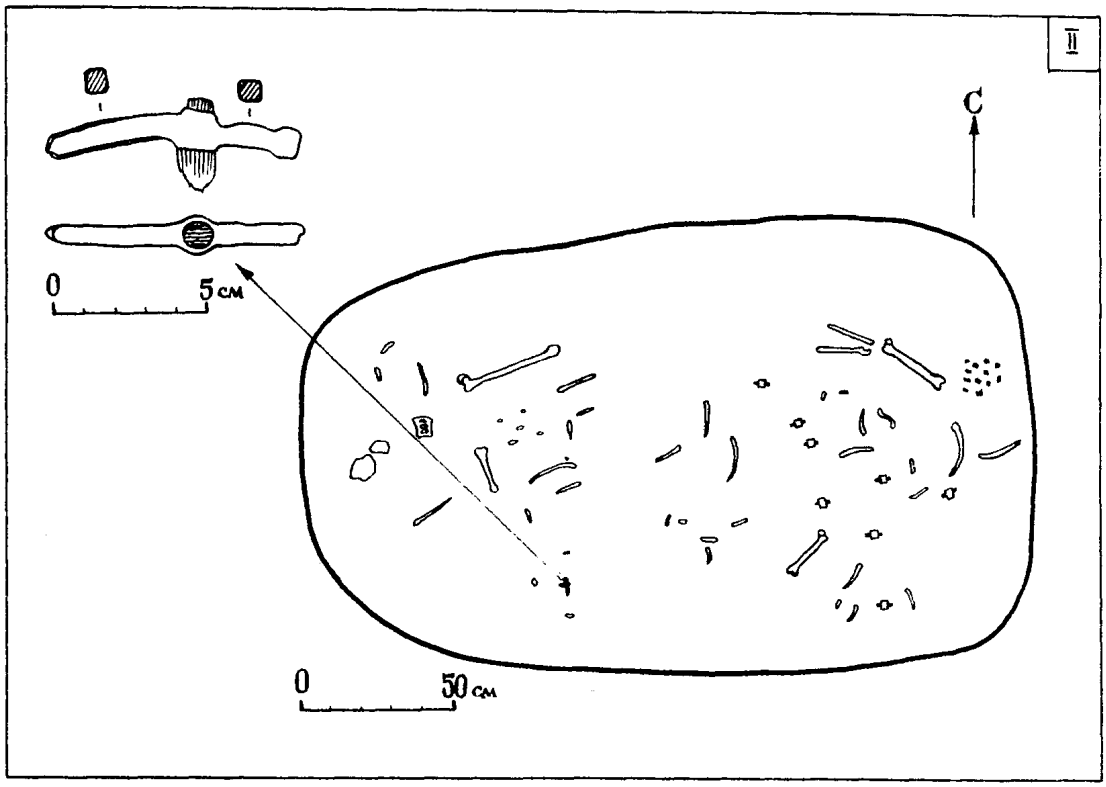


Рис.6

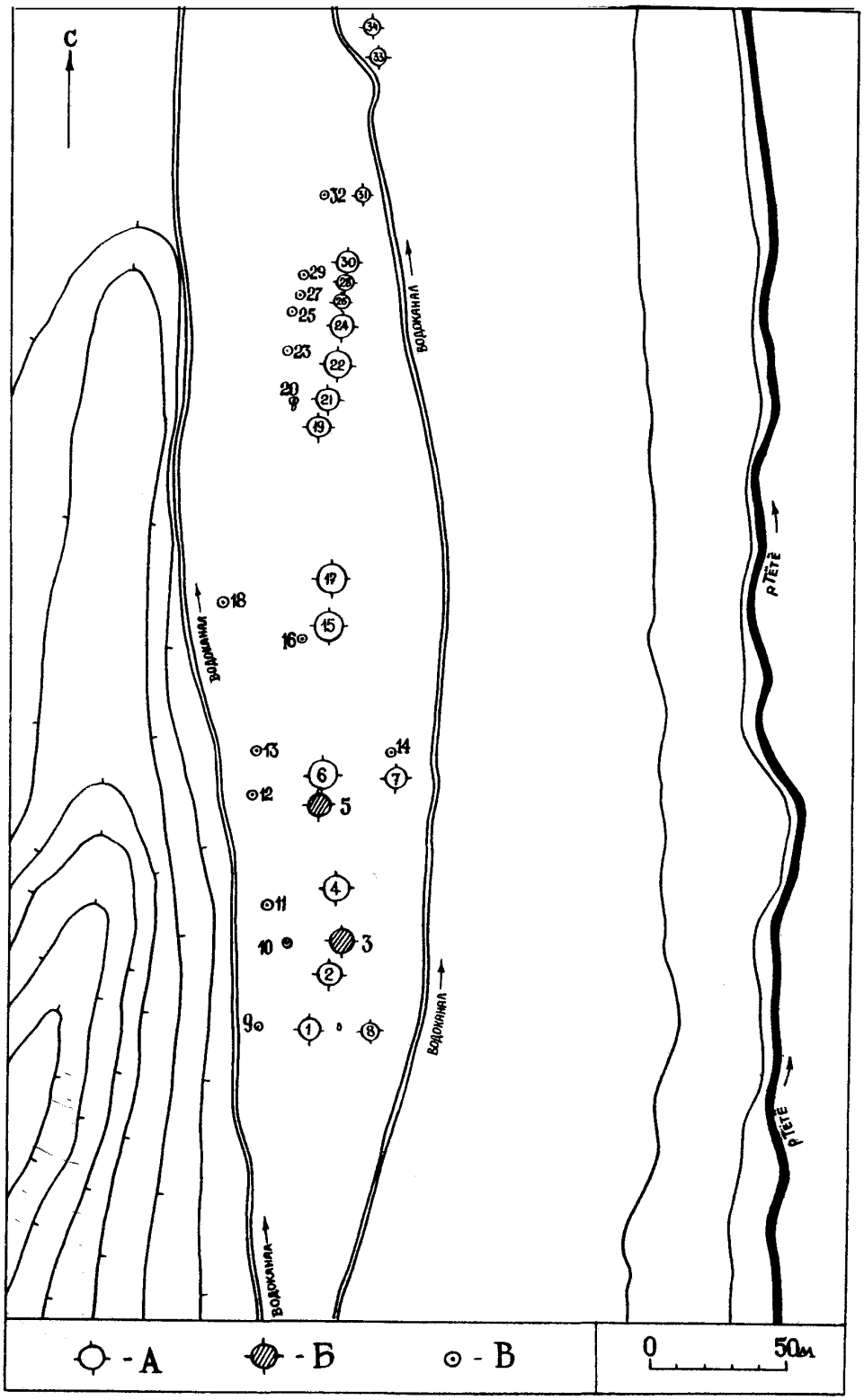

С
Водоканал
Водоканал
Водоканал
Водоканал
р.Тёте
р.Тёте
А - А
Б - Б
В - В
0
50м

Рис.7

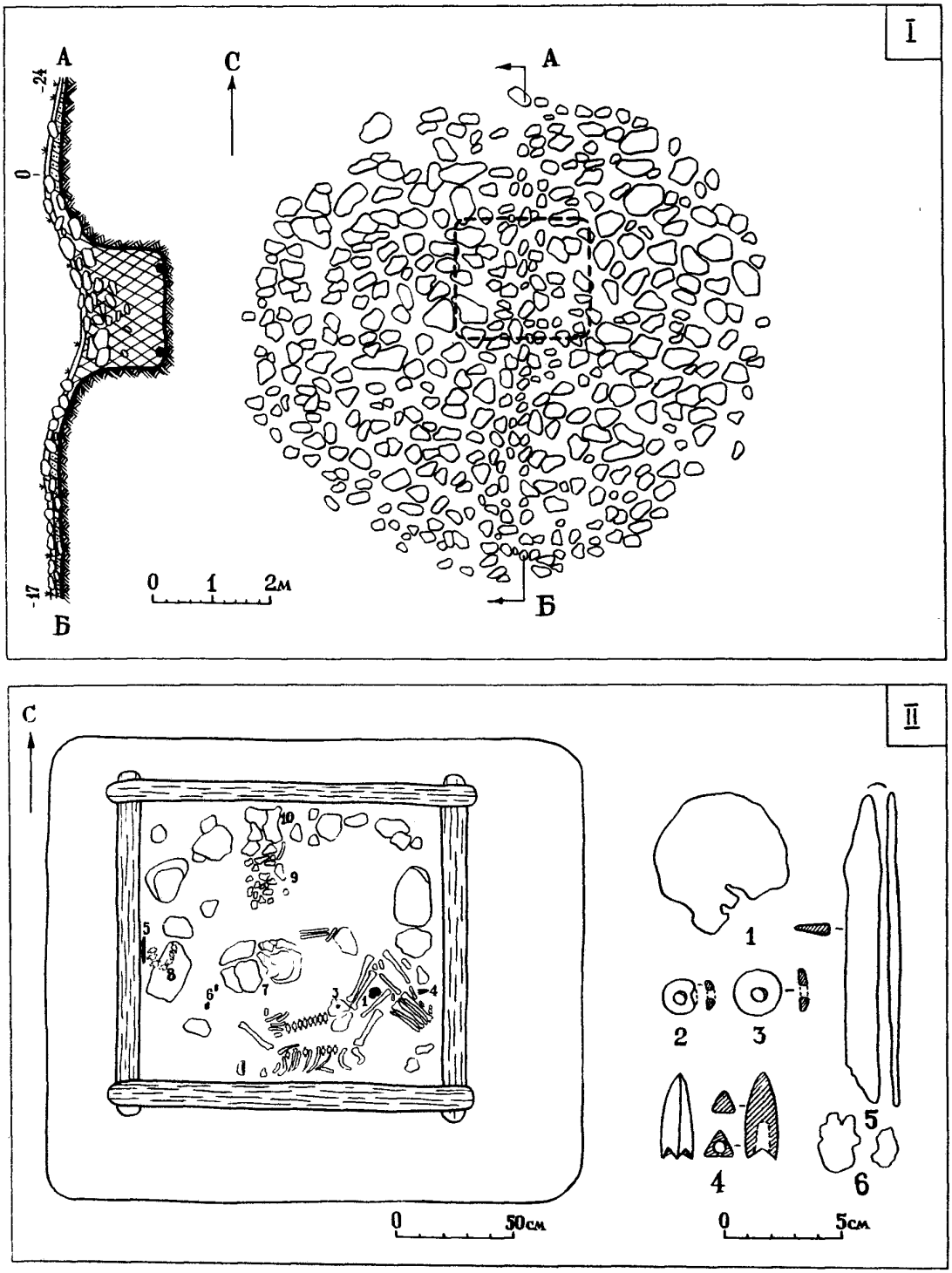


Рис.9

Соловьев А.И.
(г. Новосибирск)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-ЧОБА-1 НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Летом 1990г. Алтае-Сибирским отрядом Алтайской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР были начаты исследования курганного могильника Усть-Чоба-1 на правобережье р.Катунь в зоне предполагаемого затопления проектируемой в то время ГЭС. Означенный памятник расположен в Шебалинском районе Горно-Алтайской АО вдоль автомобильной трассы между населенными пунктами Едиган и Куюс, в 1 км. по направлению движения к последнему, от пересечения дорогой р. Чоба - правого притока р. Катунь с одной стороны, и не доезжая 800-900 м. до подвесного моста на свертке к с.Аракой с другой. К настоящему времени на памятнике фиксируется 19 невысоких слабозадернованных каменных насыпей, разбросанных по линии север-юг близ упомянутой дороги (рис.1). Все они имеют рельефные западины по центру, возможно следы ограбления. Предполагавшееся поэтапное, а со временем и полное исследование данного объекта так и остались в планах. Первоначально, в связи с мораторием на строительство ГЭС, а в последствии и из-за полного прекращения финансирования всех работ на данной территории и реструктуризацией самого государства. Таким образом, изучение могильника ограничилось проведением рекогносцировочных раскопок 3-х насыпей в течение первого и, как выяснилось, последнего полевого сезона. Исследуемые объекты вписывались в квадратный раскоп ориентированный по сторонам света с оставлением контрольных бровок по лини С-Ю и поэтапно разбирались по секторам.

Курган №1. Расположен в южной периферии могильника несколько в стороне от основной цепочки примерно в 60 м. к югу, но и в общем направлении с нею. Насыпь скругленной подшестиугольной формы сложеннаяиз крупного аллювиальной гальки и рваного камня вперемежку с мелким щебнем (рис.2.1) имела хорошо заметное блюдцеобразное понижение в центре. Её размеры достигали 9,7 м. в диаметре и высоты 42 см. от уровня современной дневной поверхности. Западная пола кургана непосредственно выходило на дорогу. В процессе разборки каменной наброски после снятия верхнего горизонта в основе курганной насыпи выявилось подквадратная конструкция ориентированная по линии северо-запад - юго-восток (рис.2.2) и укрепленная по периметру выкладкой из крупных блоков рваного камня. Центральная её часть была забутована аллювиальной галькой среднего размера вперемежку со щебнем. На этом уровне в заполнении данного сооружения вдоль его юго-восточной стены было обнаружено впускное погребение (рис.4.1). Погребена женщина (?), которая лежала на левом боку в скорченном положении головой на СС-В. Кости скелета повреждены камнями - частично раздроблены и сдвинуты. Кроме того некоторая их часть попросту отсутствует, что, видимо, связано с небольшой глубиной захоронения и вероятностным их разрушением природными факторами. Однако, насколько можно судить, левая рука погребенной была вытянута вдоль туловища к коленям, правая же была согнута в локте, а кисть её была подвернута книзу. Возле черепа лежали кости ноги барана. Других находок рядом обнаружено не было.

После разборки заполнения выявленной конструкции была расчищена подквадратная ограда размерами 4,8х4,8-5 м., сложенная из грубообломочного камня (рис.3). В центральной её части фиксировались следы могильной ямы в виде скопления осевших камней, частично стоявших на “ребре”. В её заполнении отмечены находки небольших скоплений мелких колотых конских костей. Размеры могилы достигали 275х220см., глубина от уровня материка - 45 см. Сама яма подчетырехугольной формы, ориентирована по линии север-юг. Погребение ограблено. Судя по остаткам костей ног и фрагментам черепа, погребенный, а им был мужчина (?), лежал на спине в вытянутом положении головой на юг. В районе пояса были обнаружены остатки сильно корродированных железных накладок, расположенных цепочкой (рис.4.2; 5. 5-10). В восточной части могильной ямы, вдоль её длинной оси были положены две лошади. Они лежали на животе с подогнутыми ногами головами в разные стороны - на юг и, соответственно на север. Костяк одной из лошадей, лежавшей ближе к центру могилы, был сильно поврежден грабителями. Кости второй находились практически в полном анатомическом порядке. Вместе с лошадьми было обнаружены две роговые подпружные пряжки (рис.5. 12-13), роговые застежки пут - цурки. (рис.5. 2-4), сильно корродированные железные обломки деталей сбруйного набора и железное стремя (рис.5.1,11). Других находок в погребении не встречено.

Стратиграфия кургана представляла из себя следующее: слой дерна мощностью до 12 см., слой черной суглинистой супеси со щебнистыми вкраплениями мощностью до 10 см., слой гальки смешанный с грубообломочным камнем и щебнем мощностью до 70 см., материк - речной аллювий.

Курган №2. Расположен в центральной части могильника. Насыпь диаметром 6 м., и высотой над уровнем современной дневной поверхности 21 см. круглой формы с обширной блюдцеобразной западиной в центральной части. Курган сложен из аллювиальной гальки и грубообломочного рваного камня (рис.6.1). В процессе разборки насыпи была выявлена крепида, составленная из крупных камней и имеющая скругленно подчетырехугольную форму (рис.6.2), в цен-

тре которой прослеживалась могильная яма в виде просевших плотно спрессованных между собой камней. По удалении верхнего слоя крупных валунов и рваного камня планиграфически отчетливо прослеживался горизонт засыпки из мелкого галечника, частично просевший и заполнивший промежутки между крупными камнями основания (фундамента) насыпи. Представляется необходимым отметить, что в силу разновеликости и разносортности использованного строительного материала, его неизбежного смешения в процессе археологизации, а так же проседания крупных верхних фракций по мелкому галечнику как по шарнирам, стратиграфически выявленные горизонты не фиксировались. Находок во внешнем погребальном сооружении обнаружено не было. Сама могильная яма подчетырехугольной формы размерами 252х175 см., глубиной от уровня материка 155 см. была ориентирована по линии Запад-восток. Погребение носило видимые следы ограбления. На дне ямы фиксировались следы деревянной обкладки и перекрытия, между которыми лежал раздавленный череп погребенного (рис.7). В северной части могилы возле деревянной плахи был обнаружен череп ребенка. Близ него полностью разложившиеся бронзовый нож напоминающий лезвие опасной бритвы и бронзовое же изделие (зеркало?). К сожалению, сохранность материала не позволили снять эти находки, равно как и уверенно определить их тип. В северном углу могилы, внутри деревянной конструкции были найдены обломки археологически целого красноглиняного сосуда (рис.7). Между ним и черепом взрослого были помещены кости овцы. Судя по расположению сохранившихся костей, погребенный лежал головой на Восток, вероятно, в скорченном положении.

Стратиграфия кургана представляла из себя следующее: слой дерна мощностью до 12 см., слой черной суглинистой супеси со щебнистыми вкраплениями мощностью до 8 см., линза бурой суглинистой супеси со щебнем мощностью до 32 см., материк - речной аллювий.

Курган №3. Расположен по центру могильника, в стороне от основной цепочки, в восточном направлении от неё, близ дороги. Размеры насыпи: диаметр - 4 м., высота над уровнем современной дневной поверхности 15 см. Рельефных следов ограбления не прослеживалось. После снятия наброски из аллювиальной гальки была выявлена кольцевая крепида диаметром 3,8 м., внутри которой очень слабо прослеживалось могильное пятно неправильной вытянутой формы (рис.8.2). После удаления заполнения была расчищена могильная яма скругленно-подпрямоу-гольной формы ориентированная по линии север-юг, размерами 115х47х83 см. и глубиной от уровня материка - 15 см. Погребение было разграблено. От него на дне ямы в северной её части сохранились остатки детского черепа, а в южной оконечности, ближе к центру, скопление длинных костей рук и ног (рис.8.3). Находок в погребении и насыпи кургана обнаружено не было.

Стратиграфия насыпи представляла из себя следующее: слой дерна мощностью до 12 см., слой черной суглинистой супеси мощностью до 20 см., материк - речной аллювий смешанный с серо-желтым наполнением.

Обряд погребения и сопроводительный инвентарь полученный в процессе работ на памятнике позволяют соотнести полученные предметные комплексы с двумя крупными эпохам в истории Горного Алтая - раннего железного века и средневековья. Стремена с шейкой с выделенной пластиной с закраинами и прорезью для путлища в нижней её части известны среди материалов курайской культуры Алтая VIII-X вв., предметов конской упряжи енисейских кыргызов VIII-IX вв. и, будучи типологически более поздними сравнительно со стременами с петельчатой дужкой, наибольшее распространение получают в VIII-IX вв. (Савинов,1984,с.133,табл.IV,V). Датирующие возможности остальных материалов основного погребения кургана №1 могильника Усть-Чоба-1 весьма ограничены. Так, роговые застежки пут имеют столь широкий хронологический и территориальный диапазон бытования, что приведение аналогов теряет смысл. На Алтае они известны как минимум с эпохи раннего железа (ДКБД,1994,рис.70,9). и бытуют здесь вплоть до наших дней. В пользу более поздней датировки рассматриваемого погребения в пределах означенного диапазона могут свидетельствовать железные накладки поясного набора, что для древнетюркского времени является относительно поздним признаком. Этому не противоречит, в данном случае, и форма крупных роговых выделеннорамчатых подпружных пряжек. Отметим, что одна из них (рис.7.12) изготовлена из розетки рога крупного копытного, от которой на готовом изделии остались ряд отверстий и волнистый абрис внешней кромки дужки. Подобные приемы подбора и утилизации сырья для производства столь же крупных подпружных пряжек практиковались и населением древнетюркского времени Бертекской долины (ДКБД, 1994,рис.117,с.151). С учетом вышесказанного, центральное погребение кургана №1 Могильника Усть-Чоба-1 может быть датировано в пределах X н.э.

Особенности погребального обряда и конструкции насыпи Кургана №2, а так же обнаруженный в могиле характерный красноглиняный сосуд кувшинообразной формы, декорированный спиральным орнаментом нанесенным черной краской, позволяют связать данный комплекс с пазырыкской культурой. К сожалению, сохранность бронзового инвентаря, обнаруженного в погребении не позволяет скорректировать его дату в более узких пределах. Курган №3, судя по параллелям в ряде деталей погребального обряда (глубина, ориентация ямы, конструкция насыпи и т.д.) может быть датирован, как и курган №1 древнетюркским временем. Что касается впускного погребения в насыпь последнего, то, к сожалению, особенности конструкции каменных набросок не позволяют сделать в данном случае надежных стратиграфических наблюдений могущих служить основой либо для синхронизации его во времени с центральным захоронением, или, соответственно, для отнесения к более поздней эпохе. С точки зрения планиграфии

рассматриваемое погребение, окруженное как бы кольцом сдвинутых крупных валунов, наоборот, производило впечатление несомненно более позднего. В пользу этого могут свидетельствовать в некотором роде и несомненное сходство в ряде нюансов погребального обряда с позднесредневековым захоронением памятника Бертек-9 (ДКБД,1994,рис.132-5,с.127-9). Это, прежде всего, “скорченная” поза погребенного - ноги согнутые в коленях и ступнями подведенными к продолжению осевой позвоночника, руки одна вытянутая вдоль туловища и опущенная кистью к тазу, другая согнутая в локте кистью приподнятой на уровень груди. Кроме того, бертекское погребение так же было совершено практически на уровне дневной поверхности под однорядным слоем камней на дне слегка заглубленной природной лощины. Не совпадает, правда, ориентировка (Бертек-9- запад, Усть-Чоба-1 - север северо-восток). Но, как представляется, скорее всего в обоих случаях она связана с положением умерших относительно реки. И тот и другой были уложены поперек долины приблизительно перпендикулярно руслу и ногами в его сторону. На основании всего этого впускное погребение кургана №1 резонно будет по аналогии отнести к эпохе позднего средневековья и датировать в пределах XVII-XVIII вв. Таковы основные итоги исследования могильника Учть-Чоба-1.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДКБД - Древние культуры Бертекской долины.- Новосибирск, 1994. – 222 с.
2. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древне-тюркскую эпоху.-Л., 1984. - 175 с.

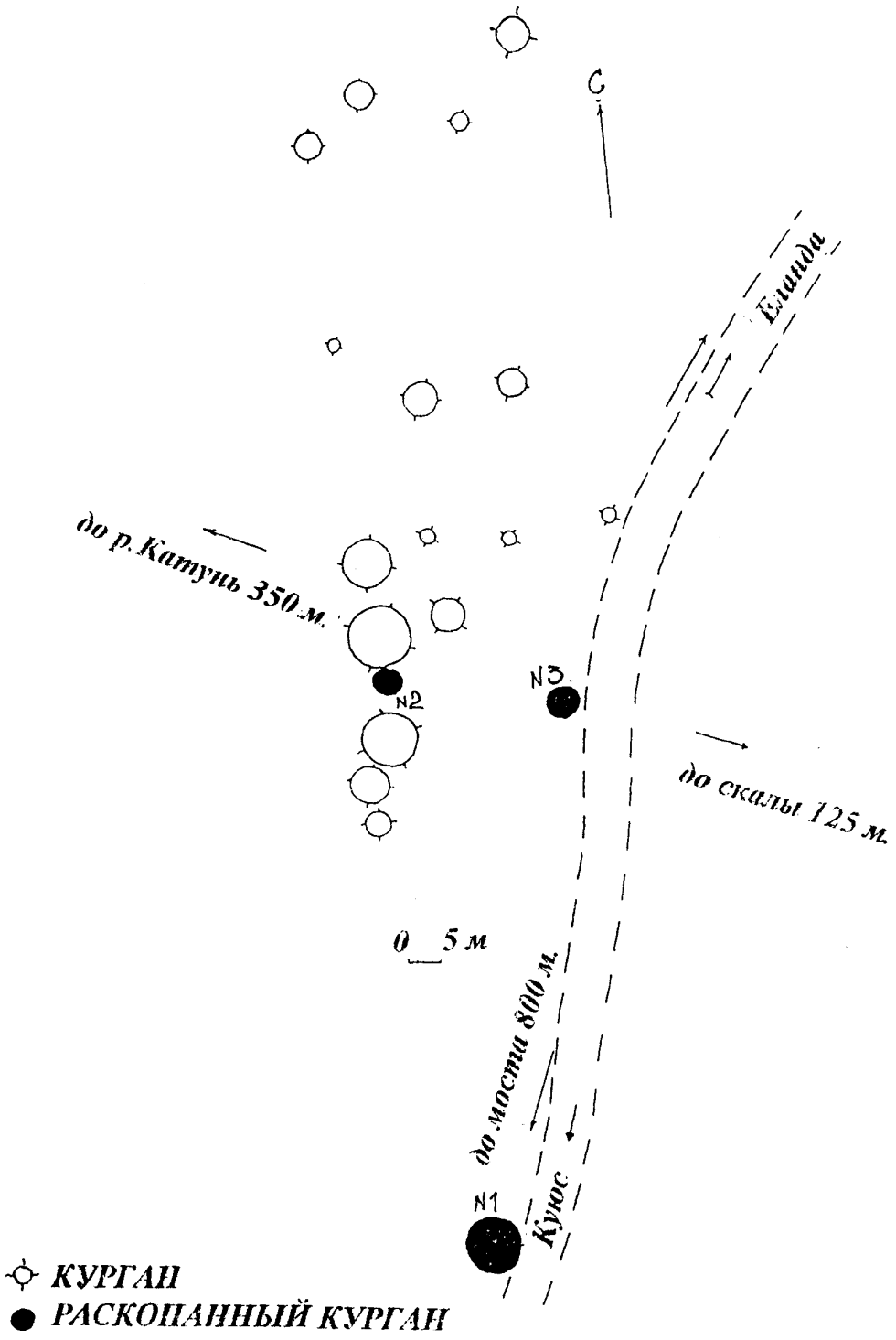


РИС.1 ПЛАН КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ЧОБА

Рис.1

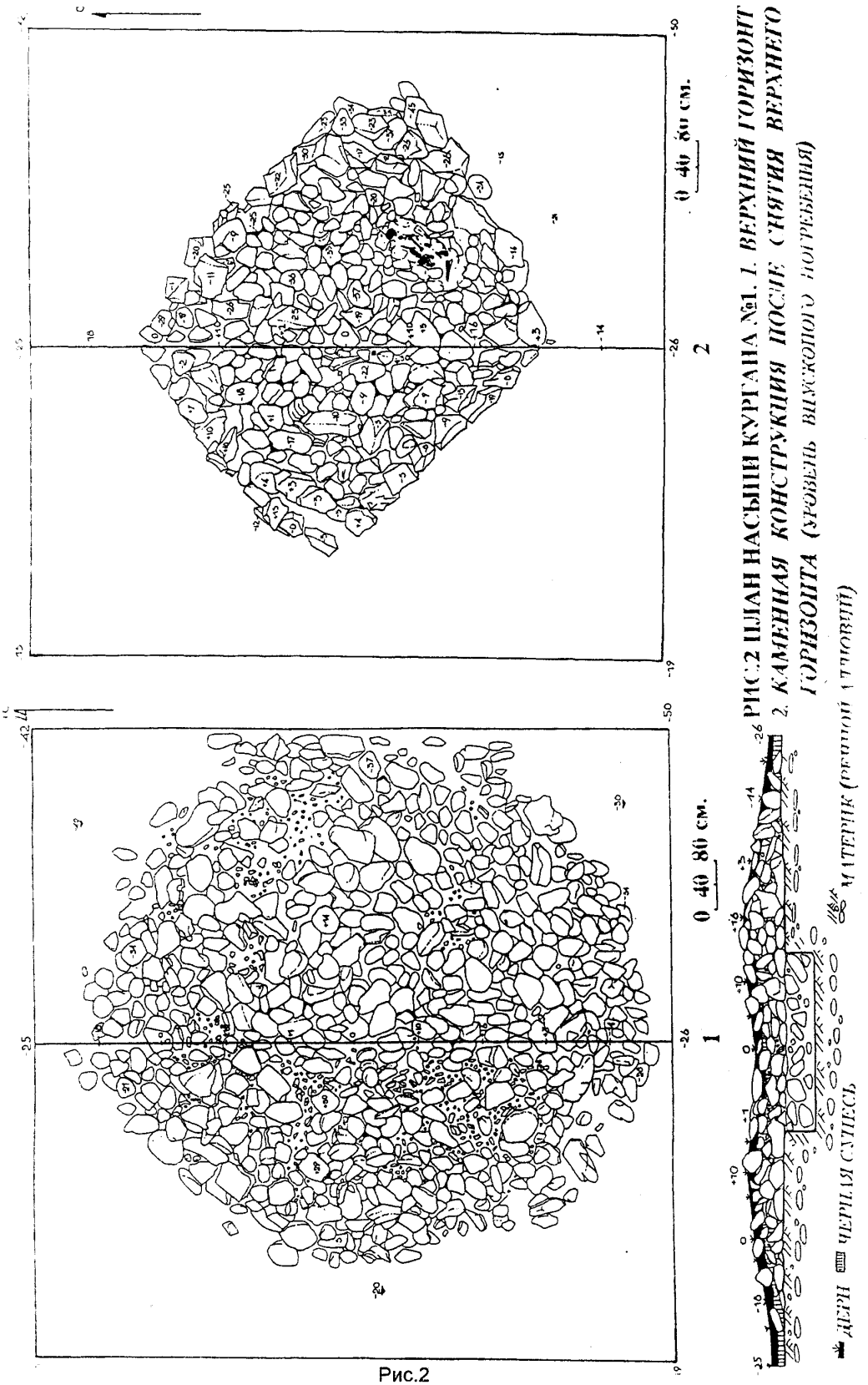


РИС.2 ПЛАН НАСЫПИ КУРГАНА №1. 1. *ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ* 2. *КАМЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕ СНЯТИЯ ВЕРХНЕГО ГОРИЗОНТА* (*УРОВЕНЬ ВЫСОКОГО ПОГРЕБЕНИЯ*)

Рис.2

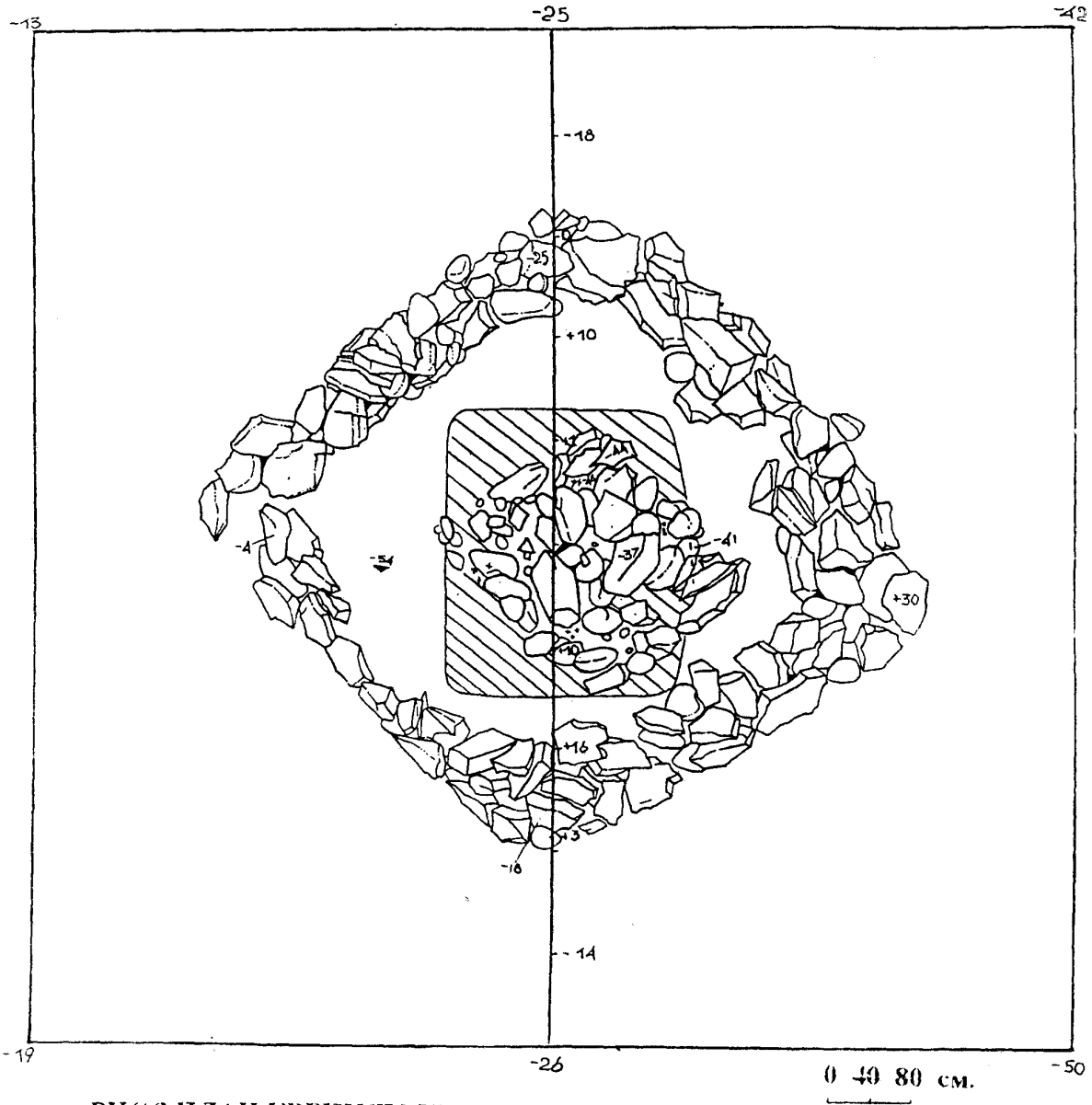


РИС.3 ПЛАН КРЕПИДЫ КУРГАНА №1

** обломки костей лошади

Рис.3

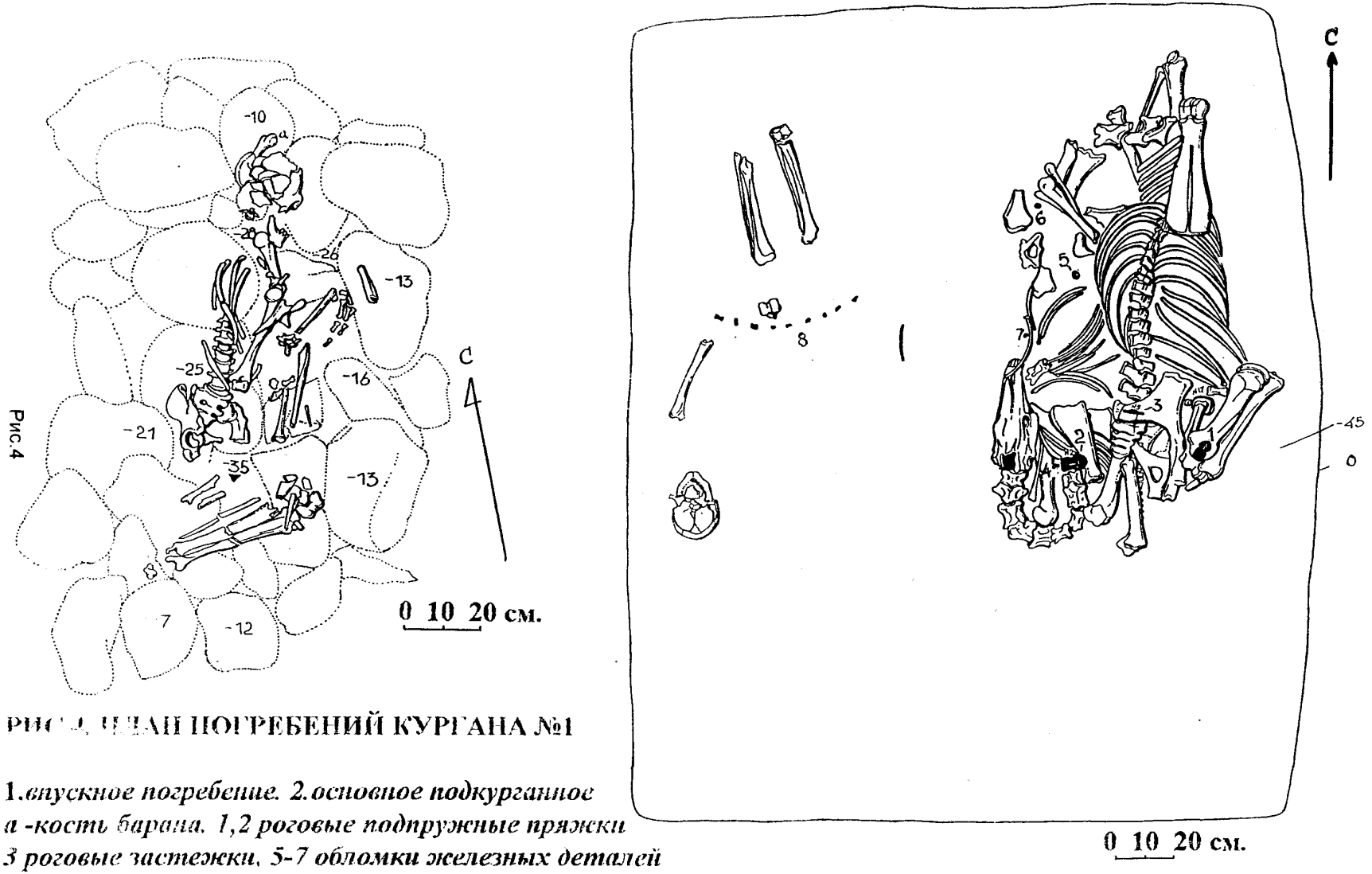


Рис.4

РИС. 4. ПЛАН ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАНА №1

1.впускное погребение. 2.основное подкурганое а -кость барана. 1,2 роговые подпружные пряжки 3 роговые застежки. 5-7 обломки железных деталей упряжи 8 железные поясные накладки

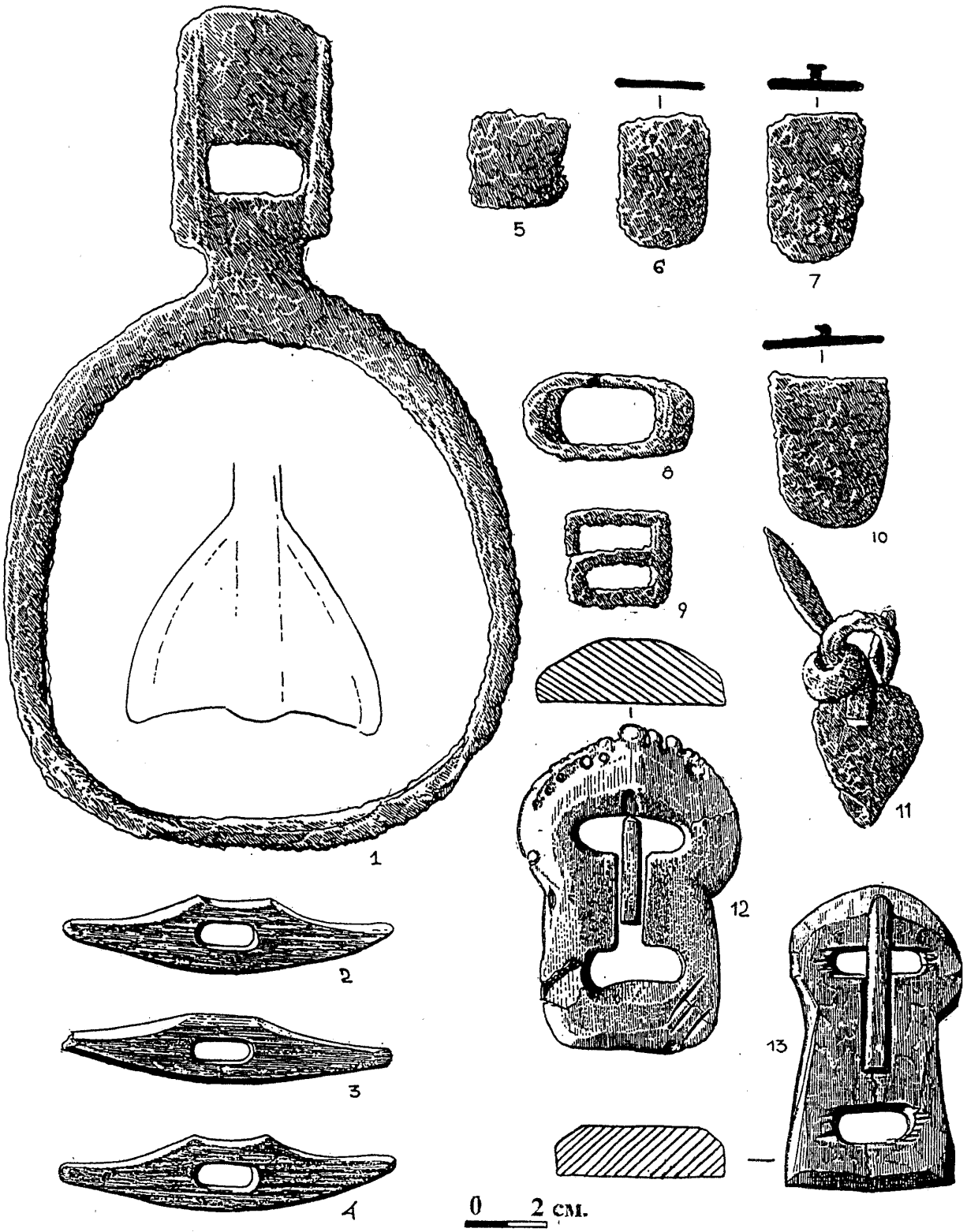


РИС.5 УСТЬ_ЧОБА-1. ВЕЩИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ №2

Рис. 5.

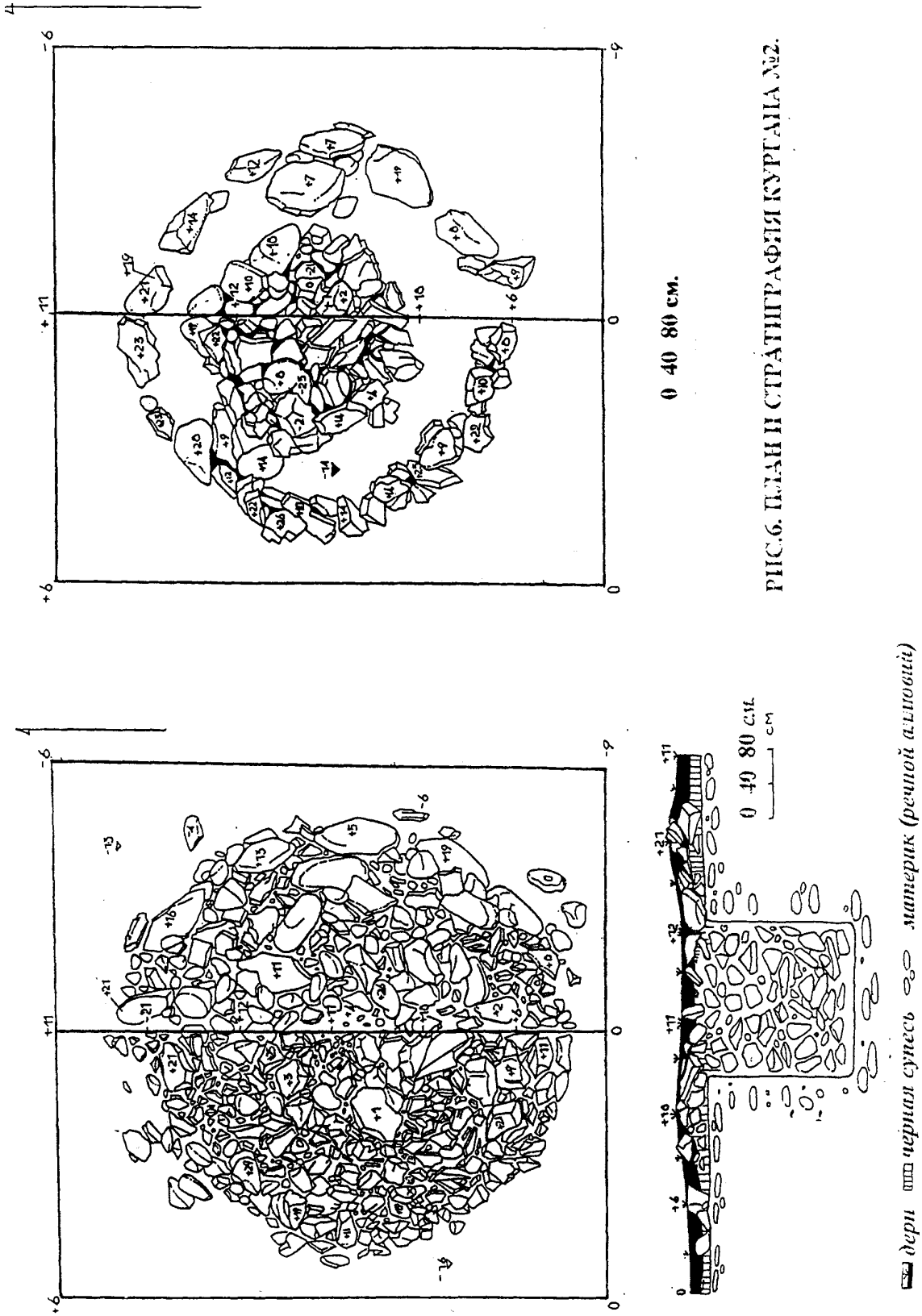


РИС.6. ПЛАН И СТРАТИГРАФИЯ КУРГАНА №2.

Рис.6

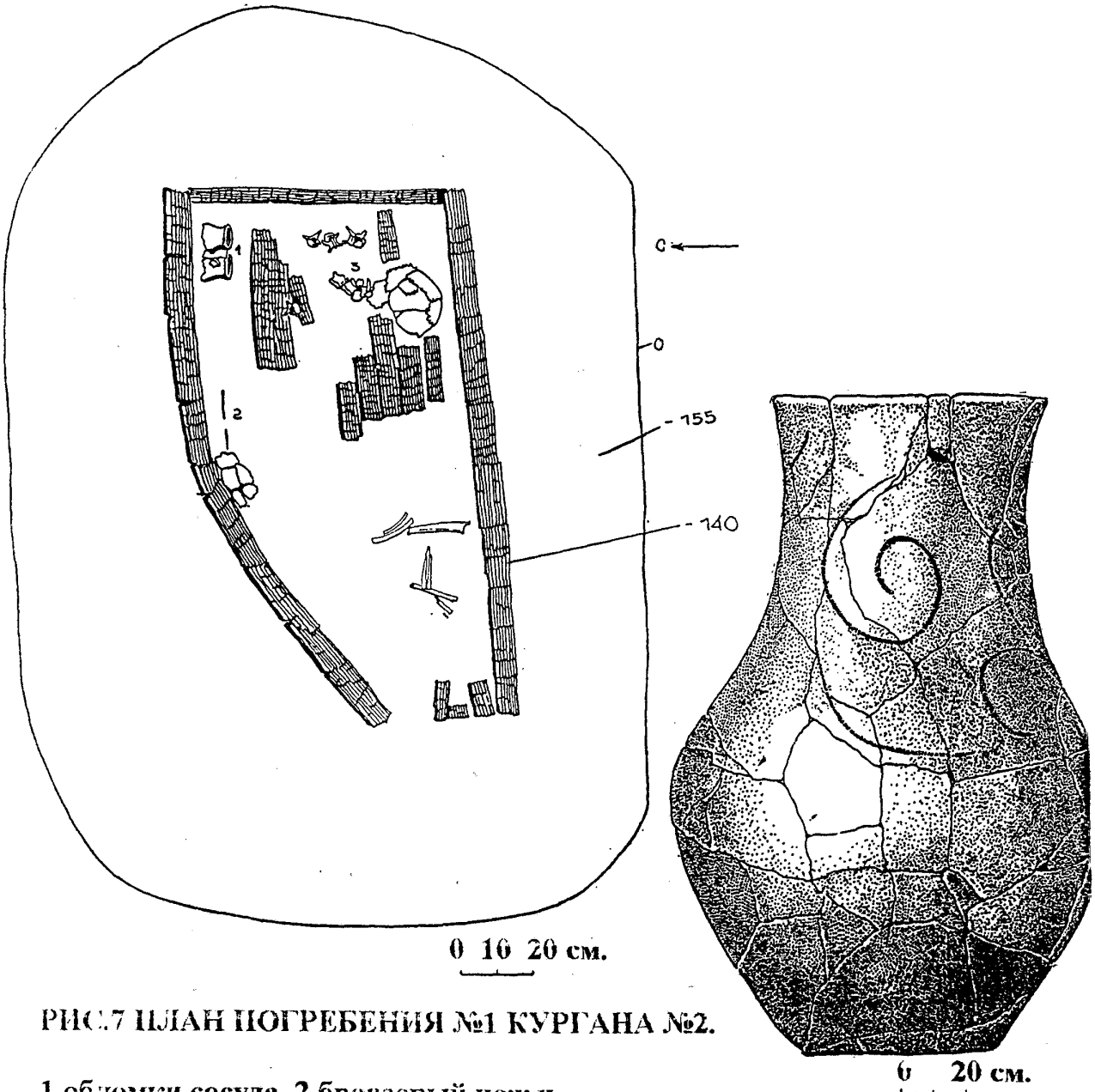
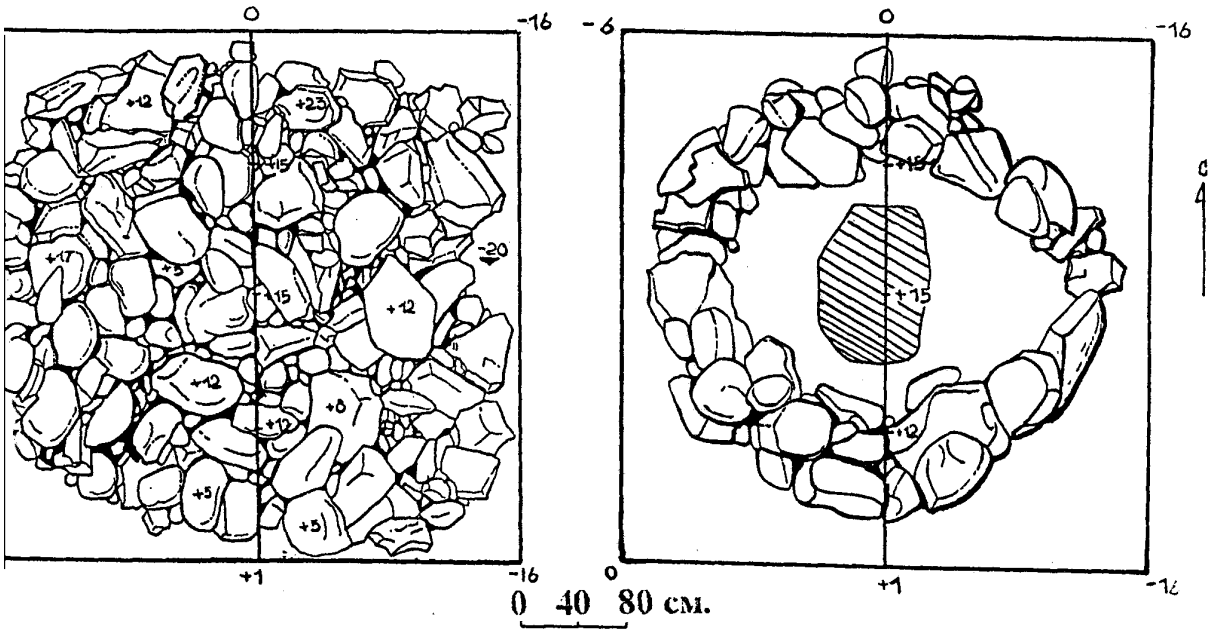
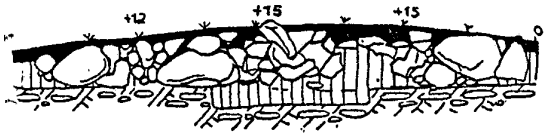


РИС.7 ПЛАН ПОГРЕБЕНИЯ №1 КУРГАНА №2.

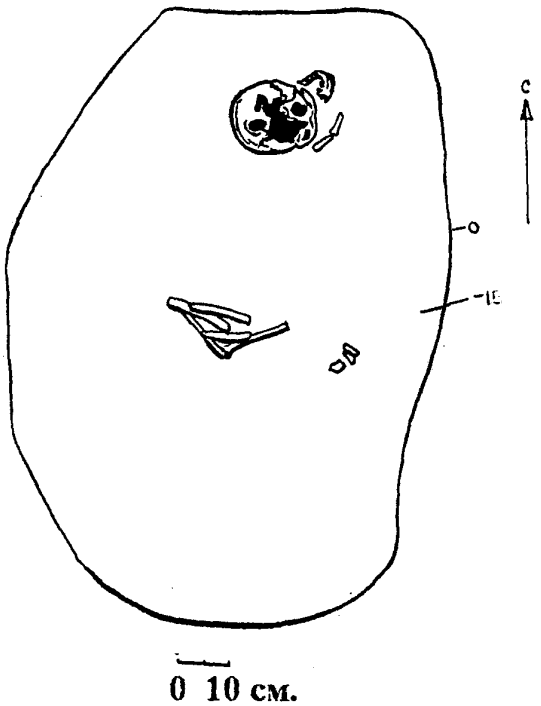
1.обломки сосуда 2 бронзовый нож и бронзовое изделие. 3. позвонки овцы

Рис.7





- Дерн
- галька с грубообломочным камнем
- черная супесь
- серо-желтая супесь с аловиальной галькой.



8.УСТЬ-ЧОБА-1. КУРГАН №3.

Рис.8

Соёнов В.И.
(г. Горно-Алтайск)

РАСКОПКИ НА МОГИЛЬНИКЕ САРЫ-БЕЛ

Могильник Сары-Бел находится в 5 км к ВЮВ от села Купчегень Онгудайского района на левом берегу р. Большой Ильгумень на одноименной седловине, расположенной примерно в 300-400 м над уровнем долины. Памятник включает в себя более 300 объектов, расположенных без определенного порядка, хотя,в ряде случаев, можно проследить цепочки с севера на юг с отклонениями. В полевой сезон 1995 года нами было раскопано пять курганов: один курган в южной части, по два кургана в северной и западной частях могильника. Предварительное сообщение о раскопках имеется в материалах конференции " Горный Алтай и Россия 240 лет" (Соёнов, Эбель, 1996, с.38-40.). В данной статье мы публикуем материалы раскопок. Описание объектов даются в соответствии с полевой нумерацией в порядке возрастания номеров.

Курган 27. Расположен в южной части могильника. Размеры насыпи по линии ЗЮЗ-ВСВ – 3,0 м (рис.1), а по линии СЗС-ЮВЮ – 2,0 м. Овальная ограда-крепида из 2 рядов рваного и окатанного камня заполнена щебнистой супесью серого цвета. На юго-западной стороне кургана имелась массивная плита размерами 0,4х0,4 м. Под могильным холмом обнаружена яма вытянуто-овальной формы размерами 2,1х0,65 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Яма расширяется ко дну (рис.2). На глубине 0,90 м обнаружен костяк лошади, ориентированный головой на ВСВ (рис.3). Лошадь была положена на правый бок с подогнутыми ногами. Под костяком лошади на глубине 0,92 м обнаружено плохо сохранившееся перекрытие ящика, представляющее собой продольно положенные доски (рис.4). После снятия перекрытия зачищен комбинированный каменно-деревянный ящик: в головах и ногах – поставленные на ребро каменные плиты, а по бокам – деревянные доски (рис. 5). Погребенный мужчина высокого роста (здесь и далее определения наши) лежал на спине головой на СВ. Левым боком он был привален к стене ящика, череп завалился (?) на правую сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая- согнута, а кисть находится на правой стороне у правого локтя. Ноги вытянуты. Из предметов инвентаря обнаружены плохо сохранившиеся накладки лука (рис.6), лежавшие в беспорядке в районе пояса и голеней. Под погребенным имелся темно-коричневый слой, видимо, остатки подстилки из органического материала.

Курган 149. Расположен в западной части могильника. Размеры насыпи по линии ЮЗ-СВ – 3 м, а по линии СЗ-ЮВ – 2,6 м. Овальная ограда-крепида из рваного и окатанного камня имела внутри каменно-земляное заполнение. Камни в один слой перекрывали земляной холм. С юго-западной стороны в 0,4 м от кургана имелся камень размером 0,4х0,3 м. Под могильным холмом на глубине 0,34 м обнаружена яма вытянуто-овальной формы размерами 1,85х0,59 м. Длинной осью яма ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Яма расширяется ко дну. На глубине 0,95 м обнаружен плохо сохранившийся костяк лошади небольших размеров. Лошадь была положена на правый бок головой на СВ с подогнутыми ногами. Под костяком лошади обнаружено плохо сохранившееся перекрытие ящика из досок. После снятия перекрытия зачищен комбинированный каменно-деревянный ящик: в головах и ногах - поставленные на ребро каменные плиты, а по бокам – деревянные доски, которые подпираются в некоторых местах камнями (рис.7). Погребенный мужчина лежал на спине головой на СВ. Видимо, он был привален левым боком к стене ящика, череп раздавлен. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута, а кисть находится в районе правой стороны таза. Ноги вытянуты. Из предметов инвентаря обнаружены плохо сохранившиеся остатки лука в районе правого локтя и между ног (рис.8).

Курган 150. Расположен в западной части могильника. Размеры насыпи по линии З-В – 2,9 м, а по линии СЮ – 2,4м. Овальная ограда-крепида имела внутри каменно-земляное заполнение. Камни в один слой перекрывали земляной холм. С западной стороны в 0,3 м от насыпи имелся камень неправильной формы. Под насыпью на глубине 0,28 м обнаружена яма вытянуто-овальной формы размерами 2,1х0,67 м. Яма смещена в северо-западный сектор ограды-крепиды и ориентирована длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ. Яма расширяется ко дну. На глубине 0,95 м обнаружено плохо сохранившееся перекрытие ящика из досок. После снятия перекрытия зачищен комбинированный каменно-деревянный ящик: северо-восточная торцевая часть – из поставленного на ребро плиты, а противоположная – юго-западная из валуна. Боковые стенки ящика были сделаны из тесанных с внутренней стороны жердей (рис.9). Погребенный лежал на спине головой на восток-северо-восток. Левым боком был привален к стенке ящика, череп сохранился фрагментами. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть – на бедре. Левая рука согнута в локте, а кисть согнута в направлении ног. Ноги вытянуты. Инвентаря не обнаружено. Под головой, видимо, имелась деревянная подушка.

Курган 249. Расположен в северной части могильника. Размер насыпи по линии ВСВ-ЗЮЗ – 3,4 м, а по линии СЗС-ЮВЮ – 2,3 м. Овальная ограда-крепида из рваного и окатанного камня имела земляное заполнение. С юго-запада насыпи имеется камень неправильной формы. Под насыпью на глубине 0,45 м обнаружена яма овальной формы размерами 1,55х0,9 м, ориентированная длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Яма имела каменную забутовку и расширялась ко

дну. На глубине 0,65 м обнаружен костяк лошади на левом боку головой на ЮЗ с подогнутыми ногами. Задняя и передняя части расположены выше, чем средняя часть костяка, которая провалилась в яму (рис.10). Около черепа грунт имеет зеленоватый цвет. В районе шеи и задней ноги имеются темно-коричневые пятна. Под костяком на дне ямы обнаружена (в СВ секторе) кости мелкого животного (барана?): крестец и позвонок. Других находок нет.

Курган 250. Расположен в северной части могильника. Овальная ограда-крепида размерами 4,2х3,0 м ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Заполнение внутри ограды-крепиды земляное. В северо-западном секторе ограды-крепиды на глубине 0,56 м обнаружена овальная в плане яма размерами 2,2х1,1 м, смещенная в сторону от центра. Длинной осью яма ориентирована по линии ЗЮЗ-ВЮВ. Она забутована крупными камнями. На глубине 0,77 м обнаружен костяк лошади головой на ВСВ (рис.11). Задняя часть лошади провалилась в яму. Лошадь как бы "посажена" и положена на бок. В челюстях лошади обнаружены железные петельчатые удила (рис.13-*2*), а на черепе и под ним – 3 бронзовые уздечные бляхи (рис.15-*5*-*7*). В заполнении ямы на глубине 0,8 м найден фрагмент керамики (рис.13-*4*). Каменная забутовка под лошадью продолжается. На глубине 1,1 м обнаружен каменный ящик размерами 1,5х0,75 м из массивных плит (рис.12). В ящике обнаружены накладки лука из кости (рис.14-*1*-*6*), 4 железных наконечника стрелы (рис.15-*1*-*4*), железная пряжка (рис.14-*3*), костяная застежка-пронизь (рис.14-*7*), свистунка с отверстием (рис.13-*1*), фрагмент костяной пряжки (рис.13-*3*), железный кинжал с антенновидным навершием в деревянных ножнах с остатками ярко красной краски (рис.13-*6*), железный наконечник ножен (?) (рис. 13-*5*). Погребения нет. Обнаружен только крестец и позвонок животного (барана?).

Итак, могильник Сары-Бел расположен высоко над уровнем долины в укромном месте. Все раскопанные на могильнике курганы имели надмогильные сооружения в виде ориентированных длинной осью по линии СВ-ЮЗ овальных оград-крепид небольших размеров с земляным заполнением внутреннего пространства. В двух случаях (кк.149,150) земляное заполнение имело однослойное каменное перекрытие. Обращает на себя внимание интересный факт: наличие большого камня с западной стороны насыпи всех раскопанных курганов.

Могильные ямы были сильно вытянуто-овальной формы в плане и расширялись ко дну. Заполнение ям грунтовое (песок, супесь).Только в двух курганах имелась каменная забутовка из рваного и окатанного камня (кк.249,250). В ямах находились комбинированные каменно-деревянные и каменный ящики. Комбинированные ящики с торцов имели стенки из каменных плит (кк. 27,149), каменной плиты и валуна (к.150), а с боков-из деревянных досок (кк.27,149) или тесаных с внутренней стороны жердей (к.150). Сверху ящики были перекрыты досками. Каменный ящик из плит (к.250) имел каменное перекрытие. В одной яме не было никаких внутримогильных конструкций (к.249). На перекрытии ящиков имелись захоронения лошадей на правом боку, ориентированные головой на северо-восток (кк. 27,149,250). В одном случае захоронения лошади не оказалось (к.150). В яме без внутримогильных конструкций (к.249) было только захоронение лошади на левом боку, ориентированное головой на юго-запад. Могила с каменным ящиком оказалась кенотафом (к.250). В комбинированных ящиках находились погребения взрослых людей, ориентированные головой в северо-восточный сектор (кк.27,149,150). Все погребенные были положены вытянуто на спину с согнутой в локте левой рукой. Характерным признаком является то, что умерших слегка приваливали левым боком к стенке ящика. В одном кургане голова погребенного располагалась на деревянной подушке (к. 150).

Инвентарь из курганов представлен костяными, железными и бронзовыми предметами вооружения и убранства коня, а также железной поясной пряжкой, фрагментом керамики, костяной застежкой-пронизью.

Из предметов вооружения наиболее многочисленными являются костяные накладки на луки. В к.27 обнаружены фрагменты верхней концевой боковой накладки (рис.6-*1*), нижней концевой боковой накладки (рис.6-*3*) и серединной боковой (рис.6-*2*). В к.149 найдены: пара изогнутых верхних концевых боковых накладок с арочным вырезом для тетивы (рис.8-*1,2*), фрагмент нижней концевой боковой накладки с арочным вырезом для тетивы (рис.8-*4*) и фрагменты срединной боковой накладки (рис.8-*3*). В к.250 обнаружены: пара слабо изогнутых верхних концевых боковых накладок (рис.14-*5,6*), фрагменты серединой боковой и составной срединной фронтальной накладки (рис.14-*3,4*). Все обнаруженные костяные накладки лука принадлежат лукам гуннского типа, бытовавшим в Горном Алтае со II в. до н.э. по V в. н.э.

Железный кинжал общей длинной 25,5 см. с антенновидным навершием из к.250 плохо сохранился: невозможно установить форму клинка и перекрестья (рис. 13-*6*). Длина клинка 13 см. Рукоять длинной 8 см имела прямоугольную форму в сечении. Кинжалы и мечи с антенновидным навершием были распространены в Евразии на протяжении длительного периода от раннескифского времени до раннего средневековья. В Горном Алтае данный кинжал для гунно-сарматской эпохи выглядит архаично.

Костяная свистунка уплощенно-бочонковидной формы со сквозными отверстиями на боках и выступом (рис.13-*1*) аналогий в материалах Горного Алтая не имеет. Время появления сви-

стунок в Горном Алтае относится к началу гунно-сарматской эпохи.

Удлиненно-треугольные трехлопастные черешковые железные наконечники стрел с вогнутыми плечиками, завершающимися шипами из к. 250 (рис.15-*1-4*) имеют аналогии на территории Забайкалья в гуннском комплексе II в.до н.э- I в.н.э. (Худяков,1986,с.21). В курганах позднескифского времени Горного Алтая тоже встречаются похожие наконечники, изготовленные из бронзы (Худяков,1995,с.90).

Железные удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев из к.250 (рис.13-*2*) близки по форме удилам, бытовавшим в Горном Алтае ещё в скифское время. Поэтому узко датировать сары-бельские удила невозможно. Данный тип удил находится в эволюционном ряду после удил с кольчатыми окончаниями и кольчатым соединением звеньев, но представляет отдельный вариант развития удил, сосуществовавший в Горном Алтае с другими вариантами и в I тыс.н.э. (Соёнов, 1998а, с.97).

Бронзовые бляхи полусферической формы с полами из к.250 (рис.15-*5-7*) широко бытовали с эпохи бронзы до средневековья на обширной территории, поэтому их узкая датировка невозможна. Но в тоже время, нам неизвестны точные аналогии сары-бельским бляхам с выступом на полах. Возможно, данный признак может сыграть, в дальнейшем, важную роль в культурно-хронологических определениях.

Плохая сохранность костяной пряжки с неподвижным шпеньком из к.250 (рис.13-*3*) не позволяет говорить о её форме. Пряжки с неподвижным шпеньком-носиком были широко распространены в Горном Алтае в скифское (Суразаков, 1989, с.37) и гунно-сарматское (Соёнов, 1998б, с.80-81) время. Они использовались, преимущественно, в качестве подпружных пряжек, но не исключается и иное их использование.

Железные кольчатые пряжки из к.250 с подвижным язычком имели овальную форму (рис. 14-*8*). Подобные пряжки существовали на протяжении длительного времени, что исключает возможность их узкой датировки. В Горном Алтае они характерны для всего гунно-сарматского периода. В целом, появление пряжек данного типа в Южной Сибири маркируют начало гунно-сарматской эпохи (Тетерин, 1995, с.132).

Костяные застежки-пронизи, аналогичные найденному в к.250 (рис.14-*7*), также имели широкий диапазон бытования: в пределах второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс.н.э. Поэтому их узкая датировка пока невозможна.

Фрагмент керамики (рис.13-*4*) и наконечник ножен(?) (рис.13-*5*) нами здесь не рассматриваются из-за плохой сохранности.

Таким образом, раскопанные курганы, независимо от места их расположения на могильнике, демонстрируют сходство основных элементов погребального обряда. Это свидетельствует о единстве культурно-хронологической принадлежности объектов могильника, что подтверждается составом инвентаря.

По таким элементам погребального обряда, как топографическое расположение могильника; овальные в плане надмогильные сооружения; сильно вытянуто-овальные могильные ямы, расширяющиеся ко дну; небольшая глубина ям; внутримогильные конструкции в виде комбинированных и каменных ящиков; вытянутое положение человеческих костяков; сопроводительные захоронения лошадей на перекрытии ящиков и некоторым другим, раскопанные курганы можно отнести к памятникам булан-кобинской культуры Горного Алтая (Мамадаков, 1990, с.17-18). Исходя из восточной ориентировки погребенных, характерной для ранних булан-кобинских курганов, а также на основании датировки инвентаря, мы можем предварительно отнести курганы могильника Сары-Бел ко II в. до.н.э – I в.н.э. Судя по архаичным формам инвентаря , которые не встречаются на других памятниках раннего этапа булан-кобинской культуры (кинжал, бляхи) могильник Сары-Бел можно считать одним из самых ранних памятников гунно-сарматсой эпохи Горного Алтая.

Вопросы этнической принадлежности и происхождения населения, оставившего данный могильник, вряд ли могут быть решены до проведения дальнейших раскопок. Но уже сейчас можно отметить следующее: 1) могильник расположен в скрытом от глаз, укромном участке выше уровня долины; 2) все объекты могильника (а их более 300) демонстрируют культурно-хронологическую близость (по крайней мере, по внешним признакам); 3) на могильнике отсутствуют объекты других типов и других эпох. Эти отмеченные моменты наталкивают на мысль о пришлости населения, оставившего погребения могильника Сары-Бел, поскольку трансформирующиеся памятники местного населения обычно разнообразнее и располагаются на открытой местности, соседствуя с памятниками как предыдущего скифского, так и более раннего времени (Усть-Эдиган, Чендек, Верх-Уймон и др.). Однако, это наблюдение требует специального исследования.

Итак, погребения могильника Сары-Бел датируются началом гунно-сарматского времени и, возможно, принадлежат населению, проникшему в Горный Алтай с юго-востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореферат дисс… канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.
2. Соёнов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 93-98.
3. Соёнов В.И. Костяные подпружные пряжки гунно-сарматского времени Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI междуна-

родного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. – Омск – Санкт-Петербург, 1998. – Часть II. – С.80-81.

4. Соёнов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел – новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. - С.38-40.
5. Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тезисы научно-пракической конференции. – Барнаул, 1995. – С. 131-136.
6. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 266с.
7. Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильников Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. - №1. – С.87-101.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ СОЁНОВА В.И.

Рис.1. План кургана 27.
Рис.2. Разрез кургана 27.
Рис.3. План погребения лошади. Курган 27.
Рис.4 План перекрытия ящика. Курган 27.
Рис.5 План погребения. Курган 27.
Рис.6 Инвентарь из кургана 27 (1-3 – костяные накладки лука).
Рис.7. План погребения. Курган 149.
Рис.8. Инвентарь из кургана 149 (1-4 – костяные накладки лука).
Рис.9. План погребения. Курган 150.
Рис.10. План погребения лошади. Курган 249.
Рис.11. План погребения лошади. Курган 250.
Рис.12. План каменного ящика. Курган 250.
Рис.13. Инвентарь из кургана 250. (1- костяная свистунка, 2 – железные удила, 3 – фрагмент костяной пряжки, 4 – фрагмент керамики, 5 – железный наконечник ножен (?), 6 – железный кинжал в деревянных ножнах).
Рис.14. Инвентарь из кургана 250. (1-6 – костяные накладки лука, 7 - костяная застежка, 8 – железная пряжка).
Рис.15. Инвентарь из кургана 250. (1-4 – железные наконечники стрел, 5-7 – бронзовые уздечные бляхи).

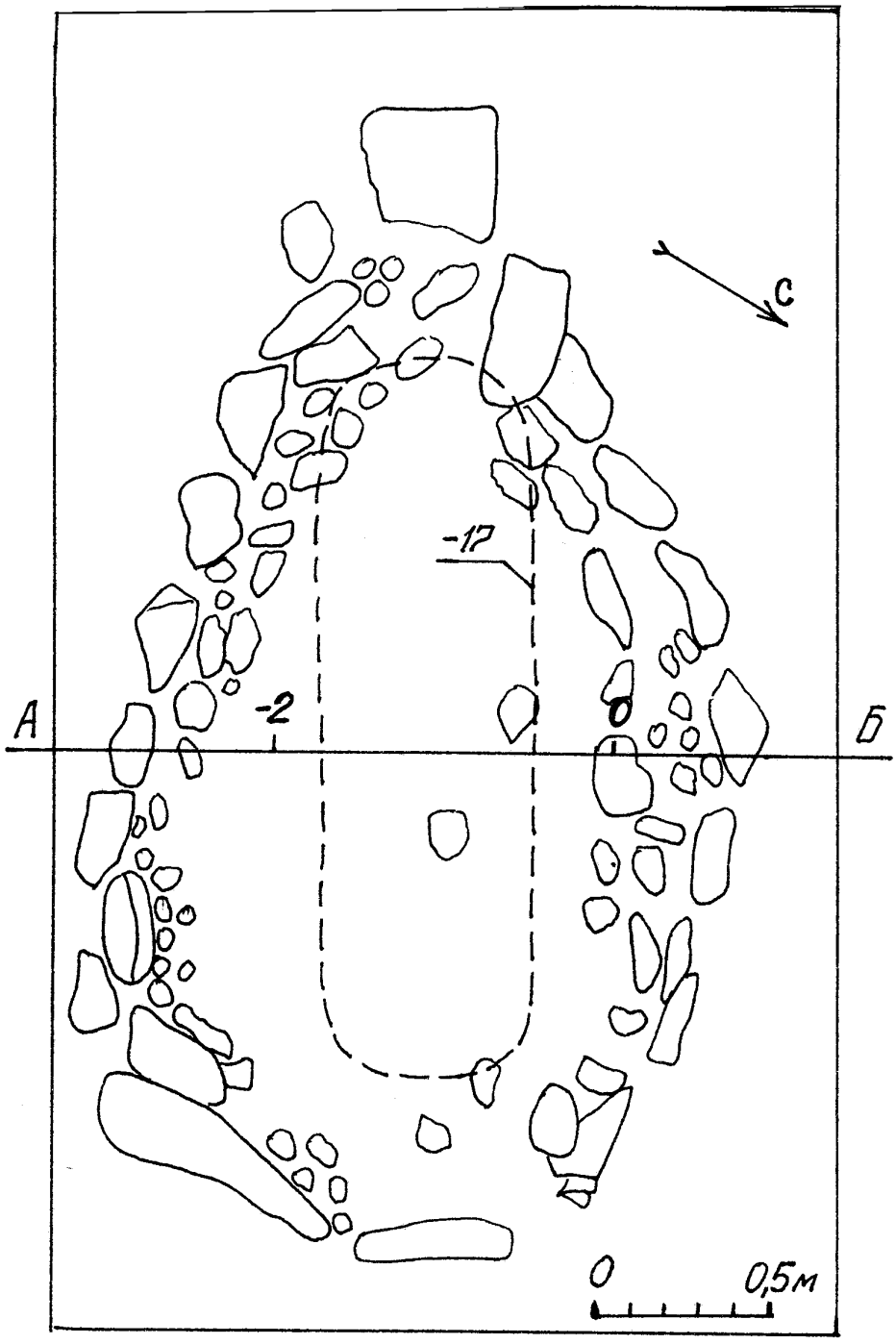


Рис.1

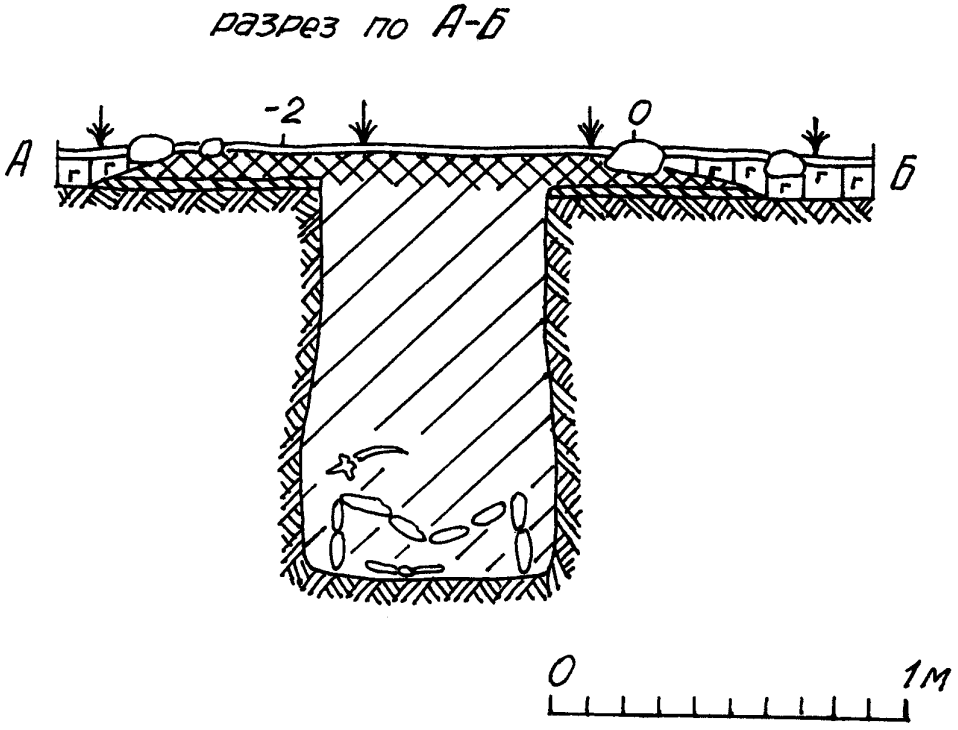


Рис.2

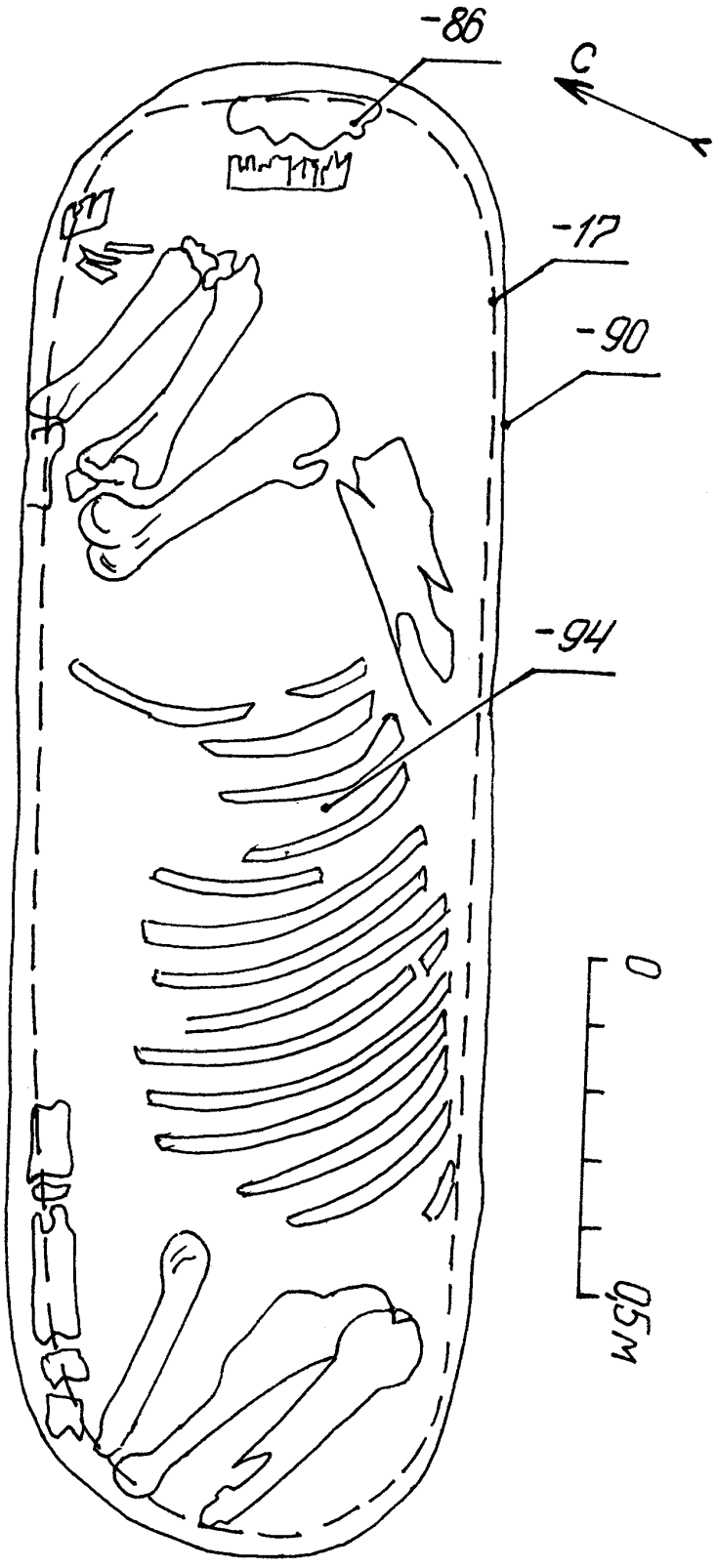
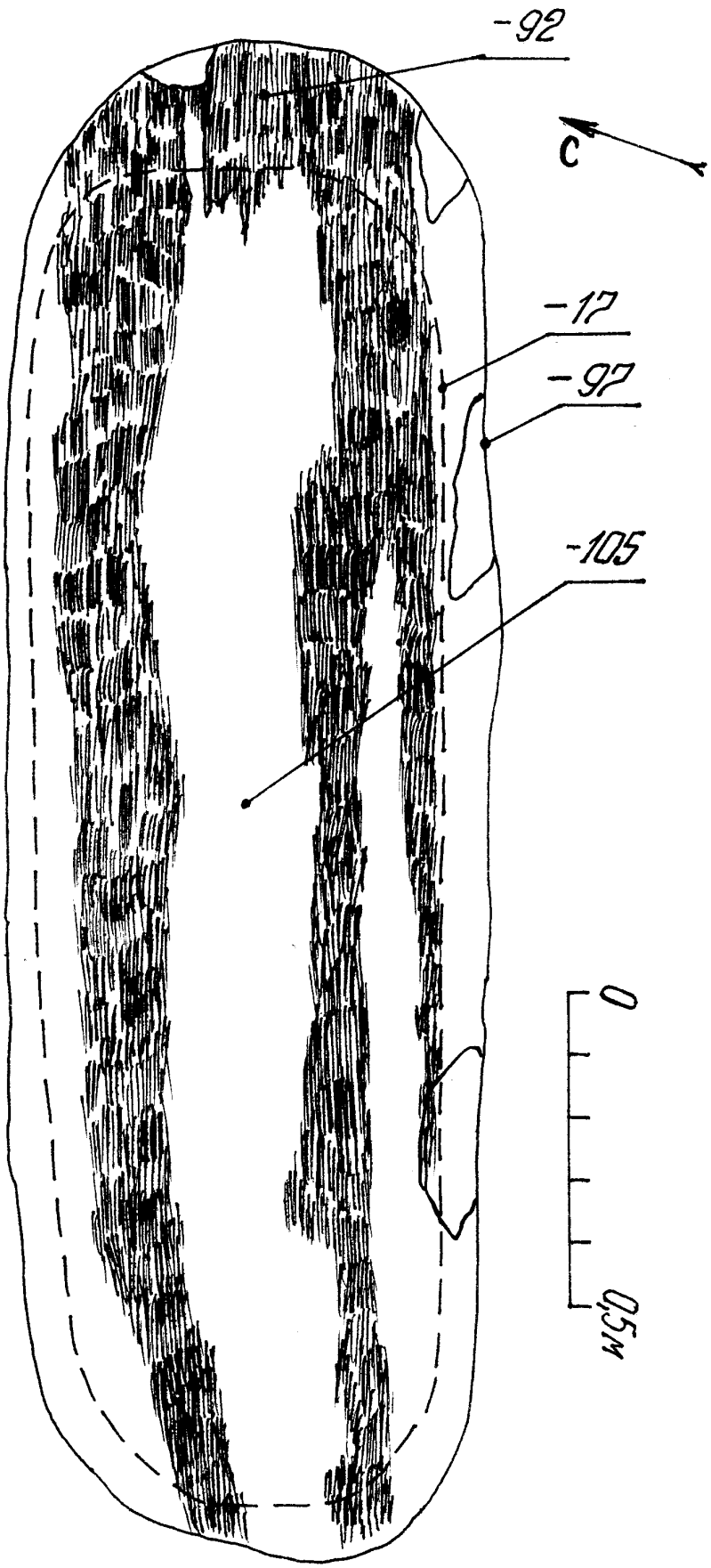


Рис.3


-92
С
-17
-97
-105
0
0,5м

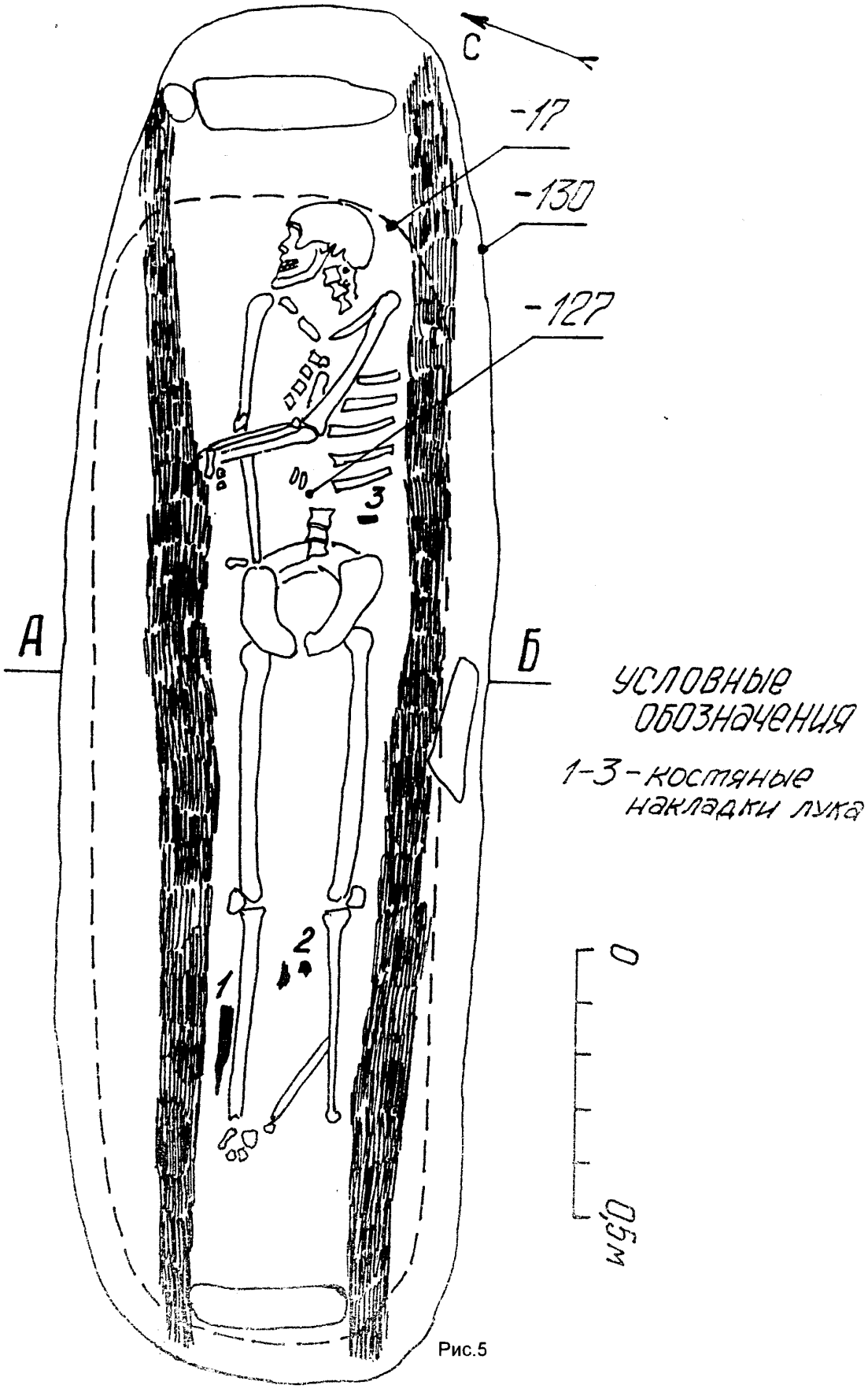

С
-17
-130
-127
А
Б
3
2
1
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
1-3 - костяные накладки лука
0
0,5м

Рис.5

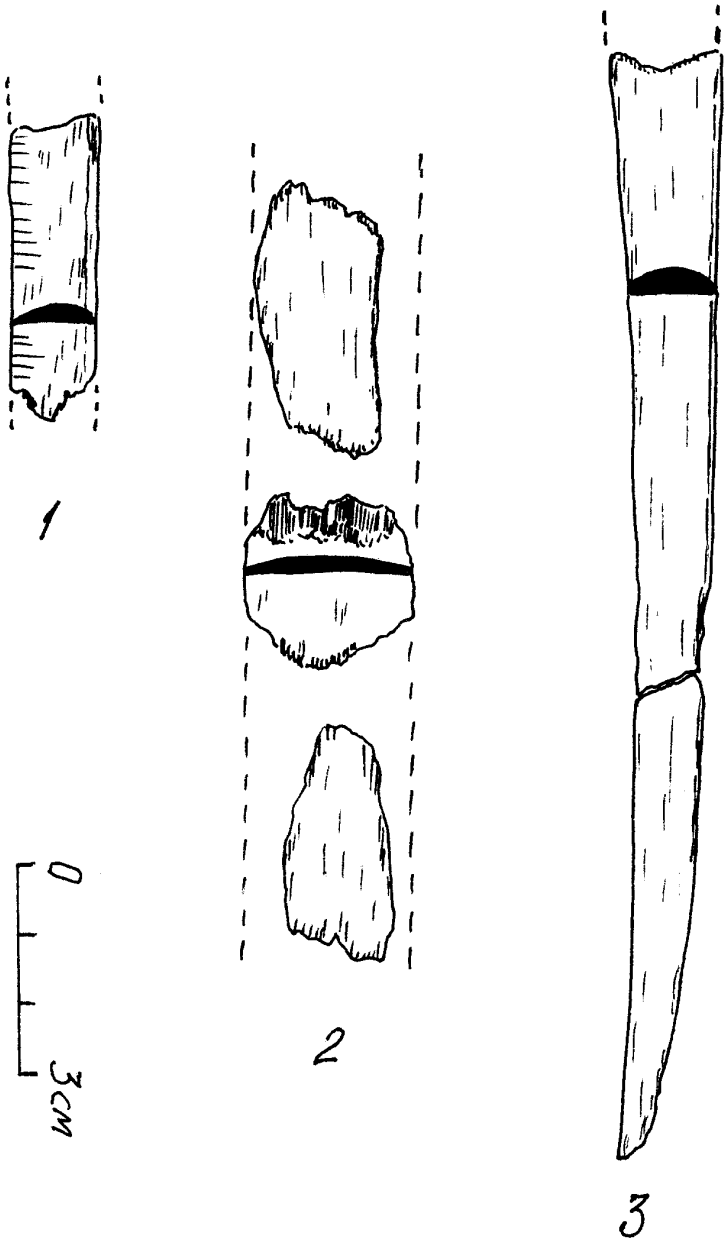


Рис.6

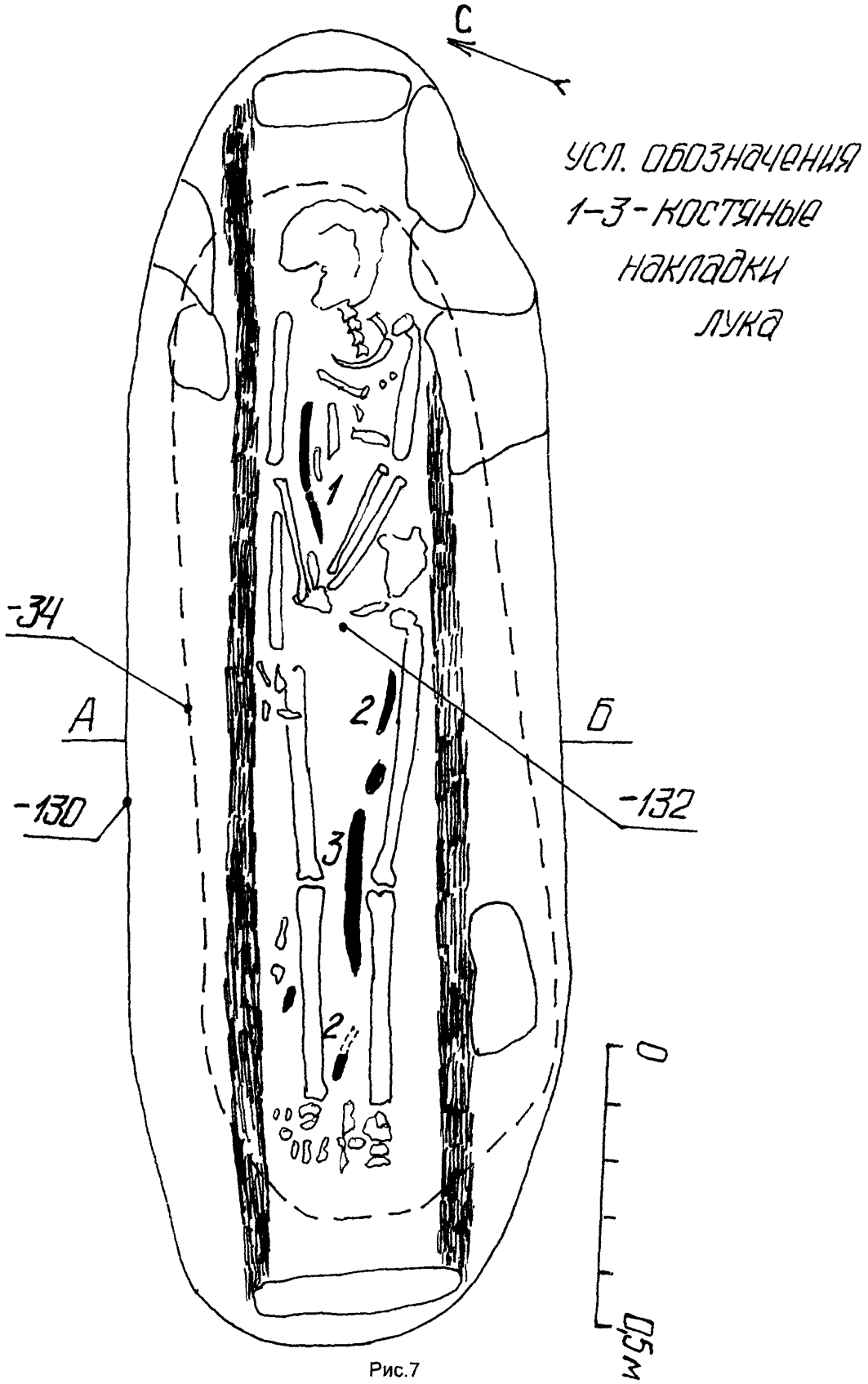

С
УСЛ. ОБОЗНАЧЕНИЯ
1-3 - КОСТЯНЫЕ
НАКЛАДКИ
ЛУКА
-34
А
Б
-130
-132
1
2
3
2
0
0,5 м

Рис.7

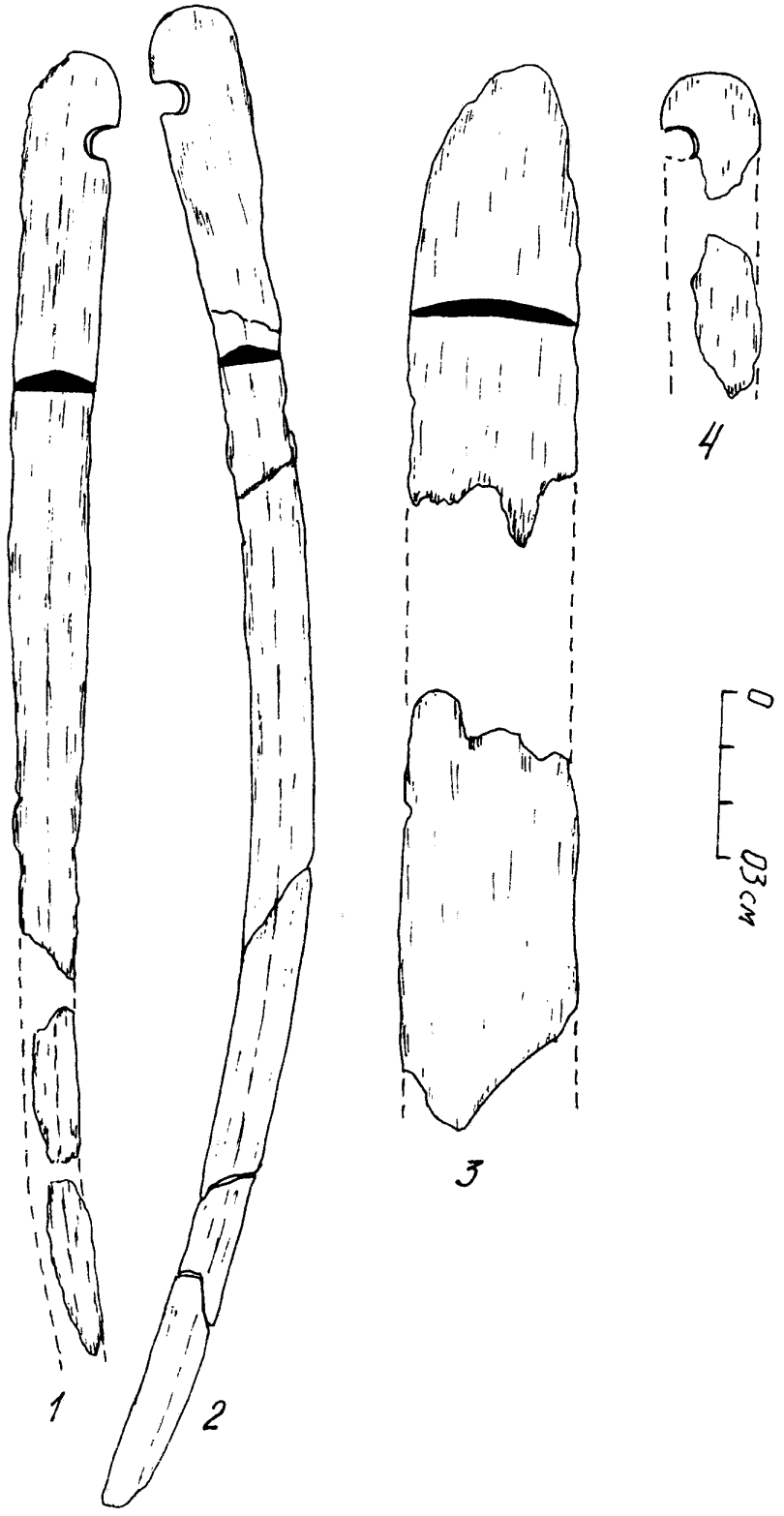


Рис.8

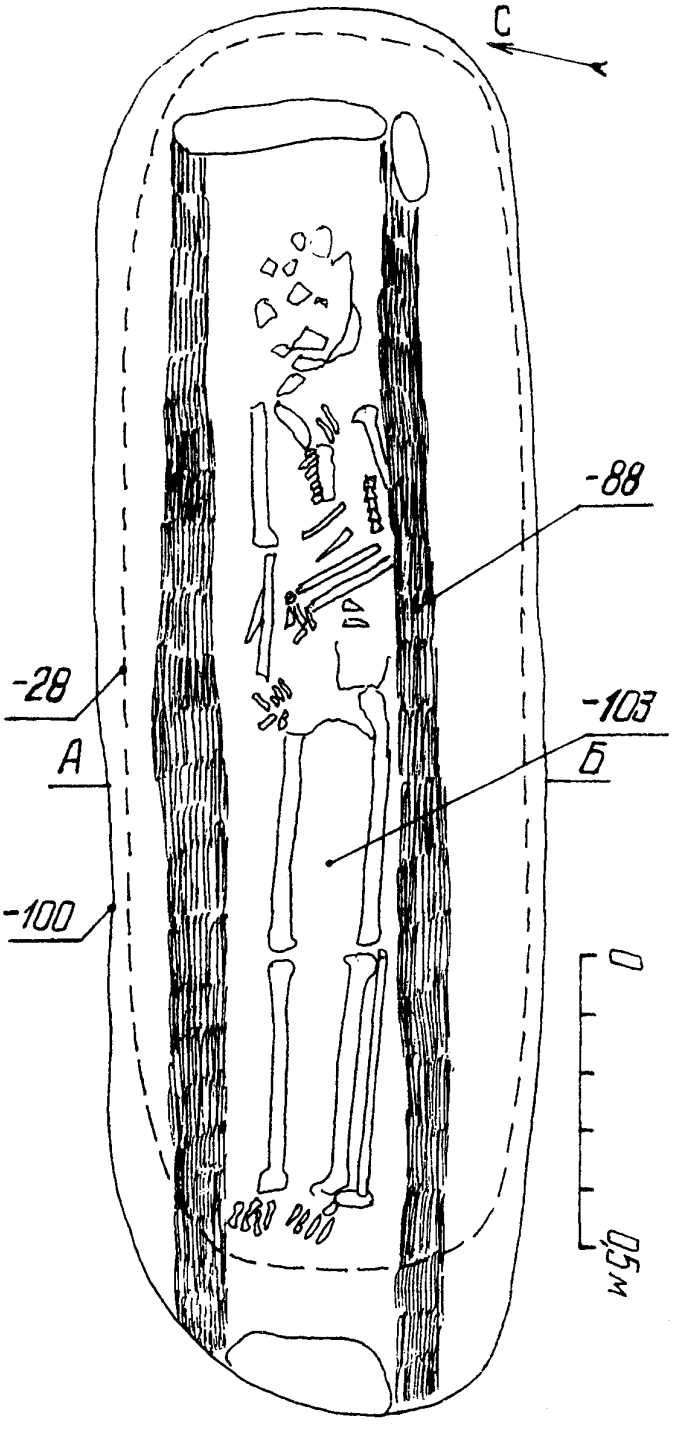


Рис.9

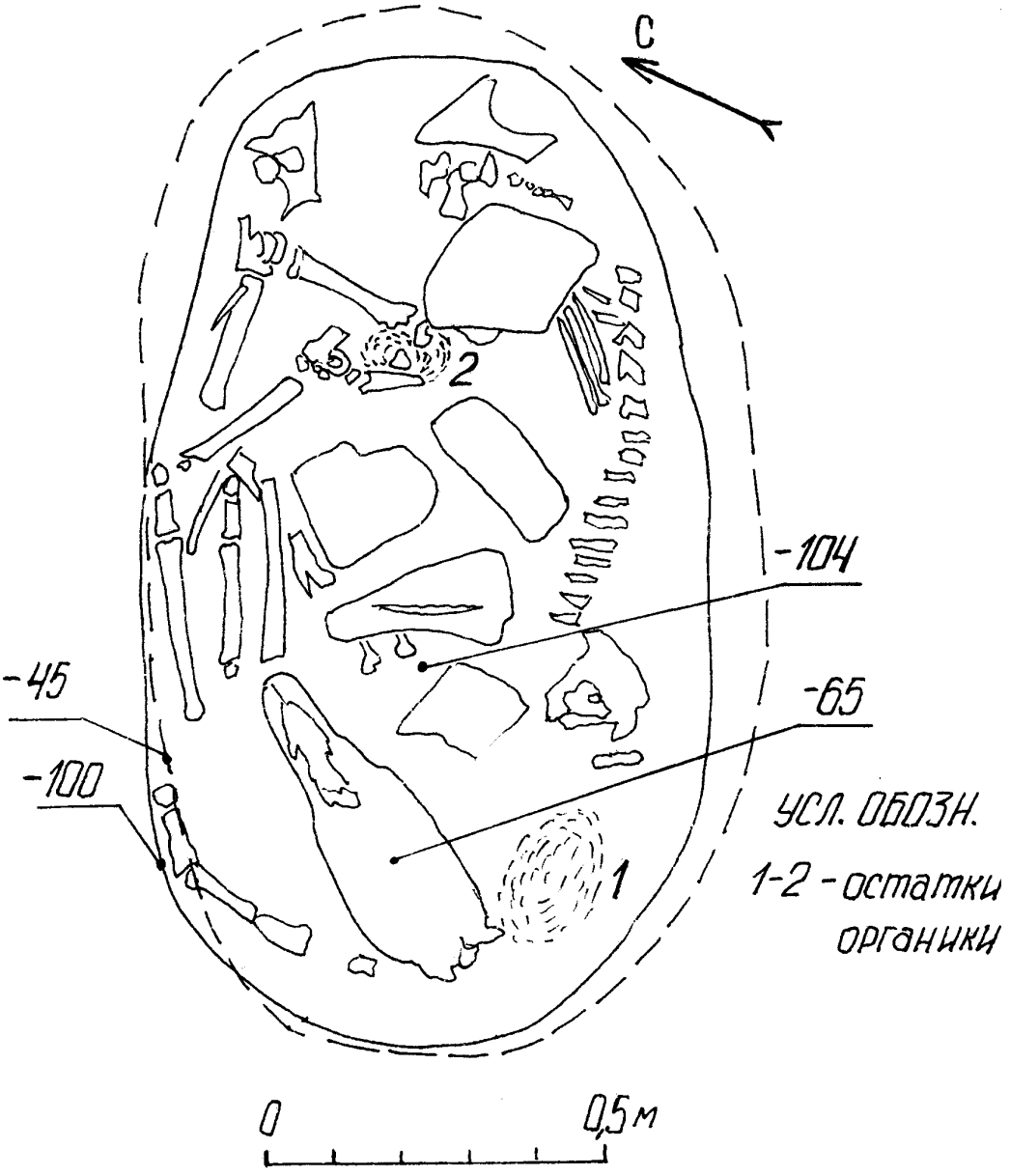


Рис.10

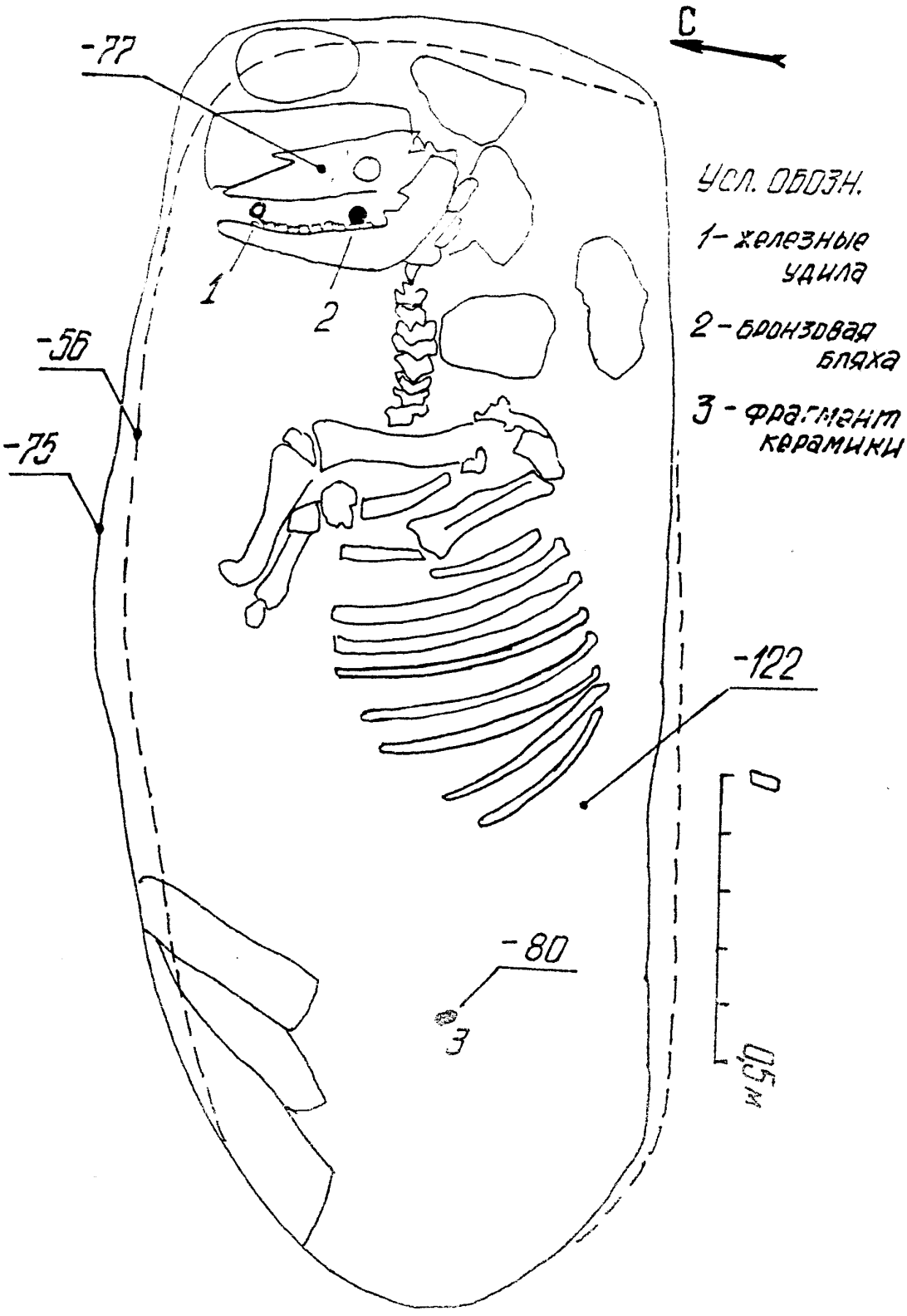

С
-77
-56
-75
-122
-80
1
2
3
УСЛ. ОБОЗН.
1- железные удила
2- бронзовая бляха
3- фрагмент керамики
0
0,5 м

Рис.11

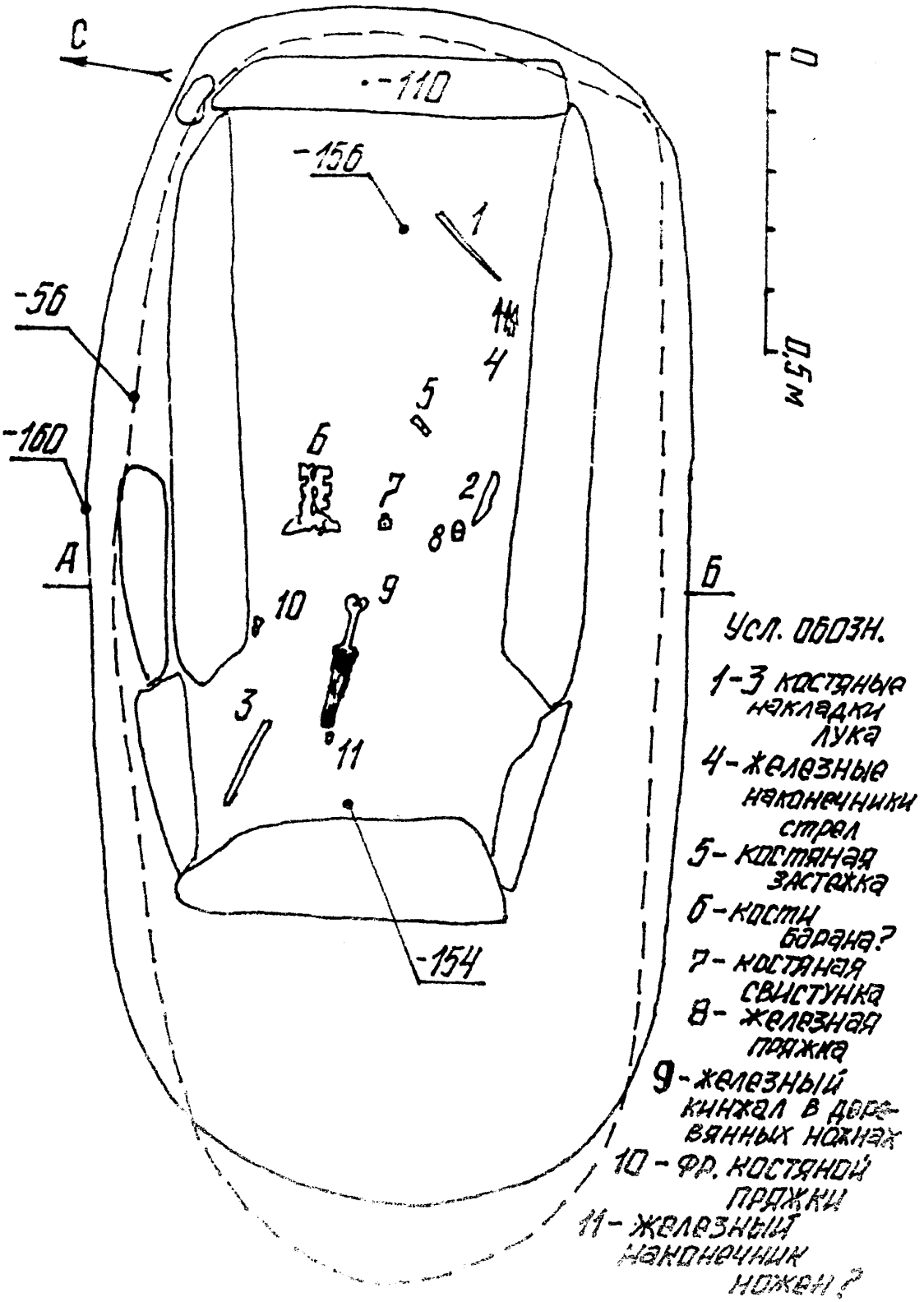

С
-110
-156
1
-56
4
5
-160
6
7
2
8
А
Б
10
9
3
11
-154
0
0,5 м
УСЛ. ОБОЗН.
1-3 КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ ЛУКА
4-ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ
5-КОСТЯНАЯ ЗАСТЕЖКА
6-КОСТИ БАРАНА?
7-КОСТЯНАЯ СВИСТУНКА
8-ЖЕЛЕЗНАЯ ПРЯЖКА
9-ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ В ДЕРЕВЯННЫХ НОЖНЯХ
10-ФР. КОСТЯНОЙ ПРЯЖКИ
11-ЖЕЛЕЗНЫЙ НАКОНЕЧНИК НОЖЕН?

Рис.12

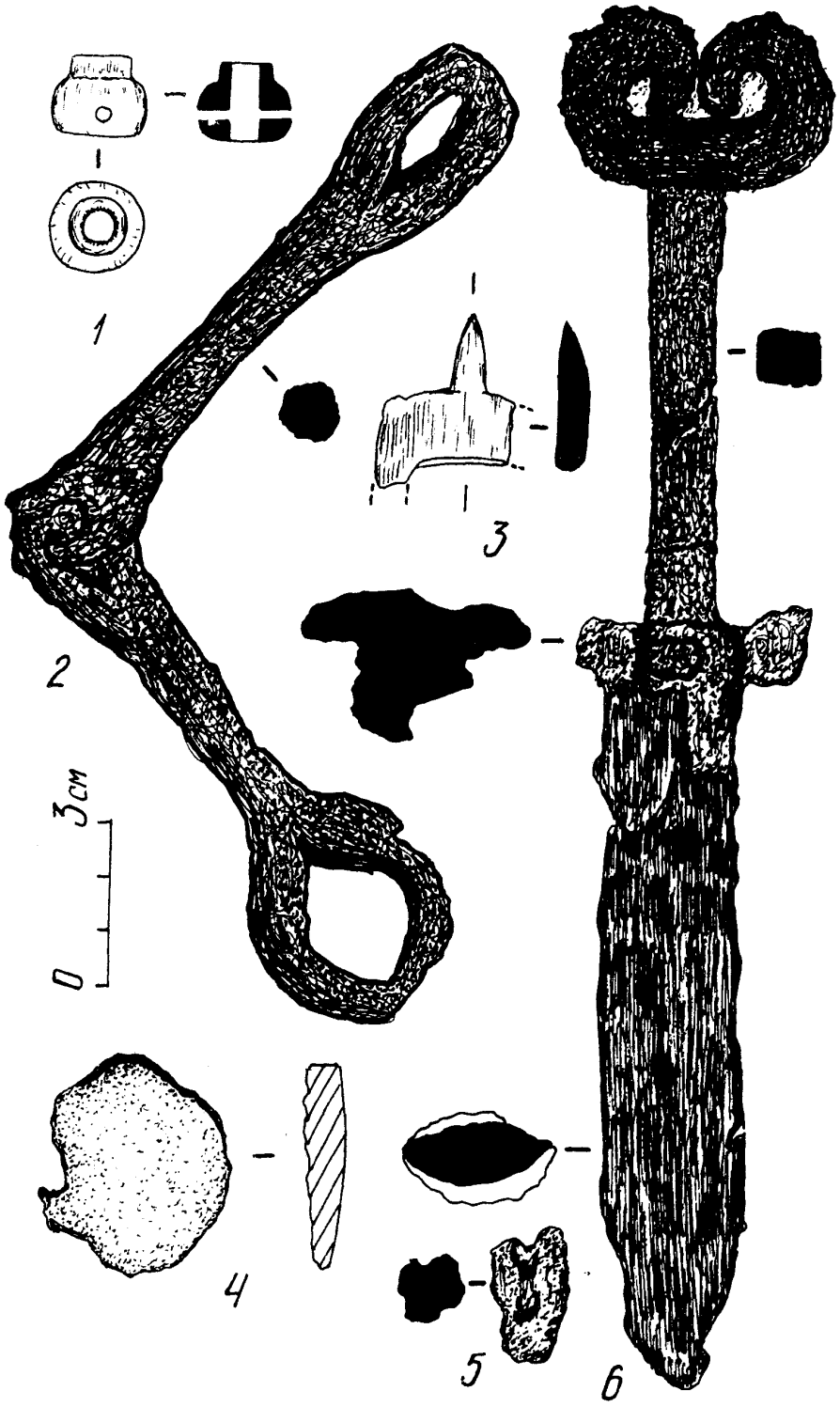


Рис.13

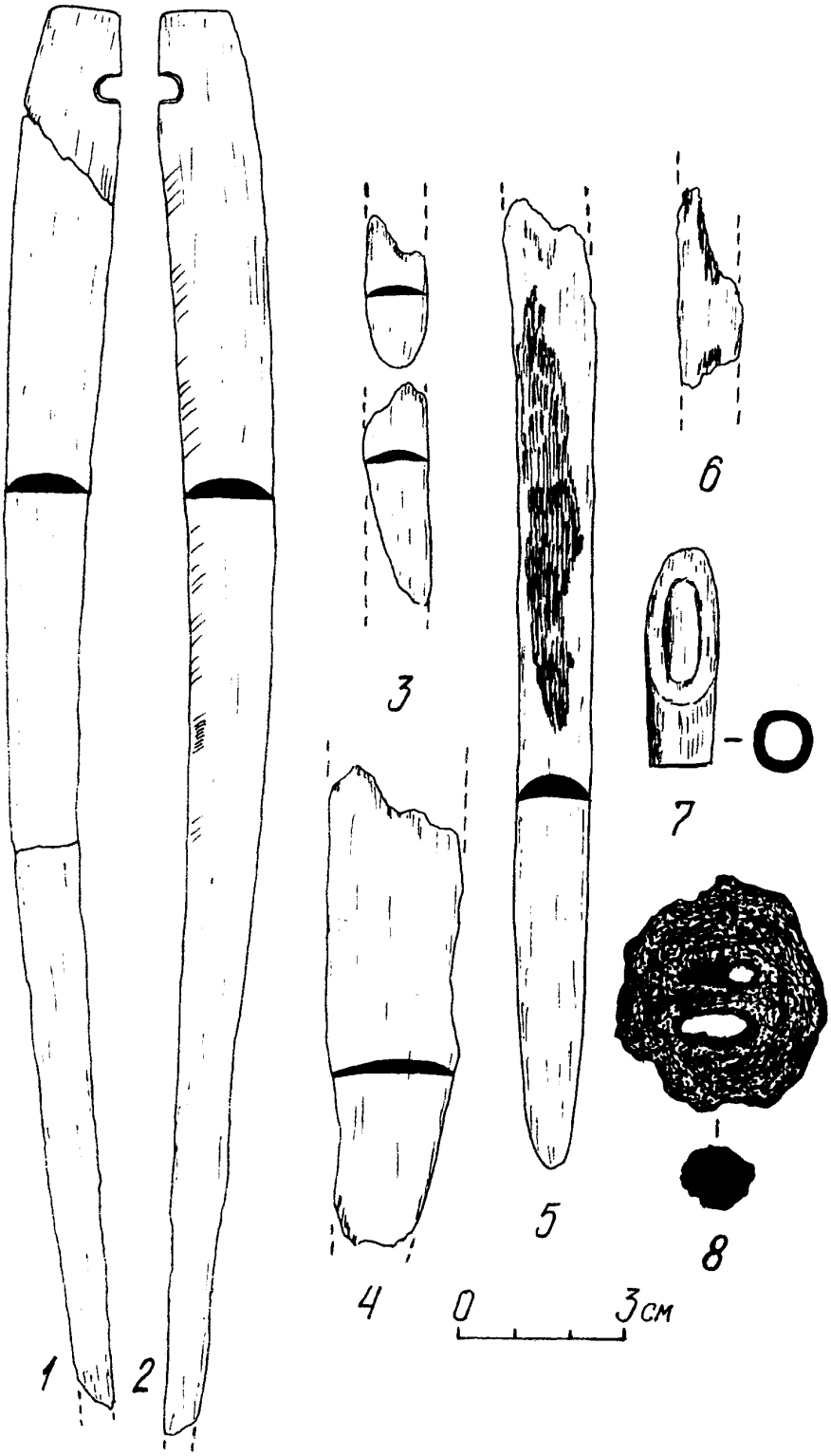


Рис.14

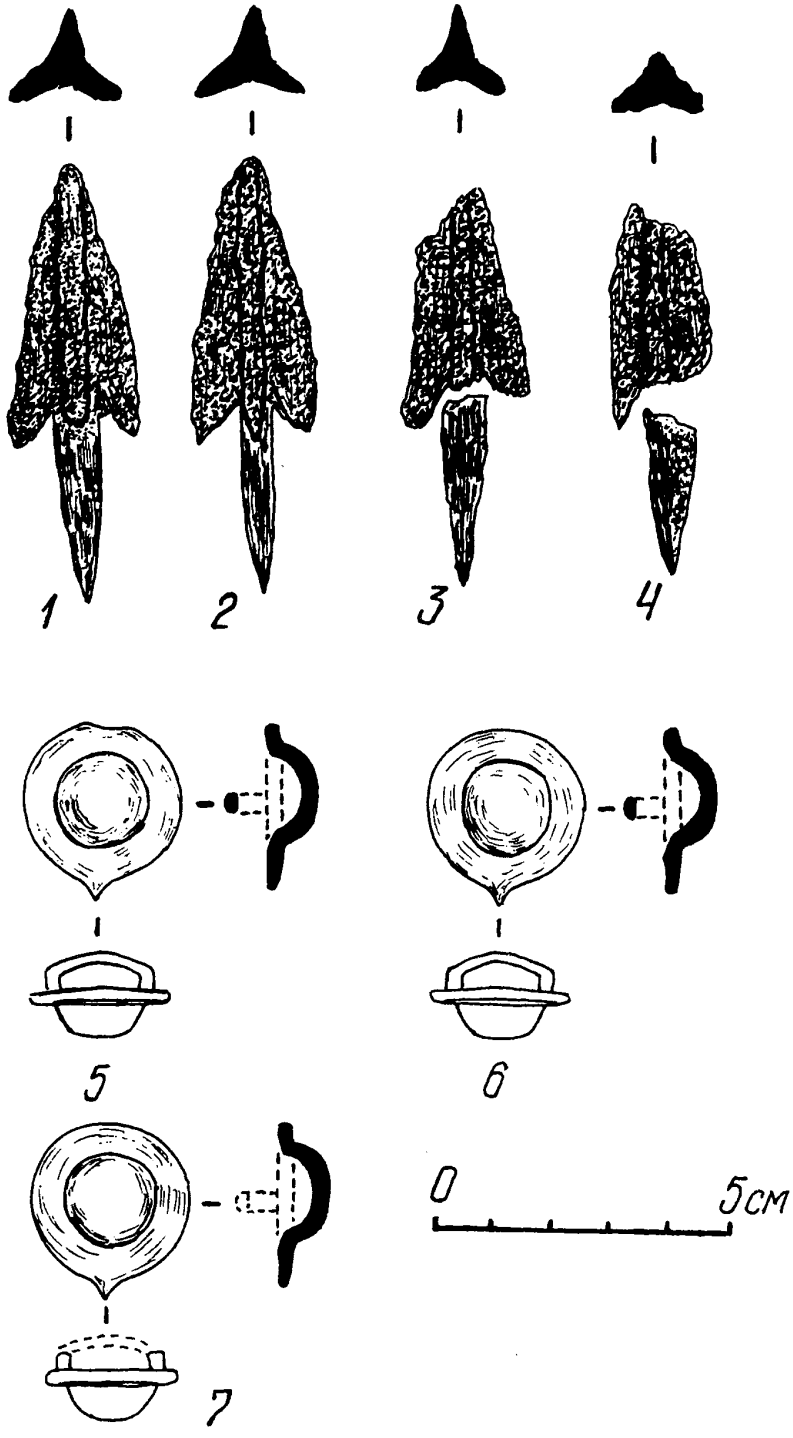


Рис.15

Худяков Ю.С.
(г. Новосибирск)

МАТЕРИАЛЫ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ В МУЗЕЯХ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

На протяжении длительного периода древней и средневековой истории Восточный Туркестан являлся частью Центральноазиатского историко-культурного региона, что обусловило близость с культурами Монголии и Южной Сибири. Это обусловило постоянный интерес среди специалистов, изучающих культурогенез кочевников Саяно-Алтая к археологическим материалам из Синьцзяна. Длительное время изучение памятников древних и средневековых кочевников проводилось путём сборов подъёмного материала с разрушенных стоянок. В последние десятилетия китайские археологи проводили раскопки памятников бронзового и раннего железного века, фиксацию памятников наскального искусства и каменных изваяний. Результаты этих исследований нашли отражение в работах отечественных специалистов, анализировавших публикации китайских археологов.[1] Основное внимание уделено культурам эпохи бронзы и сакского времени. Практически не уделялось внимания памятникам хуннского времени. В китайских изданиях имеются отдельные предметы, которые могут относиться к хунно-сарматскому времени.[2] Однако, у китайских учёных они не получили этнокультурной атрибуции. В этой связи определённый интерес представляют археологические находки хунно-сарматского времени из музейных экспозиций городов Синьцзяна, с которыми имел возможность ознакомиться автор в ходе работы экспедиции ЮНЕСКО «Шёлковый путь» в 1990 г.[3] Хотя определить принадлежность большей части экспонатов к определённому памятнику или культуре не представляется возможным, их анализ позволяет составить известное представление о характере инвентарного комплекса кочевнических культур Восточного Туркестана.

В I тыс. до н.э. территорию Синьцзяна населяли различные племена саков. В III в. до н.э. сюда переселились из более восточных районов племена усуней и юэчжи, частично вытеснившие саков. В конце III в. до н.э. кочевые племена Восточного Туркестана были покорены хуннами.[4] Под давлением хуннов большая часть юэчжей мигрировала в Среднюю Азию. Среди покорённых племён были динлины и гяньгуни. Ранее эти племена было принято локализовать в Северо-западной Монголии и Минусе.[5] Однако, внимательный анализ источников позволили Л.А. Боровковой локализовать их в Восточном Туркестане.[6] Западнее усуней, динлинов и гяньгуней обитали племена кангюй.[7]

Покорив население Восточного Туркестана, хуннские шаньюи ввёл особого чиновника, «управляющего рабами», который «взимал подати со всех владений».[8] Хунны практиковали массовые переселения населения из оазисов Восточного Туркестана в свои владения.[9] В конце II в. до н.э. – первой половине I в. до н.э. ряд владений Западного края был покорён империей Хань. Хунны были вытеснены из бассейна Тарима.[10] После распада хуннской державыв середине I в. до н.э. в Восточный Туркестан совершил поход шаньюй северных хуннов Чжичжи.[11] В конце I в. н.э. орда северных хуннов была уничтожена.[12] Во II-V вв. н.э. борьбу за господство над территорией Синьцзяна вели кушаны, сяньби, жужане, эфталиты.[13]

К сожалению, среди известных археологических памятников Восточного Туркестана в настоящее время трудно выделить комплексы, относящиеся к кочевым культурам хунно-сарматского времени. В музейных экспозициях можно выделить серии предметов относящиеся к кочевникам, или характеризующие влияние номадов на местное оседло-земледельческое население. Среди них наиболее полно представлены предметы вооружения.

В музее г. Корла и экспозиции Института археологии Синьцзяна представлены роговые концевые накладки от сложносоставного лука, происходящие с памятников Хэцин и Лоулан. Они имеют округлый или горизонтально срезанный верхний конец, арочный вырез для крепления тетивы, приострённый нижний конец. Накладки имеют плавный изгиб (рис. 1 - 1-3). Они датированы эпохой Хань.

В историческом музее СУАР экспонируется лук с почти целиком сохранившейся кибитью из захоронения в Ния.[14] Одно плечо кибити имеет деревянный конец с арочным вырезом для тетивы. Спинка и внутренняя сторона одного плеча изготовлены из деревянных планок, между которыми имеется роговая прокладка. При подходе к середине лука плечо обмотано сухожилиями. Второе плечо состоит из двух планок без роговой прокладки. Конец обломан. Середина лука имеет боковые и фронтальную накладки. (рис. 1,2). Памятник относится к восточноханьскому времени.

В экспозиции Института археологии Синьцзяна и Историческом музее СУАР выставлены древки стрел и их обломки из Ния и Лоулана. Это деревянные и цилиндрические стержни с арочным вырезом – ушком для натяжения тетивы. Стрела из Ния имеет деревянное утолщение на конце, на котором должен крепиться наконечник. Древки двух других стрел, хранящихся в колчане заканчиваются выступами, на которые насаживались втульчатые наконечники. На стрелы из Лоулана в нижней части древка нанесены узкие цветные пояски-метки. (рис. 2 - 2, 3, 4). В музеях г. Корла, Куча, Института археологии Синьцзяна и Историческом музее СУАР в г. Урумчи экспонируется значительное количество железных наконечников стрел из памятников Хэцин, Лоулан, Ния и др.

Лишь один наконечник из Ния втульчатый. Он имеет трёхлопастное, удлинённо-треугольное перо и выступающую втулку. (рис. 2 - 8). Среди черешковых наконечников преобладают трёхлопастные, которые делятся на несколько типов.

Тип I. Шипастые. Наконечники с остроугольным, удлинённо-треугольным пером, шипами и вогнутыми плечиками. Происходят из Хэцина и Лоулана. (рис.1 - 5, 11-13).

Тип II. Вытянуто-пятиугольные. Наконечники с остроугольным остриём, пятиугольным пером и прямыми плечиками. Происходят из Хэцина и Кучи. (рис. 1 - 6, 9, 17).

Тип III. Удлинённо-треугольные. Наконечник с остроугольным остриём, удлинённо-треугольным пером и прямыми плечиками. Происходит из Хэцина. (рис. 1 - 7).

Тип IV. Асимметрично-ромбические. Наконечники с остроугольным остриём и пологими плечиками. Происходят из Лоулана и Кучи. (рис. 1 - 10, 15).

Тип V. Удлинённо-ромбические. Наконечник с остроугольным остриём и покатыми плечиками. Происходят из Кучи (рис. 1 - 16). Несколько стрел имеют округлое сечение. Все они относятся к одному типу – удлинённо-треугольных. Происходят из Кучи. (рис. 1 - 14, 18, 19). К хуннскому времени относится большая серия бронзовых втульчатых трёхгранных наконечников стрел с железными наконечниками. Однако, они могут относиться не только к хуннам или местным кочевникам, но и к собственно ханьцам.

В Историческом музее СУАР экспонируется хорошо сохранившийся колчан из Ния. Он имеет деревянный цилиндрический приёмник, окрашенный в красный цвет, перехваченный у горловины кожаной полосой. К тыльной стороне крепится кожаная лямка и кожаные декоративные ремешки. Вероятно, такой колчан носился на лямке за спиной (рис. 2 - 5).

Из оружия рукопашного боя к хунно-сарматскому времени относятся железные однолезвийные кинжалы из Хэцина и Кучи. Один из них черешковый, с обломанным остриём (рис. 1 - 21), другой с кольцевым навершием и выгнутым клинком (рис. 1 - 20).

В целом, набор оружия хунно-сарматского времени из музеев Восточного Туркестана должен относиться к первой половине I тыс. н.э. Хотя в его составе присутствуют отдельные типы, характерные для собственно хуннов, вероятнее всего, он должен относиться к местному кочевому и оседло-земледельческому населению. Влияние хуннского оружия отразилось в форме сложносоставных луков с концевыми накладками и трёхлопастных черешковых стрел. Некоторые типы оружия, как например, луки с плечевыми роговыми прокладками и железные трёхлопастные втульчатые наконечники из Ния совершенно необычны для хуннов. Видимо, это местная переработка известных хуннских и ханьских образцов оружия. Влияние хуннской культуры отразилось и в воинском снаряжении местного населения, в частности, в поясном наборе.

В музее г. Дуньхуан экспонируются детали поясного набора. Среди них имеются бронзовые пряжки с округлой и полуовальной рамкой и поперечной перекладиной, к которой крепился подвижной язычок, (рис. 3 - 1, 2) и бронзовые подвесные кольца. Подобные детали типичны для хуннских поясов.[15] Своеобразны бронзовые накладки с прямоугольным основанием и выступом в виде сердцевидной или трёхлепестковой фигуры (рис. 3 - 5, 10, 11) и накладка с кольцом в центре и пятилучевыми выступами с двух сторон. (рис. 3- 6). В музее г. Хами экспонируются бронзовые накладки в виде двух сферических выступов и выпуклых колец. (рис. 3 - 1-9, 12). Эти предметы не имеют близких аналогий в хуннской культуре. В музее г. Корла выставлена бронзовая пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и прямоугольным щитком с четырьмя заклёпками. (рис. 3- 18). Здесь же экспонируется пряжка с овальной рамкой и обломанным неподвижным шпеньком и блок с вогнутыми сторонами. (рис. 3- 19, 20). В этой экспозиции находится обломок железной поясной пластины в виде двух соединённых кругов. (рис. 3- 21). Все эти предметы происходят с памятника Хэцин. Аналогичные пряжки и поясные пластины характерны для хуннской культуры.[16]

Влияние хуннского звериного стиля просматривается на бронзовой ажурной пряжке с изображением борьбы животных.[17]

Среди предметов поясного набора представлены вещи характерные для хуннской культуры и своеобразные, являющиеся местной переработкой хуннских прототипов. Поясные пряжки и кольца известны в кочевнических культурах, испытавших хуннское влияние.[18] Вероятнее всего, эти предметы относятся к воинскому снаряжению местного населения первой половины I тыс. н.э., культура которого включила престижные элементы хуннской культуры, прежде всего, оружие и воинское убранство.

К хунно-сарматскому времени относятся и некоторые украшения. В музее г. Турфан выставлены золотые полусферические накладки, золотые полые двустворчатые шарики и золотая шестилепестковая бляха-розетка. (рис. 3- 13-17).

Для хуннской культуры подобные украшения не характерны. В Восточном Туркестане шестилучевая бляха-розетка обнаружена в могильнике Алагоу сакского времени.[19] Полусферические бляшки найдены в погребениях Тиллятепе в Афганистане[20] и Усть-Эдиган в Горном Алтае.[21] Они обнаружены в памятниках местных кочевников, относящихся к началу I тыс. н.э. На территории Восточного Туркестана найдены украшения из золота, украшенные зернью и вставками из цветных камней, характерные для кенкольской культуры.[22]

Набор украшений хунно-сарматского времени должен относиться к культурам местных кочевников первой половины I тыс. н.э.

К хуннскому времени можно отнести и отдельные предметы сбруи. В музее г. Турфан к «Эпохе весны и осени» отнесены железные двусоставные удила с однокольчатыми завершиями звеньев и железный стержневой псалий с загнутыми в разные стороны гребенчатыми окончаниями. (рис. 4 – 1, 2). Подобные удила бытуют в кочевом мире вплоть до раннего средневековья. Однако стержневые псалии с уплощёнными окончаниями характерны для хуннского времени.[23] В экспозиции Института археологии Синьцзяна и Историческом музее СУАР выставлены бронзовые двуручные котлы на конических поддонах. Они имеют валики по венчику и по две ручки с коническими выступами сверху. У одного из котлов имеется валик на тулове. (рис. 4 – 3, 4). Подобные котлы были широко распространены в кочевом мире в скифское и хуннское время.[24]

Ещё один бронзовый котёл на коническом поддоне, обнаруженный на восточном Тянь-Шане в районе г. Урумчи, экспонируется в Историческом музее СУАР. У него параболоидное тулово, украшенное горизонтальными и вертикальными валиками, делящими поверхность котла на четыре сектора. Между двумя секторами изображена рельефная стреловидная фигура, ориентированная остриём вниз. На венчике имеется две пластинчатые ручки, украшенные ломанной линией и тремя грибовидными рельефными фигурами. С обеих сторон ручки имеется по одной грибовидной фигуре на венчике (рис. 4 – 5).

Подобные котлы характерны для «европейских гуннов».[25] В Синьцзяне данный котёл может относиться к кенкольской культуре.

В музеях г. Корла и Урумчи представлены вазообразные серо-глиняные гончарные сосуды близкие по форме хуннским.

Большинство предметов, относящихся к хунно-сарматскому времени, из музеев Восточного Туркестана характеризует культуру местного кочевого и оседлого населения первой половины I тыс. н.э. Как правило эти вещи не имеют прототипов в предшествующих сакских культурах
Синьцзяна. Основные элементы военно-дружинной культуры, формы вооружения, сбруи, воинского снаряжения были восприняты местными кочевниками от хуннов, в период их господства в Восточном Туркестане и переоформлены в соответствии с собственными вкусами. Лишь отдельные предметы вооружения и поясного набора находят полные аналогии в хуннской культуре. В то же время большинство украшений не имеют сходства с хуннскими и были распространены среди ираноязычных сарматоидных кочевников. Некоторые элементы культуры имеют широкое распространение во всём кочевом мире, носят общекочевнический характер.

Обзор материалов хунно-сарматского времени из музеев Восточного Туркестана открывает возможность для изучения процесса культурогенеза в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. -М., 1988.-С. 136-189; Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. - М., 1992.-С. 115-123.
2. Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Материальная культура древних народов Синьцзяна).- Пекин, 1985.- Рис. 120, 121, 183; Ли Юй Чунь. Миньфэнсянь дунхань муцзан (Восточно-ханьское захоронение в уезде Миньфэн) // Синьцзян каогу саньшинянь.- Урумчи, 1983.- С. 64.
3. Худяков Ю.С. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту «Шёлковый путь» на территории КНР // Известия СО АН СССР, История, филология, философия.- 1991.- вып.- I.- С. 71; Он же. По «Шёлковому пути»: археологические коллекции в музеях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяна // Общество и государство в Китае. – М., 1991.- ч. 3.- С. 177.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.- Л., 1950.- ч. I.- С. 48.
5. Бартольд В.В. Киргизы // Соч.- М., 1963. – ч. 2, ч. I.-С. 471; Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА – М.-Л., 1949.-№ 9.- С. 267-272.
6. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VI в. н.э. – М., 1989.- С. 62.
7. Там же. – С. 64.
8. Восточный Туркестан …- С. 251.
9. Там же. – С. 251.
10. Там же. – С. 252.
11. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии …- С. 62.
12. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – М., 1973.- вып. 2.- С. 84.
13. Восточный Туркестан …- С. 260-264.
14. Ли Юй Чунь. Миньфэнсянь …- С. 64.
15. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.- табл. IX, 3, 4.
16. Там же. – Табл. XIII, 6, 7.
17. Синьцзян гудай …- Рис. 121.
18. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.- Табл. 94, 76; 113, 9.
19. Восточный Туркестан …- Рис. 30.
20. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе.- М., 1989.- Рис. 31.
21. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Известия СО АН СССР. История, филология, философия., 1991.- вып. 2.- Рис. 3, 3-6.
22. Синьцзяна гудай …- Рис. 173.
23. Коновалов П.Б. Хунну … - Табл. VI, 8.
24. Степная полоса …- Табл. 39, 67; 56, 7; 89, 15-18; 101, 11; 107, 32, 50; 120, 28, 29.
25. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – Рис. 4а, 1-3.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ХУДЯКОВА Ю.С.

Рис.1. Оружие: 1-4 – накладки на лук, 5-19 – наконечники стрел, 20-21 – кинжалы.

Рис.2. Оружие и снаряжение: 1 – лук, 2-4 – древки стрел, 5 – колчан.

Рис.3. Детали пояса и украшения: 1-4, 18-20 – пряжки и кольца, 5-13, 15, 16 – бляшки и накладки, 14, 17 – шарики, 21 – пластина.

Рис.4. Детали сбруи и котлы: 1 – псалий, 2 – удила, 3-5 – котлы.

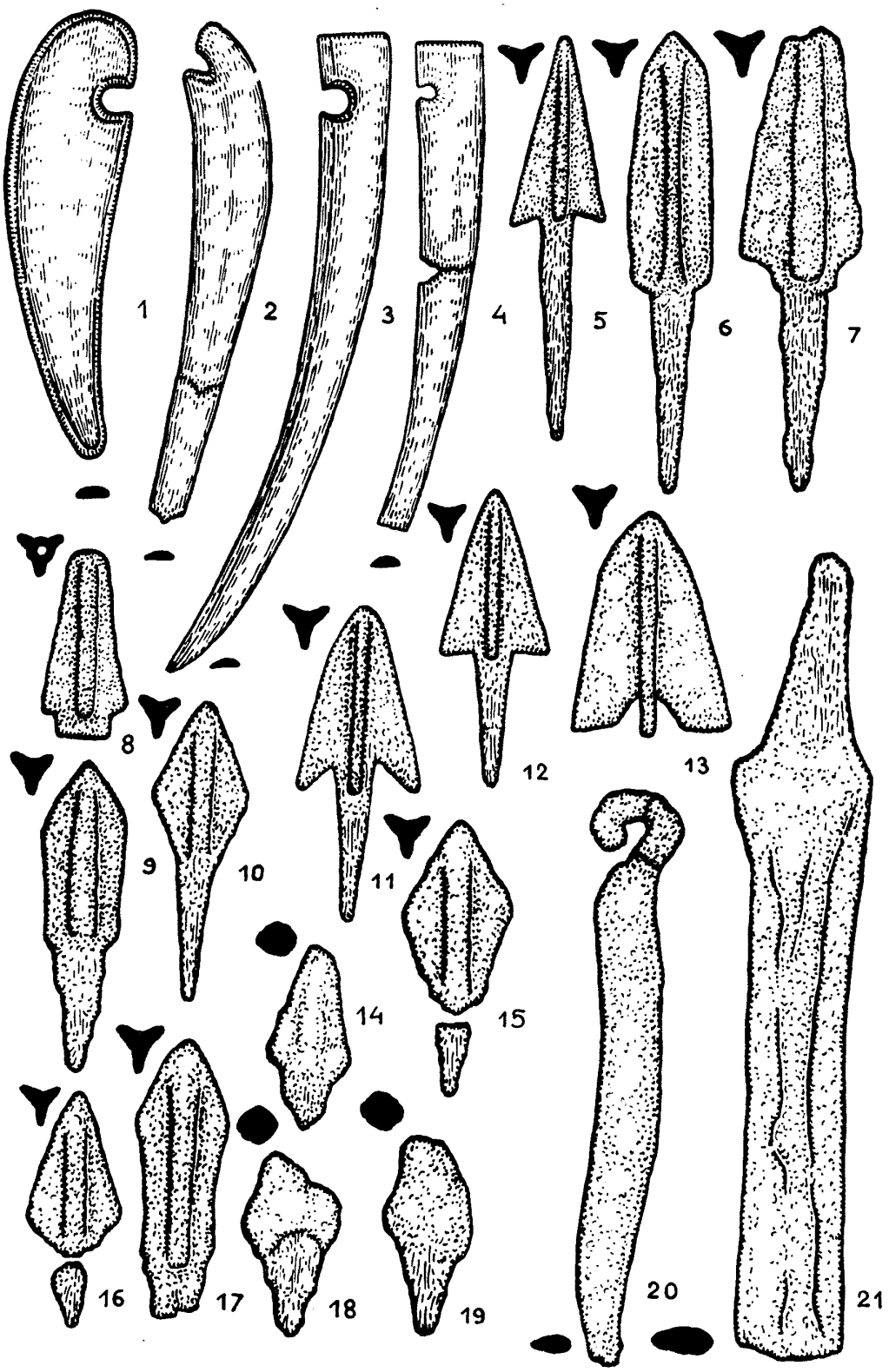


Рис.1

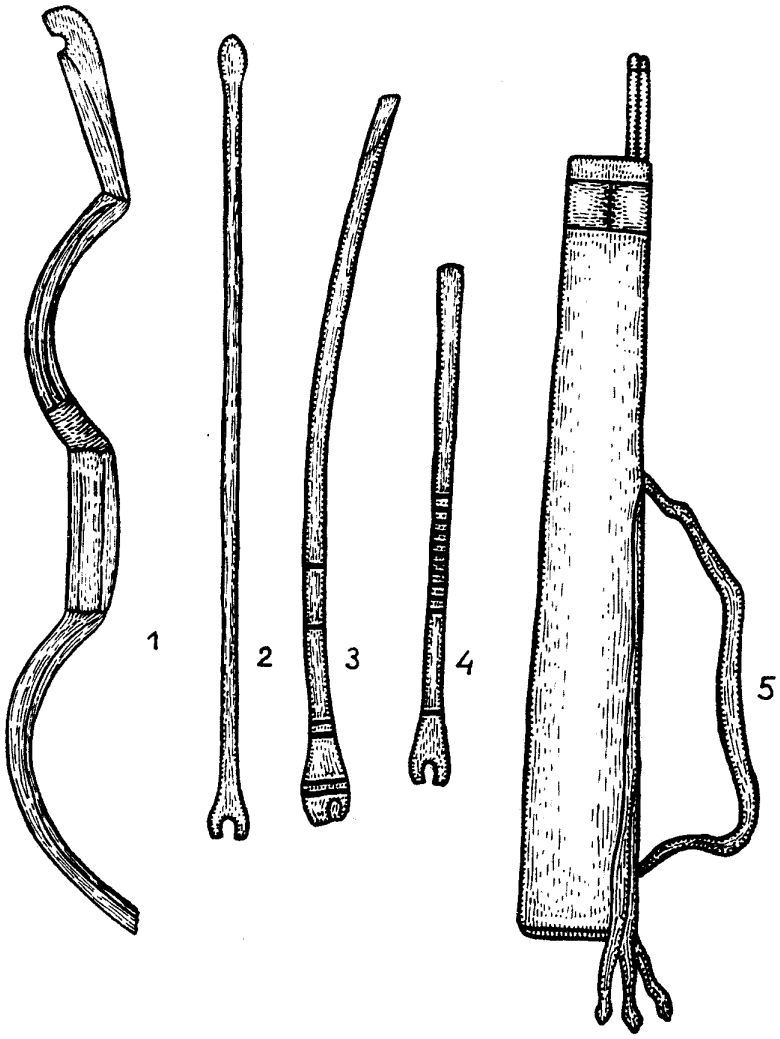


Рис.2

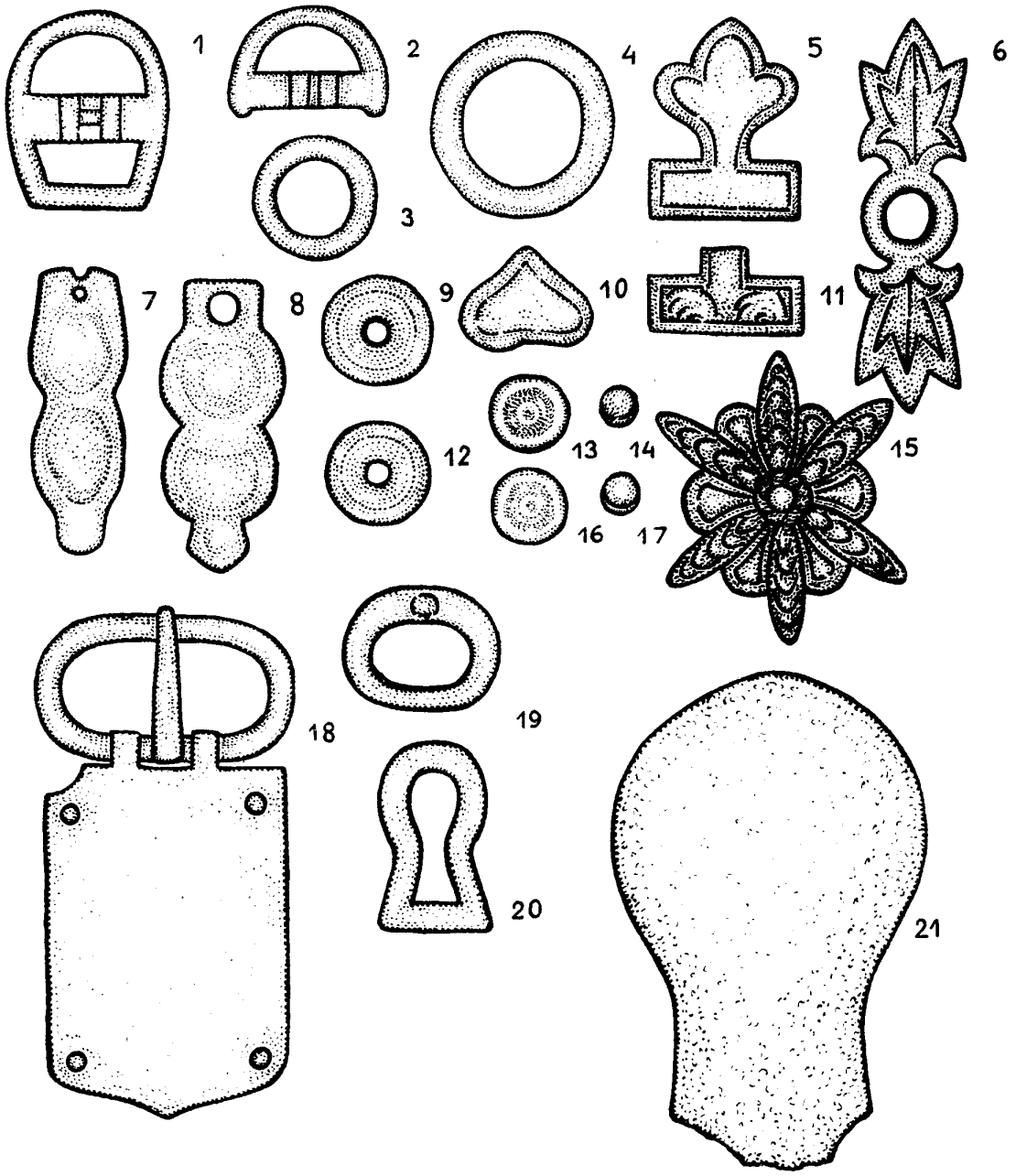


Рис.3

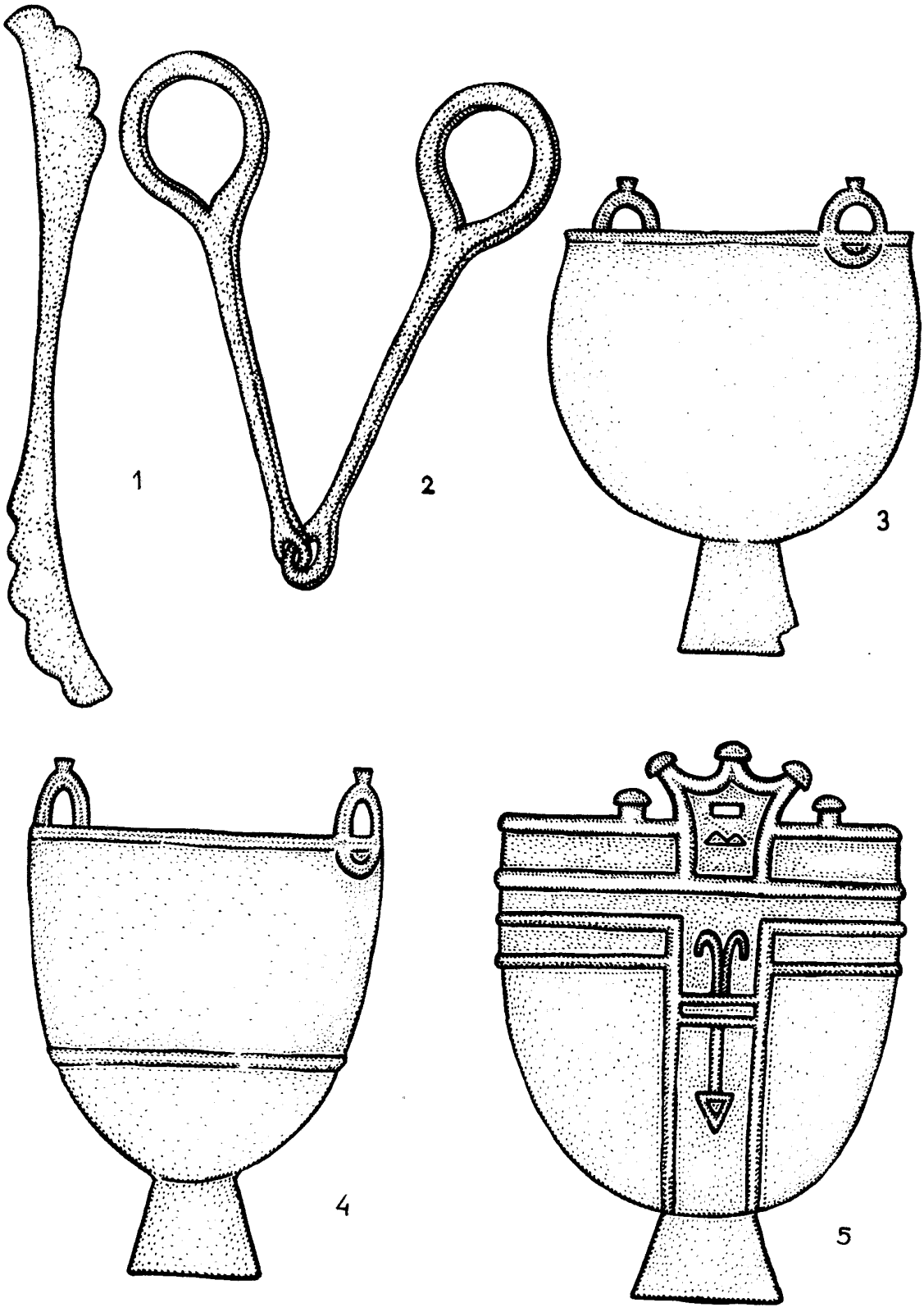


Рис.4

Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В.
(г. Новосибирск, г. Минусинск)

АЖУРНАЯ ПЛАСТИНА ОРДОССКОГО ТИПА ИЗ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

Бронзовые прямоугольные ажурные пластины, выполненные в зверином стиле, являются достаточно типичными для гуннского времени восточной части евразийских степей (Минусинская котловина и Ордос).

В фондах Минусинского музея хранится (шифр: МКМ № 11665) поясная ажурная пластина в прямоугольной рамке (рис. 1). Местонахождение ее неизвестно. Размеры пластины: 11 х 5 см.

По краю пластины наблюдаются прямоугольные углубления, возможно, в оригинале, гнезда для инкрустации. Внутри рамки заключена композиция в виде двух копытных животных (оленей ?) располагающихся в статичной, можно даже сказать, "геральдической "позе : крест-накрест, кусающих друг друга за хвост. Стоит отметить, что поверхность тел животных достаточно хорошо проработана плавным невысоким рельефом. Открытые пасти выделены прорезями, уши имеют вытянутую листовидную форму и направлены назад. Четко выделены миндалевидные глаза и каплевидные ноздри. Венчает головы животных рога, похожие на ветвь дерева с отходящими от нее отростками (листьями). На шеях прорисованы полоски шерсти (холки).

Обращает на себя внимание неестественно вывернутые перекрещенные передние (правая и левая) ноги животных и преувеличенно длинные закрученные хвосты.

Прямоугольное отверстие (справа) для шпенька на пластине показывает, что мы имеем дело с деталью поясного набора (возможно, пряжкой)*.

Данная пластина из Минусинского музея имеет два принципиальных отличия от других аналогичных вещей скифо-сарматского времени из Сибири. 1) У оленей - длинные и тонкие тела, каплевидные ноздри, губы и уши тоже удлинены, - что придает образам животных некие "драконьи черты". 2) Два оленя не борются между собой, а лишь кусают друг друга за хвост, и при этом образуя "Х-образное" (перекрещенное) взаиморасположение. Нам не удалось найти точную аналогию пластине из Минусинского музея, но анализ каждого в отдельности элемента данного изображения позволяет сделать вывод об ее ордоском происхождении.

Известно, что изображения дракона появляются уже с неолитического времени в Китае, но на пластинах - только с гуннского времени, причем, сюжет распространяется на довольно большую территорию. (рис.2-1 - Коллекция Петра 1 (Ростовцев, 1932); рис.2-3 - Иволгинский могильник(Давыдова, 1996), погребение №4 на о. Осинском (Смотрова, 1992), Сидоровский Курган (Матющенко, 1997), случайная находка с памятника Иланьхугоу (Catalog for.., 1997), коллекция А.В. Адрианова и коллекция С.Т. Loo (Дэвлет, 1980) и коллекция A.M. Sacler (Catalog for.., 1997); рис.2-5 - курган "Короля Наньюэ" пров. Гуандун (Хуан Чжань Юэ; 1996); рис.2-6 - памятник Даодуньцзы пров. Нинся (У Энь, 1988) и коллекция из Institute of Silk Road (Япония) (Catalogue for.., 1997).

Изображения дракона в бронзе свидетельствует о взаимовлиянии культур : китайский вкус (взгляд на вещи) появляется у степных, кочевых народов, и с другой стороны , - в Китае стали тоже использоваться бронзовые вещи со "степным" звериным стилем. Вообще, подобные изделия, выполненные с несомненным художественным изяществом, имели в гуннское время очень широкое бытование. Не случайно, что пластины с драконом найдены и в "Царском Кургане" Южного Барбара Китая и в Сибири. Поэтому, можно предположить, что олени с длинными телами и ушами на пластине из Минусинска изображены под влиянием "драконовидного орнамента" из Китая.

Хотелось бы указать на еще одну очень важную деталь - олени на пластине изображены крест-накрест и находятся, так сказать, в ″геральдической″ позе. Подобный тип пластин был отмечен еще М.И. Ростовцевым (Ростовцев, 1932). Однако, сюжет на минусинской пластине является уникальным, так как изображена не сцена терзания или борьбы, что было бы совершенно характерным для даннного региона в скифо-сарматскую эпоху. В связи с этим, очень интересна пластина из коллекции ″The Far East Museum″ (Sweden), на которой изображены две птички (утки?) с переплетенными шеями (рис.2-9), и их головы ориентируются по краям пластины (У Энь, 1988) И хотя эта пластина является случайной находкой, можно предположить, учитывая некоторую стилизацию изображения, что она найдена где-то в северной части Китая. Интересно, что сюжет с ″переплетенными″ шеями (рис.2-10) отмечен нами на дисковой черепице Государства Чинь (Лю Ли, 1983). Государство Чинь находилось в северо-западном Китае, (сейчас - пров. Шэньси, и Нинся), а к северу от него - Барбары (археологическая ордоская культура). В археологических памятниках государства Чинь, часто находят различные предметы с изображениями выполненными в зверином стиле, что свидетельствует о взаимосвязи между Барбаром и Китаем (Лю Ли, 1983). Черепица, приведенная на нашем рисунке, датируется Лю Ли - 5-3 вв. д. н. э, то есть позднескифским временем. Однако, если судить по внешним признакам, (о чем уже было сказано выше) то данную вещь с изображениями оленей можно датировать гуннским временем. И все же, мы попытаемся уточнить датировку, используя материалы из памятников, имеющих аналогичные пластины в комплексе с другими находками. Обратим внимание на прямоугольные углубления на рамке пластины. Подобных вещей достаточно много в ордоских материалах (рис.2-7, Ордоские бронзы, 1986). Пластины, только с краем, который

украшался наклонной линией, встречаются уже с 4 в. д. н. э.(например, Алучайдэн и Сигоупань - Ордосские бронзы 1986). Однако, вплоть до рубежа эр встречались углубления на рамках ажурных пластин в виде каплевидной формы и лишь потом они повсеместно переходят в наклонную линию. В качестве иллюстрирующего примера можно отметить, ажурные пластины из ″Tenli university collections″ и Иланьхугоу (Catalog for...1997), которые датируются 1-2 вв. н. э. А пластины из гуннского могильника Даодуньцзы (рис.2-2,6,8) имеют и тот и другой типы рамок (У Энь 1988). Этот памятник, благодаря найденным в нем китайским монетам, сравнительно точно датирован: со второй половины 1 в.д.н.э. до рубежа н. э.

Учитывая все вышесказанное, нам представляется возможным датировать ажурную пластину из Минусинского музея - 2 в.д. н. э.

* В виду того, что данное утверждение является не бесспорным, то в дальнейшем мы будем придерживаться термина ″пластина″.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс // Т.2. СПб 1996г.
2. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в.д.н.э. - Iв.н.э.// САИ вып. Д-4-7 М.1980г.
3. Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Н-ск 1997.
4. Смотрова В.И. Находки бронзовых ажурных пластин в Прибайкалье // Сб. Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск 1980г.
5. Ростовцев М.И. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Скифика. Петербургский археологический сборник №5 СПб 1993г.
6. Ван Жэнь Сян Краткое сообщение о пряжках // Каогу 86-1.
7. Лю Ли О происхождении черепицы типа Цинь с звериным стилем в Чжаньго время // Каогу ю вэнъу цонган -83-3.
8. Сунь Дзи Поясные пряжки из золота и серебра // Вэнъу 94-1
9. Takahama Shu An ordos plaque from Bactria // The Ancient Oriental Museum, Vol. III, 1981
10. Тянь Гуан Дзин и Го Шао Син // Ордосские Бронзы, Пекин 1986г.
11. Они же // Древние бронзовые культуры Северного Народа (Обзор китайских бронз), №15, Пекин, 1995.
12. У Энь Гуннские могильники Даодуньцзы в Тунсинь, Нинся // Каогу сюэбао 88-3..
13. Он же. Краткое сообщение о фантастических зверях и некоторые вопросы, связаны с ними //Каогу ю вэнъу 94-3.
14. Он же. О происхождении древнего звериного стиля в Северном Китае //Каогу ю Вэнъу 94-3.
15. Хуан Чжань Юэ О проблемах связанных с пряжками со звериным стилем, найденными на территории Лянгуан (пров. Гуандун и Гуанси) // Каогу ю вэнъу 96-2.
16. Catalogue for «Mounted Nomads of Asian Steppe - Chinese Northern Bronze». (Текст Такахама Шу) //Tokyo 1997.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ КАН НИ УКА, БОГДАНОВА Е.С., ЛЕОНЬТЕВА Н.В.

Рис.1. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея.

Рис. 2. Ажурные пластины.

1) коллекция Петра I (собр. Гагарина);
2) могильник Даодуньцзы (м. 1);
3) Иволгинкий могильник (м. 100);
4) Курган «Короля Наньюэ», пров. Гуанчжоу- (рег. Н. Е 21)
5) Курган «Короля Наньюэ», пров. Гуанчжоу- (рег. Н. D 73-1)
6) Могильник Даодуньцзы (м. 14)
7) коллекция С.Т. Лу
8) могильник Даодуньцзы (м. 19)
9) коллекция ″The Far East Museum″ (Sweden)
10) дисковая черепица государства Чинь

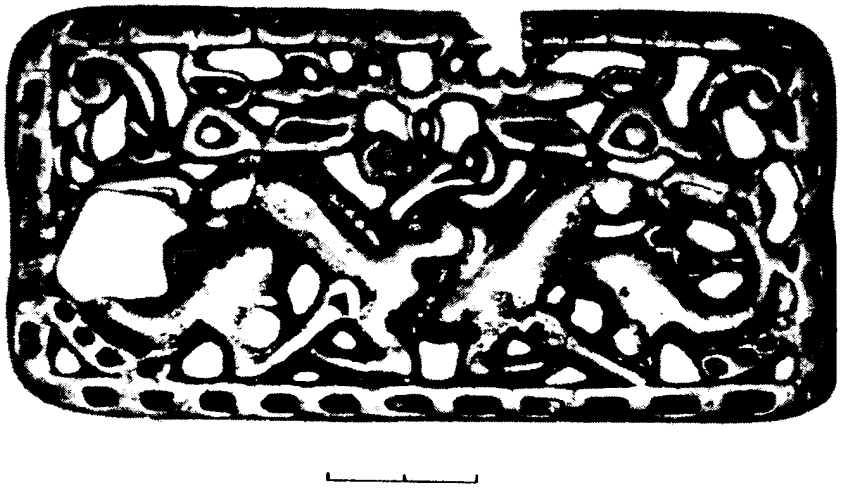


Рис.1

1

2

3

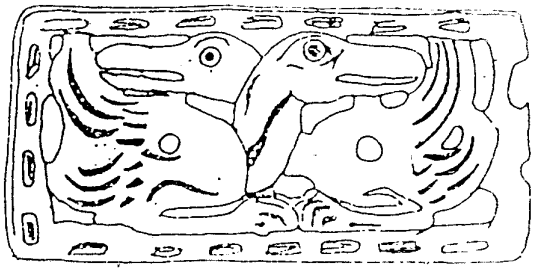
4

5

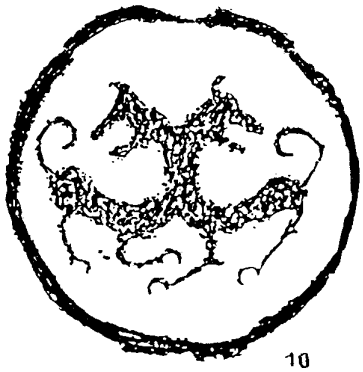
6

7

8



9



10

Рис.2

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа
(г. Новосибирск)

СЯНЬБИ И ЮЖНАЯ СИБИРЬ

В мировом и отечественном востоковедении прочно утвердилось мнение о важной роли в этнокультурогенезе монгольских народов племён сяньби, обитавших в Центральной и Восточной Азии в первой половине I тыс. н.э., которое опирается на китайскую летописную традицию. Первостепенное значение для этой темы имели переводы на русский и европейские языки китайских источников, в которых содержатся сведения о происхождении, истории и культуре племён сяньби. На русский язык эти источники переведены Н.Я. Бичуриным, Н.В. Кюнером, В.С. Таскиным.[1] Анализ и интерпретация этих сведений, реконструкция последовательности исторических событий, в которых принимали участие племена сяньби, в особенности, их отношения с хунну и Китаем, затрагивались во многих трудах, посвящённых истории Центральной Азии. Среди них заметным явлением была работа Г.Е. Грумм-Гржимайло, выделившего «сяньбийский период» в истории Центральной Азии.[2] Сведения о взаимоотношениях хуннов и сяньбийцев систематизированы в книгах Л.Н. Гумилёва.[3] Роль сяньби в этногенезе монгольских народов подробна рассмотрена Л.Л. Викторовой.[4] По её мнению, роль сяньбийцев в истории Центральной Азии «чрезвычайно велика».[5] Из работ, вышедших в последние годы необходимо отметить разделы, посвящённые этнической истории, общественному устройству и социальным отношениям у сяньбийцев в трудах В.С. Таскина, М.В. Воробьёва, Е.И. Кычанова.[6]

В исторической литературе зарубежных стран сяньбийской проблематике также уделено значительное внимание. В трудах китайских и японских исследователей анализировались сведения письменных источников о сяньби. В последнее десятилетие всё большее значение для изучения данной темы приобретают работы китайских археологов на территории Внутренней Монголии и соседних провинций северного Китая, которые идентифицировали с культурой племён сяньби исследованные ими памятники первой половины I тыс. н.э.[7]

Свой вклад в разработку этой темы внесли и монгольские учёные. В работах Г. Сухбаатора племена сяньби и хунну рассматриваются как подразделения единой дуально-фратриальной организации, протомонгольской по своей этнической принадлежности.[8] Этому автору принадлежит неудачная попытка выделения памятников сяньбийской культуры на территории Монголии. Он безосновательно отнёс к сяньбийскому времени антропоморфные скульптуры из Дариганги.[9] Как было убедительно доказано Д. Баяром эти памятники относятся к юаньской эпохе.[10]

Отсутствие данных об археологической культуре племён сяньби негативно сказывалось на реконструкции процесса культурогенеза не только на территории Монголии, но и Забайкалья, что приводило к попыткам отдельных исследователей заполнить имеющуюся лакуну на основании косвенных признаков, отличающих отдельные памятники от «классических» хуннских. Е.В. Ковычев, на основании таких отличий, отнёс к культуре сяньби несколько захоронений, исследованных в Восточном Забайкалье в разные годы.[11] Л.Л. Викторова отнесла к числу сяньбийских некоторые городища Восточной Монголии, отличающиеся от типично хуннских, ориентацией стен по странам света.[12] Разумеется, такие отличия, сами по себе, не могут свидетельствовать о сяньбийской принадлежности памятников.

Важную роль в идентификации конкретных памятников на территории Центральной Азии с культурой сяньби мог бы сыграть сравнительный анализ с комплексами, изученными в Китае. Однако, материалы раскопок сяньбийских памятников на территории Китая остаются малоизвестными для специалистов из других стран. Отдельные сведения о погребальных памятниках сяньби, раскопанных в Китае содержаться в работах Г. Мэнэса и М.В. Воробьёва.[13] Приведённые данные, по необходимости очень краткие, дают некоторое представление о погребальном обряде и сопроводительном инвентаре сяньбийских могильников, но не могут служит основой для сравнительного анализа. Отдельные находки из сяньбийского могильника Лаохэшэнь воспроизведены в статье М.В. Горелика.[14] Разумеется, эти предметы не могут характеризовать предметный комплекс сяньбийской культуры в полном объёме, и задача её характеристики остаётся актуальной.

Что касается вопроса о взаимодействии племён и государственного объединения сяньби первых веков н.э. с населением Южной Сибири, то со времени выхода в свет работы В.В. Бартольда утвердилось мнение, что сяньби не сыграли никакой роли в этнокультурогенезе южносибирских кочевников. Приведя сведения китайских источников о борьбе сяньбийского вождя Таньшихуая с динлинами, он предположил, что речь должна идти о столкновениях с их южными соседями, гянь-гунями - кыргызами.[15] Аналогичным образом представляет ситуацию в Центральной Азии в период возвышения сяньби Л.Р. Кызласов. Свидетельство источника о том, что Таньшихуай «на севере остановил динлинов», он считает доказательством в пользу того, что «динлино-гяньгуньские племена» воевали с сяньбийцами в Центральной Азии и сяньбийцы «не захватили Хакасско-Минусинской котловины».[16] Археологические материалы таштыкской культуры также не свидетельствуют о каких-либо изменениях, что было бы неизбежно в условиях сяньбийского завоевания. В дальнейшем Л.Р. Кызласов уточнил, что сяньбийцам

не удалось захватить не только Минусинскую котловину, но и Туву, где «никаких изменений в это время не произошло».[17] В то же время С.И. Вайнштейн допускал, что динлины, в том числе кочевое население Тувы, после разгрома северных хуннов могли попасть в зависимость от сяньбийцев.[18] М.И. Рижский предполагал, что владения сяньби на западе простирались «чуть ли не до Урала».[19] Археологи, изучавшие памятники хунно-сарматского времени в Туве, Горном Алтае и Минусе отмечали влияние южных, центрально-азиатских кочевников на этногенез и культурогенез местных саяно-алтайских племён, при этом почти единодушно отождествляли их исключительно с хуннами, или зависимыми от хуннов племенами.[20] Д.Г. Савинов констатировал, что памятники сяньбийцев в северных районах Центральной Азии не выявлены.[21] Мнение Л.Н. Бернштама о принадлежности сяньбийцам Оглахтинского могильника в Минусе, он счёл маловероятным.[22] Для подобных выводов у специалистов по археологии Южной Сибири были известные основания, поскольку памятники культуры сяньби, исследованные в Китае оставались им практически недоступны. Безусловно, это осложняло решение важных вопросов этнокультурогенеза кочевников Центральной Азии. В настоящее время имеется возможность охарактеризовать основные элементы сяньбийской культуры по материалам исследованных в Китае археологических памятников. Это позволит провести сравнительный анализ с погребальной обрядностью и сопроводительным инвентарём синхронных культур Саяно-Алтая, уточнить их хронологию и определить характер контактов местных кочевников с сяньбийцами.

Сведения письменных источников о пределах западной экспансии сяньбийцев очень лаконичны. Они относятся ко времени правления Таньшихуая. В середине II в. н.э. Таньшихуай «на севере отразил динлинов», а на западе «нападал на усуней» и овладел всеми бывшими хуннскими землями, простиравшимися с востока на запад на 14 тысяч ли.[23] В другом источнике сказано, что владения Таньшихуая составляли 12 с лишним тысяч ли с востока на запад и 7 тысяч ли с юга на север.[24] Свои владения он разделил на три аймака. Западный аймак включал земли до г. Дуньхуан и земель усуней в Притяньшанье. В его состав было включено 20 кочевий во главе со старейшиной, который подчинялся Таньшихуаю.[25] Это деление соответствовало прежнему делению Хуннской державы.[26] Вероятнее всего, сяньбийская экспансия в западном направлении была продиктована стремлением контролировать торговые пути и подчинить своему влиянию кочевые племена северных районов Центральной Азии. Кочевники Саяно-Алтая могли контактировать именно с западным аймаком сяньбийского объединения.

На данной территории обнаружены отдельные памятники хуннской культуры и элементы её влияния на погребальную обрядность и предметный комплекс местных культур хунно-сарматского времени: улуг-хемской и кокэльской культур в Туве, Тесинского этапа тагарской и таштыкской культуры в Минусе, булан-кобинской и кок-пашской культур в Горном Алтае.[27] Однако, сравнительный анализ этих комплексов с материалами из памятников сяньбийской культуры свидетельствует, что ряд элементов предметного комплекса улуг-хемской и таштыкской культур не находит непосредственных аналогий в хуннской культуре, но имеет соответствия в сопроводительном инвентаре сяньбийских могильников. Среди предметов торевтики, относящихся к поясной фурнитуре, обнаруженных в отдельных погребениях на могильнике Аймырлыг XXXI в Туве - бронзовые поясные бляхи с профильным рельефным изображением крылатого коня-единорога; прорезные подвесные бляхи с изображением переплетённых ветвистых оленьих рогов; бронзовые бляшки с изображением вертикально стоящей фигуры копытного животного, вероятно, лани, с головой, повёрнутой назад; бронзовые бляхи с изображением бегущей лошади; парные бляхи и пряжка с изображением парных противостоящих фигур оленей на фоне ветвистых деревьев.[28] А.М. Мандельштам и Э.У. Стамбульник относят этот памятник к племенам «сюнну или, что вероятнее, какому-то родственному им племени».[29] Изображение единорога они интерпретируют как крылатого коня; парные фигуры оленей - как «геральдически расположенных фигур стоящих цервидов», или быков; прорезные бляхи - как изображение растительного орнамента; бляшки с фигурами ланей с повёрнутой назад головой - как изображение оленей.[30]

Бронзовая прорезная подвесная бляха с изображением переплетённых ветвистых рогов обнаружена в таштыкской грунтовой могиле на памятнике Салбык в Минусинской котловине. Э.Б. Вадецкая считает её «ажурной бляхой» хуннского типа.[31]

Хотя исследователи Южной Сибири традиционно связывают подобные предметы торевтики с хуннской культурой, в собственно хуннских комплексах аналогичных сюжетов в орнаментации поясной фурнитуры нет. В них - традиционные образы скифо-сибирского звериного стиля: кошачьих хищники, грифоны, олени, горные козлы, аргали. Встречаются изображения лошадей, ланей, быков, головы животных и сцены терзания. Изображения животных в хуннской торевтике выполнены в особой стилистической манере.[32] По репертуару и стилю изображений аймырлыгские и салбыкская бляхи, безусловно, отличаются от хуннских. Однако, подобные предметы торевтики представлены в поясной и сбруйной фурнитуре в составе сопроводительного инвентаря сяньбийского могильника Лаохэшэнь, исследованного китайскими археологами в провинции Гирин. В могильнике Лаохэшэнь обнаружены парные массивные бронзовые бляхи прямоугольной формы и с расширенным округлым краем, орнаментальное поле которых занято про-

фильным рельефным изображением крылатого коня-единорога. Изображение единорога имеется и на округлых подвесных бляхах, которых в Южной Сибири пока не обнаружено. В могильнике Лаохэшэнь найдены и прорезные бляхи со стилизованными изображениями оленьих рогов, аналогичные аймырлыгским и салбыкским. На этом памятнике обнаружены бляшки с фигурой стоящей лани с повёрнутой назад головой, подобные аймырлыгским (Рис.1,2). Имеются в памятниках сяньбийской культуры и бляхи с изображением бегущей лошади. Многие лаохэшэньские бляхи с изображениями животных, как и южносибирские, покрыты позолотой.[33] Набор предметов торевтики из могильника Лаохэшэнь разнообразнее, чем в синхронных памятниках Южной Сибири. В этом памятнике найдены узкие бронзовые орнаментированные пластины со шпеньком-заклёпкой и крюком в виде головы змеи; пластины-поножи с двумя петлями и гравированными изображениями извивающихся драконов и профильное изображение идущей птицы. На одной поясной бляхе изображён тигр в прыжке, с раскрытой пастью. На узкой бронзовой пластине имеются профильные изображения идущих онагров. В материалах сяньбийской культуры имеются бляшки в виде профильных рельефных изображений лежащих лошадей. Особого внимания среди персонажей орнаментации сяньбийской торевтики заслуживает изображение единорога. Как отметил С.А. Комиссаров, изображение крылатого коня-единорога находит соответствие в упоминаниях китайских источников о поясных пряжках с изображением «благовещего зверя», согласно легенде проведшего сяньбийцев через суровые испытания.[34] Бронзовые позолоченные бляшки с профильным рельефным изображением крылатого коня-единорога, помимо Лаохэшэня найдены и в могильнике Чжалайнор.[35] Находка бляшки с изображением единорога в могильнике Аймырлыг в Туве свидетельствует о распространении подобных сюжетов на торевтике далеко за пределами основного района распространения сяньбийской культуры.

Сравнительный анализ погребальной обрядности и состава сопроводительного инвентаря сяньбийских и южносибирских памятников затруднён тем, что материалы могильника Аймырлыг XXXI и Салбык, в отличие от памятника Лаохэшэнь изданы суммарно.[36] Поэтому трудно сказать, имеются ли на этих памятниках погребения сяньбийцев.

Среди опубликованных типов погребений могильника Аймырлыг и таштыкских грунтовых могил нет аналогичных лаохэшэньским захоронениям сяньбийского времени. Вероятнее всего, южносибирские памятники принадлежат местным кочевым племенам, испытавшим влияние сяньбийской культуры во II-III вв.н.э. По-видимому, в этот период кочевники Минусы и Тувы входили в состав сяньбийской кочевой державы. Поэтому местная кочевая знать ориентировалась на престижные элементы военно-дружинной культуры господствующего сяньбийского этноса, переняв от него новые формы воинского убранства и вооружения. Вероятно, через посредство сяньбийцев на Верхний и Средний Енисей в этот период попадали и китайские импортные предметы. Возможно, что в дальнейшем, после полной публикации аймырлыгских и салбыкских материалов, в результате детального сравнительного анализа с лаохэшэньским и чжалайнорским комплексами удастся выделить сяньбийские памятники в Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.,- Л., 1950.- Ч. I. - С. 149-159; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.- М., 1961.- С. 142-150; Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.- М., 1984. -С. 70-86.
2. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.- Л., 1926.- Т. 2.- С. 141.
3. Гумелёв Л.Н. Хунну.- М., 1960.
   Гумелёв Л.Н. Хунны в Китае.- М., 1974.- С. 31-34.
4. Викторова Л.Л. Монголы.- М., 1980.- С. 125-130.
5. Там же. С. 129.
6. Таскин В.С. Материалы по истории … С. 23-25, 40-46; Воробьёва М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия с древнейших времён до IX в. включительно.- Владивосток, 1994.- С. 215-227; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров.- М., 1997.- С. 54-59.
7. Воробьёва М.В. Маньчжурия … С. 215-227.
8. Сухбаатар Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.- Новосибирск, 1975.- С. 15.
9. Сухбаатар Г. Сяньби. – Улаанбаатар, 1971.- Зур. 12, 13.
10. Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака // Древние культуры Монголии.- Новосибирск, 1985.- С. 158.
11. Ковычев Е.В. К вопросу о памятниках сяньби в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии степной Евразии.- Кемерово, 1987.- Ч. II.- С. 147-148.
12. Викторова Л.Л. Монголы… С. 127-128.
13. Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.- Новосибирск, 1993.- С. 31; Воробьёв М.В. Маньчжурия … С. 223-227.
14. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск, 1993.- Рис. 1, 2; 9, 4.
15. Бартольд В.В. Кыргызы // Сочинения.- М., 1963.- Т.II.- Ч. I.- С. 478.
16. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины.- М., 1960.- С. 193-194.
17. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.- М., 1984.- С. 22.
18. История Сибири.- Л., 1968.- Т. I.- С. 257; История Тувы.- М., 1961.- Т.I.- С. 54.
19. История Сибири… С. 252.

20. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 198; Пшеницина М.Н. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.- С. 234; Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул. 1985.- С. 189; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху- Л., 1984. С. 15.
21. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири … С. 22.
22. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов.- Л., 1951.- С. 46-47.
23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.,- Л., 1950.- Ч.I.- С. 154; Кюнер Н.В. Китайские известия … С. 144; Таскин В.С. Материалы по истории… С. 75.
24. Кюнер Н.В. Китайские известия … С. 145.
25. Там же. С. 145; Таскин В.С. Материалы по истории … С. 76.
26. Таскин В.С. Материалы по истории … С. 312; Прим. 35.
27. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э.- Новосибирск, 1993.- С. 14-17.
28. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей.- Л., 1983.- С. 39; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы … С. 200.
29. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы … С. 198.
30. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве … С. 39; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы … С. 200.
31. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 241.
32. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 266.
33. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- Рис. б/№ между с.с. 176, 177. Аймырлыг. Берестяная фигурка, клык с изображением хищника, золотые бляшки с изображением животных, костяные фигурки горного барана и гребни.
34. Комиссаров С.А. Сяньбэй – «племя единорога» // Международная конференция 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен.- Улан-Удэ, 1996.- Ч. I.- С. 31-33.
35. Там же. С. 32.
36. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве … С. 34-39; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.- Л. 1986.- С. 153.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ХУДЯКОВА Ю.С., АЛКИНА С.В., ЮЙ СУ-ХУА

Рис.1. Предметы сяньбийской торевтики в памятниках Южной Сибири. 1 - 8 – Аймырлыг XXXI.

Рис.2. Предметы торевтики из сяньбийского могильника Лаохэшэнь.

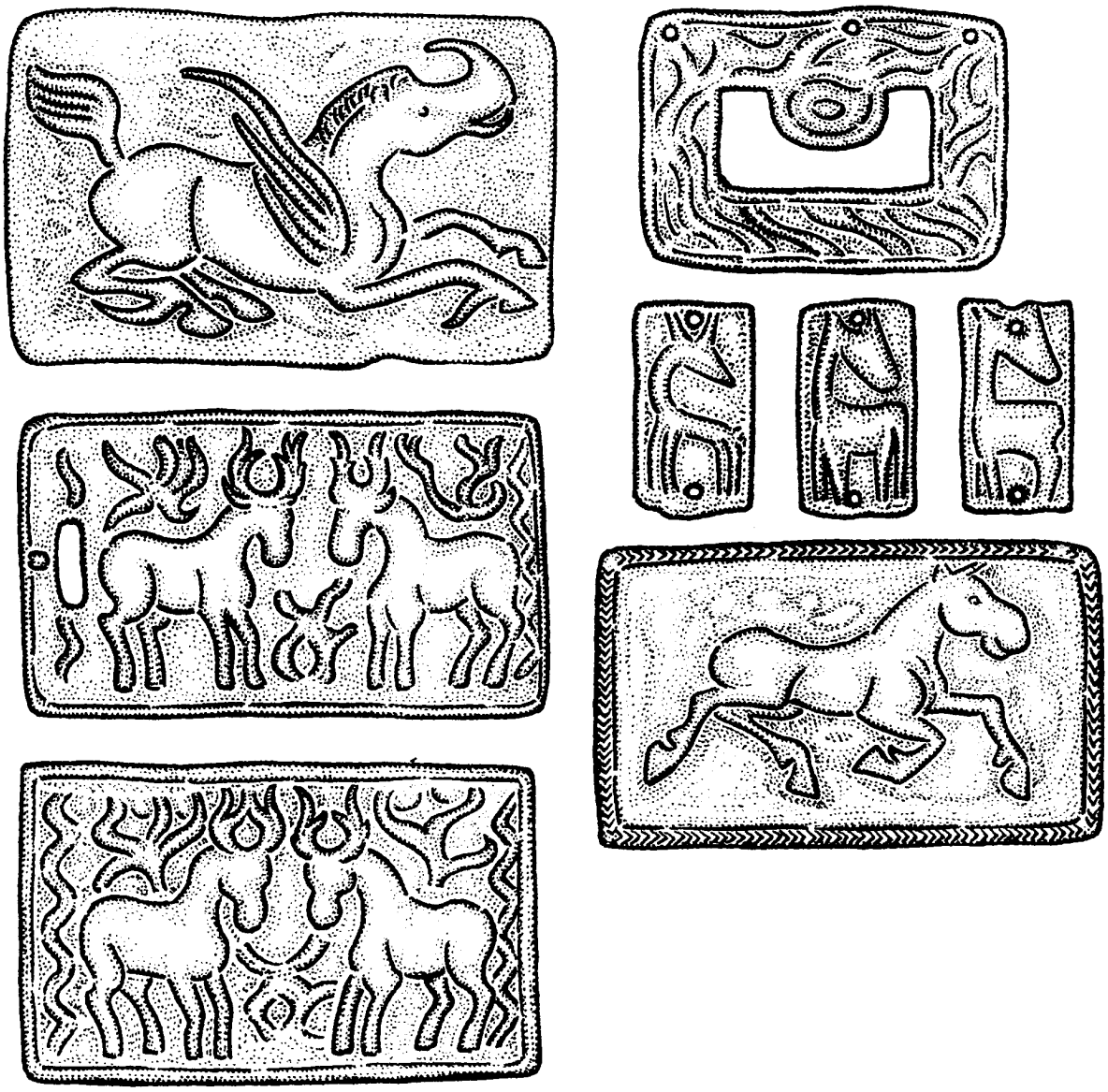


Рис.1

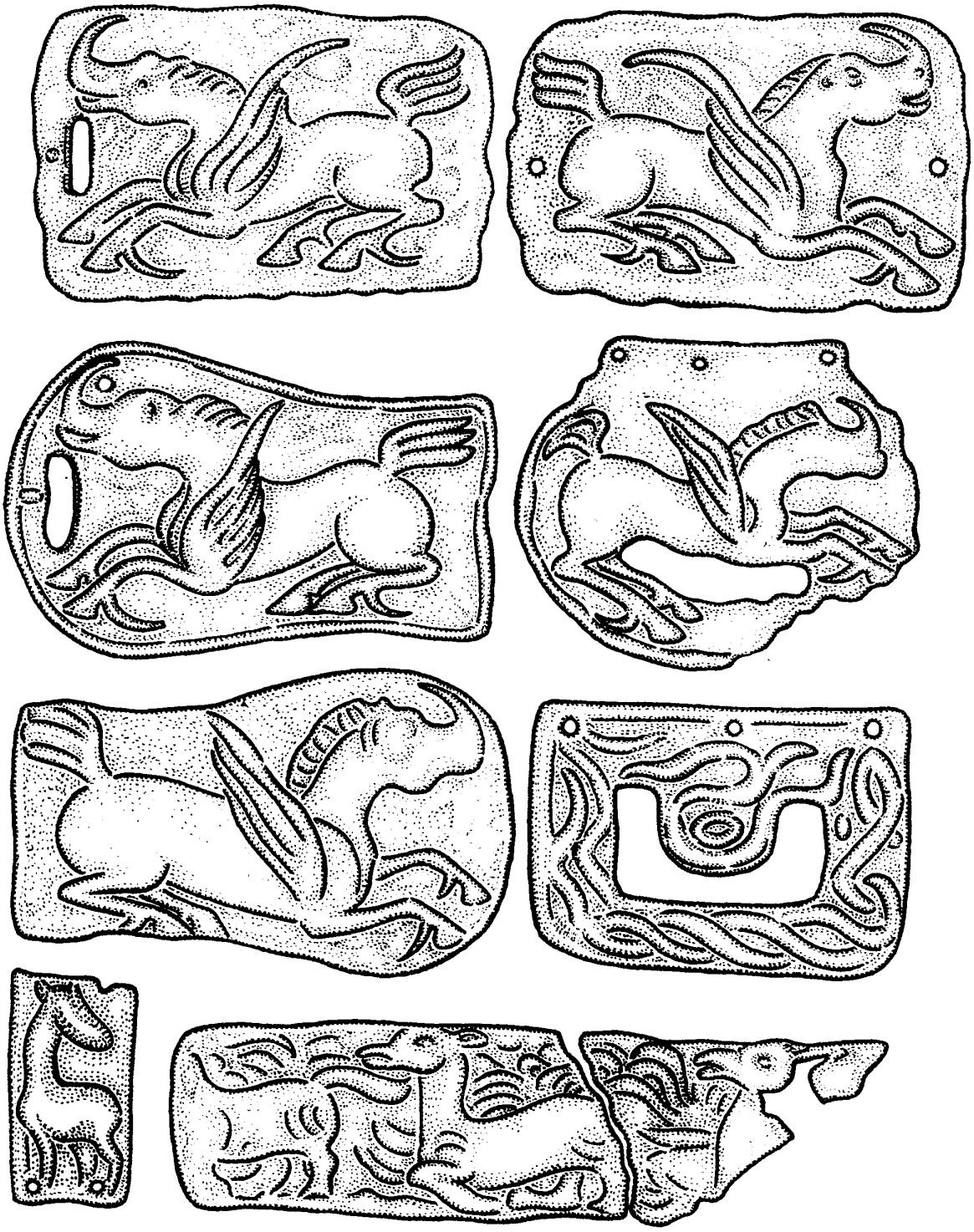


Рис.2

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д.
(г.Новосибирск, г.Улан-Батор)

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ У Г. ШИВЭЭТ-ХАЙРИХАН И У ОЗ. ДАЯН (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)

Совместная Российско-Монголо-Американская экспедиция в 1998 году проводила разведочные археологические работы в высокогорном районе Монгольского Алтая - на территории Баян-Олгийского аймака, близ границы с Российским Алтаем. В 5 км выше устья р. Хара-Ус, на её правом берегу (северное подножие горы Шивээт-Хайрихан – 49º 07' 08,4" с.ш. – 88º 15' 14,1" в.д.) открыты три археологических комплекса, включающих керексуры, курганы скифского времени, стелы в оградках и поминальные древнетюркские оградки с изваяниями. Один из комплексов представляет собой ряд из четырех оградок с изваяниями, ориентированный по линии С-Ю.

Изваяние № 1. 100 х 38 х 15 см. Использована плита серого сланца (рис. 1; 1). Представляет собой реалистично выполненную скульптуру. Все детали в высоком рельефе. Четко проработаны черты лица (глаза, усы и рот – гравировкой), руки, сосуд, пояс. Поза каноническая – в правой руке сосуд в виде кубка, левая на рукояти палаша. На поясе различимы прямоугольные бляхи, а на правом боку изображена сумочка-кресало. Показан также разрез верхней одежды и небольшой головной убор. Установлено лицом на восток у оградки (3 х 3 м), которая заполнена валунами и сильно задернована. В 5 м на восток от изваяния зафиксировано кольцо, выложенное из 9 камней (диаметр 1,3 м). Далее, в этом же направлении установлен ряд из более чем 20 балбалов на расстояние 120 м.

Изваяние № 2. 61 х 25 х 18 см. Выполнено на плите серого сланца (рис. 1; 2). Детали в высоком рельефе. Использована техника точечной выбивки (нос, шея, руки, сосуд, пояс) и гравировки (глаза, усы, рот). Поза каноническая – в правой руке сосуд, левая на поясе. Пояс показан линией, а на правом боку изображена сумочка-кресало. Установлено лицом на восток у оградки (1,5 х 1,5 м). Она заполнена валунами и сильно задернована. На восток от изваяния отходит ряд из 5 балбалов.

Изваяние № 3. 65 х 28 х 8 см. Выполнено из серого сланца (рис. 1; 3). Использована точечная выбивка - различимы черты лица, руки, сосуд. Глаза, усы и рот изображены гравировкой. Поза каноническая – в правой руке сосуд, левая на поясе. Установлено лицом на восток у оградки (2 х 2 м), которая сильно задернована и заполнена валунами.

Изваяние № 4. 80 х 35 х 15 см. Для изваяния подобрана плита серого сланца (рис. 1; 4). Представляет собой реалистичную и мастерски выполненную скульптуру. Все детали в высоком рельефе. Использована техника точечной выбивки, глаза и рот выполнены гравировкой. Голова выделена из монолита, обозначены плечи. Детали лица в обычной манере. Правая рука поддерживает перед грудью сосуд в виде кубка с поддоном. Левая - на рукояти сабли (?). На поясе различимы прямоугольные бляхи. Слева к поясу на двух портупейных ремнях подвешена сабля в ножнах, справа – сумочка-кресало. Установлено лицом на восток у оградки (3 х 3 м), которая заполнена валунами и сильно задернована. В 4 м на восток от изваяния зафиксировано кольцо из 7 камней (диаметр 1,2 м). В этом же восточном направлении сохранилось 3 балбала.

Маршрут экспедиции пролегал также вдоль границы Монголии с Китаем, по южным берегам озер Хурган-Нуур, Хотон-Нуур и Даян-Нуур. На юго-западном берегу оз. Даян (48º 19' 24" с.ш., 88º 55' 11" в.д.) обнаружен небольшой комплекс, состоящий из двух древнетюркских оградок. Оградки также ориентированы по линии С-Ю. У восточной стороны одной из них установлена стела, у другой – реалистичное изваяние.

Изваяние № 5. 156 х 40 х 19 см. Использована темно-серая каменная плита (рис. 2; 1). Представляет собой реалистично и мастерски выполненную круглую скульптуру. Отчетливо, в высоком рельефе проработаны все детали. Выделены шея, плечи. Особым мастерством отличаются черты лица: глаза, нос, рот и т.д. Рельефно изображены уши, в которые вдеты серьги с подвесками, а также волосы, заканчивающиеся косой (?) Все это выполнено чрезвычайно натуралистично и детализировано.

На шее показано ожерелье с амулетом-подвеской (рис. 2; 1). Пояс изображен в виде рельефной линии. Сверху и снизу от пояса, на лицевой и задней сторонах имеются перекрещивающиеся рельефные «полосы». А на лицевой – дополнительные вертикальные. Установлено лицом на восток у едва различимой, задернованной оградки (5 х 5 м).

Именно это изваяние было описано и зарисовано (рис. 2; 2) Г.Н. Потаниным в 1876-1877 гг. во время его путешествия по Северо-Западной Монголии (1881, с.72,73). И хотя рисунок, выполненный Г.Н. Потаниным, не является предельно четким, у нас имеется уникальная возможность сравнить наблюдения, сделанные более ста лет назад. «Близ озера Даинь-Гуля, на южном его берегу, между двумя малыми южными озерами, находится гранитный бюст, который Киргизы называют Даинь-батыр… Над Даинь-батыром построен деревянный балаган в виде сруба с двускатною крышей и дверью; окон нет; дверь приходится против лица истукана; в пространстве между дверью и истуканом, стоящим у задней стены, протянута веревка, на которую навешаны во множестве шелковые лоскутья, конские волосы, а также связки из деревянных обрубков; эти обрубки четырехгранные, лукообразно изогнуты и оригинально покрашены; осно-

вание истукана окружено досками в виде ящика. По отделке частей и по степени сохранения кишачило Даинь-батыр есть лучший из всех, какие мы видели в северо-западной Монголии» (Потанин, 1881, с.72,73).

Эти ценные этнографические сведения позволяют утверждать, что древнетюркские изваяния, особенно те из них, которые представляют собой тщательно выполненные скульптуры, почитались многими тюрко- и монголоязычными народами в последующие эпохи и вплоть до этнографического времени. Так, и в настоящее время в Северо-Западной Монголии нами зафиксирован обычай повязывания платка или материи на шею изваяний. Особое внимание привлекает возведение сооружения, символизирующего дом-жилище. У него есть все соответствующие признаки: сруб, двускатная крыша, дверь, ориентированная на восток. Вероятно, натянутая веревка с шелковыми лоскутами, конскими волосами и связками из деревянных обрубков имеет прямую аналогию привязыванию таких же веревок с лоскутами в жилище или перед входом в него у алтайцев (Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 64). Очевидно, такие изваяния почитались как скульптуры, выполненные предками, и их же изображавшие. Это подтверждает и имя, которое присваивалось подобным изваяниям – Батыр.

Что касается анализа реалий, изображенных на изваянии близ озера Даян, то следует отметить нестандартность большинства из них. Чрезвычайно редкими на древнетюркских скульптурах являются изображения ожерелий с подвесками. Несколько экземпляров изваяний с ожерельями известно в Семиречье (Шер, 1966, табл. XVII, 72-75). Их сближает с изваянием с озера Даян также отсутствие пояса и оружия. Исследователями уже выделялись группы изваяний без оружия (Шер, 1966, с. 26; Кубарев, 1984, с. 20). Скульптура с озера Даян ближе всего именно к этой группе. Являются ли они изображениями знатных сановников, с уверенностью утверждать сложно.

Отсутствию изображений рук и сосуда (при детальном воспроизведении черт лица), а главное, наличию перекрещивающихся линий (деталей одежды?) трудно найти объяснение и прямые аналогии.

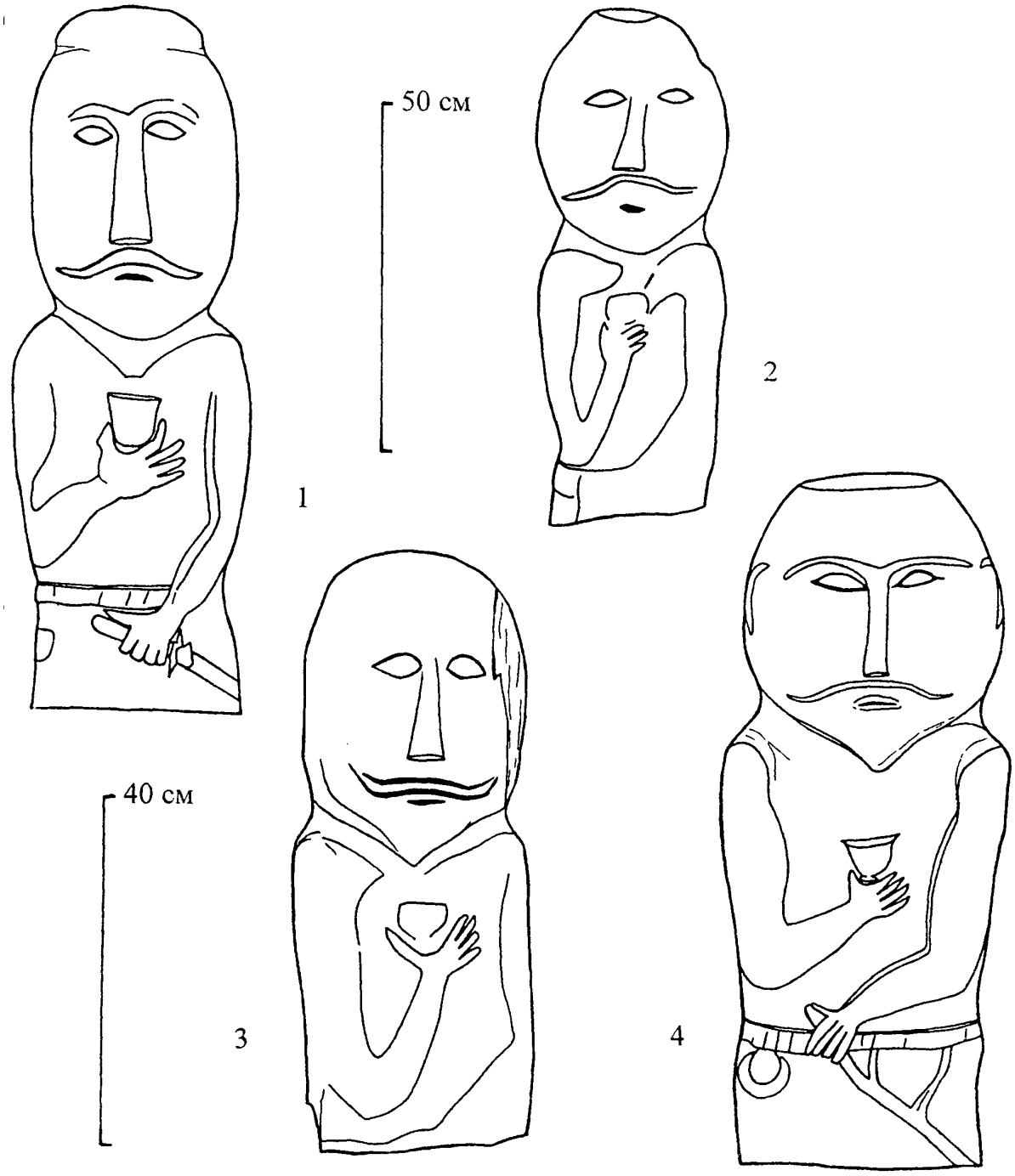
Анализируя небольшую группу изваяний с оградками (№ 1-4), необходимо отметить, что все рассматриваемые скульптуры выполнены в канонической для древних тюрок позе: в правой руке сосуд, левая – на рукояти палаша или на поясе. Привлекают внимание такие реалистичные детали на них как: небольшой головной убор (рис. 1; 1), изогнутость рукоятей палашей (рис. 1; 1,4), перекрестие палаша (рис. 1; 1), сосуд в виде кубка с поддоном (рис. 1; 4), изображение железной накладки-кресала на кожаную сумочку (рис. 1; 4). Изображения этих предметов на древнетюркских изваяниях находят многочисленные аналогии на территории Центральной Азии и Южной Сибири (Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Шер, 1966) и, прежде всего в прилегающем регионе Российского Алтая (Кубарев В.Д., 1984).

Заполнение всех оградок валунами, их значительная задернованность, наличие единой техники в изготовлении изваяний – точечная выбивка для выборки фона, гравировка черт лица, сходство стилистических деталей на изваяниях (например, поддерживание сосуда снизу с отведенным большим пальцем и выполненные в единой манере усы) говорят о целостности поминального комплекса у г. Шивээт-Хайрихан. Все эти факты свидетельствуют если не об изготовлении этих изваяний одним мастером, то, по крайней мере, о незначительном хронологическом перерыве в их сооружении и установке.

Данный поминальный комплекс относится к якунурскому типу древнетюркских оградок, т.е. оградок с изваяниями, сооруженных в ряд (Кубарев В.Д., 1984, с. 50). Характеристики оградок, реалий, изображенных на изваяниях, убеждают в чрезвычайной близости древнетюркских поминальных сооружений Монгольского Алтая подобным памятникам сопредельного Российского Алтая. Это в свою очередь свидетельствует об их единой этнической и культурной принадлежности. Вместе с тем, выделяются уникальные по тщательности исполнения и иконографии древнетюркские скульптуры, ярким примером которых служит изваяние с озера Даян.

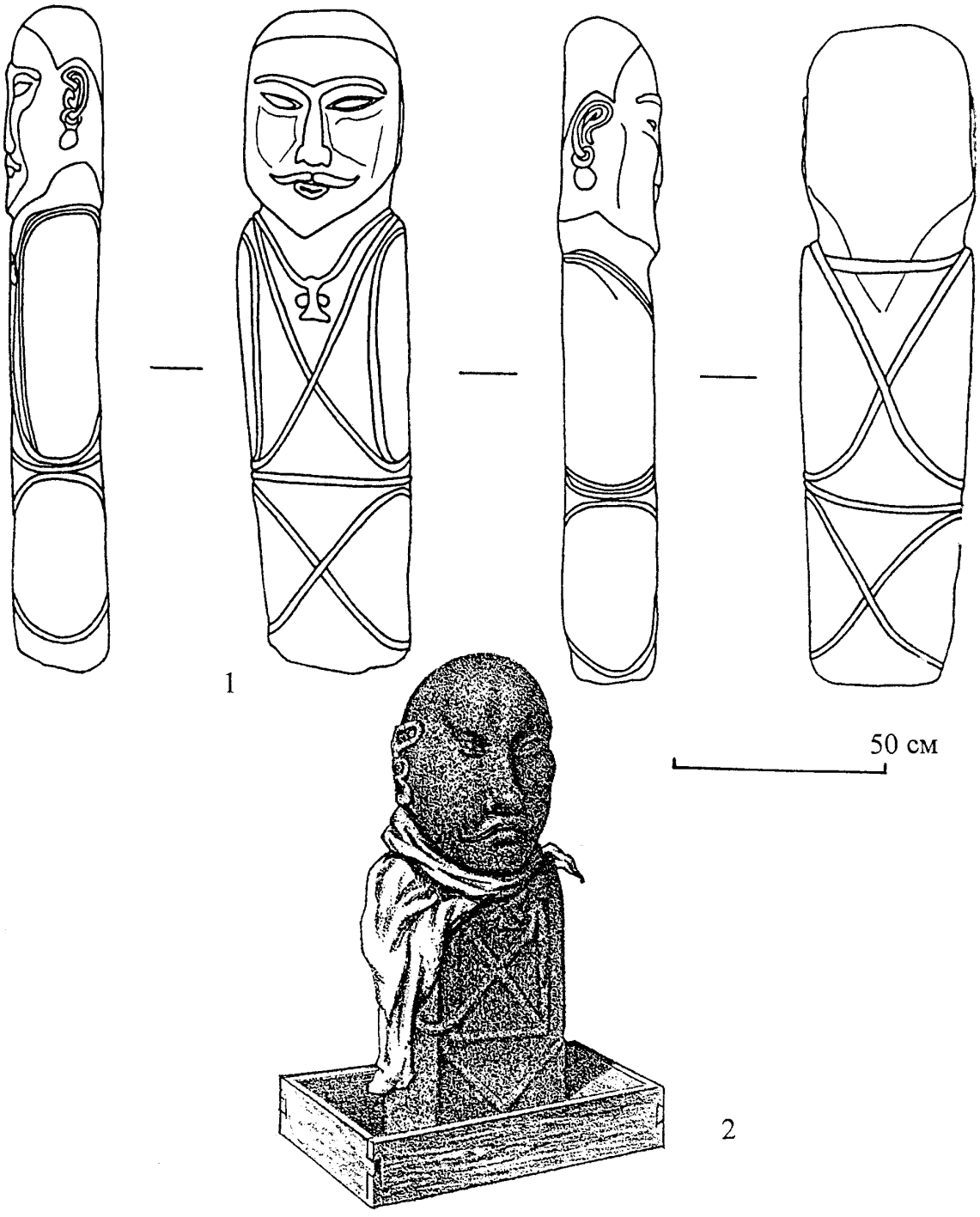
ЛИТЕРАТУРА

1. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961
2. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. М., 1952. – С. 72-120.
3. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск, 1984. - 230 с.
4. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – 225.
5. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб., 1881, Вып. II. – 90 с.
6. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1966. – 140 с.



Изваяния древнетюркского поминального комплекса у г. Шивээт-Хайрихан (Монгольский Алтай).

Рис.1



Изваяние у оз. Даян (Монгольский Алтай).

1 – прорисовка авторов; 2 – по Г.Н. Потанину (1876 г.).

Рис.2

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВПУСКНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЦОГТ-ХИРГИСТ-ХООЛОЙ В ГОБИЙСКОМ АЛТАЕ

В 1986 г. археологическим отрядом Института истории АН МНР, под руководством Д. Цэвээндоржа, проводились раскопки могильника хуннской культуры в местности Хиргист-Хоолой, на территории Цогт-сумона, в Гоби-Алтайском аймаке МНР. При вскрытии кургана № 3 было обнаружено своеобразное впускное коллективное захоронение, анализ материалов которого представляет несомненный самостоятельный интерес для изучения кочевых культур Монголии эпохи средневековья.[1]

Курган № 3. До раскопок представлял собой пологую, округлую каменную насыпь диаметром 9 м (Рис. 1,1). После снятия насыпи и разборки заполнения могильной ямы, на глубине 0,7 м от поверхности обнаружена каменная кладка - перекрытие могилы. Ниже, на глубине 1,6 - 1,9 м от поверхности в квадратной могильной яме, площадью 2,2 х 2,2 м находилось захоронение 7 человек (Рис. 1,2).

Скелет №. 1. Находился в восточной части могильной ямы. Кости ног вытянуты по линии С-Ю, а скелет повернут головой на восток. В головах, у таза и левой ноги кости животных: астрагалы и бедренная кость овцы и козы. В головах бусина. Между ногами и стенкой могильной ямы остатки изделия из кожи. Остальные скелеты находятся в западной части могилы.

Скелет № 2. Лежит на спине, вытянуто. Ориентирован головой на С-З. Череп повернут лицевой частью на С-В. у левой бедренной кости астрагалы овцы. Между грудной клеткой и отведенной в сторону левой рукой - остатки кожаного изделия.

Скелет № 3. Находится южнее скелета № 2. Лежит на спине, вытянуто, головой на С-З. У черепа серьги, остатки волос обмотаны кожаным ремешком, цилиндрическая янтарная и плоская зеленокаменная бусины. В области груди четыре бронзовых рифленых браслета, один из которых разъемный и два браслета из полукруглой бронзовой проволоки. Один из них разъемный, другой разломан на 7 частей. Здесь же деревянная планка с лунками для добывания огня.

Скелет № 4. Находится к югу от скелета № 3. Лежит на спине, вытянуто, ориентирован головой на С-З. Часть костей смещена. Возле правого плеча кости овцы и козы.

Скелет № 5. Находится к югу от скелета № 4. Лежит на спине, вытянуто, головой на З. Череп раздавлен, часть костей скелета смещена. Среди костей скелета лопатка и берцовая часть овцы.

Между скелетами № 4 и № 5 три раздавленных лепных плоскодонных сосуда с налепным рассеченными валиком и отогнутым венчиком.

Скелет № 6. Находится к югу от скелета № 5. Лежит на спине, вытянуто, ориентирован головой на З. У черепа лопатка, берцовая кость и предплечье овцы, янтарная бусина, на поясе железный кинжал.

Скелет № 7. Находится к югу от скелета № 6. Лежит вдоль южной стенки могильной ямы, на спине вытянуто, головой на З. В головах кости овцы. У правого плеча - железный наконечник копья, в области груди и пояса - железные панцирные пластины, на поясе - железная пряжка, кинжал, фрагменты коррозированного железа. Вероятно, здесь же должны были находится железные кольца и наконечники стрел.

Ниже, на глубине 4 м от поверхности, находилось погребение в дощатом гробу, относящееся к хуннскому времени.

Впускное коллективное захоронение отличается своеобразием погребальной обрядности и инвентаря. Умершие погребены в характерной позе с заупокойной пищей, мясом овцы и козы и питьем. В могилу клали определенную часть туши - переднее стегно овцы или козы с лопаткой, предплечьем, бедренной и берцовой костями. Заупокойная пища помещалась в головах у погребенных. Поскольку сосуды с питьем и заупокойная пища находятся в одном месте, между скелетами № 4, № 5 и № 6, можно предполагать, что все умершие, лежащие перпендикулярно западной стенки захоронены единовременно, и пища и питье предназначались для всех шестерых. Напротив, обособленное положение скелета № 1, ногами поверх ног скелета № 6, отдельная порция заупокойной пищи дают основания предполагать, что этот умерший мог быть помещен в могилу позже остальных и по каким-то причинам ориентирован в противоположную сторону.

Кроме заупокойной пищи при погребенных встречаются астрагалы овцы, в ногах или в головах, отдельно от других костей животных. По-видимому, их нельзя считать частью заупокойной пищи. Их могли класть в могилу с обрядовой целью.

Инвентарь в могиле разнообразен. Один из умерших, мужчина-воин, погребен с оружием, другая, женщина, - с украшениями и бытовыми инструментами. У двух из них - железный нож. У двух погребенных сохранились бесформенные скопления выделанной кожи. Возможно, это остатки кожаной одежды, которая была помещена рядом с умершими. Некоторые из погребенных, лежащие в одном ряду с другими, не имели при себе никакого сопроводительного инвентаря.

Подобный обряд имеет отдельные аналогии в погребальной обрядности средневековых кочевников Центральной Азии, однако не находит себе полного соответствия из-за коллективной формы захоронения. В составе сопроводитель-

ного инвентаря важное место занимают предметы вооружения.

Оружие дистанционного боя представлено железными наконечниками стрел. Некоторые из них сохранились в обломках. Форма пера прослеживается у двух наконечников. Один из них имеет уплощенно-линзовидное сечение и удлиненно-ромбическую форму пера с остроугольным острием и пологими плечиками и округлый в сечении черешок. Другой наконечник - прямоугольный в сечении с тупым острием, пологими плечиками, округлым в сечении черешком. У третьего наконечника сохранился только округлый в сечении черешок (рис. II, 5-7). Подобные наконечники распространены в течение всегосредневековья.[2]

Оружие ближнего боя представлено копьем и кинжалом. Наконечник копья имеет трехгранно-трехлопастное в сечении перо удлиненно-треугольной формы с остроугольным острием и слабо выделенными плечиками. Втулка, конусовидных очертаний с длинным несомкнутым швом (Рис. II, 1). Форма и сечение наконечника довольно необычны. Для Центральной Азии трехгранно-трехлопастные копья не характерны. [3] Трехлопастные копья изредка встречаются у кимаков в конце I тыс. н.э.,[4] трехгранные у монголов в XIII - XIV вв. н.э.[5] Однако, подобное оформление пера древних тюрок, кимаков в конце I тыс. н.э.[6] В инвентаре имеется однолезвийный кинжал с прямым черешком, трехгранным в сечении, удлиненно-треугольным, прямым клинком с обломанным острием. У второго кинжала при скелете № 6 черешок обломан, клинок трехгранный в сечении, удлиненно-треугольных очертаний, слегка изогнутый у острия в сторону спинки. Подобные клинки были широко распространены в период средневековья.[7] Защитное вооружение представлено панцирем из железных пластин. Это одна из первых находок целого панциря в средневековом погребении на территории Монголии. Панцирь покрывал всю верхнюю часть тела воина от шеи и плеч до бедер. К сожалению, расположение разных типов пластин в составе панциря не всегда ясно, поэтому о его покрое можно судить по общей конфигурации и составу пластин. Большая часть пластин имеет плоское сечение, прямоугольную форму и округлый нижний край. Размеры пластин несколько различаются между собой. Отверстия в них расположены по сторонам и в центре. Из-за сильной коррозии не все отверстия удается проследить. Часть пластин обломана. Всего в наборе сохранилось 55 таких пластин (Рис. III, IV).

Есть несколько пластин плоского сечения и прямоугольной формы. Отверстий на них не прослеживаются. Отдельные обломки пластин прямоугольной формы имеют окантовку по краям по внутренней стороне (Рис. IV).

Учитывая расположение пластин на костях скелета и преобладание среди них прямоугольных с округлым нижним краем, можно предполагать, что панцирь состоял из нагрудника или жилета с коротким подолом, в составе которых были пластины с округлым краем, крепившиеся между собой ремешками ламеллярным способом. Не вполне ясно местоположение в составе панцирного набора прямоугольных пластин и пластин с окантовкой. Трудно сказать были ли у этого панциря оплечья.[8] Подобные панцири характерны для кочевников в конце I -начале II тыс. н.э.[9] В инвентаре мужчины-воина ряд предметов можно отнести к деталям пояса. Среди них железная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком. Вероятнее всего, к поясу или портупее могло относиться уплощенное железное кольцо с выступом с одной из сторон и обломок железного кольца (Рис. II, 9-11). К этому же комплексу, вероятно, относятся обломки железных пластин, трехгранного сечения. Возможно, это обломки ножа (Рис. II, 4).

В целом, комплекс вооружения цогт-хиргист-хоолойского воина включал копье, кинжал, набор стрел, возможно, лежавших в колчане, панцирь, воинский пояс, может быть и портупейный ремень.

Набор украшений у погребенной женщины включает браслеты, серьги, бусы, накосник.

Бронзовые браслеты имеют кольцевую форму, полуовальное или подквадратное сечение. Внешняя поверхность украшена рифлением. Три браслета округлые, сплошные, имеют утоньшение с одной стороны, на нем отсутствует рифление. Четвертый, овальный браслет не сомкнут. Два проволочных браслета кольцевой формы, имеют полуовальное сечение и разъем. Браслеты одевались на руку рифленой или гладкой поверхностью на наружную, а разъемом или утоньшением на внутреннюю сторону (Рис. V, 1-4,8,9).

Бронзовые несомкнутые браслеты округлой формы распространены во многих культурах эпохи средневековья. Однако, они имеют, как правило, округлое сечение. Браслеты полукруглого и полуовального сечения известны в могильнике Саркела,[10] Новоселихи и др. В средневековых забайкальских погребениях сечения, близкие по конфигурации цогт-хиргист-хоолойским.[11] Необычна овальная форма одного из браслетов и рифленая поверхность.

Бронзовые серьги изготовлены из толстого стрежня, сужающегося к разъему. Они имеют округлую форму (Рис. V, 10, 11).

Подобные серьги встречаются в памятниках бурхотуйской и мохэсской культур.[12]

Бусы из данного погребения двух форм. Одна длинная цилиндрическая, красноватого цвета, по мнению автора раскопок - янтарная. Подобные бусы, но из халцедона и сердолика характерны для бурхотуйской, мохэсской и чжурчженьской культур.[13] (Рис. V, 5).

Вторая бусина плоская, трапециевидного сечения и подквадратной формы. Изготовлена из непрозрачного камня зеленоватого цвета. Точных аналогий не имеет. Однако, некоторое сходство данной бусины наблюдается с бусами прямоугольного, подпрямоугольного и восьмер-

кообразного сечения бурхотуйской и мохэсской культур.[14] (Рис. V, 6).

Одна из бусин, обнаруженных при скелете № 1, изготовлена из камешка с неровной, покрытой углублениями поверхностью. Сечение и форма бусины не имеют строгих очертаний. Поиски аналогий затруднены (Рис. V, 7).

При скелете № 6 находилась еще одна янтарная бусина. Однако, в коллекции она не сохранилась.

При скелете № 3 были обнаружены остатки волос, вероятно, косы, оплетенных спирально накрученным кожаным ремешком. Аналогий подобному «накоснику» не обнаружено в культурах кочевников Центральной Азии (Рис. II, 12).

Среди находок при скелете № 3 имелась деревянная пластинка с коническими углублениями. Подобные приборы для добывания огня с помощью вращающейся палочки известны из раскопок древнетюркских курганов Тувы.[15] (Рис. II, 8).

Хотя этнографический облик погребенной в коллективном захоронении женщины весьма неполон, набор украшений, включавший серьги, бусы и браслеты, находит аналогии в материалах средневековых культур Забайкалья и Верхнего Приамурья.[16]

Единичные украшения у других погребенных №№ 1 и 6, не противоречат этому предположению.

В захоронении было найдено 3 сосуда. Все они лепные, плоскодонные. Из трех удалось собрать только два.

Один из сосудов представляет собой горшок с широким устьем, нависающим, слегка отогнутым наружу венчиком, широкой горловиной, налепным рассеченным валиком по тулову, яйцевидным туловом, плоским дном (Рис. VI, 1).

Близким по форме был и второй сосуд, который не удалось полностью склеить.

Третий сосуд представляет собой вазу с широким устьем, нависающим, отогнутым наружу венчиком, узкой шейкой, налепным, рассеченным валиком с опущенным вниз отростком по тулову, шаровидным туловом, выделенной цилиндрической придонной частью, плоским дном (рис.VI, 2).

Данная керамика своеобразна. Отдельные элементы декора, в частности, налепные рассеченные валики с опущенными вниз отростками, характерны для лепной посуды чаатинской, бурхотуйской и мохэсской культур.[17]

Инвентарь коллективного захоронения не имеет узкой хронологии бытования. Аналогии отдельным категориям вещей достаточно противоречивы. Большая часть предметов находит аналогии в памятниках средневекового населения Забайкалья, Среднего и Нижнего Амура второй половины I - начала II тыс. н.э. Особенно значительны черты сходства с инвентарными комплексами бурхотуйской культуры среди набора украшений и керамической посуды. Набор вооружения выглядит несколько более развитым, нежели у шивэй, носителей этой культуры. Он ближе вооружению киданей.[18] По-видимому, комплекс нужно датировать концом I - началом II тыс. н.э.[19] Однако, ни у шивэй, ин у киданей не существовало подобного погребального обряда. Учитывая впускной характер захоронения, совместное погребение мужчин и женщин в одной могиле. Трудно представить, что подобный обряд был характерен для какой-либо кочевой культуры. Скорее всего, это было поспешное, возможно, тайное захоронение в условиях враждебного окружения, на чужой территории.[20]

Более показательны в этнокультурном аспекте такие признаки, как каменное перекрытие, неглубокая могильная яма, вытянутая поза погребенных, широтная ориентировка, заупокойная пища и питье, характер сопроводительного инвентаря.

Наличие определенных совпадений в погребальной обрядности и в инвентаре между рассматриваемым коллективным захоронением и средневековыми погребениями Забайкалья, позволяет предполагать, что памятник Цогт-Хиргист-Хоолой принадлежит монголо-язычным кочевникам, обитавшим в конце I - начале II тыс. н.э. в восточной части Центральной Азии и испытавшим значительное влияние киданьской культуры. По особенностям погребальной обрядности и инвентаря это захоронение существенно отличается от синхронных древнетюркских, уйгурских, кыргызских погребений в Центральной Азии. В Гобийском Алтае эта этническая группа могла оказаться, будучи вовлеченной в западный поход остатков киданьского войска под предводительством полководца Елюй Даши, искавших спасения от преследования чжурчженей в начале XII в. н.э.[21]

ЛИТЕРАТУРА

1. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из памятника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гобийском Алтае // Проблемы истории народов Востока. - м., 1988. Вып. 1. С. 23.
2. Там же. С. 25.
3. Там же. С. 25.
4. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1986. С. 195.
5. Наваан Д. Клад железных предметов из Хара-Хорина // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 64.
6. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... - с. 212-214.
7. Там же. С. 219.
8. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса вооружения... - с. 24.
9. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... - С. 223.

10. Артамонова О.А. Могильник Саркела - Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.-Л., 1963. Т. III. С. 69.
11. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск. 1984. С. 36.
12. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья... - с. 96; Деревянко Е.И. Мохэсские памятники Среднего Амура. Новосибирск. 1975. С. 156-157.
13. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья... - с. 96; Деревянко Е.И. Мохэсские памятники... - 156; Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей конец X - XI век. Новосибирск. 1977. С. 148.
14. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья... - с. 36; Деревянко Е.И. Мохэсские памятники... - с. 156-157.
15. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. М.-Л., 1966. Т. II. С. 321-323.
16. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья... - с. 96; Деревянко Е.И. Мохэсские памятники... - 156-157.
17. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981. С. 53; Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья... - с. 68-69; Деревянко Е.И. Мохэсские памятники... - с. 137.
18. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса вооружения... - с. 25-27.
19. Там же. С. 25.
20. Там же. С. 27.
21. Там же. С. 28.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ ХУДЯКОВА Ю.С. И ЦЭВЭЭНДОРЖА Д.

Рис. 1. Цогт-Хиргист-Хоолой. К. № 3: 1 - насыпь кургана. 2 - впускное коллективное захоронение.
Рис. 2. Инвентарь из захоронения: 1 - копье. 2,3 - кинжалы, 4 - нож. 5-7 - стрелы. 8 - предмет для добывания огня. 9-11 - детали пояса. 12 - накосный ремешок.
Рис. 3. Панцирные пластины.
Рис. 4. Панцирные пластины.
Рис. 5. Украшения: 1-4, 8,9 - браслеты. 5-7 - бусы. 10 - серьги.
Рис. 6. Сосуды: 1 - горшок. 2 - ваза.

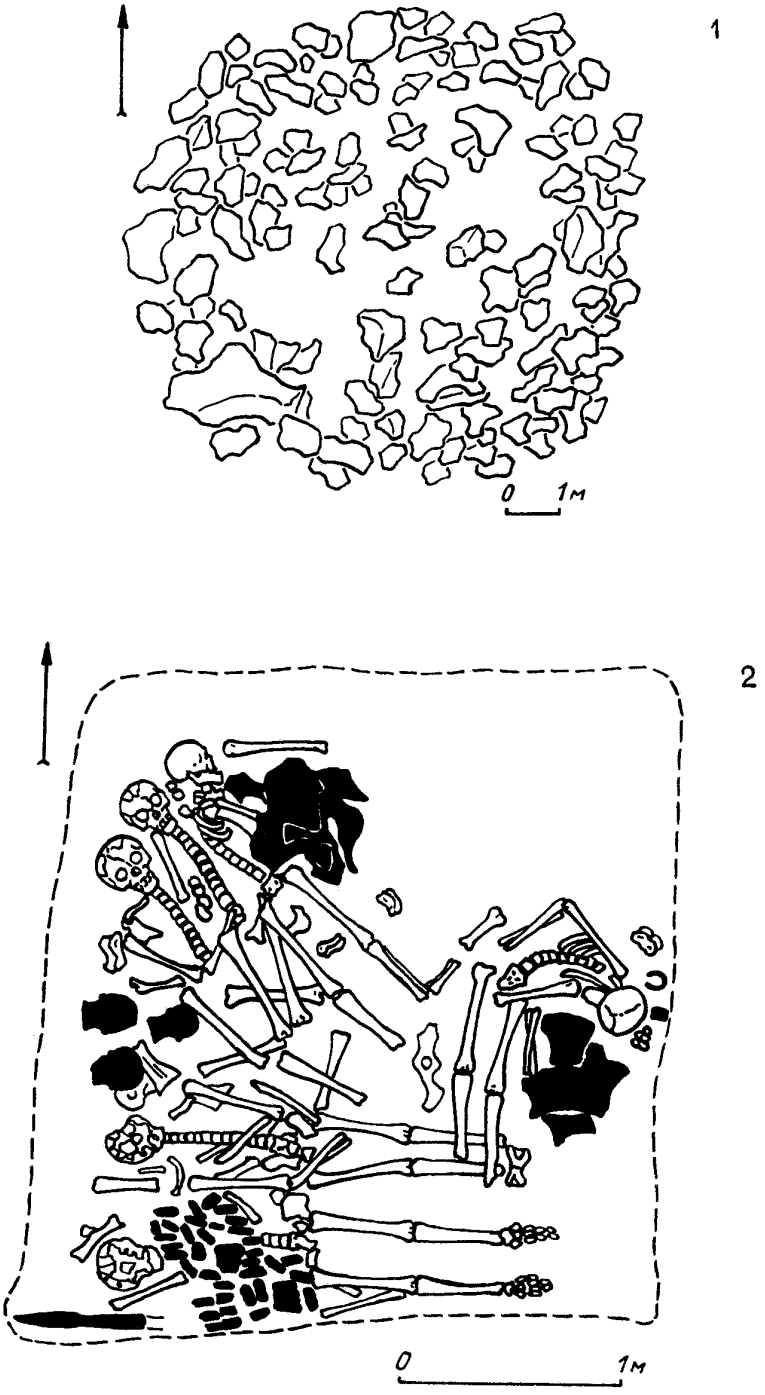


Рис.1

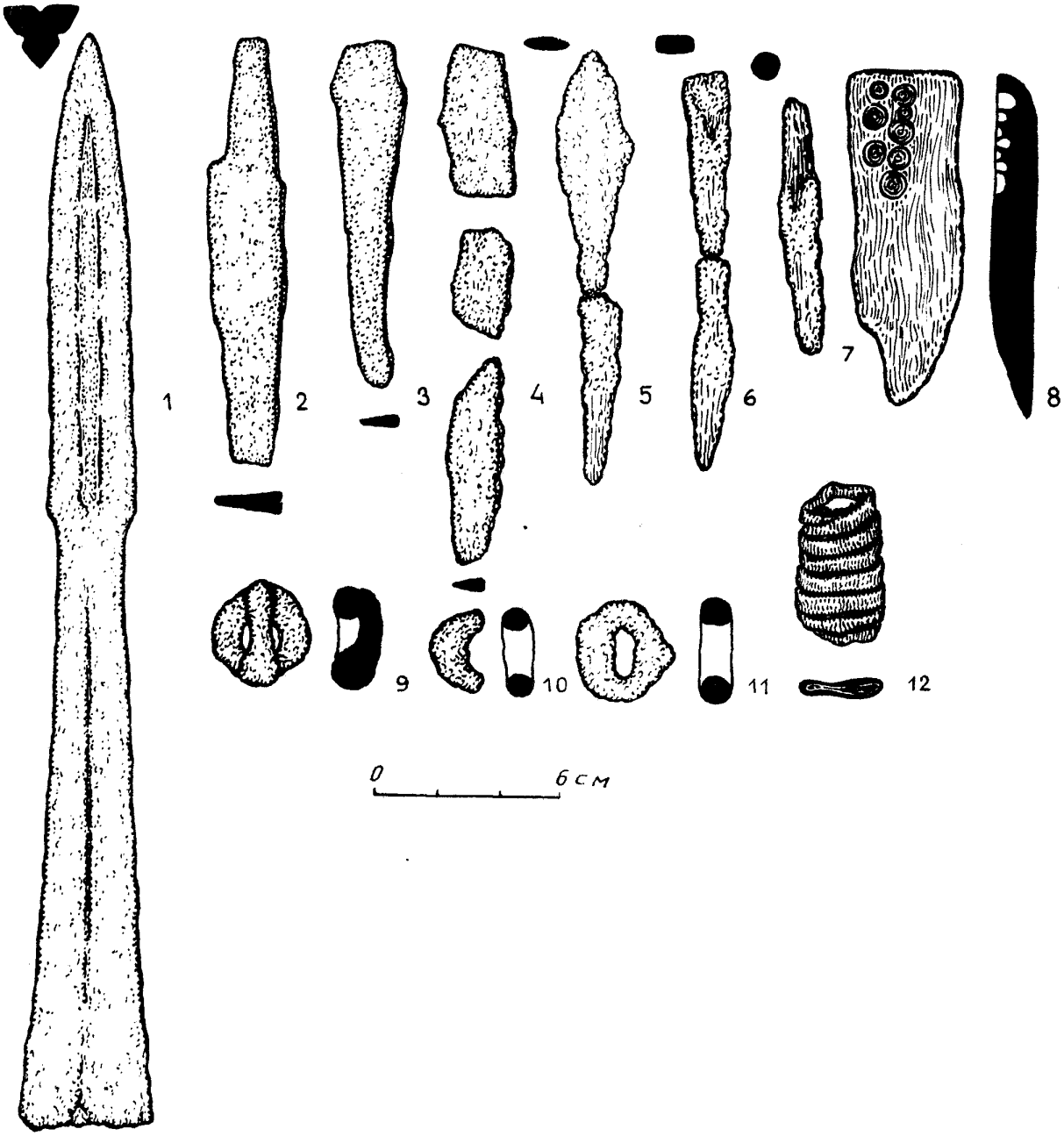


Рис.2

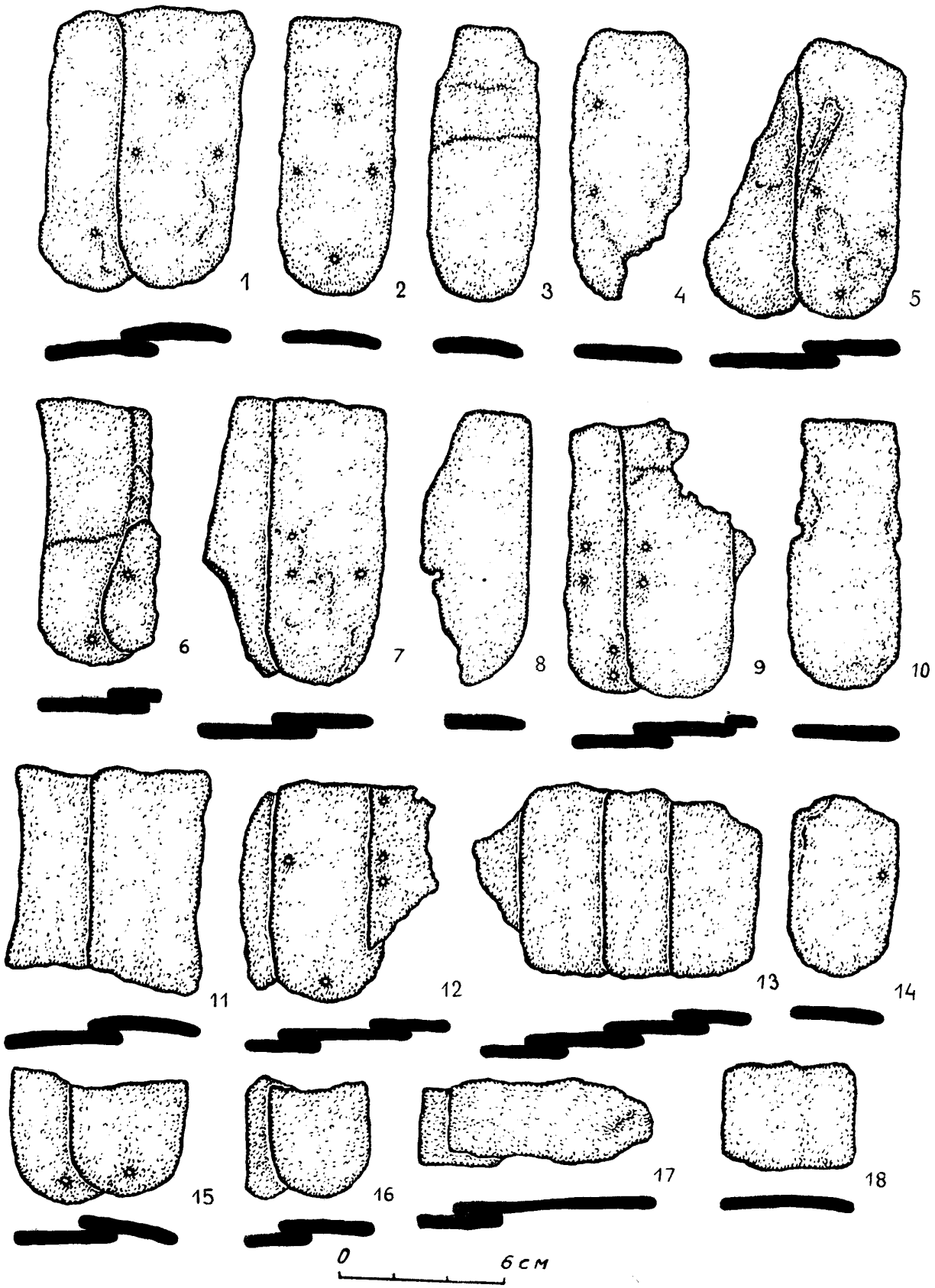


Рис.3

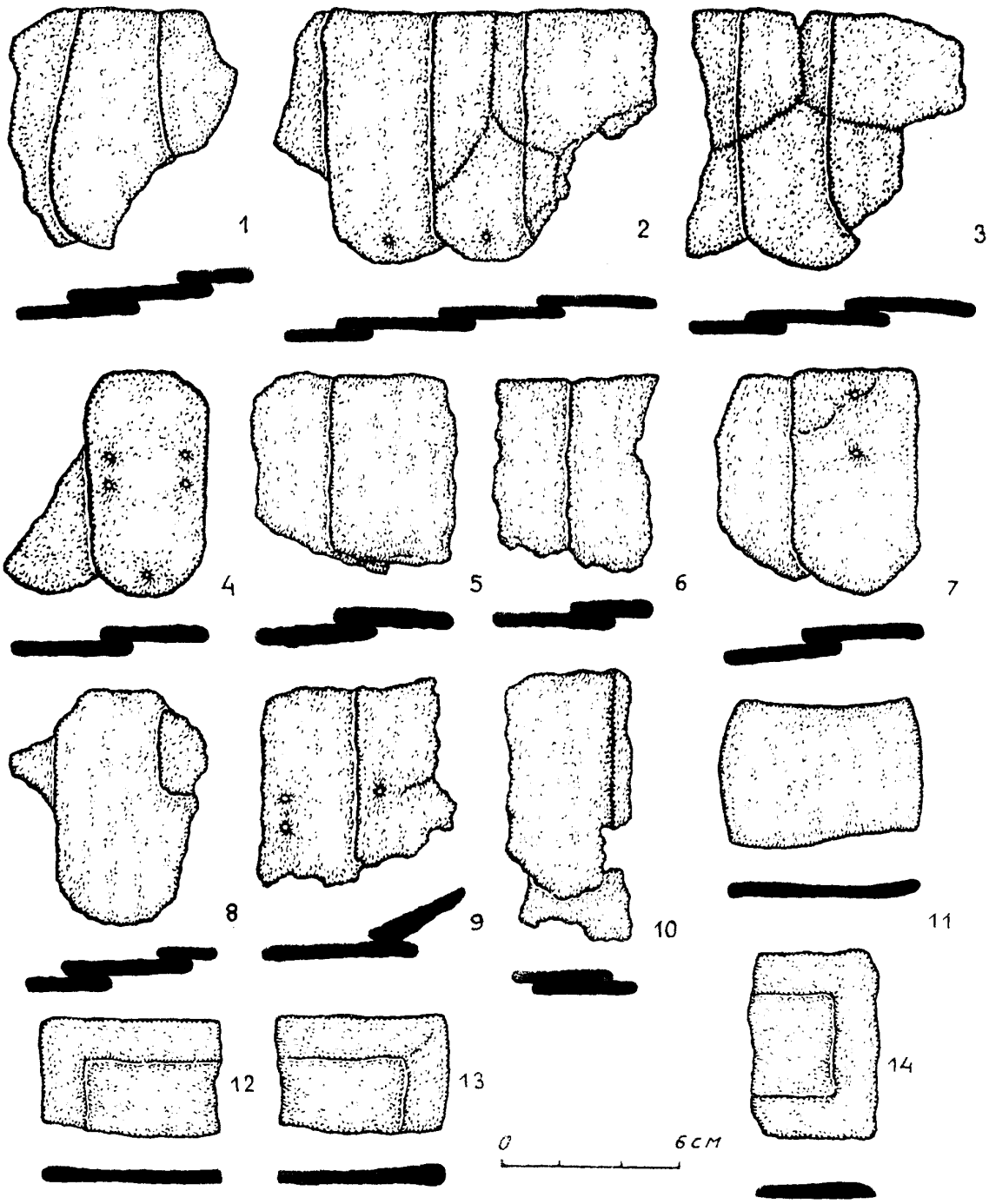


Рис.4

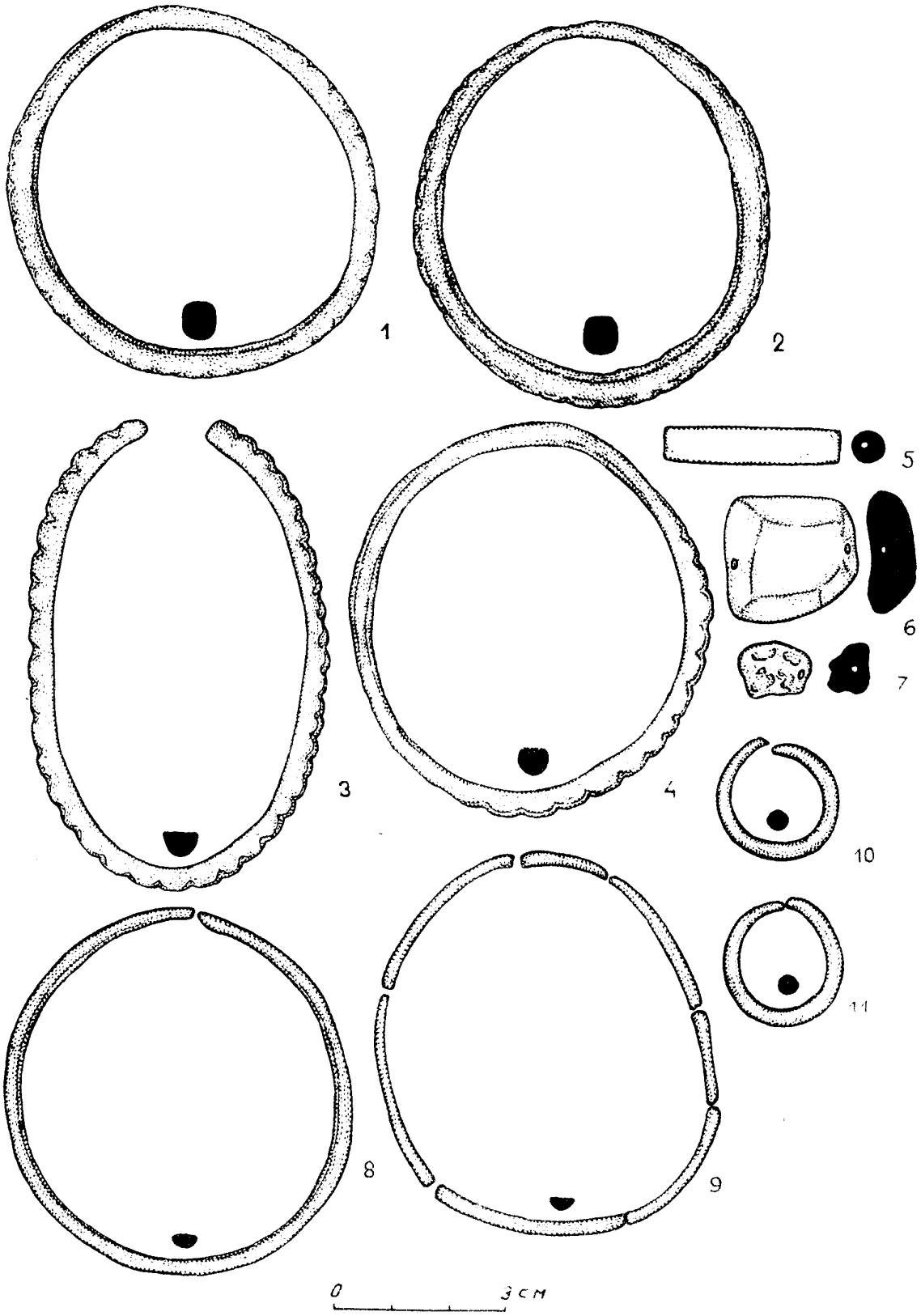


Рис.5

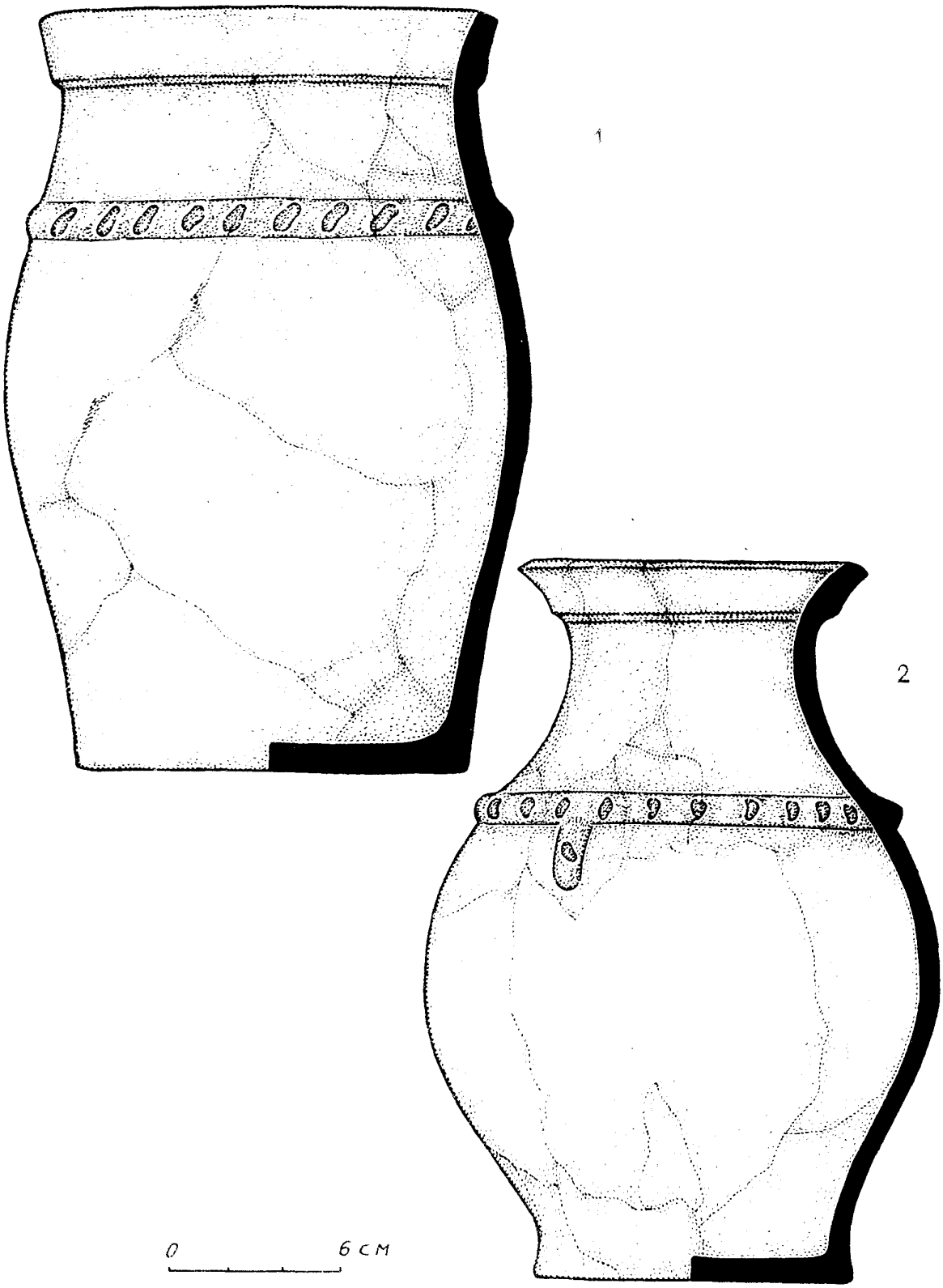


Рис.6

Соёнов В.И., Исов А.В.
(г. Горно-Алтайск)

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЛЬЧУГИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ

Предметы защитного вооружения в археологических памятниках встречаются гораздо реже, чем предметы наступательного вооружения. Поэтому любая, даже случайная, находка предметов защитного вооружения представляет значительный интерес для оружиеведения. В данной заметке мы публикуем кольчатые доспехи, хранящиеся в фондах археолого-этнографического музея Горно-Алтайского государственного университета (кольчуга № 1) и Горно-Алтайского Республиканского краеведческого музея им. А.В. Анохина (кольчуги №№ 2-4). Две кольчуги (№№ 1,2) случайно обнаружены сотрудниками Алтайской геофизической экспедиции Е.Н. Дударевым и В.А. Ивановым в кладе, находившемся среди камней осыпи в бассейне р. Калгуты в Кош-Агачском районе. Две кольчуги (№№ 3,4) поступили в фонды Республиканского краеведческого музея как случайные находки, происхождение которых не уточнено.

Кольчуга № 1 (рис. 1-*1*). Сохранность хорошая. По покрою – рубаха с короткими рукавами. Длина от ворота до края подола 0,68 м. Ширина в плечах с расправленными рукавами 1,23 м, ширина в талии 0,57 м, ширина в подоле 0,61 м. Рукава трапециевидной формы шириной 0,18 м. Длина правого рукава 0,21 м, левого 0,23 м. Ширина горловины 0,33 м. Горловина расположена на 0,05 м ниже уровня плеч. Разрез ворота расположен посередине. Глубина выреза 0,17 м. Запах ворота слева направо. Подполок шириной 0,04 м. Спереди и сзади подола имеются разрезы: спереди клиновидной формы, сзади – дугообразной. Глубина разрезов 0,1 м. Вес кольчуги 9,470 кг. Кольчатое плетение одинарное из овальных и круглых колец (рис. 1-*2*). Круглые кольца диаметром 10 мм имеют круглую и овальную форму в сечении. Овальные кольца диаметром 11-13 мм имеют такие же формы в сечении, как и круглые кольца. Все кольца склёпаны “на гвоздь” и имеют мысообразный выступ на внутренней стороне.

Кольчуга № 2 (рис. 1-*3*). Сохранность хорошая. Покрой кольчуги – рубаха с короткими рукавами. Длина от ворота до края подола 0,68 м. Ширина в плечах с расправленными рукавами 1 м, ширина в талии 0,51 м, ширина в подоле 0,58 м. Рукава прямоугольной формы шириной 0,19 м. Правый рукав длиной 0,19 м, а левый 0,21 м. Ширина горловины 0,34 м. Разрез ворота расположен посередине. Глубина выреза 0,14 м. Запах ворота слева направо. Подполок шириной 0,03 м. Спереди и сзади подола имеются разрезы: спереди клиновидной формы, глубиной 0,17 м; сзади – дугообразной формы, глубиной 0,12 м. Вес кольчуги 6,1 кг. Кольчатые плетение одинарное из круглых колец (рис. 1-4). Диаметр колец 10-11,5 мм, сечение линзовидной формы. Все кольца склепаны “на гвоздь” и имеют мысообразный выступ на наружной стороне.

Кольчуга № 3 (рис. 2-*1*). Сохранность средняя. Покрой кольчуги – рубаха с короткими рукавами. Длина от ворота до подола 0,67 м. Ширина в плечах с расправленными рукавами 1,09 м, ширина в талии 0,61 м, ширина в подоле 0,64 м. Рукава прямоугольной формы шириной 0,19 м. Правый рукав длиной 0,25 м, а левый 0,20 м. Горловина шириной 0,32 м. расположена на 0,05 м ниже уровня плеч. Кольчуга имеет крупные разрывы в районе груди, живота и подола, поэтому невозможно установить характер разреза ворота и разрезов подола. Вес кольчуги 4,980 кг. Кольчатое плетение одинарное из круглых колец (рис. 2-*2*). Диаметр колец 9,5 мм, сечение колец линзовидной, овальной и квадратной формы. Часть колец сварены, а часть колец – склёпаны “на гвоздь”. Ряд сваренных колец чередуется по горизонтали с рядом клёпанных колец. Последние имеют мысообразный выступ на внутренней стороне.

Кольчуга № 4 (рис. 2-*3*). Сохранность средняя. Покрой кольчуги – рубаха с короткими рукавами. Длина от ворота до подола 0,72 м. Ширина в плечах с расправленными рукавами 1,06 м, ширина в талии 0,5 м, ширина в подоле 0,53 м. Рукава прямоугольной формы шириной 0,21 м. Правый рукав длиной 0,26 м, а левый 0,27 м. Кольчуга имеет выступающий на 0,08 м над уровнем плеч ворот. Через кольца ворота в несколько рядов пропущены сыромятные ремешки (рис.2-*5).* Ширина горловины 0,33 м. Разреза ворота нет. Кольчуга имеет крупные разрывы спереди и сзади, поэтому невозможно установить характер разрезов подола. Вес кольчуги 5, 560 кг. Кольчатое плетение одинарное из круглых колец (рис. 2-*4*). Диаметр колец 11 мм, сечение круглой формы. Все кольца склёпаны “на гвоздь” и имеют мысообразный выступ на внутренней или внешней стороне.

Исходя из вышеизложенного описания доспехов, мы видим, что все они по покрою представляют рубахи с короткими рукавами. У трёх кольчуг (№№ 2-4) рукава прямоугольной формы, у одной (№ 1) рукава трапециевидной формы. У двух кольчуг (№№ 1,3) горловина оформлена в виде уступа, расположенного ниже уровня плеч. У одной кольчуги (№ 2) горловина находится на одном уровне с линией плеч, а у одной кольчуги (№ 4) имеется выступающий над уровнем плеч ворот. Разрез ворота у двух, хорошо сохранившихся, доспехов (№№ 1,2) расположен по середине груди и имеет подполок, а запах- слева направо. У одной кольчуги (№ 3) характер разреза ворота установить невозможно из-за повреждений, а у кольчуги № 4 разреза ворота нет, а через кольца ворота в несколько рядов пропуще-

ны сыромятные ремешки. Все кольчуги имеют незначительное расширение к подолу. Разрезы подола у двух кольчуг (№ 1,2) спереди клиновидной, сзади – дугообразной формы. У остальных двух кольчуг из-за разрывов подола невозможно установить характер разрывов. Вес кольчуг от 4,980 до 9,470 кг. Все кольчуги сплетены одинарным способом: четыре кольца скреплены через одно. Кольца овальной и округлой формы имеют круглое, линзовидное, овальное и квадратное сечение. Кольчуга № 1 состоит из склёпанных овальных и круглых колец с мыском на внутренней стороне. Кольчуга № 2 состоит из склёпанных круглых колец с мысообразным выступом на внешней стороне. Кольчуга № 3 сплетена из гладких сваренных и склёпанных колец с мысообразным выступом на внутренней стороне. Кольчуга № 4 состоит из склёпанных круглых колец с мысообразным выступом на внутренней или внешней стороне.

На территории Горного Алтая кольчатые доспехи встречаются крайне редко. До настоящего времени известны лишь обрывок кольчуги в к. 22 могильника Кудыргэ в Улаганском районе (Гаврилова, 1965, с.31) и две кольчуги из оружейного клада близ с. Джазатор Кош-Агачского района (Слюсаренко, Черемисин, 1995, с. 100-104).

Обрывок кольчуги из Кудырге размерами 0,07 х 0,14 м сплетён одинарным способом из круглых колец круглого сечения. Способ изготовления колец неизвестен т.к. его описания нет в тексте, а прилагаемая иллюстрация не отражает способа изготовления. По мнению А.А. Гавриловой, обрывок был привязан к подножке стремени, чтобы в нём не скользила нога. Погребение, в котором обнаружен обрывок кольчуги, датировано VI-VII вв. Происхождение обрывка, как полагают исследователи, связано со Средней Азией (Гаврилова, 1965, с. 31; Худяков, 1986, с. 159).

Две кольчуги из клада, найденном около с. Джазатор, были обнаружены вместе с узкой и длинной полосой кольчужного плетения, ружейным стволом и спусковым механизмом ружья. Клад датирован началом XVIII в., хотя И.Ю. Слюсаренко и Д.В. Черемисин не исключают более раннего изготовления кольчуг (в XVI-XVII вв.). По своим конструктивным особенностям джазаторские кольчуги близки к описываемым нами кольчугам: по покрою – они рубахи с короткими рукавами, сплетённые одинарным способом из колец разных диаметров, форм и сечений. Кольца изготовлены сваркой и клёпкой. Клёпанные кольца имеют мысообразный выступ на внутренней стороне. Отличительной особенностью одной из кольчуг является разрезной ворот без подполка, а также у обеих джазаторских кольчуг с левой стороны ворота имеются кольчатые цепочки для застёгивания. Происхождение кольчуг И.Ю. Слюсаренко и Д.В. Черемисин связывают с проникновением русского населения в Сибирь.

Консервативная техника изготовления кольчатого доспеха и традиционный покрой в виде рубахи с короткими рукавами не позволяет пока точно датировать публикуемые изделия и определить их происхождение. Наиболее ранняя южносибирская кольчуга, датированная III в. н.э. (Горбунов, 1996, с. 164-165), тоже имеет такой же принцип изготовления, как и поздние доспехи: она сплетена одинарным способом из круглых и овальных колец овального сечения. Техника изготовления колец – сварка и клёпка. Клёпанные кольца имеют мысообразный выступ на внешней стороне.

Таким образом, мы не видим пока основания для выделения ранних и поздних признаков для датировки кольчатых доспехов, поскольку публикуемые здесь кольчуги, (а также и джазаторские) сочетают в себе почти все признаки, выделяемые для ранних и для поздних образцов. Публикуемые изделия №№ 1,2 по таким косвенным признакам, как хорошая сохранность; аналогичные, с джаторскими, условия находки; количество кольчуг в кладе, мы можем датировать XVII-XVIII вв. Возможно, близки по времени и остальные две кольчуги (№ 3,4). Происхождение описываемых кольчуг, скорее всего, связанно с русской экспансией на восток, что демонстрируют и джазаторские кольчуги, найденные в одном кладе со специфическими предметами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. - М., - Л., 1965.-146 с.
2. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племён Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 156-166.
3. Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Находка кольчуг близ с. Джазатор (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1995. - № 3. – С. 100-104.
4. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 286 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ СОЁНОВ В.И. И ИСОВА А.В.

Рис. 1. 1 – кольчуга № 1; 2 – схема плетения кольчуги № 1; 3 – кольчуга № 2; 4 – схема плетения кольчуги № 2

Рис. 2. 1 – кольчуга № 3; 2 – схема плетения кольчуги № 3; 3 – кольчуга № 4; 4 – схема плетения кольчуги № 4; 5 – ряд колец с сыромятным ремешком.

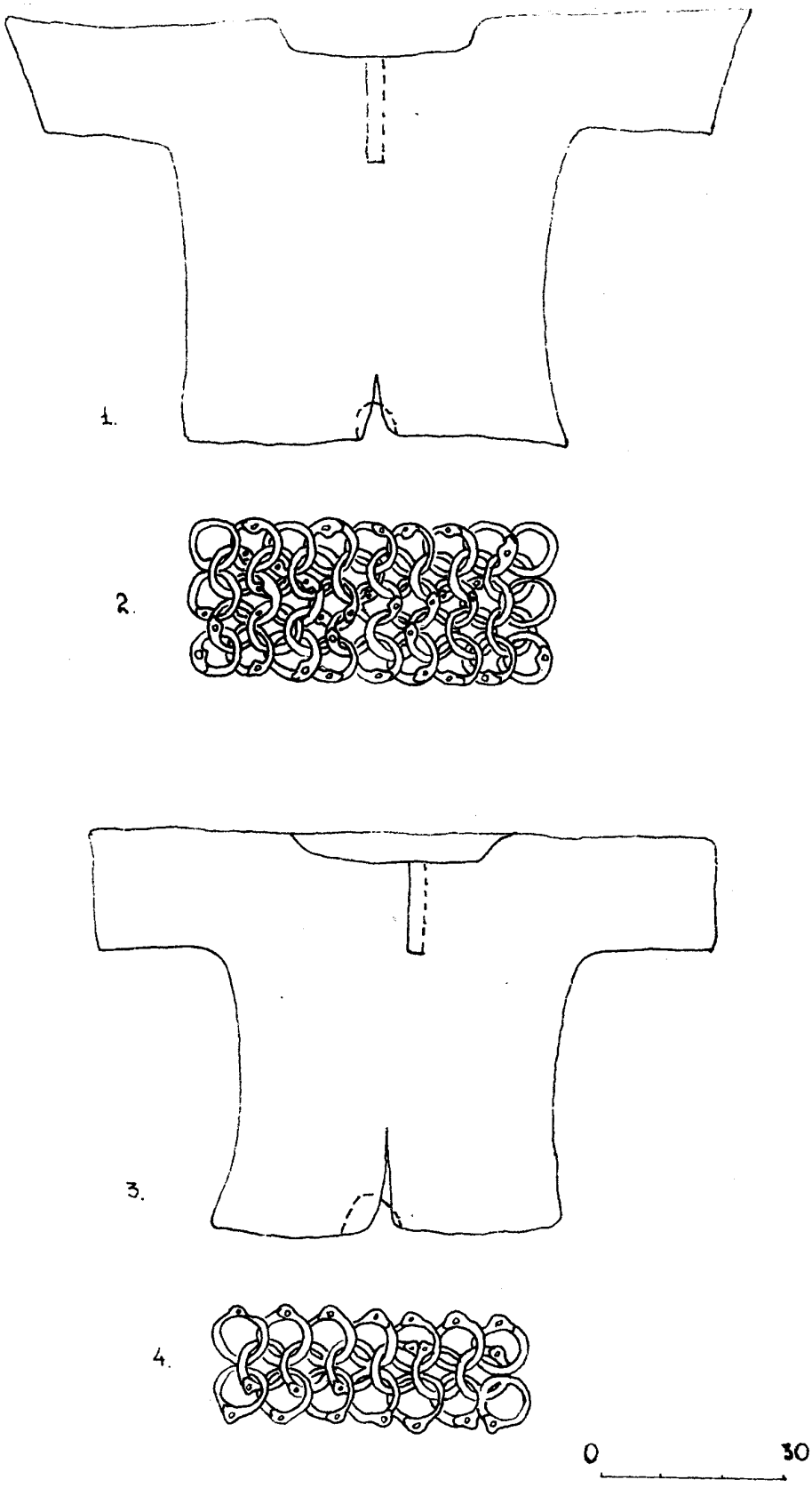


Рис.1

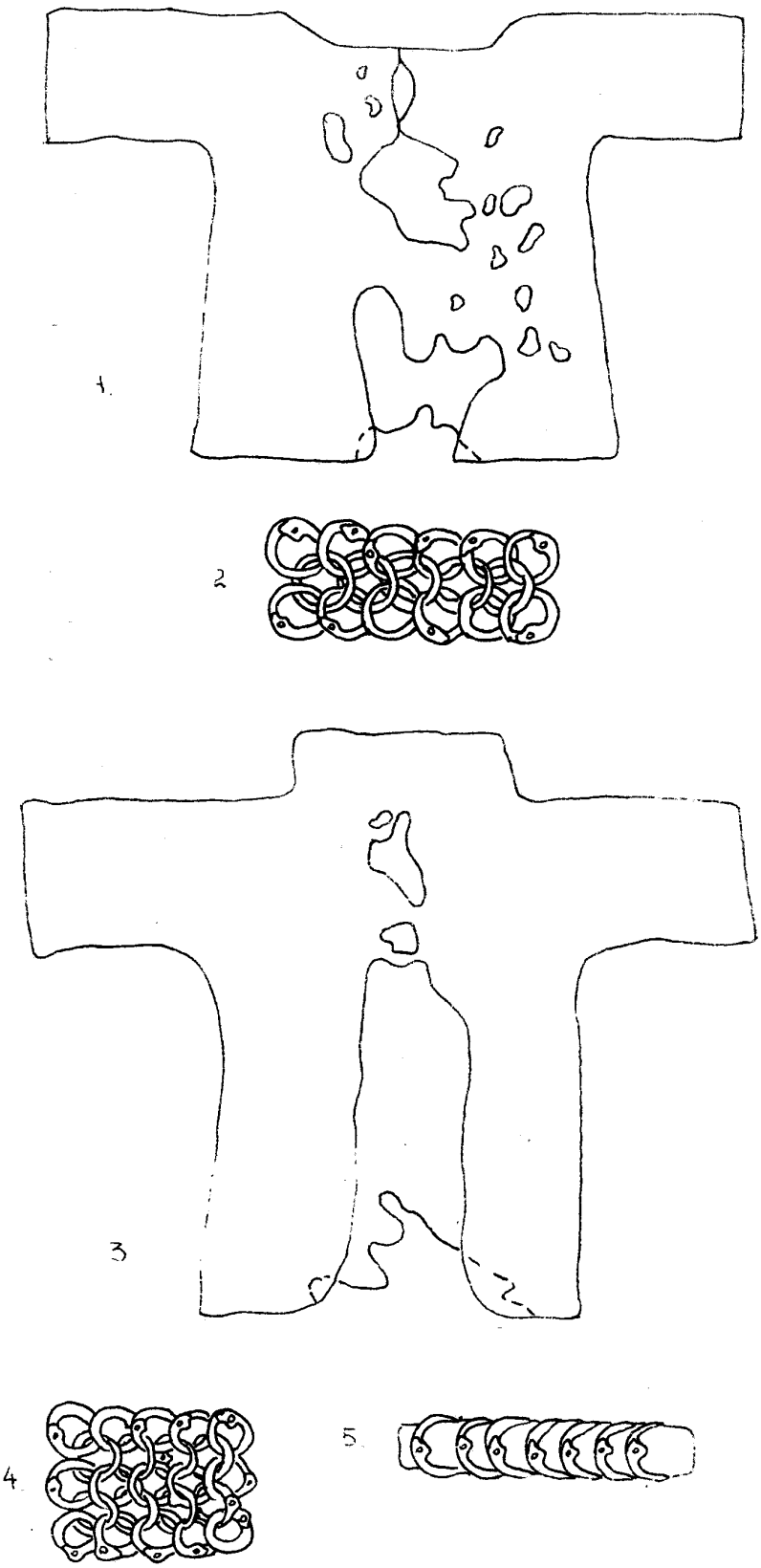


Рис.2

Кубарев В.Д.
(г.Новосибирск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ

Алтай – колыбель многих народов. В наше время его территория поделена политическими границами четырех государств: Китая, Казахстана, Монголии и России. Мощный горный узел Табын-Богдо-Ула – «Пять Священных Вершин» не столько разделяет азиатские страны, сколько объединяет их. Блистающие вечным льдом пики алтайских гор всегда привлекали внимание многочисленных паломников. Об этом свидетельствуют археологические памятники: курганы, памятные стелы, надписи, каменные изваяния и священные обо на высокогорных перевалах (рис. 1). Дороги и горные тропы соединяли многие древние народы. Своеобразными вехами, маркирующими миграционные пути можно назвать наскальные рисунки, в огромном числе распространенные на просторах Центральной Азии.

Изучение петроглифов Алтая продолжается вот уже второе столетие, но даже и сегодня ни один исследователь не может с полной уверенностью назвать точное число памятников на территории этой уникальной горной области в центре Азии. Отдельные попытки систематизации и учета петроглифических памятников Алтая уже предпринимались. Однако они фиксировали местонахождения наскальных рисунков только для отдельных районов Алтая: в Чуйской степи, в долинах рек Елангаша и Юстыда, на средней Катуни и т.д. (Хороших, 1947; Ешелкин, 1974; Шер, 1980; Кубарев, 1980; Окладникова, 1984; и др.) В недавно опубликованной сводке о петроглифах Алтая рассматривается история их исследования, сделан критический обзор публикаций, прилагается археологическая карта всех известных на тот день пунктов с наскальными рисунками (172 памятника) и библиографический список работ (Кубарев, Маточкин, 1992). В ней также рассматриваются некоторые вопросы, связанные с периодизацией, методикой исследования и интерпретацией памятников наскального искусства Алтая. Но накопление изобразительных материалов идет столь быстрыми темпами, что нашу сводку, вышедшую 6 лет назад можно считать устаревшей. За прошедшее время, только усилиями одной экспедиции на плато Укок открыто и обработано около 30 пунктов с наскальными изображениями (Молодин, Черемисин, 1995). Несомненно, что и дальнейшие изыскания на Алтае выявят еще много интереснейших памятников, но уже сейчас ясно, что основной круг алтайских петроглифов очерчен.

Серьезной проблемой на сегодняшний день остается неравномерная изученность памятников. Если некоторым местонахождениям наскальных рисунков (Елангаш, Куюс, Калбакташ) посвящены монографические работы (Окладников и др., 1979; Они же, 1980; Они же, 1981; Они же, 1982; Окладников, Окладникова, 1984; Окладникова, 1984; Kubarev, Jacobson, 1996), то материалы других, не менее крупных и уникальных памятников (Чаганка, Кок-Узек, Туру-Алты, Жалгыз-Тобе, Каракол, и т.д.) известны только по небольшим статьям и сообщениям.

Изучение петроглифов Алтая всегда занимало значительное место в полевых исследованиях автора. С 1968 года ежегодно обследовались многие известные памятники и открывались новые. Итоги этих работ суммированы в двух упомянутых монографиях, а также в двух сводных статьях, посвященных и другим археологическим памятникам Кош-Агачского района Республики Алтай (Кубарев, 1980, с. 69-91; Кубарев, 1988, с. 107-144). Информация о новых петроглифах регулярно публиковалась в российском ежегоднике «Археологические открытия».

В последние годы полевые работы по изучению наскальных рисунков Алтая проводились совместно с иностранными учеными. На исследование уже известных и поиски новых древних памятников были нацелены усилия небольшой Российско-Монголо-Американской экспедиции, организованной шесть лет назад под эгидой Алтайского Международного Центра (Институт Археологии и Этнографии Сибирского Отделения Академии Наук). Одной из задач, поставленных перед сотрудниками международной экспедиции, была регистрация, описание и изучение наиболее крупных археологических комплексов российской части Алтая. Они, как правило, включают не только наскальные рисунки, но и курганные могильники, каменные изваяния, стелы, ритуальные сооружения, и т.п. Четыре таких древних комплекса (Жалгыз-Тобе, Елангаш, Чаганка, Туру-Алты) обследовались в Чуйской степи в 1992-93 гг. (Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Jacobson, 1991, 1993).

В период 1993-98 гг. международная экспедиция проводила разведочные и стационарные исследования в пределах Монголии (см. рис. 1). Например, маршруты полевых сезонов 1995 и 1998 гг. (общей протяженностью более 2000 км) пролегали в основном по высокогорьям Монгольского Алтая. Были открыты десятки неизвестных ранее памятников: курексуры, курганные могильники древних кочевников, оленные камни, тюркские изваяния (Tseveendorj, Jacobson, Kubarev, 1997, p. 1-6).

Алтай с его высокими хребтами, сетью трудно преодолеваемых рек и глухими урочищами являлся идеальным местом для возникновения и дальнейшего развития историко-культурных зон. Обусловленные природно-ландшафтными и климатическими условиями, одинаковыми типами ведения производящего хозяйства, - они на протяжении многих веков сохраняли консервативные черты материальной и духовной культуры древне-алтайского населения. Это с одной сто-

роны облегчает разработку хронологии древних памятников, имеющих эволюционно-поступатель-ный характер, а с другой затрудняет определение временных ареалов отдельных культур, в силу их преемственности и традиционности. Алтайские петроглифы создавались в течении тысячелетий и первостепенными задачами исследований является создание периодизации, выделение различных хронологических пластов и их культурная атрибуция. До настоящего времени в сибирской археологии одной из актуальнейших проблем остается определение даты многих памятников наскального искусства. Масса сходных сюжетов и персонажей алтайских петроглифов, выполненных в однообразном стиле и к тому же одинаковой техникой, значительно затрудняют их классификацию. Нужно признать, что до сих пор одним из распространенных методов хронологических привязок остается метод прямых аналогий с датированными предметными коллекциями из синхронных погребальных комплексов. При этом, важным условием является использование тех материалов, которые происходят из одного района или из отдельной географической провинции. Именно такое комплексное изучение разнообразных археологических памятников осуществлялось многие годы в высокогорных районах Алтая (Кубарев, 1993, с. 104-112).

Серьезной проблемой является определение даты наиболее древних рисунков в Центральной Азии. До сих пор древнейшим памятником начального искусства в Монгольском Алтае считалась пещера Хойт-Цэнкер. Росписи в ней, выполненные охрой, были датированы эпохой палеолита (Окладников, 1972). Но даже в те годы, когда в Монголии впервые была открыта пещерная живопись, отдельные исследователи сомневались в ее палеолитическом происхождении (Ларичев, 1968, с. 353). В настоящее время появился ряд публикаций, ставящих под сомнение палеолитический возраст росписей пещеры Хойт-Цэнкер (Варенов, 1995, с. 17-18; Он же, 1998, с. 89-91; Корсун, 1995, с.77-80; и др.). Проблемам датирования росписей Хойт-Цэнкера и «палеолитических» рисунков Аршан-Хада (Восточная Монголия) был посвящен и большой раздел статьи автора, в котором на основе анализа имеющихся данных был сделан вывод, что в настоящее время рисунков, относящихся к эпохе камня в Центральной Азии пока неизвестно (Кубарев, 1997, с. 25). Наше предположение об отсутствии палеолитических росписей в пещерах и гротах соседнего Китайского Алтая также подтвердилось. Нижняя хронологическая граница создания крашенных рисунков «пещерного искусства» определена китайскими археологами периодом позднего неолита или эпохой ранней бронзы (Варенов, 1998, с. 89-90). И совсем недавно открыты рисунки, выполненные охрой еще в двух пещерах Монголии: Цаган Агуй и Саальтын (Гобийский Алтай). Исследователи, по аналогии с забайкальскими памятниками, связывают их с культурой плиточных могил и датируют росписи концом II – началом I тыс. до н.э. (Деревянко, Петрин, 1997, с. 73-75; Петрин, 1998, с. 112-113).

Настоящей сенсацией 1998 года стало открытие рисунков, по мнению Д. Цэвээндоржа корректирующих дату самых древних изображений на р. Бага-Ойгур (Монгольский Алтай), отнесенных ранее к неолиту-энеолиту. Найденные изображения мамонта или слона (?) монгольский археолог датирует поздним палеолитом. Действительно, среди многочисленных петроглифов Монголии подобный персонаж неизвестен, хотя в красочных росписях пещеры Хойт-Цэнкер имеется единственная композиция с животными, напоминающими слонов (Окладников, 1972, с. 37-40, рис. 20, рис. 21). Но если и дальше считать оригинальные росписи пещеры энеолитическими, то нужно признать предположение монгольского коллеги ошибочным.

До недавнего времени самыми древнейшими рисунками в Российском Алтае считались контурные фигуры оленей верхнего яруса Куюсского грота (рис. 2, 1), датируемые неолитической эпохой (Окладникова, 1984, с. 73). Близкие по стилю, технике исполнения и большим размерам изображения оленей известны и в петроглифах Калбак-Таша (рис. 2, 2-4). Они также выделены в неолитический период (Кубарев, 1990, с. 156). В эту группу, достаточно редких для Алтая реалистичных изображений оленей можно включить аналогичные петроглифы в гроте Куйлю (рис. 2, 5) и у оз. Музды-Булак (плато Укок). Но, их происхождение В.И.Молодин соотносит с афанасьевской (?) культурой Алтая (1996, с. 178-181). Следует еще назвать Турочакскую писаницу которую исследователи первоначально относили к финальному неолиту (Окладников, Молодин, 1978, с. 11-21), а затем, после появления новых изобразительных материалов, к эпохе бронзы (Молодин, 1993, с. 10-25). С открытием новых петроглифов на плато Укок появилось несколько коротких сообщений и статей. Авторы открытия считают петроглифы, обнаруженные у калгутинского рудника, древнейшими на Алтае и датируют их поздним палеолитом (один из персонажей см. на рис. 2, 7). Однако слабо аргументированная хронология укокских наскальных рисунков не убеждает в этом. Критические замечания в моей статье, специально посвященной петроглифам Калгутов (Кубарев, 1977, с. 88-97), очевидно, были учтены. Но, отказавшись от сомнительных аналогий в центрально-азиатских и сибирских петроглифах, исследователи, тем не менее, продолжают настаивать на верхнепалеолитическом возрасте калгутинских изображений, приводя в качестве доказательства новые параллели из палеолитических памятников Португалии и Испании (Молодин, 1998, с. 60-61). Таким образом, вопросы зарождения и эволюции первобытного искусства на территории Алтая и сегодня остаются открытыми и дискуссионными.

К эпохе энеолита-бронзы относится самая многочисленная группа петроглифов Алтая. Различаясь локальным (в стилистическом плане) своеобразием в России, Монголии и Китае, они удивительно одинаковы по каноничным сюжетам и персонажам. В основном это: стилизованные изображения женщин (Kubarev, Jakobson, 1997, fig. 190-195), часто в эротизированной позе (рядом со зверем, в сценах совокупления (рис. 3, 7), «роженицы», и т.д.); мужские фаллические фигуры, рисунки рук и стоп (рис. 3, 2), личин или масок (рис. 3, 3); чашечные углубления, колесницы и вьючные быки, погонщики и воины, вооруженные палицами и копьями; фантастические хищники, а также парнокопытные животные, выполненные в реалистичной манере (рис. 3, 1,3,4). К числу редко встречаемых на Алтае образов бронзовой эпохи следует отнести рисунки рыб, змей, медведей и лодок. При датировании этого исторического периода у археологов не возникает серьезных разногласий, хотя других синхронных памятников (погребения, поселения, и т.д.), необходимых для перекрестных аналогий, на Алтае почти нет. Здесь важную роль играют, пока еще немногочисленные, изобразительные материалы каракольской культуры (Кубарев, 1988; он же, 1992 а, с. 48) и родственной ей окуневской культуры Хакассии (Вадецкая, 1980, с. 57-77; Леонтьев, 1980, с. 27-34).

Скифский период в наскальных рисунках Алтая выделяется при сравнении их с датированными находками из погребальных памятников пазырыкской культуры и синхронных ей культур из других регионов Центральной Азии. В петроглифах и материалах из курганов древних кочевников четко определяется группа одинаковых персонажей, хорошо коррелируемых между собой. Она включает изображения, выполненные в «алтайском зверином стиле» (рис. 4). В петроглифах и среди находок мелкой пластики этого периода главенствует образ оленя. Эссовидная форма рогов, клювовидные морды оленей из петроглифов (см. рис. 4, 1-3) и на оленных камнях повторяются в деревянных фигурах оленей из курганов Уландрыка и Сайлюгема (Кубарев, 1987, с. 103, рис. 41; Он же, 1992, с. 96, рис. 28, 1). Причем, расположение рисунков оленей на скальных плоскостях по диагонали (Туру-Алты, Калбак-Таш, Цагаан-Салаа и т.д.) идентично диагональному размещению их изображений на многих оленных камнях Центральной Азии. Часто встречаемые парные разнополые изображения животных в петроглифах (рис. 5) и деревянной скульптуре указывают на их культово-генеалогический характер (Кубарев, 1979, с. 31, табл. XI; табл. XII).

Значительная часть рисунков скифской эпохи сакрализована. Символы в виде дисков, колец и спиралей находятся рядом с изображениями животных, а нередко украшают рога и хвосты мифических зверей (рис. 6). Такие же солярные элементы присутствуют и в миниатюрной скульптуре из Уландрыка и Юстыда. Но они сочетаются иначе: рельефный овал - символ светила зажат между копытами «летящего» оленя (Кубарев, 1987, с. 103, рис. 41) или рельефная окружность вписана в бедро фигурки барана (Кубарев, 1992, с. 105, рис. 33, 4.5); а также шаровидный подстав для деревянной скульптурки «небесного» коня (Кубарев, 1987, с. 96, рис. 37), . Связь деревянных изображений животных с солнцем и небесной сферой также подчеркнута покрытием их листовым золотом. Вместе с тем изображения «небесных» коней в петроглифах Алтая встречаются редко. Можно указать на один петроглиф в Калбак-Таше, где на кончиках задранных хвостов двух коней изображены шары с лучами (Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 453), а также на рисунки коней в Елангаше, на спине которых обозначено крыло (Кубарев, 1979, с. 77, рис. 25, 1,2). Своей летящей позой и пропорциями они напоминают фигурку коня из Уландрыка, в спине которого прорезано узкое отверстие, возможно, для вставного кожаного крыла (Кубарев, 1981, с. 86, рис. 1, 9). На еще один рисунок коня из Елангаша, выполненный в типично раннескифской манере, налегает фигурка человека, нанесенная несколько позже. Таким приемом изображены первые всадники в петроглифах Елангаша. Всадники скифского периода известны также в наскальных рисунках Туру-Алты (Кубарев и др., 1993, с. 63, рис. 1), Калбак-Таша (Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 362) и Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае (рис. 4, 9).

Другие образы пазырыкского искусства: барсы, волки и кабаны реализуются в петроглифах еще более точно. Они также маркированы солярными знаками. Это завитки, спирали и крылья на туловищах животных. Аналогичные им по иконографии деревянные фигурки хищников из курганов Чуйской степи, также покрывались листовым золотом (Кубарев, 1987, с. 117, рис. 46). Изображения птиц, достаточно редкие в петроглифах Алтая, очень часто встречаются в находках из курганов древних кочевников. Вырезанные на золотых листках эти плоскостные изображения сильно стилизованы (Кубарев, 1987, с. 101, рис. 31; Он же, 1992, с. 122, рис. 32). Они больше напоминают распластанные изображения орлов в древних петроглифах Монгольского Алтая (рис. 4, 8), Забайкалья и Хакасии (Кубарев, Черемисин, 1984, с. 86-100). Зато скульптурные фигурки орлов из Уландрыка и Юстыда очень оригинальны и реалистичны (Кубарев, 1987, с. 101, рис. 39; Он же, 1991, с. 122, рис. 32). Связь их с солнцем и небом также усиливается покрытием листовым золотом. Вообще возможности мелкой пластики были гораздо богаче и разнообразнее, чем выполнение аналогичных изображений на камне.

Образ фантастического зверя, известный уже в эпоху бронзы по петроглифам Елангаша, Калбак-Таша и Куюса, продолжал развиваться и в скифское время. В пазырыкском искусстве таких синкретичных существ, сочетающих в себе черты различных животных, предостаточно. Од-

нако в петроглифах скифского периода Алтая этот образ почти неизвестен.

Проблемным остается определение дат и выделение культурно-хронологических пластов наскальных рисунков Алтая, выполненных в период от рубежа нашей эры до этнографического времени. Оно осложняется еще и тем, что в это время во многих регионах преобладает единая техника нанесения рисунков (так называемые граффити), а стиль и сюжеты становятся одинаковыми и однообразными на огромных просторах Евразии. В петроглифах Алтая гравированные рисунки достаточно представительны и присутствуют, практически на всех памятниках (Окладникова, 1988, с. 140-158; Елин, Соенов, 1990, с. 161-177; Молодин, 1992, с. 91-93; Кубарев, 1992а, с. 47-48; Он же, 1993, с. 104-112; и т.д.). В их многовековой истории создания (от энеолита до современности) представляется возможным наметить три основных периода: гунно-сарматский, древнетюркский и этнографический. Рисунки гунно-сарматского периода, унаследовавшего элементы динамичного звериного стиля ранних кочевников, становятся все более сухими и схематичными (рис. 7). Они с одной стороны еще связаны с искусством скифской эпохи, а с другой являются основой наскального искусства древнетюркского времени. Мир мифических зверей сменяется сценами охоты и военных столкновений (рис. 8). В отдельных случаях о таких композициях трудно сказать относятся они к гунно-сарматскому или древнетюркскому периодам. Это хорошо видно на примере граффити Кара-Оюка (Российский Алтай), которые Е.А. Окладникова, весьма условно разделила на несколько хронологических пластов (1988, с. 143). Видимо и в данном случае опять требуются более точные и убедительные аналогии из датированных источников. Но если памятники древних тюрков уже открыты и в них найдены образцы художественного творчества средневековых кочевников (Гаврилова, 1965, табл. YI, табл. XYI, и т.д.), то искусство гунно-сарматской эпохи Алтая нам также незнакомо, потому, что в погребениях этого времени почти отсутствуют изобразительные материалы.

Неизвестны на Алтае и памятники монгольского времени. С их открытием, надо предположить, будут выделены из общей массы петроглифов рисунки этого сложного и малоизученного периода в истории древнего населения Алтая. В огромном пласте гравированных рисунков, несомненно, имеются сюжеты эпохи джунгарского владычества. Их также предстоит отделить не только от более древних граффити, но и от рисунков этнографического периода.

До недавнего времени рисунки алтайцев (рис. 9) не привлекали должного внимания исследователей. Наверное, это было связано, прежде всего, с трудностями, неизбежно возникающими при копировании графических рисунков, отсутствием разработанной методики и опыта работы с граффити. Так, при сплошной фиксации разновременных петроглифов Елангаша, гравированные рисунки пропускались или копировались только несложные сюжеты. Начало всестороннего исследования граффити было положено Ю.В. Гричаном, который, в лабораторных условиях изучил крупный валун из Елангаша (1978, с. 170-178). Публикация этого памятника может послужить примером всестороннего изучения и одновременно методологическим пособием для обработки рисунков, выполненных тончайшей гравировкой. Любопытными представляются и образцы «мобильного искусства» алтайцев – гравированные гальки, в большом числе найденные В.Д. Кубаревым и затем опубликованные Ю.В. Гричаном (1987, с 178-201).

А.И. Мартынов в своем предварительном сообщении «О древних изображениях Каракола» основное внимание также уделил анализу сюжетов средневековых и этнографических граффити. По его мнению: «Наряду с простыми бытовыми сценами и религиозно-мифологическими здесь, несомненно, есть картины и изображения на темы героического сказаний о богатыре Алтай-Бучай, на сюжеты героического эпоса «Маадай-Кара», «Когутей», «Солтон-Мергена» и других…» (Мартынов, 1985, с. 82). Серьезный подход к изучению граффити продемонстрировала и Е.А. Окладникова. Она применила новую методику копирования рисунков, классифицировала изобразительные сюжеты, дала их характеристику и наметила периодизацию петроглифов Кара-Оюка. Для семантической реконструкции отдельных персонажей Е.А. Окладникова использовала широкий круг аналогий, - от археологических материалов до этнографических источников. При всей маштабности сопоставительного анализа, использованного в работе, все-таки были мало использованы местные, собственно алтайские изобразительные материалы.

Алтайские петроглифы представляют огромный интерес не только для археологов, палеонтологов, искусствоведов, но и исследователей, занимающихся реконструкцией социально-экономических структур древних обществ. Материалы, полученные в результате изучения наскальных изображений, дают реальную возможность определить хозяйственный тип, исторически сложившийся в горах Алтая и сохранившийся здесь в течение четырех последующих тысячелетий. Основными его компонентами служили скотоводство и охота. Они были обусловлены особенностями природной среды,- районов, удобных для разведения скота и граничащей с ними тайгой, изобилующей зверем. В многочисленных композициях и сценах выполненных на скалах можно проследить моменты, связанные с социальной структурой, идеологическими представлениями, определенными культами и ритуальными действиями древнего населения.

В числе поставленных проблем изучения алтайской петроглифики можно назвать: более конкретное определение материальной стороны производственной деятельности; установление традиционных видов, способов и приемов охоты и военной тактики; а также исследование символики, семантики орудий и оружия и интерпретация наиболее популярных образов древнеал-

тайского бестиария - сообщества зверей мифологического и космического порядка.

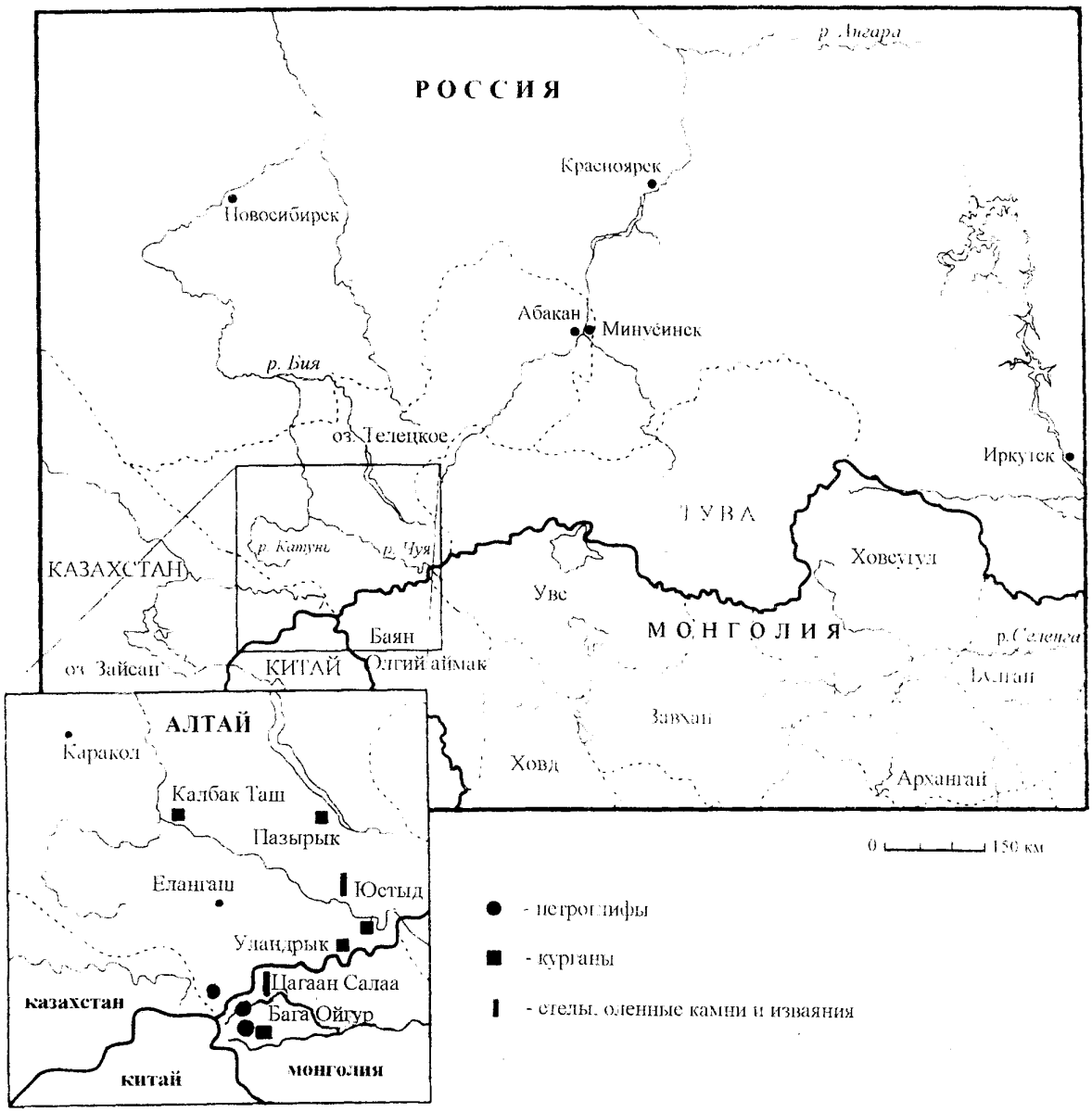
В перспективе дальнейшего изучения наскального искусства Алтая, обладающего широким хронологическим диапазоном, необходимо более широкое привлечение археологических материалов из погребальных комплексов. А выявление опорных датирующих блоков петроглифов позволяет выяснить назначение и содержание отдельных наскальных композиций, происхождение и смысл которых пока остаются для нас непонятными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варёнов А.В. К уточнению датировки пещерного искусства из Хойт-Ценкер Агуй, Монголия // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово. - 1995.- С. 17-18.
2. Варенов А.В. Пещерное искусство китайской части Монгольского Алтая // Международная конференция по первобытному искусству. - Кемерово, 1998. - С. 89-91.
3. Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. - Л., 1980.- С. 57-77, табл. XXXП - LVI.
4. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.-Л., 1965. – 110 с.
5. Гричан Ю.В. Камень с р. Дъелангаш (Горный Алтай) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978.- С. 170-178.
6. Гричан Ю.В. Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири. - Новосибирск, 1987.- С. 178-201.
7. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В. , Мыльников В.П., Цэвээндорж Д., и др. Изучение пещерных и наскальных изображений в Гобийском Алтае (Баян-Хонгорский аймак) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. – С. 73-75.
8. Елин В.Н., Соенов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск, 1990. - С. 161-177.
9. Корсун О.В. К проблеме идентификации наскальных изображений птиц из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-Агуй // Культурные традиции Сибири и Америки: преемственность и экология. - Чита, 1995. С. 77-80.
10. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск, 1979. - 120 с.
11. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агаческого района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). - Новосибирск, 1980.- С. 69-91.
12. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. – 302 с.
13. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. - С. 84-94.
14. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. – 302 с.
15. Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск. ГАНИИИЯЛ, 1988.- С. 107-144.
16. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988а. - 173 с.
17. Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М., 1990. - С. 154-157.
18. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.- 190 с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. – 220 с.
20. Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая.
21. Горно-Алтайск, 1992а. - С. 47-48.
22. Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных комплексов Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово, 1993. - С. 104-112.
23. Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии.-Вып. 2. Кемерово, 1997. – С. 88-97.
24. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. 1.- Горно-Алтайск. ГАГУ, 1995.- С. 149-163.
25. Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые граффити Монгольского Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск, 1996 - С. 140-143.
26. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1984. - С. 86-100.
27. Кубарев В.Д., Маточкин Е.И. Петроглифы Алтая. - Новосибирск, 1992. - 120 с.
28. Кубарев В.Д., Якобсон Е., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika. № 2. Новосибирск, 1993. - С. 63-68.
29. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Новые петроглифы Монголии // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995. - С. 20-21.
30. Леонтьев Н.В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая УШ // Памятники окуневской культуры. - Л., 1980. - С. 27-34, табл. XXX-XXX1.
31. Ларичев В.Е. Охотники за мамонтами. Новосибирск, 1968. – 368 с.
32. Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1985. - С. 80-86.
33. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. – С. 91-93.
34. Молодин В.И. Еще раз о датировке турочакских писаниц // Культура народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 10-25.
35. Молодин В.И. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. – С. 178-180.
36. Молодин В.И. Древнейшие изображения плато Укок и их европейские аналогии // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1998. – С. 60-61.

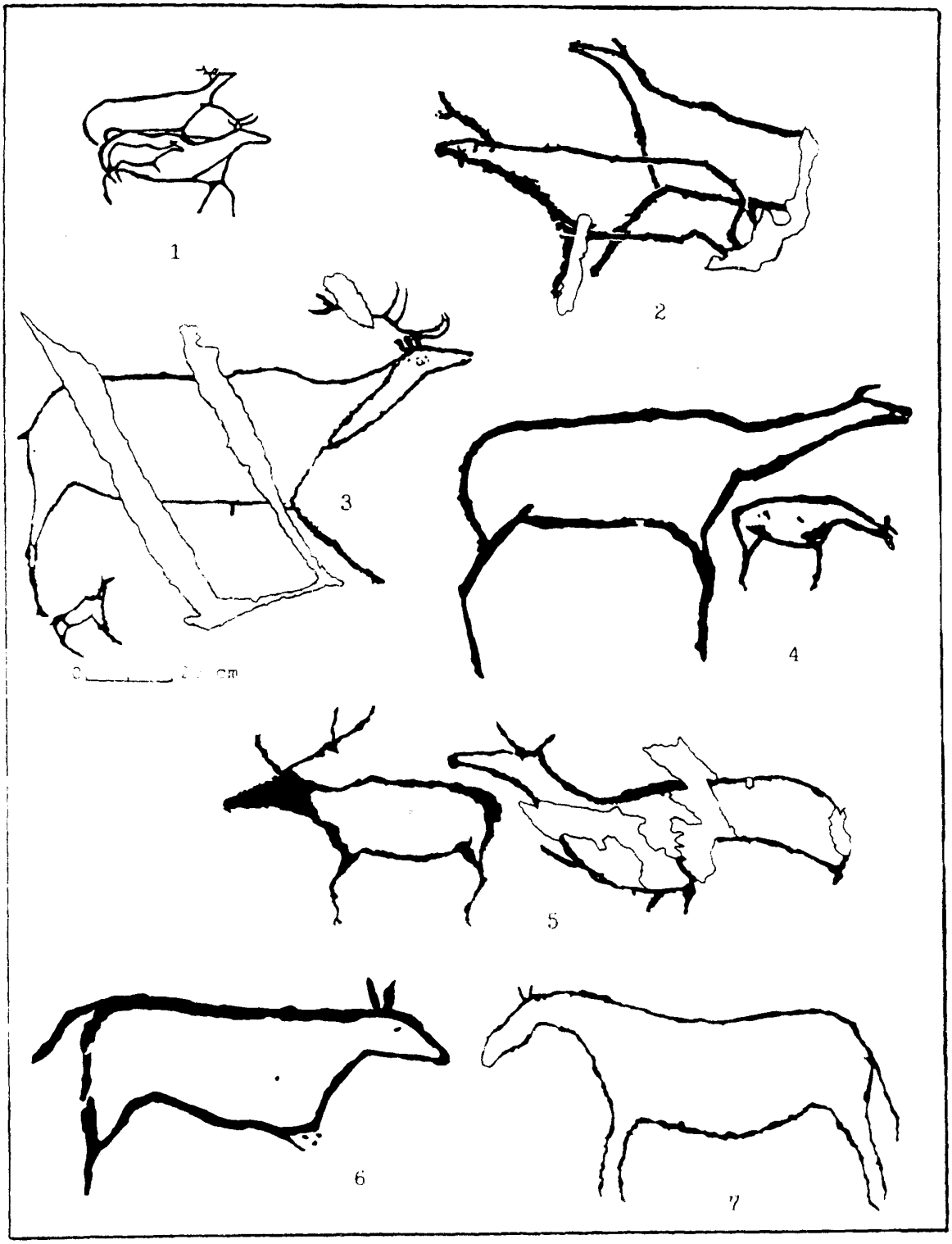
37. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие петроглифы Алтая // Обозрение, 1993 год. - Новосибирск, 1995. - С. 89-91.
38. Окладников А.П. Ценрально-Азиатский очаг первобытного искусства. – Новосибирск, 1972. – 76 с.
39. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири.- Новосибирск, 1978. - С. 11-21.
40. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. - Новосибирск, 1979. - 137 с.
41. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. - Новосибирск, 1980. - 140 с.
42. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск, 1981. 146 с.
43. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочищы Сары-Сатак. Новосибирск, 1982. – 149 с.
44. Окладников А.П., Окладникова Е.А. Древние рисунки Кызыл-Кёля. Новосибирск, 1985. - 147 с.
45. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. - Новосибирск, 1984. - 110 с.
46. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка. Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири.- Л., 1988.- С. 140-158.
47. Петрин В.Т. Рисунки в гротах Центральной Азии // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998. – С. 112-113.
48. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. - Алма-
49. Ата, 1992. - 287 с.
50. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М., 1980. - 328 с.
51. Kubarev V.D., Jakobson E. Repertoire des petroglyphes d'asie centrale. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). - T. Y. 3, F. 3. - Paris, 1996. - 256 p.
52. Tseyendorj D., Jacobson E., Kubarev V.D. Newly recorded petroglyphic complexes in the Altay mountains, Bayan-Olgiy aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). - Paris, 1997. - № 17. - P. 1-6.
53. Jacobson E. Siberia's Gorno-Altai - Crossroads of Culture // Archaeology, Sept.-Oct. 1991.

Jacobson E. Siberian Express, An Archaeological Journey // GPS World, January 1993.



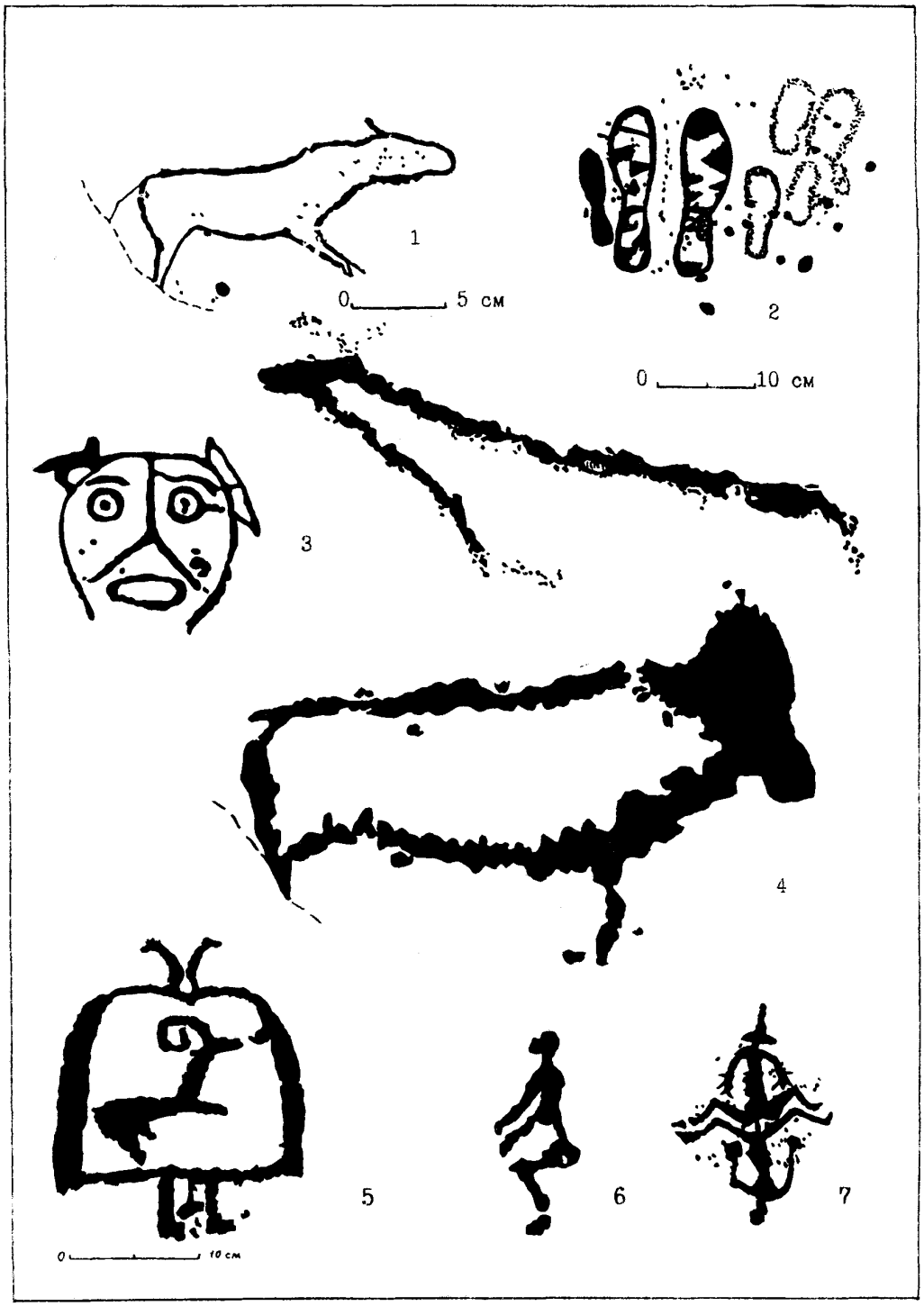
Карта Центральной Азии и Алтая.

Рис.1



Древнейшие петроглифы Российского Алтая: 1 Кююс, 2–4 Калбак–Таш, 5 Куйлю, 6 Курман–Тау, 7 Калгуты.

Рис.2

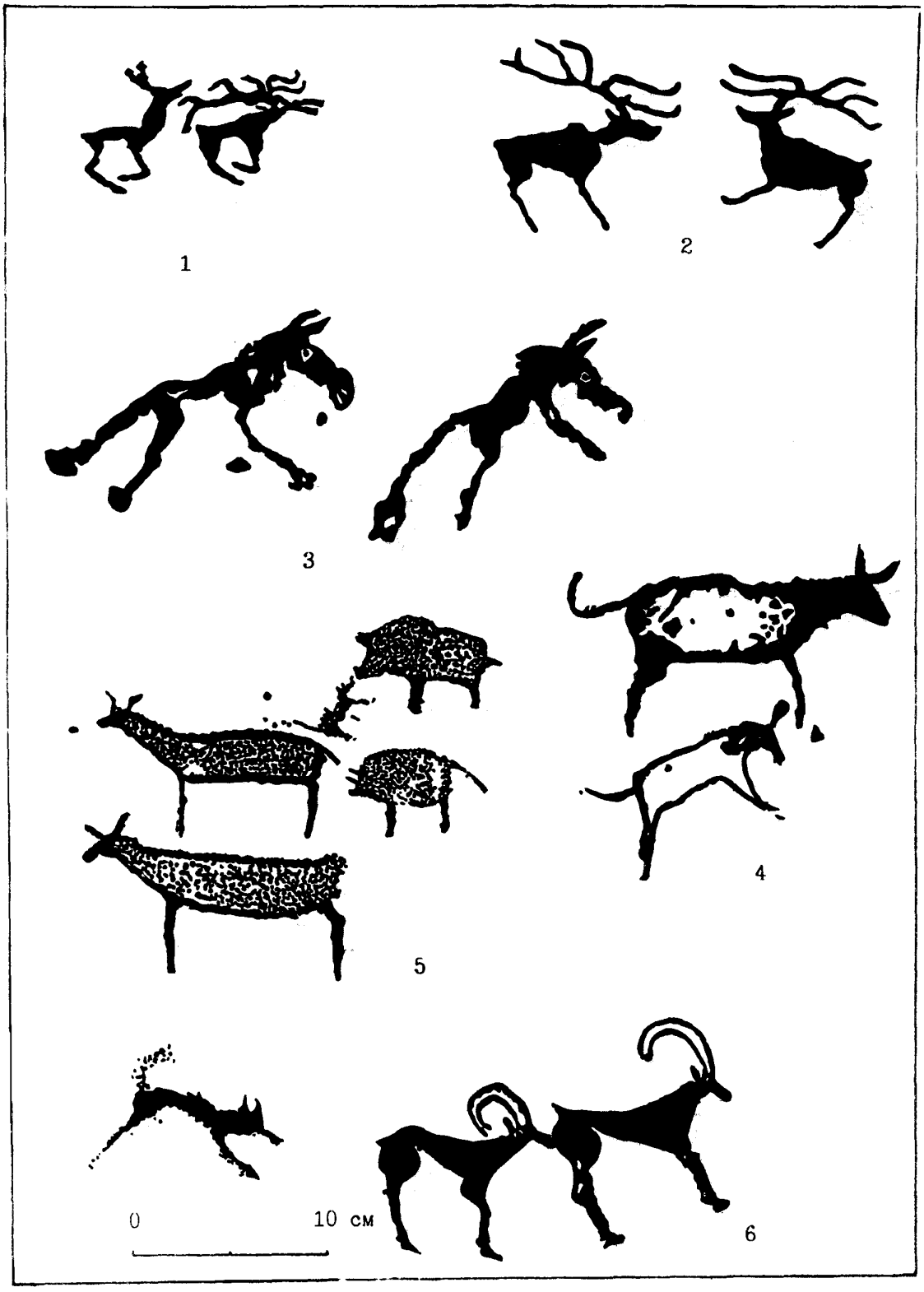


Петроглифы эпохи энеолита и бронзы. Монгольский Алтай.

Рис.3

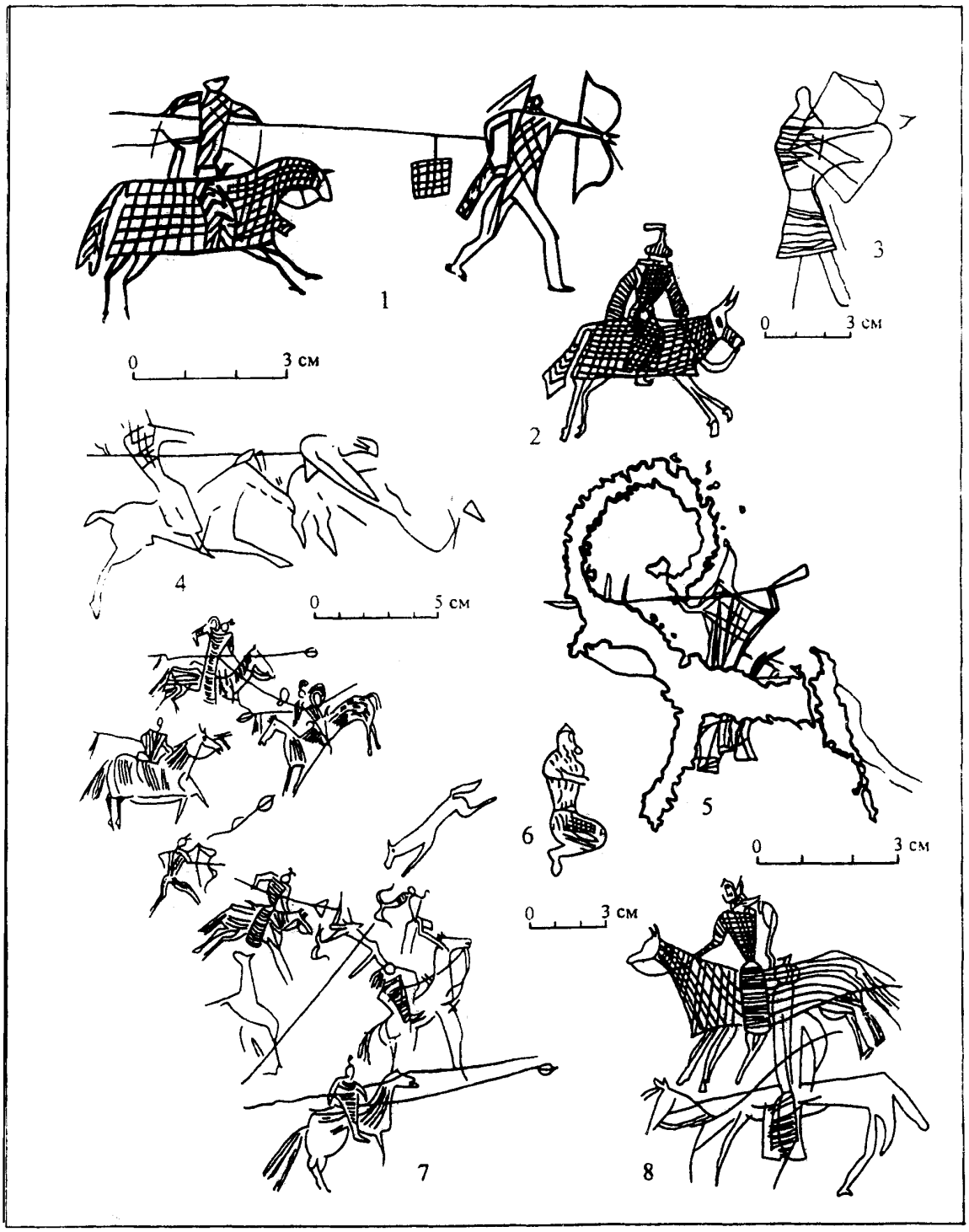
Петроглифы скифского времени. Российский и Монгольский Алтай

Рис.4



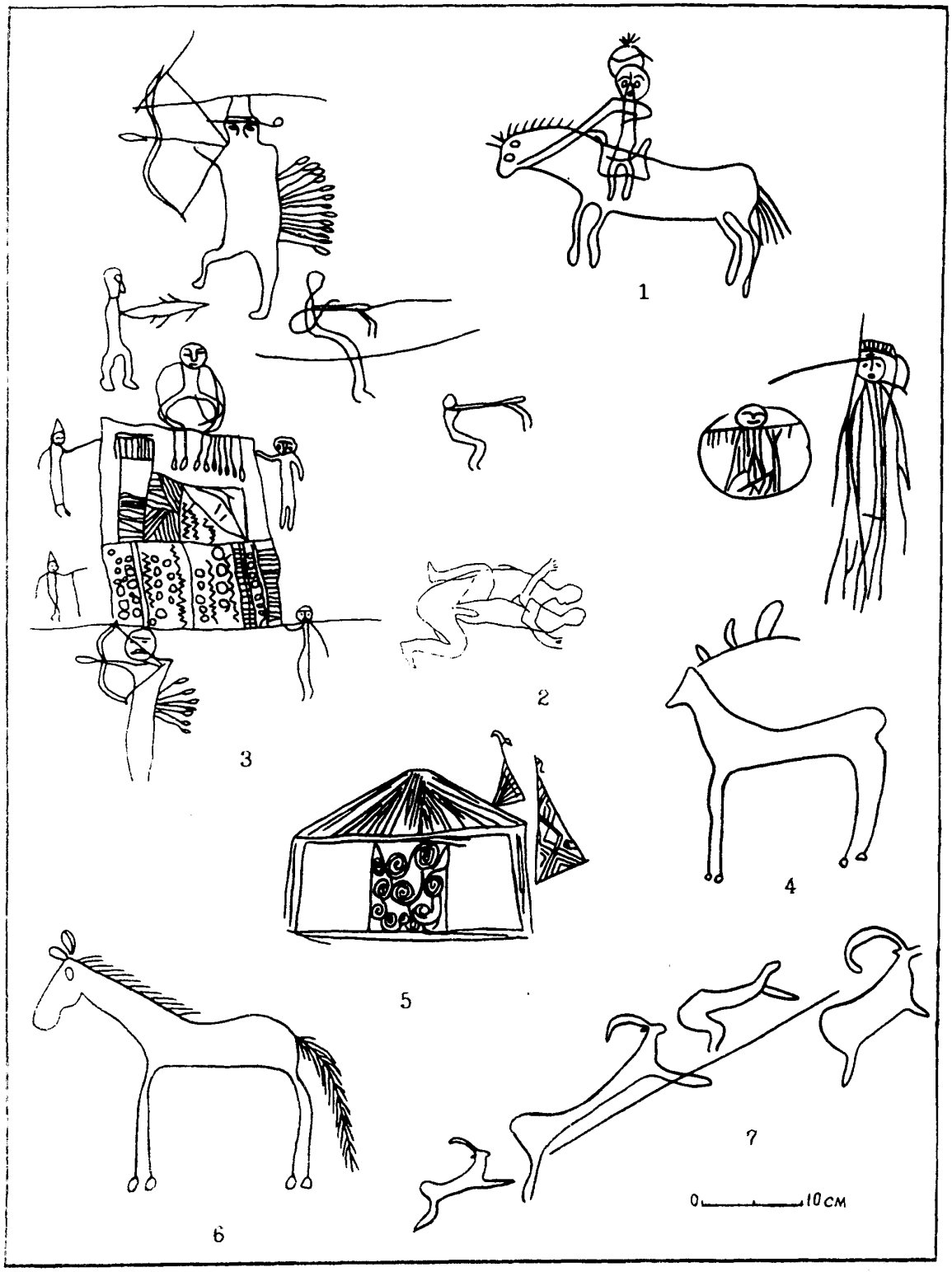
Парные изображения животных из петроглифов Монгольского Алтая.

Рис.5



Граффити древнетюркского периода. Российский Алтай.
1,2,5 - Жалгыз-Тобе; 3 - Бичикту-Бом; 4 - Юстыд, оградка; 6 - Кудыргэ; 7,8 - Кара-Оюк.

Рис.8



Граффити этнографического времени: 1,3–7 Каракол(Российский Алтай),2 Цагаан-Салла(Монгольский Алтай).

Рис.9

Маточкин Е.П., Ильин С.Б., Дьяченко А.И.
(г.Горно-Алтайск)

СЦЕНЫ ПЛОДОРОДИЯ НА СКАЛАХ АРГУТА

В 1997 году на Алтае мы изучали наскальные изображения, которые находятся в верхнем течении реки Аргут, напротив одноименного посёлка и недалеко от лодочной переправы Кеме-Кечу (1). Рисунки находятся на вертикальной грани огромного камня с размерами 2,5х6 м, который лежит примерно в 250 м от правого берега реки. Изобразительная плоскость камня обращена лицом на западо-западо-юг. Поверхность камня (известняк?) под лучами солнца приобрела загар коричневого цвета. Достаточно небольшого усилия, чтобы выявить основную белую фактуру камня. Действительно, выбивка здесь совсем не глубокая, точечными ударами, близко прилегающими друг к другу. Близким аналогом этих аргутских рисунков могут служить петроглифы Чёрной речки, находящиеся в нескольких десятках километров на северо-запад (2). Здесь тот же загар камня, та же техника выбивки и даже близкие изображения козлов с длинными рогами.

Всего на камне обнаружено несколько десятков выбитых фигур, однако здесь мы будем рассматривать только основную центральную композицию, в которую входят наиболее крупные и, по-видимому, наиболее древние изображения.

Основу этой композиции составляет рисунок двух горных козлов, расположенных один выше другого, с необычно большими полукруглыми рогами. Оба рога левого козла выбиты на одинаковом расстоянии друг от друга и образуют полукруг. Сплошная чёткая выбивка, начинающаяся у основания рогов, постепенно переходит в едва заметную, исчезающую точеченую выбивку к их концу. Завершаются рога небольшим кружком с точкой в центре. Диаметр кружка совпадает с расстоянием между рогами. Основание рогов левого козла и кружок с точкой находятся на одной горизонтальной линии.

Выбивка рогов правого козла также переходит из сплошной в прерывистую и тоже завершается кружком с точкой в центре. Однако в отличие от левого животного этой пары прерывистая часть его рогов короче. Под животом животного выбито пятно подпрямоугольной формы.

Интересной особенностью этого памятника является то, что линия, соединяющая основание рогов правого козла с центром кружка, наклонена под углом 30 градусов к горизонту. Если двигаться по этой линии взглядом, поднимаясь влево всё выше и выше, то неожиданно наш взгляд упрётся в необычный камень, стоящий на вершине горы и имеющий коническое отверстие в середине. В его отверстие с небольшой площадки виден крошечный кусочек неба. Разгадка смысла и назначения этого устройства требует тщательных астрономических измерений.

В верхней части рогов правого козла выбит рисунок лежащей на спине рожающей женщины. Её голова в отличие от всех животных обращена влево. Правая рука женщины, согнутая в локте, почти соприкасается с коленом, лежащим на верхнем роге. Выше роженицы отчётливо выбит рисунок существа, напоминающего человека с раскинутыми руками и ногами. Голова этого антропоморфного существа обращена направо, как у всех животных. Женщина держится за руку с этим существом. Ещё выше находится плохо сохранившийся рисунок крупного животного с рогом, от паха которого идёт выбивка в виде струи, заканчивающейся у другой руки находящегося под ним антропоморфа.

Поверх изображения левого козла позднее был выбит марал, у которго на рогах чётко видны пять ответвлений, и почти вплотную к его морде - безрогая маралуха. К морде маралухи сверху примыкают белые пятна выбивки. Снизу, между маралом и маралухой изображено что-то вроде оградок, в которых находится маленький телёночек. Между его ножек выбит V- образный знак. Подобный же знак выбит и около соединения рук роженицы и антропоморфного существа.

Кроме пары козлов и пары маралов, на камне выбиты и другие пары животных, но гораздо меньших размеров. Возможно, часть из них появилась в более позднее время. Наиболее архаично выглядят два небольших козла, выбитых в своде рогов большого правого козла. Для них характерна контурно-силуэтная выбивка с просветом в области шеи и живота. Голова верхнего животного из этой пары просматривается плохо, за исключением рога, который пересекает верхний рог большого козла над головой роженицы.

Над крупом левого козла с дугообразными рогами, располагаясь в левой части полусферы рогов, находится фигура, напоминащая человека верхом на животном с большими рогами. Это изображение находится под тем местом рогов, где выбивка становится прерывистой и почти незаметной.

Справа от центральной композиции, на плохо сохранившейся поверхности камня находится изображение быка-козерога. Прямо под ним находится изображение коровы, окружённой фигурой в форме квадрата. Позади коровы расположено маленькое изображение какого-то зверя без рогов. Аналогичное изображение, помещённое в квадратные рамки, находится выше головы быка-козерога.

Обращает на себя внимание, что у правого козла с дугообразными рогами, коровы и животного над антропоморфным существом имеют сколы поверхности камня в области живота.

Изображения центральной композиции связываются нами с культом плодородия. Об этом свидетельствуют и парность изображений животных, и изображения телят в «яслях», и фигура роженицы. Об этом говорят и символические знаки, разбросанные по всей поверхности камня - мужские и женские знаки - круга с точкой и V-

образные знаки, идущие со времён палеолита Франко-Кантабрийской области и встречающиеся в Монголии (Хойт- Цэнхерийн-агуй, Аршан-хад и Цагаан-айриг)(3).

Кроме того, идею плодородия могут подкрепить некоторые простые временные и астрономические соображения, основанные на характерных размерах рисунков.

Рассмотрим для этого изображение козла с дугообразными рогами. Известно, что по наростам не рогах козла определяют его возраст, поэтому естественно ожидать, что рога могли использоваться в рисунке в качестве измерителя времени. Голова роженицы расположена на верхнем роге правого козла и отделяет от непрерывной линии рога её 0,77 часть, считая от основания. Если предположить, что полный свод рогов символизирует полный солнечный год - 12,4 лунных месяцев, то голова роженицы отделяет ровно 9,5 лунных месяцев, то есть как раз средний срок вынашивания плода женщиной. Так, двигаясь по рогам, можно оценивать протекание времени беременности женщин.

Предположение об измерении года в лунных месяцах также совершенно естественно, ведь циклы луны являются самыми бросающимися в глаза явлениями на небе, которые не могли остаться незамеченными древним человеком. Художник мог передать процесс убывания луны посредством простого приёма - перехода рогов от непрерывной, яркой выбивки у основания рогов и их средней части ко всё менее яркой и почти исчезающей на концах вблизи кружков с точкой внутри. Если этот кружок символизирует Солнце, то пара рогов может означать две половины лунного месяца. Один рог - убывающая Луна, другой - возрастающая Луна. При этом исчезновение обоих рогов вблизи к кружку - Солнцу обозначает момент близости Луны к новолунью - моменту её временного исчезновению на небе до и после своего «новорождения». Действительно, кружок с точкой укладывается на линии, соединяющей его с основанием рогов левого козла, 15 раз. Поскольку видимые размеры Луны и Солнца приблизительно равны, это означает, что в пределах погрешности измерения и точности выбивки это значение близко к половине лунного месяца (14,77 суток). Так художник мог представить почти 15-дневное движение луны от полнолуния до новолуния и такое же - обратно.

Для антропоморфных фигур можно предложить следующую интерпретацию, правда лишённую строгих оснований. Божество плодородия в виде верхнего козла вдувает новую жизнь (символ струи) в новорождённый дух, выбитый в виде человекоподобного существа, который затем спускается в женское лоно. Возможно, что человек на животном - это шаман. «В древности шаманский бубен превращался, видимо, в дикого промыслового животного - лося, марала и т. п., «служившего» шаману в качестве средства передвижения» (4). Камлание шамана и его обращение к верховному духу изображено во время новолуния - соединения мужского и женского начала на небесах, Солнца и Луны - то есть в момент «небесного зачатия».

Пространственное расположение фигур позволяет высказать некоторые соображения по поводу восприятия времени в рисунке. Характерно, что движение всех животных направлено слева направо. Возможно, это движение символизирует течение времени в будущее. Все звери смотрят на юго-юго-восток, туда, где солнце поднимается к точке воей кульминации на юге, то есть в направлении рассвета жизни. Этот вектор направлен также против течения Аргута к истокам реки, где зарождается движение воды. Женщина даёт новую жизнь, то есть будущему в том же направлении (ребёнок выходит направо), а сама уходит влево, старясь, умирая и оставаясь в прошлом. Тогда понятно, почему антропоморфное существо изображено в обратном направлении: это ведь душа, готовящаяся к рождению. С этих позиций можно дать интерпретацию и направлению времени на рогах козлов. Верхний рог - убывающий полумесяц Луны - период её умирания справа налево. Нижний рог - возрастающий полумесяц Луны - период её роста слева направо.

По всей вероятности, фигуры маралов поверх первоначального рисунка козлов были выбиты в эпоху ранних кочевников. Им свойственна присущая скифскому искусству яркая декоративность. В таком случае более ранний слой рисунков можно отнести к эпохе бронзы. Подобным образом датированы петроглифы Чёрной речки, где также присутсвует феномен палимпсеста и где яснее проявились стилистические признаки скифского искусства.

Описанные нами рисунки со скал Аргута у Кеми-Кечу можно причислить к уникальным памятникам. Среди всех известных петроглифов Алтая они наиболее ярко и в то же время традиционно воплощают общечеловеческий культ плодородия, возникший во времена палеолита и связанный с изображением диких копытных и женщины-прародительницы. Уникальность рисунков ещё и в том, что в них сочетаются реализм и условная выразительность в виде символов и знаков, которые соединяют традиции наскальных изображений Запада и Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. - Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1992. - С. 56.
2. Маточкин Е.П. Петроглифы Чёрной речки // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М.: Институт археологии АН СССР. - 1990. - С.158-161.
3. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука, 1984. - С. 32-33.

4. Алексеев Н.А. Шаманизм тюрко-язычных народов Сибири - Новосибирск: Наука, 1984. - С. 220.

Рис.1 Композиция на камне в Кели - Кечу

Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н.
(г. Горно-Алтайск)

ПОЧИТАНИЕ ПРИРОДНЫХ ХРАНИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО СЕОКА-РОДА*

Одна из древних цивилизаций Евразии - древнетюркская определила своеобразие коммуникативной культуры многочисленных тюркоязычных народов.

Алтай считается центром этой цивилизации и прародиной древних тюрков. Современные этносоциальные и этнокультурные процессы алтайцев, являющихся титульным этносом Республики Алтай, выражаются в проявлениях древней взаимосвязи природы и общества.

У алтайцев до настоящего времени сохраняется представление о принадлежности каждого из них к определенному сеоку («сӧӧк», буквально «кость»). Термин «сеок» в отечественной науке соответствует понятию «род». По собранным нашим сведениям только у южных алтайцев насчитывается около тридцати сеоков. Наиболее многочисленными являются роды «кыпчак», «төлөс», «тодош», «майман», «иркит». Названия многих родов восходят к древности гуннский и древнетюркский периоды выступают древнейшей фазой этногенеза алтайского народа. Алтайский сеок представляет собой частицу древних народов - кыпчак, найман, теле, тардуш и др., вошедших как этнические компоненты при формировании других тюркских народов - хакасов, кыргызов, тувинцев и пр.

Каждый сеок состоит из подразделений, например, «майман» - «кара майман» и «көгөл майман». Несколько определенных сеоков составляют родственную группу, например, «кыпчак», «мундус» и «кергил». Принадлежащие к одному сеоку или родственным сеокам обычно говорят: «Бис карындаштар», что означает:

«Мы единоутробны, т.е. являемся братьями (или сестрами)». И сегодня строго соблюдаются брачные нормы. Известно, что родовая экзогамия на протяжении длительного отбора стала исторически обоснованным и необходимым условием генетического здоровья алтайского этноса.

Актуальным вопросом современности является экологический вопрос. Это не случайно. Согласно традиционному представлению о жизни - человек един с природой. Каждый сеок и родственная группа сеоков имеет родовых хранителей - родовая гора, родовое дерево, родовое животное. Их считают одухотворенными и называют «карындаш» (единоутробный). Обычно почитание родовых хранителей объясняли как «религиозный пережиток», вызванный боязнью перед силами природы. Лишь недавно, в связи с демократизацией нашего общества, стали усматривать в этом традиции экологического воспитания.

Каждый унаследовал от отца не только сеок, но и его природных хранителей. Придерживаясь норм авункулата, родовых хранителей материнского сеока следовало почитать больше. По выходе замуж женщина почитала природных хранителей сеока мужа. Она соблюдала больше запретов особенно в детородный период: на какие горы запрещено подниматься, какие ритуалы не совершать. Лишь старые женщины, становившиеся по возрасту «чистыми», могли наравне с мужчинами участвовать, например, в обряде «поклонения Алтаю».

Определенный сеок и вся его родственная группа сеоков почитали свою родовую тайгу, простиравшую в окрестностях родовой горы, родового озера. Например, у представителей сеока «тодош», а также «очы», «чапты», «чагандык», родовой горой считается Бабырган (около г. Горно-Алтайска), а у сеока «төлөс», а
также «алмат», «тас», «көбөк», выступает родовое озеро «Алтын кол» («Телецкое
озеро»). О родовых местах существуют различные легенды, свидетельствующие, что родовые места являются регионом происхождения того или иного сеока. Такое обоснование родины ведет к наделению антропоморфных черт образа «земли-матери». Каждый сеок воспевает свою землю, обращаясь к ней на «Вы».

Почитаемы родовые деревья - береза (кайын) у сеоков «майман», «кыпчак», «мундус», «кергил»; кедр (мош) у сеока «тоң жаан»; молодая лиственница (чет) у сеоков «тодош», «чапты», «байлагас»; можжевельник (арчын) у сеока «көбөк»; тальник (тал) у сеоков «сойон», «алмат»; иргай (ыргай) у сеока «иркит». Родовые деревья не сажают вблизи жилья, не срубают на дрова или для переправы. Общий запрет существует по отношению к можжевельнику - в период новолуния мужчина мог сорвать арчын и произнести благопожелание, привязав к веточкам белые ленточки - «кыйра». Дымящимся можжевельником проводили очищение жилья, человека, скота. Другой кустарник - ыргай считается братом для представителей из сеока «иркит», у которых нет родственных сеоков. В этом видно проявление антропоморфизации деревьев.

Из родовых птиц и животных широко встречаются орел (каршыт), беркут (муркут), заяц (койон), бык (бука), волк (бӧру), марал (сыгын), лошадь (ат). Охотники, особенно женщины, говоря о своих родовых животных, не называют его конкретным названием, а используют избегательные прозвища: лошадь - «јылкы» (мустанг), «эрјине» (сокровище), марал - «ан» (зверь), «сыбыскы» (издающий звуки), волк - «кок таай» (серый дядя по матери).

В обращении к родовым природным объектам используют общее слово «бай», в смысле «запретный, священный». Соблюдение культовых запретов считалось нравственной основной нормой, нарушение которой считалось неэтичным и толковалось как дурной знак к несчастью.

По итоговым материалам опроса можно сделать вывод о том, что значение слова «бай» эволюционировало в значение «воздержанный, осторожный, берегущий, скромный». Человека, прожившего жизнь и не нарушившего родовых норм общения по отношению к людям (старшим, родственникам, женщинам, детям) и окружающей природе (растениям, деревьям, птицам, животным), определяли высшим смыслом - «байланчак». Соблюдение «бай» приводило к тому, что к такому человеку относились как к почтенному, уважаемому, и сам он становился «бай», в смысле - богат опытом правильной жизни с точки зрения норм общения алтайского общества.

***Изучение вопроса проведено при финансовой поддержке Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации - Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук (грант № 23). «Антропоморфизация природы в алтайском этикете»).**

[1]ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробное описание и датировка мечетсайского и локтевского захоронений даны в выходящей из печати совместной статье А.П. Уманского и П.И. Шульги.

[2] Указание о центральном положении этой могилы (Шульга, 1997б, с. 145) ошибочно, однако необходимо учитывать независимость её ориентации от центральной и наличие под насыпью кургана № 5 только двух могил.

[3] Обнаруженные в Пазырыкских курганах роговые «барабаны» как музыкальные инструменты (Руденко, 1953, с. 52; Савинов, 1996, с. 110), по-видимому, не использовались. Находки на Юстыде и плато Укок (Кубарев, 1991, с. 68; Древние курганы Алтая, 1998, фото 87 на с. 56; Полосьмак, 1994а, с. 25; и др. см.: Черемисин, Запорожченко, 1996, с. 31) и исследования автора, обнаружившего в Сентелеке (Горный Алтай) их керамические имитации, позволяют видеть в «барабанах» пока лишь роговые сосуды (Шульга, 1997а, с. 74–75).

[4] Бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел, лежавшие рядом с зеркалом-погремушкой (рис. 2,1), во время погребения (конец VI — 1 пол. V вв. до н.э.) были явно архаичными и использовались в качестве культовых предметов или как часть головного убора, как это имело место в кургане Иссык (Акишев, 1978, с. 26, илл.31, табл. 7).

[5] Предположение о повседневной практике курения конопли (Руденко, 1953, с. 77, 334) не подтверждается материалами сотен позднее исследованных курганов. Правомерно полагать, что эти комплекты, использовавшиеся, по Геродоту, в ходе обряда очищения после похорон (Геродот, IV, 75; Руденко, 1953, с. 333–334), являются принадлежностью служителей культа (см.: Зуев, 1989, с. 134; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 87; и др.).

[6] Учитывая некоторые расхождения при датировании приуральских и алтайских материалов (последние, быть может, несколько удревняются, см.: Могильников, 1997, с. 89), а также существенное «омоложение» рядом исследователей Пазырыкской группы курганов до конца IV–III вв. до н.э. (Чугунов, 1993, с. 169; Членова, 1996, с. 314) и вероятность длительного использования рогозихинского и локтевского зеркал (последнее использовалось и после утраты ручки при помощи пробитого отверстия для подвешивания (рис. 4,3), автор считает возможным придерживаться устоявшихся датировок (Руденко, 1960, с. 336; Марсадолов, 1995; Он же, 1996, с. 51).

[7] Отметим, что такая позиция не всегда означает отрицание существования жриц и жречества вообще. Например, В.Ю. Зуев предполагает в женщине из Второго Пазырыкского кургана с зеркалом и каменным алтариком «жрицу Великой Богини» (Зуев, 1992, с. 132).

[8] Антропологический тип молодой женщины из Локтя-4, по определению С.С. Тур, европеоидный, среднеазиатского междуречья, характерен для саков Тянь-Шаня и Казахстана.

[9] Изучение формы зеркал-погремушек, технологии их изготовления, состава металла и изображений не позволяет принять мнение о создании этих зеркал в одной мастерской и одним мастером (Кузнецова, 1995, с. 126). Есть основание считать, что ранние импортные зеркала с циркульным орнаментом появляются уже во время бытования зеркал-погремушек в конце V в. до н.э. Это еще более расширяет круг производителей зеркал-погремушек, их упрощенных вариантов и подражаний.

[10] На рис. 4,4 представлена уточненная прорисовка рогозихинского зеркала, выполненная автором по оригиналу и качественным фотографиям. Подробное описание зеркал дано в упомянутой статье А.П. Уманского и автора.

[11] По мнению Т.М. Кузнецовой, этот путь отмечен распространением греческих зеркал-фиал, связанных с культом Аполлона и оседавших на «священных путях» (Кузнецова, 1991, с. 96–97).

[12] Предположение о существовании сакрального центра в Минусинской котловине могло бы объяснить появление здесь большого количества «случайных находок» бронзовых предметов раннескифской упряжи, зачастую имеющих аналогии только в Передней Азии и в других отдаленных областях (см.: Членова, 1967, с. 214 и др.). Отсутствие предметов упряжи в минусинских захоронениях раннескифского времени всегда вызывало недоумение. Отсюда и не получающее подтверждения предположение о происхождении «случайных находок» из легко разрушаемых погребений на поверхности почвы (Руденко, 1960, с. 313; и др.). По этому поводу М.К. Кадырбаев заметил, что мы не знаем каким путем и когда двукольчатые удила попали в Минусинскую котловину (Кадырбаев, 1968, с. 30). В связи с такой постановкой вопроса представляет интерес концентрация на Алтае трех из четырех известных зеркал-погремушек.